

Сюзанна Масси

«Доверяй, но проверяй!»

Уроки русского для Рейгана

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Trust but Verify / Доверяй, но проверяй

*American-Russian proverb / Русско-американская поговорка
времен окончания холодной войны*

Сюзанна Масси

«Доверяй, но проверяй!»

Уроки русского
для Рейгана:
Мои воспоминания

Москва
Издательство «Весь Мир»
2018

УДК 82-94 + 327
ББК 66.3(7Coe)6
М32

Книга переведена на русский язык и издана при поддержке
Межгосударственной Корпорации Развития (Россия)

Перевод на русский язык:
к.и.н. О.А. Зимарин, М.Ю. Булыгина (глава 12)

Научный редактор: В.А. Демьянович

Иллюстрации предоставлены автором

Все права охраняются. Никакая часть данного текста не может быть
воспроизведена никоим образом в печатном или электронном виде
без письменного разрешения издательства «Весь Мир»

Перевод осуществлен по изданию: *Suzanne Massie. Trust but Verify. Reagan, Russia
and me. A personal memoir. Rockland, ME: Maine Authors Publishing, 2014*

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0694-2

© Suzanne Massie, 2013
© Издательство «Весь Мир»,
пер. на рус. язык, 2017

*Мэри и Филу,
чья вера, поддержка и преданная дружба
придали мне смелости завершить эту книгу*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Моим русским читателям	7
Выражения признательности (в связи с русским изданием)	12
Выражения признательности (в американском издании)	15
Пролог	18
Глава 1. Долгий путь	26
Глава 2. Взгляд изнутри	44
Глава 3. Назад в СССР	64
Глава 4. Назад в США — на шаг ближе	87
Глава 5. Первая встреча с президентом 17 января 1984 года	101
Глава 6. Миссия в Москву, 1984 год	114
Глава 7. Ланч в Овальном кабинете 1 марта 1984 года	127
Глава 8. «Ахиллесова пята»	146
Глава 9. Москва приглашает — Вашингтон звонит	170
Глава 10. Женева: встреча Рейгана и Горбачева	189
Глава 11. Ланч в патио 6 июня 1986 года	208
Глава 12. Долгий ланч с президентом 23 сентября 1986 года	220
Глава 13. «Доверяй, но проверяй» — Рейкьявик	235
Глава 14. Нэнси	246
Глава 15. Горбачев приезжает в Вашингтон 7 декабря 1987 года	261
Глава 16. «Принцы» КГБ	273
Глава 17. Посольский переполох	292
Глава 18. Крокодилы в Вашингтоне	300
Глава 19. Госсекретарь Шульц	309
Глава 20. Рейган ошеломляет Москву	336
Глава 21. Празднование Тысячелетия христианства в России 4—16 июня и последний ланч с президентом 1 августа 1988 года	357
Глава 22. Несколько последних слов	370
Глава 23. Президент уходит	380
Эпилог	388
Избранная библиография	391
Примечания	396

МОИМ РУССКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

В марте 1967 года я впервые приехала в Россию и в тот город, который теперь считаю своим. Тогда он назывался Ленинград, и в нем все еще чувствовались последствия войны. Это был темный город со скудно освещенными улицами. Мимо немногочисленных иностранцев горожане старались прошмыгнуть неслышными тенями. Знаменитые в прошлом отели были поделены между зарубежными визитерами, которых у входных гостиничных дверей встречали вооруженные военные с каменными лицами. Ресторанов почти не было. Продуктов не хватало, и люди иногда часами отстоявали за ними длинные очереди, ставшие обыденным явлением города, а в речи ленинградцев слово «купить» давно заменило слово «достать». Иностранных консульств в Ленинграде не было, как и иностранных журналистов, а среди немногочисленных машин преобладали угрожающего вида сверкающие черные автомобили с затененными окнами. Отношения между Соединенными Штатами и страной, называвшейся Советским Союзом, являлись ледяными.

Как много изменилось с тех сумрачных дней! И это произошло меньше чем за пятьдесят лет — словно кто-то взмахнул волшебной палочкой — и вот город вновь стал Санкт-Петербургом. Исторические здания, выстроившиеся вдоль набережных Невы, вечерами великолепно подсвечены. На ярко освещенных улицах полно ночных клубов, уличных кафе и магазинов на любой кошелек. Приезжие легко найдут пристанище в одной из множества гостиниц, в том числе в элегантно обставленных, гламурных отелях с первоклассными ресторанами и сервисом мирового уровня. В городе можно найти ресторан с какой угодно национальной кухней, сделать покупки в одном из гигантских супермаркетов, предлагающих еду на любой вкус 24 часа в сутки. Можно хоть каждый вечер ходить в театры, в оперу, на балет, а путешествуя, воспользоваться скоростными поездами до Москвы и Хельсинки. Прилетающих самолетом встречает огромный впечатляющий аэропорт, похожий на гору из стекла. Улицы напоминают автомобильные реки, и по этим рекам проплывают

стаи туристических автобусов. И самое замечательное, что вновь с нами величественные отреставрированные церкви и соборы со сверкающими на солнце золотыми куполами, чьи колокольни с высоты своего величия вновь призывают к себе мелодичным колокольным звоном. Этот невероятный триумф — подтверждение жизнестойкости, отваги и упорства русского народа.

И вот, как это ни печально, мы снова оказались в опасной ситуации похолодания в политических отношениях между Америкой и Россией. Почему? Французы говорят, что «Париж — это еще не вся Франция». Еще в большей степени это относится к Вашингтону с его политическими сражениями, который уж точно не вся Америка, и существующее положение вещей определенно не соответствует чувствам и мнениям всего американского народа. Все как раз наоборот. В начале девяностых годов целая череда выставок русского искусства прошла во множестве штатов моей страны, и миллионы американцев самого разного возраста толпами устремлялись на них. Сейчас таких выставок меньше, но когда они проходят, реакция американцев остается такой же.

Утверждаю это, опираясь на собственный опыт. Моя книга «Земля Жар-птицы. Краса былой России», впервые опубликованная в 1980 году, остается востребованной в Америке уже 37 лет и постоянно допечатывается. Последнее издание стало двадцать четвертым по счету. Книгу прочитали сотни тысяч американцев. С момента опубликования книги меня приглашали читать лекции во многие штаты нашей страны, и я выступала перед самой разной аудиторией, в том числе перед студентами многих университетов и колледжей.

Во время лекций я множество раз имела возможность убедиться, что мои слушатели проявляют подлинную любознательность во всем, что касается вас, всегда стремятся побольше узнать о вашей стране, в том числе и те, кто знает и ценит ваших великих писателей, вашу музыку, композиторов и все, что сделала ваша культура для нас. Я никогда не сталкивалась — и не сталкиваюсь сейчас — с враждебностью американского народа в отношении русских, и никто здесь не хочет войны. В действительности очень многие выражают свои чувства, говоря «вы такие же, как мы», и выражают желание оставаться друзьями.

Возможно, один из ключей к разгадке нынешних трудностей в наших отношениях можно найти в прошлом, в событиях конца XVIII века, когда

отцы-основатели США решали, какую форму правления избрать для нашей новой маленькой республики. Они скрупулезно изучили все предшествующие формы правления в истории, прежде чем пришли к своему решению и в конечном счете решились на небывалый эксперимент: установили представительное правление народа; и для народа, такого прежде в истории никто не пробовал осуществить. Уже тогда Томас Джефферсон отметил, что риск состоит в том, что такое правление может оказаться уязвимым в силу присущей человеку способности делать ошибки и иметь слабости. В двухпартийных системах представительства, подобных нашей, возобладавшее политическое большинство, конечно, может, поддавшись искушению партийной победы, пренебрегать интересами меньшинства и даже игнорировать их. Именно это и происходит сейчас. Но наша представительная демократия с ее системой сдержек и противовесов устроена так, что когда в нашей истории (Гражданская война была исключением) такая ситуация складывалась, это всегда оживляло оппозицию и предоставляло ей способы, инструменты и свободы для выражения протеста и в конечном счете для восстановления необходимого баланса. Сегодня в Соединенных Штатах идет именно такой процесс, и я горячо надеюсь, что он завершится успехом и это произойдет довольно скоро.

Что касается меня, то доказательством того, что это может произойти, даже если дела в настоящий момент обстоят не самым благоприятным образом, и является предмет этой книги.

Дело было 30 лет назад, в конце 1983 года, когда мы достигли вершины взаимного непонимания и отношения между нашими народами почти прекратились, — на самом деле все было еще хуже, чем сейчас. Фактически в январе 1984 года у нас НЕ БЫЛО вообще никаких отношений, и это произошло впервые за предшествовавшие 14 лет. Мы балансировали на грани войны.

И в это опасное время два смелых лидера, один американец, Рональд Рейган и другой — русский Михаил Горбачев, в 1985 году впервые встретились в Женеве. Оба гордились достижениями своих стран и отстаивали интересы своих народов. Их разделяли не только география и океаны, но намного более масштабные различия в политических взглядах, разница в возрасте, в образовании и происхождении — словом, почти все. И тем не менее, несмотря на все эти препятствия, они сумели найти путь, позволивший преодолеть барьеры, путь, приведший к взаимному уважению

и доверию, и они смогли сделать серьезные шаги к миру и конструктивным отношениям между нашими двумя странами. Прискорбный факт, что американо-российские отношения снова столь остро нуждаются в улучшении, особенно сильно разочаровывает именно потому, что однажды два великих человека, наделенные даром предвидения, сумели достичь успеха в похожей ситуации, и мы все надеемся, что это произойдет опять. Раз когда-то вопреки всему такое уже состоялось, значит, есть надежда, что это удастся снова.

У вашей страны длинная история триумфов и испытаний, а ваша великая культура развивалась на протяжении более тысячи лет. Вы — народ, связанный многими общими традициями и Церковью, что вас объединяет. Америка же все еще молодая страна, чья история насчитывает лишь три сотни лет, и страна, которая еще живет в условиях великого эксперимента создания нации из множества иммигрантов с разной культурой, воспитанных в разных языковых средах, с разными взглядами, привычками, верованиями и религиями со всего света. И совсем неудивительно, что нам приходится всерьез бороться, чтобы соединить воедино все это многообразие. А еще нам повезло географически. Наша страна велика, а ее природа разнообразна. Она простерлась на весь континент, ограничена лишь двумя великими океанами и соседствует лишь с двумя дружественными странами. Мы — народ, который никогда не тревожился за сохранность границ своей страны, не испытывал страха перед разорением и грозным вражеским вторжением на наши земли. Наше восприятие России часто страдает отсутствием понимания, наши суждения нередко скоропалительны или оказываются под влиянием дурных советов, страдают недостатками, свойственными юности, но в нашем многообразии — наша сила. Я твердо верю в наш оптимизм, идеализм и юношескую убежденность, что всего можно добиться. По собственному опыту я знаю о здравом смысле и мирных устремлениях наших людей, верю в их энтузиазм, изобретательность, стремление учиться и открывать новые пути. Двигаться по пути к лучшим отношениям между нашими странами сегодня — это даже более насущная задача, чем 30 лет назад. Вы пережили трагедии, испытали великие страдания, свершили чудеса и обрели ценнейший дар мудрости, воздержанности и терпеливости. А мы еще учимся. Я надеюсь, что ваша терпеливость распространится сейчас и на нас. Любой путь вперед потребует от наших народов проявления их лучших качеств.

Что касается меня, то я провела 40 лет, изучая вашу культуру, историю и страну. За эти годы я познакомилась со многими из вас и многих считаю своими друзьями. Наблюдения за тем, с каким тактом и мужеством вы встречаете вызовы, как вы проявляете неиссякаемую щедрость, множество раз помогали мне встречать лицом к лицу свои собственные трудности и жизненные разочарования. Я провела вместе с вами некоторые из самых счастливых дней своей жизни, и это вселяло в меня надежду и вдохновляло на мою работу, давало мне энергию прилагать все силы, чтобы способствовать пониманию между двумя народами, которые я знаю и люблю и которые столько дали мне.

У нас много общих интересов. Я всегда была убеждена и остаюсь при этом убеждении до сих пор: несмотря на все наши различия — а возможно, как раз и в силу них, — мы должны многому учиться друг у друга, и многое мы можем дать друг другу, а вместе — всему миру. Мы, народы, все вместе не должны утрачивать надежды и обязаны продолжать трудиться над достижением этой цели — каждый из нас, и делать это так, как мы можем, своими собственными способами. И пусть Господь дарует нам мудрость, смирение и силу достичь этого.

Сюзанна Масси

Олений остров, штат Мэн

14 сентября 2017 года

ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ (в связи с русским изданием)

Своему появлению на русском языке эта книга обязана одной случайной встрече в совершенно неожиданном месте — в Латвии, в стране, куда я впервые попала в октябре 2016 года, когда участвовала в Балтийском форуме, проходившем в элегантном отеле на берегу Балтийского моря.

С небольшим опозданием я приехала на место проведения мероприятия, оказавшееся большим конференц-залом, где все участники уже заняли свои места за столами, поставленными в круг. За каждым из участников стоял национальный флаг его страны. Церемония открытия, как и всегда в таких случаях, проходила под яркие вспышки фотокамер прессы. В форуме принимали участие сорок пять мужчин и лишь три женщины — одной из них была я. В моем распоряжении было мало предварительной информации, и я плохо представляла себе, чего стоит ждать от этого форума. Впрочем, имена всех участников сопровождались указанием на их впечатляющие официальные должности. А я была независимым автором и никакой должности не занимала. И пока я внимала длинным и подробным формальным представлениям участников, меня охватило смущение. Когда очередь дошла до меня, я представилась очень кратко и совершенно неформально, готовая спрятаться под столом. Однако, к моему удивлению, кто-то вдруг крикнул «Браво!» — и мне зааплодировали.

Едва наступил перерыв на ланч и я направилась к обеденному залу, участники форума один за другим стали останавливать меня, желая поговорить со мной, в результате чего я добралась до места назначения, когда ланч уже закончился и в зале никого не осталось. Мне все-таки удалось найти что-то из оставшихся кушаний и в одиночестве приняться за еду. И тут в зале появился еще один опоздавший — элегантный русский джентльмен. Мы разговорились и с ним, но нашу беседу прервал звонок, возвещавший начало следующего заседания. Джентльмен дал мне свою

визитку, и я в спешке засунула ее в карман, совершенно забыв о ней и так и не удосужившись посмотреть, кем он был.

На прощальном ужине после завершения форума я снова увидела своего таинственного собеседника. Сразу после ужина он неожиданно подошел ко мне вместе со своим другом, членом латвийского парламента, и сказал, что он бы хотел, чтобы моя книга вышла в свет в России, и что он свяжется со мной на следующей неделе. Я полагала, что все это было сказано лишь из вежливости. Каково же было мое удивление, когда джентльмен оказался человеком слова и по возвращении в Америку я получила от него два письма по электронной почте, которые подтверждали заинтересованность в моей книге. А уже через несколько недель мне написал Олег Зимарин, генеральный директор издательства «Весь Мир» из Москвы, выразивший намерение издать мою книгу!

Этим таинственным джентльменом, с которым я обменялась лишь несколькими словами в Латвии и который так успешно действовал в России, оказался Иван Викторович Поляков — генеральный директор Межгосударственной Корпорации Развития.

И хотя сейчас мы знаем друг друга лучше, я все еще не очень ясно представляю себе, что собственно сподвигло его на разговор со мной в пустом обеденном зале латвийского отеля. С тех пор прошло 14 месяцев, и русское издание книги свершилось!

Иван Викторович, я нисколько не сомневаюсь в том, что без вас этого не произошло бы! Низкий поклон вам, мои сердечная признательность и благодарность за то, что вы предприняли и поддержали публикацию этой книги, за все то замечательное, что связано с великолепным моментом ее официального издания! Я вновь убедилась в том, что Россия всегда дарит замечательные сюрпризы, и могу только надеяться, что вам воздастся за это и сегодня, и в будущем.

И еще я хочу поблагодарить вас за то, что вы познакомили меня и тем самым подарили мне огромное удовольствие тесной совместной работы с Олегом Зимариным, генеральным директором издательства «Весь Мир», который стал мне дорогим и доверенным другом. Обладая огромным опытом и глубоким знанием английского языка и литературы, он оказал мне честь тем, что лично перевел эту книгу и контролировал все этапы и все детали ее производства. Я испытываю чувство искренней благодарности к нему за великолепную и самоотверженную работу.

Я сотрудничала со многими издательствами в Америке и за рубежом, но никогда еще эта работа не приносила мне такого удовольствия и удовлетворения, как это было при моем сотрудничестве с издательством «Весь Мир». Я не знаю лично всех сотрудников издательства, но благодарна всем тем невидимым для меня умелым рукам, которые помогли сделать эту книгу, за их прекрасную работу.

Моя особая благодарность талантливому и опытному редактору Валерии Демьянович и художнику Евгению Ильину. Я признательна также Марине Булыгиной, которая перевела двенадцатую главу книги.

Я, конечно, не могу забыть помощь и доброту Елены Ершовой, очаровательной и эффективной помощницы Ивана Викторовича Полякова, которая встречала меня в аэропорту и заботилась обо мне, сопровождала меня в поездках на интервью, следила за расписанием встреч и за тем, чтобы все прошло хорошо. Она стала для меня драгоценным и неоценимым другом.

Наконец, я хочу принести слова благодарности моему давнему и испытанному многими годами другу Ростиславу Ордовскому-Танаевскому Бланко. Этот наделенный множеством дарований и невероятно изобретательный деловой человек часто укреплял в трудные минуты мой дух и щедро поддерживал мою работу и мои книги — включая издание на русском языке моих предыдущих книг в те далекие годы, когда сделать это было очень непросто.

В завершение я благодарю всех друзей и мою семью в Америке, которые горячо поддерживали публикацию этой книги в России и радовались этому.

Моя признательность всем вам!

Сюзанна Масси
Октябрь 2017 года

ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ (в американском издании)

Девять лет назад, вскоре после смерти президента Рейгана, я начала работу над этой книгой, прерванную в декабре 2006 года, когда мой муж Сеймур Пейперт, профессор МПТ, математик, провидец и пионер в своей области технологии и образования, пострадал в дорожной катастрофе, произошедшей в Ханое, во Вьетнаме, сразу после того как выступил на Международной конференции по математическому образованию. Его сбил превысивший скорость мотоциклист, когда он пытался перейти улицу со смертельно опасным нерегулируемым движением. Он едва выжил, но получил тяжелую травму головного мозга, прервавшую его великолепную карьеру и сделавшую этого признанного гения и просветителя неспособным продолжить работу, которой он занимался всю свою жизнь. Дома его погрузили в кому, и это его спасло, но он стал почти инвалидом, нуждавшимся в постоянном уходе. Последующие три года я провела с ним в больницах, и когда наконец он смог вернуться домой, я оказалась перед лицом финансовой разрухи в нашем обществе, которое оказывает такую малую поддержку тем, кому нужен дома постоянный уход. Я выражаю глубокую благодарность всем тем, кто щедро помогал Фонду за выздоровление Сеймура Пейперта, что обеспечило мужу уход, в котором он нуждался и продолжает нуждаться. Без этой помощи и без этих бесценных друзей эта книга никогда не была бы написана.

Никаких слов благодарности в адрес тех, кто поддержал нас, не хватит, потому что только благодаря этой поддержке мы оба сумели выжить, и я в конце концов опять стала писать.

Слова моей благодарности я направляю и Джорджу Марковски, профессору и главе кафедры компьютерных наук в Университете Мэна, который всегда оставался преданным другом моего мужа и который на протяжении всех семи лет регулярно посещал его, воздавая должное за его уникальное лидерство и саму жизнь и обеспечивая связь с миром его работы.

Благодарю я и Рика Гринблата, бывшего коллегу Сеймура по работе в лаборатории искусственного интеллекта в MIT (основанной Сеймуром), который дважды в неделю на протяжении почти четырех лет работал с ним по скайпу. Благодарю я и Дэвида Ковало, и Криса Майерса.

Моя искренняя благодарность Президентской библиотеке имени Рональда Рейгана и ее всеобъемлющей музейной экспозиции, а также обширной исследовательской библиотеке, где я провела многие часы, готовя эту книгу и, в частности, я признательна архивистам библиотеки Шерри Флетчер, Кейт Сеуэлл, Рею Уилсону и Стиву Брэнчу, ответственному за аудиовизуальную коллекцию в архиве.

Моя искренняя признательность и сотрудникам моего офиса в Блу-Хилл, возглавляемых моей многолетней помощницей Кэролайн Уэйт, которая на протяжении всех этих долгих лет проявляла свой организационный талант, свое внимание к мелочам, свою креативность и выдержку во всех взлетах и падениях моего непростого существования и оказывала драгоценную помощь во многих моментах моей работы. Благодарю Гейл Кэмбридж, нашего бухгалтера, организатора и локомотива издательства «Харт Три Пресс», чья улыбчивость, юмор и разноцветные свитера приносили солнечный свет, как только она появлялась в дверях, и Николь Хэммет, благодаря невиданной энергии и обилию практических предложений которой наш дом содержался в чистоте, а наш сад всегда был в цвету.

В Вашингтоне я благодарю Мэрилин Суизи, мою подругу на протяжении тридцати пяти лет. Я признательна ей за ее религиозную веру, доброту, щедрое гостеприимство и за то, что она прочитала главу «Ахиллесова пята» и сообщила мне важные сведения о жизни Церкви. Также я выражаю признательность Рену Уирту, который в своих путешествиях по миру никогда не забывал посылать мне открытки и звонить по телефону. Джон Эвансу, бывшему послу США в Армении и одному из наших самых талантливых дипломатов, прочитавшему мою рукопись своим опытным взором, и нашему бывшему послу в Москве Джону Байерли, который нашел время на то, чтобы проверить мои транслитерации с русского. Однако все ошибки и опечатки в книге остаются на моей совести.

В штате Мэн я благодарю доктора Джона Брэдфорда и его жену Марджи, предлагавших мне теплоту своего дома в Бангоре, когда я слишком поздно возвращалась из больницы, а также моих соседей Даррелла и Жаннетт Грей в Блу-Хилл, которые возили меня из больницы домой посреди ночи, и Батчу и Пэтти с Оленьего острова, выкапывавших меня

из-под снега и менявших спущенные колеса моей машины, а также благодарю за щедрую помощь Роджера и Мариссу Олсен. Моя особая благодарность за поддержку священнику о. Джону Павелчаку, чьи молитвы и забота о моем благополучии постоянно демонстрировали мне пример христианского сочувствия и веры. Моя искренняя благодарность Тому Тутиллу, Биллу и Ли Тутилл за внимательное чтение моей рукописи и полезные советы. Для меня было большим удовольствием работать вместе с издательством *Maine Authors Publishing* — с Дейн Каркер, Дженни Дэйли и Черил МакКири. И еще спасибо большое за помощь Джои Гарднер из фирмы *Northest Historic Films* и Дженни Смик, сверставших мою завершенную рукопись.

Из России меня вдохновляли на мою работу Ростислав Ордовский-Танаевский Бланко, Татьяна Стукалова, Леонид и Ольга Гарбер.

* * *

Я должна отдать должное и поблагодарить двух одаренных художников, воплощению того, что мы называем «лучшие друзья», деливших со мной застольем, своим чувством прекрасного и своей повседневной жизнью: Мэри Ширмер, которая на протяжении последних четырех лет не раз вытягивала меня из самых мрачных душевных состояний и которая всегда дарила мне любовь, уют и надежду, и ее мужа, Фила Ширмер, мастера письма темперой, который всегда был щедр в поисках свободного времени при своей напряженной карьере, чтобы уделить внимание дизайну обложки и всей книги.

Мой любимый муж Сеймур всегда поощрял и вдохновлял меня на эту работу в своей особой манере. Бесконечные слова благодарности моим детям — они все трое талантливые писатели. Они помогали мне, несмотря на то что живут далеко — в Нью-Йорке и в Лондоне, и отягощены невероятным количеством работы и ответственности. Дочь Элизабет прочитала несколько вариантов моей рукописи, сделала по ней бесценные профессиональные замечания и подсказала мне интересные мысли; дочь Сусанна из своего Кентукки всегда поощряла своей верой в меня. Сын Боб в Бостоне постоянно подавал мне пример своей смелостью, своей подлинной интеллигентностью и своими предложениями, которые развивали мой ум. Мои внучата всегда наполняли меня чувством гордости за их успехи и вселяющую надежду юность.

Теперь, когда книга завершена, я посвящаю ее всем вам.

ПРОЛОГ

*Жизнь — это то, что происходит
помимо твоих собственных планов.*

Сегодня, где бы я ни появилась и с кем бы ни встречалась, мне приходится отвечать на два вопроса. Первый: как возник мой интерес к России, за которым сразу же следует второй: как я встретилась с президентом Рейганом.

В обоих случаях мне приходится рассказывать странные и невероятные истории.

Ничто в моем происхождении не указывало на то, что в будущем меня ждут интерес к России и тесные связи с этой страной. Впрочем, люди, с которыми я встречалась, настаивали, что в истории моей семьи обязательно должен быть кто-то из русских, но не в моем случае. Я родилась в Нью-Йорке. Это делает меня американкой, хотя мои отец и мать были гражданами Швейцарии и все мои родственники швейцарцы. В момент моего рождения отец работал в швейцарском ведомстве по иностранным делам в нью-йоркском консульстве, а позже стал генеральным консулом Швейцарии и дуайеном дипломатического корпуса в Филадельфии. Таким образом, хотя у меня двойное гражданство, по крови я стопроцентная швейцарка. Моя девичья фамилия Рорбах, мои родители родом из маленького горного городка Гутгисберг в кантоне Берн, и длинный ряд моих предков начиная с XIII века состоит из альпийских жителей, считавшихся одними из лучших солдат Европы. Бернцы славятся своей памятьливостью, упрямством, храбростью и, кроме всего прочего, настойчивостью; и все эти качества необходимы для того, чтобы покорять заснеженные горные вершины, встающие перед ними и как вдохновляющий символ, и как цель для достижения.

У меня всегда было живое воображение. Будучи ребенком, я сочиняла сказки, в которых слезы принцессы превращались в алмазы, и мечтала о жизни, полной приключений. Но ничто не готовило меня к тому пути, на котором я оказалась. Хотя... было кое-что, произошедшее еще до того, как я появилась на свет, и что имело последствия для моего будущего.

Когда моя мать была подростком, выросшим в швейцарском городке Ла-Шо-де-Фон, который знаменит своими часовых дел мастерами, она

с удовольствием отправилась в Россию, чтобы провести лето в Москве в семье, дружившей с моим дедушкой. Это был 1914 год и не самое благополучное лето, потому что 2 августа Германия объявила войну и началась Первая мировая война, не позволившая моей матери вернуться домой. Три месяца обернулись пятью годами, и все закончилось тем, что в 1919 году она сумела сбежать от Русской революции вместе с семьей, пригласившей ее погостить в Москве. Если не считать этого наполненного тревогой опыта, моя мать всегда сохраняла теплые воспоминания о днях, проведенных в великой и таинственной земле, которую она называла «страна моего сердца». В результате мои первые книги сказок были русскими, а моя мать рассказывала мне собственные истории и передала свою любовь к балету, балеринам и танцовщикам, которые с тех пор стали одними из самых больших радостей моей жизни.

Помимо этого неожиданного события, ничто больше не указывало на тот путь, которым пошла моя карьера. Я выросла двуязычной. Дома мы говорили по-французски, и я знакомилась с людьми, приезжавшими из самых разных стран. Во время отпусков отца я ездила вместе с семьей в Швейцарию, где с восторгом лазала по горам и каталась на велосипеде вместе с многочисленными кузинами. В Филадельфии я пошла в Школу друзей Джермантауна (*Germantown Friends School*), а потом в Вассар-колледж*, где изучала английскую историю, французскую и английскую литературу и провела год, стажирясь в Сорбонне и Школе политических наук в Париже. После колледжа я устроилась на работу в «Тайм инкорпорейтед» в Нью-Йорке и в 1954 году вышла замуж за Роберта Масси, с которым я встретилась в Париже (в то время он учился в аспирантуре Оксфордского университета как стипендиат имени Сесилия Родса). Я начала жизнь домохозяйки в пригороде Нью-Йорка. Вернуться в Париж было моим идефикс.

* Вассар-колледж (англ. *Vassar college*) — одно из семи старейших и наиболее престижных женских высших учебных заведений на Восточном побережье США, входящих в ассоциацию «Семь сестер» (*Seven Sisters*). В то время Йельский и Гарвардский университеты девушек не принимали. В настоящее время Вассар уже не является исключительно женским университетом. (Здесь и далее авторские примечания пронумерованы по главам арабскими цифрами и размещены в конце книги. Примечания переводчика и редактора русского издания отмечены звездочкой (*) и помещены постранично.)

Затем последовал страшный удар. В 1956 год наш первый ребенок, мальчик, неожиданно родился с врожденной болезнью — гемофилией¹, точно такой же болезнью, что и у Алексея, наследника трона и единственного сына последнего русского царя Николая II. В нашей большой семье прежде не было ни одного случая такого заболевания. Когда произошла эта катастрофа, я впала в отчаяние, уверенная в том, что и моей жизни, и надеждам юности пришел конец. Как я была не права! Сама судьба создала связь с историей России, вмешавшуюся в течение моей жизни.

В силу непреодолимых потребностей, обусловленных состоянием моего сына, мне пришлось полностью пересмотреть отношение к самой себе. Моя жизнь, как и жизни очень многих других женщин, оказалась совершенно подчиненной заботам моей семьи. Мне пришлось полностью оставить все помыслы о карьере. Вместо этого я провела много лет, сражаясь с больницами, приступами, переливаниями крови и болью. Из-за всех этих обстоятельств я не могла следовать по обычному пути изучения страны, которой однажды суждено было стать мне так же хорошо знакомой, как моя собственная. Это был извилистый путь со многими отступлениями, которые в конце концов вывели меня на дорогу знания. И все-таки, следуя этим необычным и продуваемым всеми ветрами путем, я пришла к тому, что обрела собственное знание России и понимание русских людей, которым в напряженные годы холодной войны обладали лишь немногие.

Первый шаг был сделан, когда Бобби исполнилось два года. После того как он перенес особенно тяжелый в медицинском отношении приступ, и чтобы самой остаться в здравом уме, я записалась на курсы русского языка для взрослых в местной школе. Почему на курсы именно русского? Не знаю. Может, просто потому, что они существовали и обучение стоило дешево, только восемь долларов за семестр, которые при всей скудости наших семейных финансов мы могли себе позволить. Преподаватель, лишь взглянув на меня, сказала: «Сюзанна, у вас русская душа». Благодаря учительнице я познакомилась с ее семьей и со всей деревней русских эмигрантов в городке Найэк за рекой Гудзон напротив Ирвингтона, где они жили. В те действительно болезненные для меня годы и критические времена они помогали мне, поддерживали, молились за нас и пробуждали во мне такую благодарность, которую я никогда не забуду.

Всех, кого мы встречали в те дни, интересовало, что такое гемофилия, поэтому однажды в 1964 году, когда мой муж был в сомнениях относительно продолжения своей писательской карьеры в журнале, я предложила ему написать книгу о жизни последнего царя и его жены и о том, как безнадежная борьба с болезнью их сына стала одним из факторов, приведших к Русской революции. Почти сразу он воскликнул: «Запиши это!» Я записала. Тогда у нас было совсем мало знаний, и на самом деле мы почти не интересовались Россией, больше не существовавшей. Был только Советский Союз. Враг. И только один издатель неохотно согласился с нашей идеей и предложил моему мужу аванс в две с половиной тысячи долларов.

Чтобы как-то поддержать семью, мне пришлось оставить идею писать самой, и я сумела получить работу редактора в «Тайм/Лайф букс» (в то время писателями могли быть только мужчины, а женщины всегда работали редакторами) для книжной серии с названием «Возвышение России». Я была счастлива, что получила контракт на год, чтобы работать с научным консультантом книги — одним из ведущих профессоров русской истории в Колумбийском университете. Так начались четыре года, которые потребовали от нас с мужем полной концентрации и напряженной работы над книгой, названной позднее «Николай и Александра», в результате чего мы впервые побывали в России. Каждый день я ездила в Нью-Йорк, и каждую ночь, после того как дети засыпали, я читала и редактировала страницы, написанные моим мужем.

Итак, как же случилось, что я встретила с президентом Рейганом? Вопреки живучему американскому мифу о том, что в нашем демократическом обществе обычный гражданин может поговорить с самым могущественным человеком в стране и быть выслушанным, простых американцев с улицы обычно не пускают в Белый дом, для того чтобы они могли потолковать с президентами о вопросах национальной безопасности. Невероятным образом со мной произошло именно это, словно я попала в один из фильмов Фрэнка Капры*. Поскольку о моих встречах с президентом Рейганом уже упоминалось в нескольких книгах и периодической

* Фрэнк Капра (*Franc Capra*) (1897–1991) — знаменитый голливудский режиссер, снявший фильм «Мистер Смит едет в Вашингтон» (1939), в котором герой-идеалист из провинции попадает в столицу и становится сенатором.

печати, но чаще всего отрывочно, а иногда совершенно неверно, я в конце концов решила рассказать, как это было на самом деле.

Мой рассказ очень личный и ни в коей мере не является оценкой всей работы администрации Рейгана. Я была и остаюсь частным лицом, писательницей. В политическом отношении я считаю себя вполне независимой, кем-то вроде консервативной сторонницы Демократической партии, но никогда, ни в прошлом, ни теперь я не разделяла крайних мнений ни правых, ни левых о президенте Рейгане — ни тех из моих либеральных друзей, кто пускается в рассуждения о его негативном наследии в области внутренней политики, ни тех из нынешних консерваторов, кто перед ней преклоняется. Если я и считаю себя вправе говорить о Рейгане, то только о том, которого я знала, — о миротворце.

Когда в начале января 1984 года я впервые встретила с президентом Рейганом, то даже не знала, что это было критическое время, которое один из историков считает самым опасным периодом в американо-советских отношениях и во всей холодной войне. В последние годы президентства Картера в отношениях между США и СССР резко возросла напряженность. Советский Союз в 1979 году вторгся в Афганистан, что привело к прекращению культурного обмена между США и СССР и к американскому бойкоту Олимпийских игр в Москве в 1980 году. К 1982-му, после того как в должность вступил президент Рейган — ярый антикоммунист, окруженный сторонниками жесткого курса, — эти отношения достигли беспрецедентного уровня враждебности. В Америке шло массированное наращивание вооружений, а после того как в сентябре 1983 года Советы сбили корейский авиалайнер с американцами на борту, злобная риторика с обеих сторон достигла наивысшего накала. Рейган назвал Советский Союз «империей зла», объявил о противоречивой инициативе «Звездные войны», и Соединенные Штаты приступили к размещению ракет «Першинг» в Европе, что было воспринято Советским Союзом как прямая угроза. В результате в декабре 1983 года Советы впервые за 14 лет прервали все переговоры по вопросам вооружений.

К тому времени, когда я встретила с президентом Рейганом, я была автором, написавшим несколько книг по русской истории, и была сотрудницей Центра российских исследований Гарвардского университета. Но моя жизнь и мой подход были неординарными. Я не была обычным преподавателем со степенью, и моя точка зрения была далека от взгля-

дов истеблишмента того времени. Это явилось результатом всего того, что произошло со мной в течение нескольких лет в напряженный период холодной войны, когда между американцами и простыми русскими почти не было контактов. Я часто ездила в Советский Союз, и мне здорово повезло, что я смогла познакомиться с самыми разными русскими людьми в их собственной среде, жить в таких же условиях, как и они, больше узнать об их проблемах. Я была глубоко тронута ими и тем, что пережила. Я из первых рук узнала, как советская пропаганда и наша собственная изоляция от этого многострадального народа не позволяли нам увидеть суровые реальности его жизни. Фактически не будет большим преувеличением сказать, что мы в Соединенных Штатах были в большей степени жертвами советской пропаганды, чем сами русские.

Что сподвигло меня на попытку добраться до президента Рейгана, так это одна случайная и драматическая встреча осенью 1983 года в Москве с советским чиновником высокого ранга. После нее я стала испытывать все большее беспокойство, даже страх, в отношении ядовитого состояния отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом. С этим что-то надо было делать, и я верила, что могу внести свой вклад. Мой мотив был очень простым: я не хотела, чтобы мы вдребезги разбомбили друг друга в результате отсутствия базового взаимопонимания между нашими странами. Я направилась в Вашингтон по собственной инициативе и за свой счет, как обычный гражданин, и в течение всех четырех лет мне никто ничего не платил. Мне даже не приходило в голову просить кого-либо о чем-нибудь, даже о том, чтобы покрыть расходы на челночные полеты в Вашингтон. Я полагала, что по мере сил служу своей стране. Отец учил меня верить в то, что каждый гражданин обязан действовать и несет за это ответственность. Итак, я принялась действовать.

Эта книга не только о моих встречах с президентом и о тех событиях, которые за ними следовали, но это и история о том, что со мной произошло в те удивительные годы моей жизни; книга о тех американцах и русских, кто помогал мне; о целой череде, казалось, не связанных друг с другом событий, которые в конечном счете привели меня — человека, далекого от политики, — в Белый дом, к самому могущественному человеку свободного мира.

В Вашингтоне мне пришлось столкнуться с внешнеполитическим истеблишментом, в котором доминировали сторонники жесткого курса

и кремленологи, десятилетиями считавшие Советский Союз своим непримиримым противником, а также с теми, кто строил политическую карьеру на растущей напряженности. Мой интерес к русской культуре, искусству и религии русского народа, мои познания сделали мое мнение не просто необычным, но действительно уникальным в среде внешнеполитического истеблишмента, чьи взгляды часто были диаметрально противоположны моим. Я находила, что общепринятые ортодоксальные взгляды на Советский Союз/Россию являются весьма ограниченными, а во многих случаях просто неверными. Моя позиция всегда сильно отличалась и была непопулярна в официальных кругах обеих стран: я была *против* советского режима, но *за* русский народ.

Из своего собственного опыта я вынесла, насколько русские ненавидят, когда ставят знак равенства между ними и режимом, который им насильственно навязали. Российские граждане постоянно именовали собственных правителей *они*, а самих себя — *мы*. Они страдали, видя, как вульгаризируют их древнюю культуру, фальсифицируют их историю, разрушают их религию, а язык обесценивают коммунистическим двоемыслием. Обычная западная манера использовать слова *советский* и *русский* как взаимозаменяемые — это почти то же самое, что смешивать всех немцев и нацистов. И правда это поражает, поскольку в своих школах русские учителя очень аккуратно различают понятия немецкий народ и фашисты.

За те четыре года (1984–1988), что я служила президенту Рейгану, мне пришлось совершить четыре поездки в Советский Союз, передавая секретные дипломатические послания и работая над тем, чтобы убедить первых лиц в этой стране, что наше правительство желает мира, а не войны. В Соединенных Штатах я провела много часов с президентом, делясь с ним своими соображениями о русском народе, включая роль религии в народной жизни, и это тот факт, на который совершенно не обращали внимания в правительстве США и наших средствах массовой информации. Это помогло президенту, глубоко верующему человеку, обратиться к миллионам советских граждан помимо непрошибаемого коммунистического руководства. Я давала свои предложения, чтобы помочь ему при подготовке изменивших мир встреч с Генеральным секретарем Михаилом Горбачевым, и знакомила с моим видением значения и воздействия *гласности* на простых русских людей. И научила

его русской поговорке «Доверяй, но проверяй», которую он воспринял и с таким огромным эффектом и громогласно использовал во время многих встреч с Горбачевым. Однако моим самым значительным вкладом было то, что я предложила ему более глубокое, человеческое понимание русских людей, позволившее ему не видеть в них лишь безликих коммунистов. Мне предоставилась исключительная возможность поделиться своей любовью и с Америкой, и с Россией и приложить усилия к тому, чтобы улучшить взаимоотношения двух стран на обычном человеческом уровне. Этим я горжусь, и за это я благодарна судьбе.

Соединенные Штаты — это страна инициаторов и бунтарей, знаменитая тем, что здесь находят, признают и ценят непривычные способы обретения знаний. Наш великий президент Линкольн и многие из наших замечательных президентов известны своей находчивостью и смелостью в применении необычных подходов, которые часто входили в противоречие с общепринятым мышлением своего времени. Увы, с течением времени наше правительство слишком увлеклось преклонением перед бюрократическими титулами и академическими мозговыми центрами. То что президент Рейган оказался настолько необыкновенным человеком, чтобы прислушаться к идеям обыкновенной женщины, избрать меня, совершенно неизвестного человека, никогда не работавшего на правительство, своим неофициальным советником, соответствовало самым лучшим традициям американского независимого мышления. За четыре года его второго президентства произошли драматические перемены в подходе Рональда Рейгана к стране, которую он однажды назвал «империей зла», и когда он покинул свой пост в 1988 году, отношения между Советским Союзом/Россией и Соединенными Штатами были лучше, чем когда-либо со времени начала холодной войны, или, если брать только этот период, чем когда-либо раньше.

ГЛАВА 1

ДОЛГИЙ ПУТЬ

*Господь пишет прямо по корявым строчкам.
Португальская поговорка*

Однажды в Вашингтоне холодным январским днем 1984 года советник президента Рейгана по вопросам национальной безопасности Бад Макфарлейн* вел меня вверх по лестнице из цокольного этажа Западного крыла Белого дома, где находился его офис, в Овальный кабинет, расположенный на первом этаже. Все, кого мы встречали по дороге, приветливо ему улыбались и здоровались. Это была недолгая прогулка по узкому коридору к Овальному кабинету, но, даже находясь в полупарализованном от волнения состоянии, я смогла заметить замечательные акварели Джорджа Кэтлина**, висевшие на его стенах. Благоговейная тишина окутывала все, что окружало президента: это была осязаемая атмосфера власти, подобная той, что наполняет приемную императора. Перед плотно закрытыми белыми дверями, ведущими в святилище, люди из секретной службы с неизменными наушниками что-то шептали в свои микрофоны. Фотограф пребывал в готовности. Затем внушительные белые двери стали медленно отворяться. Мне предстояло встретиться с самым могущественным человеком на Земле, знаменитым «ястребом», чтобы поговорить с ним о стране, с которой мне довелось близко познакомиться и которую я полюбила. Как об этом правильно рассказать? Кажется, мой язык меня не слушается. Почти бесшумно, но эффектно сработала вспышка фотоаппарата.

* *Carl Robert 'Bud' McFarlane* (р. 1937) — советник по национальной безопасности (1983—1987) президента Р. Рейгана.

** *George Catlin* (1796—1872) — американский художник, прославившийся своими портретами коренных жителей Северной Америки.

* * *

Прежде чем состоялась моя первая встреча с Рональдом Рейганом, прошло очень много времени. Встреча стала итогом совершенно неспланированного пути, на котором произошла целая серия событий, абсолютно не предусматривавших того, что в конце концов они приведут меня в Овальный кабинет. И это стало кульминацией всего путешествия, начавшегося семнадцатью годами ранее, в марте 1967 года, когда я впервые приехала в Россию.

Позвольте мне в нескольких следующих главах обрисовать, почему все-таки это была Россия и каким образом вообще могла состояться та невероятная встреча.

Весной лед на Неве в Санкт-Петербурге ломается с грохотом пушечной пальбы, разносимой по всему городу, а к самой реке возвращается полноценная жизнь. Огромные серо-голубые льдины, подталкиваемые быстрым течением освобожденной реки, устремляются в Балтийское море. В жизни каждого человека бывают моменты, когда кажется, что все произошедшее с ним прежде вело к одному-единственному пробуждению. Весной 1967 года именно это произошло со мной во время моей первой поездки в Ленинград и стало началом путешествия, полного личных открытий и изменившего мою жизнь. Та первая встреча со страной, которой мне предстояло со всей страстностью посвятить свою жизнь, до сих пор в деталях запечатлена в моей памяти, будто произошла вчера.

Мы с мужем решили, что раз уж то, что мы между собой называли просто книга («Николай и Александра»), почти завершено, нам необходимо самим увидеть город, являвшийся местом действия событий, которые так живо занимали наши умы на протяжении четырех лет. Чтобы оплатить эту поездку, мы позаимствовали деньги из собственной страховки. Мы долетели до Хельсинки, где сделали пересадку, чтобы добраться до Ленинграда. Аэропорт в Хельсинки по тому времени был скромным и небольшим: никаких сверкающих хромом залов или модных магазинов. Смеркалось. На другом конце летного поля стоял в ожидании пассажиров одинокий самолет с угрожающими кроваво-красными буквами «СССР». Путь до него казался неблизким. На верхней ступеньке лестницы стояла неряшливо одетая стюардесса, которая неприветливо взглянула на нас и проводила в старый самолет. Кресла были изношенными и грязными. Там стоял странный запах: смесь дезинфекции и чего-то

вроде сладких апельсиновых конфет, всепроникающий аромат, который я вдыхала снова и снова в отелях и ресторанах в Советском Союзе. В самолете мы оказались единственными пассажирами, если не считать британского торгового агента, намеревавшегося продавать обувь.

Меня переполняли опасения в отношении поездки в Советский Союз. Я помнила о Сталине и кровавых расправах и ужасах, о которых читала, и истории, поведенные мне матерью, о том, какой была Россия перед Революцией. Уцелело ли что-нибудь от той России? Что я встречу сейчас? Но во время полета, когда я смотрела вниз на обширные темные леса под нами, я почувствовала странное волнующее чувство узнавания. После приземления, выйдя наружу, я вдохнула воздух, пахнувший свежим снегом, и тут у меня появилось могучее ощущение, что я добиралась до этой страны очень долго. А когда я оказалась перед таможенным инспектором с золотыми зубами и в меховой шапке и старым носильщиком в стоптанных сапогах, мне показалось, что все это я раньше уже видела.

Облезлый Ленинградский аэропорт оказался немногим лучше лачуги*. «Есть ли у вас порнография или Библия?» — хрипло спросил меня единственный таможенник.

Нас ожидал молодой человек из Интуриста. У нас не было никаких представлений о том, чего нам ожидать. Кроме всего прочего шла холодная война. Но когда мы вместе с интуристовцем удобно разместились в машине, водитель которой не говорил по-английски, наш гид нетерпеливо спросил: «Вы знаете Сэлинджера?»

Я могла ожидать чего угодно, только не такого первого вопроса. На мгновение я подумала, что он имеет в виду хорошо известного журналиста Пьера Сэлинджера, но нет, это был писатель Джей Ди, или Джером Дэвид Сэлинджер. Мы ничем не могли помочь нашему гиду. Он знал намного больше нашего о Сэлинджере и его работах и гордо сообщил, что пишет диссертацию об этом знаменитом авторе. Это было совсем не то, к чему меня дома готовили перед поездкой в Советский Союз.

На темных улицах, по которым мы ехали, почти не было уличных фонарей, но иногда мне удавалось заметить длинные очереди из одетых в тяжелые пальто людей. Нас разместили в гостинице «Астория».

* Основным аэропортом Ленинграда в 1960-е годы был аэродром «Шоссейная», после введения в строй нового здания в 1973 г. он получил название Пулково.

«Асторию» открыли в 1912 году, когда Санкт-Петербург был гордой столицей космополитичной имперской России, и тогда она являлась самым современным и элегантным отелем города, с большой библиотекой, состоящей из английских книг, и с картой лондонского метро на стене огромного фойе. В тот год император Николай II и его любимая жена императрица Александра Федоровна, четыре их дочери и юный сын Алексей находились на пике популярности, а страна готовилась к празднованию трехсотлетия династии Романовых в 1913 году. Россия процветала и быстро индустриализировалась. Целый номер журнала «Нэшнл джиографик» в тот год был посвящен ей: «Россия: страна неограниченных перспектив».

Затем в 1914 году началась Первая мировая война, за которой последовали революция в России, хаос и беспощадная Гражданская война. Царь и вся его семья были жестоко убиты в далеком уральском городе в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, и это стало кровавым пятном, расплзшимся по всей стране. Санкт-Петербург был превращен в провинциальный город и переименован в Ленинград. Сталин, который всегда видел в этом городе потенциальную угрозу, в тридцатые годы именно здесь начал свои первые смертоносные чистки «времен террора». В 1941 году началось вторжение нацистских армий. Ленинград стал объектом беспощадной 900-дневной осады — самой длительной и великой осады в мировой истории, которая уничтожила в десять раз больше людей, чем погибло в Хиросиме и Нагасаки. В городе, подвергавшемся безжалостным ежедневным бомбардировкам со стороны вражеских армий, в самый пик осады от холода и голода ежедневно погибало до трех тысяч человек, а их замерзшие тела везли на санках через весь город, чтобы похоронить в братских могилах. В «Астории» разместился госпиталь для раненых и умирающих. Нацистам их победа тогда казалась столь очевидной, что они уже отпечатали приглашения на торжество по этому случаю, которое должно было состояться именно в «Астории». Но из-за чрезвычайного героизма города и его жителей им так и не удалось взять Ленинград, и в 1944 году нацисты были вынуждены отступить, неустанно преследуемые партизанами и Красной Армией.

Когда в тот вечер 1967 года мы приехали в «Асторию», эти славные дни остались в далеком прошлом. Леонид Брежнев правил страной с 1964 по 1982 год, и этот период сегодня называют «застоем». Это было время

растущего давления и репрессий против диссидентов и время глубокого экономического упадка страны. Ленинград стал темным и серым, почти превратившись в город-призрак. Великая блокада времен войны все еще доминировала в умах горожан, большинство из которых потеряло многих членов своих семей. Нехватка была во всем, магазины пустовали. Иностранцы встречались редко, не было иностранных консулов, журналистов. Немногие оставшиеся в городе отели подверглись сегрегации, и в ветшавшей «Астории» селили только англоговорящих приезжих.

У двери нас встретил солдат. Там, где сегодня элегантный вестибюль и модный магазин, тогда находился только гардероб, а все остальное пространство было занято столами Интуриста. После того как клерк на стойке приема по слогам проверил наши документы, нам выдали реликтовую вещь из прошлого: тяжелый ключ длиной в пять дюймов, увенчанный набалдашником с надписью. И остался еще один свидетель славного прошлого отеля: старый, но элегантный лифт размером с комнату, с удобными мягкими банкетками по трем позолоченным стенкам. Лифтерша с крашеной рыжей завивкой приняла нас так, будто лифт был ее домом, где лежали газеты и было разбросано вязанье. Она просияла приветственной улыбкой и ввела нас в свою позолоченную клетку. В нашем номере мы обнаружили кровать в алькове за занавесом, не слишком чистую ванную комнату с текущими кранами и все тот же запах, что и в самолете. Однако от вида из комнаты захватывало дух. В вечернем небе виднелся силуэт Исаакиевского собора с массивным куполом и огромными гранитными колоннами. Высунувшись в окно, я глубоко вдохнула до странности знакомый воздух и произнесла: «Мне это нравится». Мы никого здесь не знали, и тем не менее у меня возникло внятное чувство, что нас ждут и что кто-то меня найдет.

Это произошло во дворце.

Незадолго до поездки я просматривала фотографии для нашей книги в Хиллвудском музее в Вашингтоне. Изысканно вежливый главный хранитель музея Марвин Росс*, один из немногих в те годы, кто знал хоть кого-нибудь из русских музейщиков, дал мне совет. «Вам нужно идти

* *Marvin Ross* – первый хранитель основанного в 1955 г. Хиллвудского музея (*Hillwood Estate, Museum & Gardens*), располагающего большой коллекцией русского искусства.

в Павловский дворец, — сказал он. — Это один из самых замечательных образцов реставрационных работ в мире. Возьмите записку с этими именами». Главным хранителем музея тогда был Анатолий Кучумов*, который, как сказал Росс, спас мундир Николая II.

И на следующий день я отправилась к старшему представителю Интуриста, сидевшему внизу за столом, и сказала, что нам нужна машина, чтобы ехать в Павловск. «Нет, — твердо ответил он. — Вначале в Пушкин, а потом в Павловск».

Я продолжала настаивать. «Нет. Вначале Павловск, потом Пушкин, — и добавила: — И гид нам не нужен, мы не можем себе этого позволить».

В конечном счете я его убедила, и нас оставили наедине с водителем, говорившим только по-русски. Когда мы доехали до Павловского дворца, то обнаружили, что здесь по-английски тоже никто не говорит. Нас встретила любезная дама, приветствовавшая нас и повторявшая фразу, означавшую, как я сообразила, «будьте нашими гостями». В ту первую встречу мои знания русского ограничивались алфавитом и несколькими стихами на память, поэтому я могла лишь повторять: «Кучумов, Кучумов».

Что оставалось делать? Ждать, и мы ждали. Затем я увидела, как в некотором отдалении от нас любезная дама говорит с высоким бородатым молодым человеком в неопрятной одежде. Он приблизился к нам и по-английски, но с сильным акцентом приветствовал нас: «Чем могу помочь? Я поэт *Санкт Питербурха*¹. Они ищут Кучумова. Он сейчас в Пушкине. До тех пор будьте нашими гостями. Осмотрите дворец».

До той поры мне не приходилось слышать, чтобы поэты были гидами во дворцах. Потом только я узнала, что в те унылые времена был издан жестокий «закон о паразитах», который провозглашал: «Кто не работает, тот не ест». Это означало, что те, кто не имеет постоянной работы, рискуют быть сосланными в трудовые лагеря**. Чтобы избежать такой участи, неофициальные поэты и художники, исключенные из одобряемых партией

* Кучумов Анатолий Михайлович (1912—1993) — с 1956 г. главный хранитель Павловского дворца, автор проекта восстановления его интерьеров.

** Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». В «тунеядстве» обвиняли поэта Иосифа Бродского и публициста Андрея Амальрика.

официальных союзов и неспособные заниматься творчеством в условиях жесткого давления, стали наниматься на непритязательную работу. Симпатизирующие им музейные хранители вроде Кучумова пытались помогать, предлагая минимальную занятость. Результатом всего этого стало то, что в музеях города в качестве сторожей, дворников и иногда гидов (но только для советских граждан, а не иностранцев) служило немало самых замечательных художников и поэтов Ленинграда.

Проходя впервые по величественным залам Павловска, могла ли я вообразить, что в будущем каждая картина на стене, каждый элемент меблировки дворца однажды станут для меня такими же хорошо знакомыми, как мой собственный дом! Мой муж Боб Масси оставался при этом совершенно спокойным. По его мнению, это был неподходящий дворец. Он хотел отправиться в Пушкин, находившийся лишь в нескольких милях от нас, где Николай II с семьей жил в Александровском дворце. Чтобы отправиться туда, мы снова залезли в нашу страховку. Настойчиво повторяя, что пора ехать, муж торопил меня и вытащил из дворца, даже не дав поблагодарить любезную даму и поэта. Но в тот момент, когда мы уже собирались садиться в ожидавший нас автомобиль с его суровым водителем, я услышала, что нас кто-то догоняет. Это был поэт, попросивший: «Не могли бы вы вернуться?»

Я попыталась было объяснить ему, что мой муж больше интересуется дворцами Николая II, однако поэт продолжил: «Но вы должны вернуться пораньше, потому что сегодня вечером я читаю свои стихи».

Даже не смутившись, я спросила только:

— Могу я прийти?

— Да, — ответил он, достал из кармана маленькую отпечатанную программку на русском языке и передал ее мне. Водитель взирал на все это с подозрением.

Уже в машине мой раздосадованный муж проворчал:

— Я приехал сюда не для того, чтобы встречаться с народом.

— Хорошо, я пойду одна.

Много лет спустя, когда я спросила поэта, почему он решил побежать за мной в тот день, он ответил заговорщическим тоном: «Потому что на тебе не было браслетов. Западные женщины любят носить много золотых цепочек». Это случайное открытие и наблюдение оказалось ключом, открывающим людям двери в Советском Союзе.

Я твердо намеревалась вечером воспользоваться полученным приглашением, но мы не умели ездить общественным транспортом, а вот планировку города знали хорошо, поскольку годами изучали ее, и поэтому решили отправиться пешком. Расстояние от «Астории» до Дома кино, где должны были проходить чтения, составляло порядка двух миль*. Пока мы шли, Боб пессимистически предрекал, что никто не придет.

Я возражала: «Придут!»

Когда мы вышли на маленькую площадь напротив нужного нам здания, то никого не увидели. В ожидании мы сели на скамейку, и Боб продолжал причитать: «Они не придут», а я гнула свое: «Придут».

В самый последний момент подъехало такси, откуда вывалилось невероятное количество народа, среди которого был и бородатый поэт.

В тот вечер я словно прошла сквозь стекло витрины, отделявшее иностранцев от русских. Мы торопливо поднялись по ступенькам лестницы в большой зал, где в ожидании сидело несколько сотен людей. Они ждали нашего поэта. Его звали Константин Кузьминский**, и он читал Байрона в своих переводах восхищенной толпе. Закончив чтение, он обратился ко мне: «А теперь, Сюзанна, для вас мои стихи на английском» и принялся их декламировать перед изумленной аудиторией. После всего мы уселись вместе с его друзьями в буфете, попивая скверный кофе. Поскольку разговаривать с ними мы не могли, они нарисовали на бумажках обозначения своих профессий (художник нарисовал кисть, музыкант — гитару). Тут Константин с пафосом объявил: «А теперь мы пойдем во дворик, где творил Достоевский!» И мы тут же оказались на темных улицах, пробираясь по дурно пахнущим, замусоренным дворам во главе с Константином, размахивавшим руками и величественно возглашавшим: «Вот эти дворики, где жил Достоевский!»

Абсолютно не понимая, куда нас ведут, мы, работавшие над книгой о Николае II, вдруг очутились в доме, расположенном на набережной Невы у самого гигантского Зимнего дворца. Мы вошли в полутемный подъезд и оказались в комнате коммунальной квартиры на первом этаже

* Старейший в СССР Ленинградский Дом кино находился по адресу: ул. Толмачева (в настоящее время — Караванная), 12.

** Кузьминский Константин Константинович (1940—2015) — поэт, в 1974 г. эмигрировал в США. Составитель (вместе с Г.Л. Ковалевым) знаменитой «Антологии новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны» в пяти томах (1980—1986).

дома. Потертые пальто и шапки, сладко пахнувшие пылью, высокой грудой были свалены на полу у самой двери. Вокруг стола с зажженными свечами расположились десять-двенадцать русских, ожидавших нас. Этот момент напомнил мне сцену из сказки «Белоснежка и семь гномов», когда она очутилась в темном лесу гостьей дружелюбных лесных созданий, устремивших на нее свои любопытные взоры. Константин представил всех друг другу, за исключением своей спавшей за импровизированным экраном маленькой дочки Юлии, и с гордостью объяснил, что мы находимся в подвале «дворца великого князя Владимира»*.

Таким был этот первый вечер. В то время иностранцам, приезжавшим по индивидуальным визам, не разрешалось проводить в одном городе больше четырех дней, чтобы сделать невозможными встречи с обычными русскими гражданами. «Они любят туристов, — ехидно прокомментировал Константин, — когда они приезжают группами, говорят по-русски и тратят много денег». В каждый из этих разрешенных дней мы вечером прокрадывались в коммунальную квартиру близ Невы и встречались с целой группой интересных людей, среди которых были врач, молодой человек, работавший в порту, реставратор, молодые ученые и несколько художников. Кое-кто немного говорил по-английски, но мы были первыми иностранцами в их жизни. Они аккомпанировали мне на гитаре, и я спела *On top of Old Smoky*** . И со мной тогда что-то случилось. Французы называют это *un coup de foudre* (удар грома). Внезапно я почувствовала, что нашла семью, о существовании которой не знала ничего, и мои глаза наполнились слезами.

* * *

Вскоре после Дня труда (4 сентября 1967 года) книга «Николай и Александра» вышла в свет и очень быстро стала бестселлером, что принесло нам некоторые деньги. И в начале 1968 года мы вместе с мужем и тремя детьми решили переехать в Париж. Я была двуязычной с детства и хотела, чтобы они говорили по-французски. Мы собирались прожить там четыре

* В бывшем дворце великого князя Владимира Александровича по Дворцовой набережной, 20 с 1920 г. находился Дом ученых Академии наук (Дом ученых им. М. Горького РАН).

** Американская народная песня, ставшая фолк-стандартом в аранжировке Пита Сигера (1951).

года. Но в Ленинграде со мной что-то такое произошло. На Западе мы всегда предпочитаем оставаться «хладнокровными». Но это не про меня. Меня глубоко тронула Россия. Беспорядочные и сильные чувства, прежде мной не испытанные, проснулись во мне в этом городе, поселив грусть и смущение, не похожие ни на что в моем предыдущем жизненном опыте. Однажды таинственная турчанка, случайно встреченная мной в Париже, спокойным тоном сказала мне: «Что в тебе есть, дорогая, так это страсть, такая страсть, которая будет сопровождать тебя до конца твоих дней». Она была права. Страсть во мне есть.

Все годы, что мы жили в Париже, я продолжала учить русский. Мой учитель русского буквально пилил меня, беспрестанно повторяя: «Русские говорят быстро». (И это так.) «Им многое надо вам сказать. И даже если вы не можете ответить им сразу, понимать их вы должны». В течение этих четырех лет я дважды в год ездила в Советский Союз. В этом было нечто шизофреническое. В Париже успех нашей книги «Николай и Александра» вылился в то, что с нами носились и восхищенные знатные русские эмигранты, и французские аристократы, и герцог и герцогиня Виндзорские, и принц Павел из Югославии и его жена принцесса Ольга. Столь разительным был контраст между Россией и блестящей общественной жизнью Парижа с ее роскошью званых обедов, что перемещение между ними оказалось сродни путешествию меж совершенно разными планетами.

В отличие от туристов, которым доступен только взгляд с птичьего полета, мои поездки давали возможность взглянуть на жизнь в России как бы снизу, почти изнутри. В Ленинграде я жадно впитывала любой жизненный опыт. Я многое узнала о моих новых друзьях. Я видела, в каких жалких условиях они живут. При коммунистах по закону считалось нормой каждому гражданину иметь не более 9 квадратных метров жилой площади. Целые семьи нередко жили в одной комнате и пользовались общей кухней. На грязных лестничных клетках пахло мочой. Входная дверь квартиры встречала вас лесом звонков, каждый из которых был соединен с одной комнатой. Однажды, когда я пришла в гости к друзьям, жившим в такой коммунальной квартире, один из них спросил меня: «А что такое трущобы?» Вспомнив протекающие трубы в туалете и заполненную всяким мусором лестницу, я не нашлась, что ему ответить. Заметив мою растерянность, он грустно сказал: «Я понял. Это они и есть».

Я узнала и об их моральных страданиях. Людей в обычном порядке вызывали на собеседования. Один молодой человек, которого я повстречала, потерял работу, после того как получил всего лишь открытку от иностранца с Запада. Некоторых отправляли на выходные дни, а то и на более долгий срок в психиатрические больницы в целях запугивания. Но я открыла для себя и свойственные этим людям качества — чувство юмора, щедрость, изобретательность и смелость. Несмотря на то что за найденные у них тексты запрещенных авторов вроде Солженицына можно было получить три года тюремного заключения, я однажды стала свидетелем того, как в комнату, где собрались люди, тихо вошел человек с невинно выглядевшей хозяйственной сумкой, достал из нее одну из солженицынских книг, прочел вслух несколько глав и так же тихо ушел, чтобы прочитать их кому-нибудь еще в другом месте. Проверкой для радиоприемника было то, насколько его можно было слушать, невзирая на глушение. Люди уезжали далеко за город, чтобы иметь возможность слушать «Голос Америки» без помех, а однажды мои знакомые поехали в удаленный парк и танцевали там под музыку Дюка Эллингтона из радиоприемника.

Я пользовалась гостеприимством непризнанных поэтов, художников и просто самых обычных людей и их семей, жила их жизнью. Я была тронута их всеохватной щедростью, тем, как, невзирая на скудость их собственных рационов, они немедленно готовы были выставить на стол все, чем располагали. Очень скоро я прекратила проявлять какой-либо интерес к чему-либо в их домах, потому что иначе я немедленно получала эту вещь в подарок. Мне казалось, что у русских выработалось шестое чувство. Они были способны доверять своим инстинктам и воспринимать людей непосредственно, чувствовать невысказанные желания и выполнять их прежде, чем их выразят. Зная, что информатором всегда является кто-то из их среды, они, наверное, обрели те обостренные чувства, которые на Западе давно притупились.

Станным образом я признала их и чувствовала себя здесь как дома — да и они так же относились ко мне, воспринимая как одну из *них*. Мне говорили: «Любой иностранец приходит к нам со своей собственной аурой, и мы чувствуем его отношение к нам». У меня нет рационального объяснения этой таинственной причастности, которую я чувствовала, как и тому, что мне казалось, будто я нашла семью, о чьем существова-

нии даже не подозревала. Возможно, помогли годы, проведенные мной с сыном, больным гемофилией. Они научили меня понимать страдания, жить с ощущением беспомощности перед внешней силой, которую нельзя изменить. Я познала отчаяние и чувство отсутствия безопасности, приспособилась жить в атмосфере постоянного страха и беспокойства. Я научилась бороться и ценить прекрасные моменты, когда выпадает хотя бы хороший час. Наверное, это было самой лучшей подготовкой, которую я могла получить на Западе, чтобы понять состояние умов русских. Я приняла их, а они меня. Они утешили меня и придали мне смелости.

Одно высказывание, которое я прочитала, глубоко поразило меня: «Место, по отношению к которому ты чувствуешь самую сильную привязанность, — это совсем не обязательно та страна, с которой ты связана кровью и рождением, это место, что позволяет тебе стать самим собой». Несмотря на языковые и географические барьеры, я, которая воспринимала себя какой-то межатлантической сиротой, мотающейся между Европой и Америкой, никогда полностью нигде не осевшей, нашла свое место в России. И с самых первых встреч, которые продолжались потом на протяжении сорока шести лет, это чувство больше никогда не покидало меня. Это может прозвучать иронично, но я нашла себя, в том самом лучшем и самом естественном для меня самой состоянии, в котором я всегда хотела быть, и обрела свою личную свободу в этой тоталитарной стране. Здесь мне говорили, что у меня швейцарская голова и русское сердце. Они любили меня, и я тоже любила их. В последующие годы в Санкт-Петербурге и затем везде в России приключения, волшебные случаи, цветы сыпались на меня вперемешку с красотой и поэзией жизни с такой интенсивностью, о существовании которой я даже не подозревала. Короче говоря, я преобразилась.

Вначале меня направлял Константин. Потом, когда я стала более самостоятельной, то шла в любую дверь, которая оказывалась для меня открытой. Нередко я побаивалась, отправляясь на автобусе в какой-нибудь глухой пригород и не зная точно, что я обнаружу за дверью, в которую намеревалась войти. Мне предстояло открыть иной мир, город поэтов — невидимых народу героев — и встретить самых прекрасных поэтов и художников: поэтов Виктора Соснору, Александра Кушнера, Глеба Горбовского и Иосифа Бродского, художников Михаила Шемякина, Анатолия Белкина и многих других. Тогда все они боролись, а сегодня многие

из них знамениты на весь мир. Мне неожиданно помогло то, что по некоторым причинам с самого начала моих поездок в Советский Союз во мне не видели иностранку и даже не отличали на улицах. Сначала я этого не понимала. Позже, когда я стала свободно говорить по-русски, окружающие мне не раз говорили, что я говорю без акцента. Думаю, они преувеличивали, но если это на самом деле так, то я вижу в этом результат того, что я часами слушала непризнанных поэтов. Ничто так не растапливает лед в общении с русскими, как возможность говорить с ними на их языке. В отличие от французов, которые морщатся, если кто-то использует артикль мужского рода *le* вместо артикля женского рода *la*, русские бесконечно снисходительны даже при самых неуклюжих попытках иностранцев говорить на их трудном языке.

Я даже не могла представить, что один город может вместить так много поэтов и художников. В те дни в народе к ним относились как к подпольным рок-звездам и делали из них настоящих идолов. В переполненных, прокуренных комнатах коммуналок их заклинали: «Читайте ваши стихи». И они читали по два-три часа подряд. Все, что можно было пить при этом, выпивали. Делились друг с другом пачками папирос «Беломор», а слова поэтов поглощались с такой жадностью, словно они лились из источника самой жизни. Молодые ученые, будучи привилегированными членами советского общества, поддерживали их, давая деньги, покупая их картины, слушая их стихи. Единственными известными тогда на Западе были поэты Евгений Евтушенко и Андрей Вознесенский из Москвы, которым разрешали ездить на Запад в ПЕН-клуб и другие литературные организации Нью-Йорка, чтобы продемонстрировать, что никаких «репрессий» против творческих людей в Советском Союзе нет. Там они купались в шампанском и в обожании женщин.

Я решила, что о ленинградских поэтах, с которыми я встречалась, должны узнать на Западе. Пусть рука моей помощи и была для них лишь слабой тростинкой, но она оказалась единственным, за что они могли ухватиться. Я рассчитывала отправиться в Англию, чтобы найти там крупного знатока России, лингвиста Макса Хэйуорда из Сент-Энтони-колледжа в Оксфорде и предложить ему сборник поэзии и биографий молодых ленинградских поэтов, никому не известных на Западе.

Он спросил:

— Конечно, вы знаете язык?

В то время у меня было лишь самое элементарное знание русского, но набравшись смелости, я ответила:

— Да.

— Знаете ли вы структуру языка?

И снова я со всей храбростью ответила:

— Да.

Он замолчал. Я подумала, что он отправит меня восвояси с моим предложением, но после того как Хэйуорд долгим, мне показалось, слишком, слишком долгим, изучающим взглядом посмотрел на меня, он произнес:

— Это хорошая идея. Я помогу вам всем, чем смогу.

Четыре года мы работали вместе. Я помогала и училась, а Макс перевел семьдесят пять стихотворений, каждое из которых было длиной в несколько страниц. Я написала предисловие о Ленинграде и краткую биографию каждого поэта. Макс стал моим ментором и близким другом, и благодаря его бесценной помощи и руководству книга «Живое зеркало: пять молодых ленинградских поэтов» была опубликована в 1972 году. Она до сих пор остается единственной книгой о поэтах Ленинграда того времени.

А еще там был балет! Всю свою жизнь я любила балет. Даже в самые тяжелые дни болезни Бобби, если мне удавалось увидеть балет, я чувствовала себя восстановившейся. С годами балет не перестал подпитывать и вдохновлять меня. Это сочетание железной дисциплины и ежедневного труда, преодолевающее ограниченность пространства и возможности человеческого тела и создающее эфемерную красоту, проникает в самые укромные, самые потаенные уголки души. Кроме всего прочего именно жест мы понимаем раньше, чем распознаем речь. В России, я, которая всю жизнь любила балет и которым занималась десять лет, внезапно получила возможность проводить столько, сколько хотела, очаровательных вечеров в изысканном серебристо-голубом Мариинском театре. Этот уникальный театр мой идол Джордж Баланчин, которого я знала в Нью-Йорке, называл самым великолепным театром в мире. Там, часто находясь в ложе, когда-то бывшей царской, я переносилась в иное измерение благодаря самым возвышенным балетам, которые знал мир.

С подачи знакомого швейцарского танцовщика, стажировавшегося здесь, меня представили в бывшей «Танцевальной императорской школе» (теперь она называется Академия русского балета) и даровали

редкую привилегию проводить часы, наблюдая за занятиями и репетициями. Я встретила здесь величайших танцовщиков города, среди которых были Наталия Макарова, Валерий Панов и Александр Минц. Однажды великая балерина Наталья Дудинская, которая вместе со своим мужем и партнером, великим танцовщиком Константином Михайловичем Сергеевым, была содиректором школы, взяла меня в большой репетиционный зал, чтобы я смогла увидеть того, кого она назвала «хорошим парнем... лучшим из тех, кто есть у нас». Я была очарована девятнадцатилетним Михаилом Барышниковым, делавшим свой *manège*, кружа прыжками по залу. В Большом театре в Москве руководитель театрального музея балета провел для меня экскурсию, и я увидела там кое-что из того, что хранила как реликвию в своей шкатулке моя мать. Он показал мне старые фотографии великой балерины Балашовой, которой поклонялась моя мама. В Москве я встретила также несравненную Майю Плисецкую. И однажды Марис Лиепа, величайший танцовщик и звезда Большого, подарил мне розы, и мне довелось увидеть бессмертное исполнение им роли римского военачальника Красса в «Спартаке».

Как я была счастлива! Но ничто из этого не далось легко. В Ленинграде советские власти делали все возможное, чтобы не давать встречаться русским и иностранцам. Ограничений становилось все больше. Никому из простых русских граждан не разрешали входить в отели, где останавливались иностранцы, а все звонки из гостиниц прослушивались. Доходило до того, что гостиничные служащие в пунктах обмена валюты старались не давать двухкопеечные монеты, которыми оплачивались звонки из телефонных будок. Когда я просила такую монету, обычным ответом было: «У нас нет». (Мои друзья специально собирали для меня «двушки» и передавали в маленькой сумочке, полностью заполненной монетками, чтобы я могла звонить им с улицы.)

Туристам давали самые примитивные карты города. Телефонных книг вообще не существовало. И, несмотря на все это, я бродила по улицам Ленинграда, познала и полюбила город самым лучшим из способов — собственными глазами и словами его поэтов. Я влюбилась в эту столицу, рожденную в мечтах Петра Великого и вдохновлявшую столько людей, что ее прозвали Северная Пальмира и Вавилон в снегах. Невзирая на потери, которые понес город в годы революции и войны, его величие и магия сохранились. Этот город, который собственные жители называли

просто Питер, стал и моим, и там я нашла дружеские связи, длящиеся вот уже сорок шесть лет.

В те годы город ночью прятался в темноте, и его огромные пустые здания казались призрачными. Поздно ночью мне приходилось возвращаться к себе и на пути к дверям отеля пересекать опустевшую площадь перед сумеречной громадой Исаакиевского собора, а кто-либо из моих друзей, скрываясь в тени деревьев, следил за тем, чтобы мой путь был безопасным. Все это было довольно жутко. Я подходила к плотно закрытой двери отеля, затем звонила и звонила в дверь, с ужасом думая о том, что могут и не открыть. Наконец дверь открывалась, и я оказывалась лицом к лицу с сердитым швейцаром и вооруженным солдатом за его спиной, с подозрением разглядывавшими меня. Пытаясь выглядеть беззаботной, я проскальзывала мимо них и со всей возможной быстротой взлетала наверх. Обычно дежурившая на этаже пожилая дама с колючими глазами завистливо отдавала мне тяжелый ключ, и как только я уходила от нее через холл, тут же аккуратно отмечала в своем кондуите номер моей комнаты и время прихода.

Я всегда покидала Ленинград со щемящей тоской. Никому из простых граждан не разрешалось сопровождать иностранных туристов в поезде или в самолете, только интуристовцам, как правило, мужчинам в строгих темных костюмах. Как только поезд трогался, я смотрела на исчезающий за вагонными окнами город, зная, что мои друзья все еще где-то там, но теперь они были уже невидимы. Как только я уезжала, все коммуникации обрывались. Только тишина, словно они исчезли насовсем.

Все, чего я хотела, так это продолжать видеть их. И тут в июне 1972 года без всякого предупреждения и как раз накануне моей очередной поездки мне внезапно отказали в визе. Почему, кто знает? Один русский друг предупреждал меня: «Никаких почему. Это только люди на Западе спрашивают о причинах». Возможно, причиной было то, что я проскальзывала сквозь сеть и встречалась со слишком большим числом русских?

Мне следовало знать, что когда-нибудь это все кончится. Во время своей поездки зимой 1971 года я заметила знаменитый «черный воронок», открыто следовавший за мной повсюду, куда бы я ни ехала. Один мой знакомый философски заметил: «Если перед нашим домом больше не стоит машина, мы знаем, что ты уехала». В один из моих последних вечеров на вечеринке с участием нескольких поэтов и их друзей я на каждой

лестничной площадке дома встречала таинственные фигуры, как бы занятые «чтением». Блестящая черная машина стояла на улице с включенным двигателем. Когда я уходила оттуда в сопровождении одного из друзей, на улице падал мягкий снег, и контраст между красотой города и этим зловещим присутствием, это постоянное унижение русских граждан показались мне настолько невыносимыми, настолько переполнили мою швейцарскую душу потоком гнева, что я изо всех сил внезапно хлопнула своим зонтиком по этой сияющей машине. Сидевший в ней человек испугался, как кролик, и тут же умчался.

Другой ночью, когда я навещала одного поэта и его сестру, которые жили в удаленном рабочем районе города, куда не ступала нога иностранца, мы тоже увидели зловещую черную машину с урчащим мотором, ожидавшую под окном. Из-за занавески мы молча тревожно наблюдали за тем, как из нее вышла одинокая фигура, чтобы обойти вокруг дома, словно человек искал на нем табличку с номером. Замерев от страха, я была уверена, что за этим последует страшный стук в дверь. Вместо этого мы увидели, как человек вернулся к ожидавшей его машине, сел в нее и уехал. Меня ужасали возможные последствия. Но поэт оставался спокойным и сказал: «Не бойся. Эти люди ничего не знают ни о добре, ни о Боге. Если тебе действительно суждено помочь России, то они не смогут тебя даже тронуть».

И кто знает, каким образом, быть может, благодаря милосердным звездам он оказался прав.

Впрочем, все-таки не совсем. В московском аэропорту весной 1972 года, во время моей последней поездки, за которой последовал перерыв на долгие годы, когда все шло, как обычно, перед мной внезапно появились несколько человек в форме. Меня тщательно обыскали и принудили опоздать на самолет. Мне нечего было скрывать, но при этом они все равно конфисковали две-три книги о балете, подаренные друзьями. «Слишком старая», — сказали они, забирая у меня экземпляр газеты «Ленинградская правда», которую я купила на улице. Когда я спросила, почему они это делают, они ответили: «Потому что она не продается на Западе». Когда меня наконец отпустили, я осталась сидеть на полу аэропорта беспомощная и без денег. (Никому не разрешалось вывозить из страны ни копейки. Все деньги тщательно считали на границе, а записные и адресные книжки внимательно просматривали.) Чуть погодя я смогла убедить симпатич-

ного клерка за стойкой в аэропорту дать мне позвонить в дружественное европейское посольство. Через несколько дней в присутствии американского консула, провожавшего меня в аэропорту, мне разрешили уехать. Когда я в следующий раз обратилась за визой, мне отказали.

Я знала, что не делала ничего неправильного — если не считать неправильным заводить дружбу с русскими. Советские власти не могли допустить саму мысль, что кто-то, и особенно американцы, могут просто полюбить их страну и ее людей. В силу собственной перманентной паранойи, они считали меня особенно опасной, подозрительной личностью. Так мне, пусть и в незначительной степени, довелось узнать то, что испытывали русские в значительно более трагической форме и смертельно опасным способом: в Советском Союзе не имело значения, что вы на самом деле сделали; невиновность не способна была защитить. Неожиданный и предательский удар мог быть нанесен любым способом и в любое время.

Когда мою визу отзывали, я проплакала несколько дней. В глубине души я знала, что снова вернусь. Но я была очень расстроена, потому что знала, что это будет очень не скоро, и что в этот следующий раз все будет уже другим, и что пять богемных лет с ленинградскими поэтами остались в прошлом. Я понимала, что когда какой-то мелкий клерк в таинственных «органах» поставит крестик против моего имени, то уже никто из вышестоящих лиц не станет прилагать усилий, чтобы убрать его. Зачем кому-то рисковать? Это может сделать только человек, стоящий на самом верху служебной лестницы, — но как добраться до этого самого верха? И тем не менее я была совершенно уверена, что как-нибудь, но найду путь обратно.

Действительность же выглядит следующим образом: если бы советское правительство не отказало мне в визе, ничего из всей этой истории не произошло бы и я определенно не встретила бы с президентом Рейганом. Возможно, как сказал Гёте и чьи слова Михаил Булгаков избрал в качестве эпиграфа к своему роману «Мастер и Маргарита», власти и правда были частью «той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

ГЛАВА 2

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Проблемы с визой были не у меня одной. Положение тех, кто в Советском Союзе хотел получить выездную визу, оказалось намного хуже. Вскоре после того как весной 1972 года я утратила свою визу, брежневское правительство неожиданно ввело для потенциальных эмигрантов так называемый «налог на дипломы». Он касался всех, кто получил в СССР высшее образование. В то время единственной возможностью для эмиграции из страны являлась подача прошения на выезд в Израиль. Для этого надо было получить приглашение от проживавшего там какого-то близкого родственника. Приглашение передавалось через посольство Нидерландов, поскольку посольства Израиля в Москве не было. Счастливчики (не важно, были ли они евреями или нет), тем или иным способом сумевшие получить драгоценное приглашение от «родственника» (покойного или здравствующего), продавали все ценное, что у них было, и готовились к отъезду из страны, как вдруг от них потребовали выплатить полную стоимость их гарантированного государством «бесплатного образования». Я стала получать вымученные просьбы о помощи от русских друзей, некоторые из них, как я знала, совсем не были евреями, и тогда я осознала, что происходит нечто намного большее, чем моя маленькая визовая проблема. Однако когда моя семья осенью 1972 года вернулась из Франции в Соединенные Штаты, у меня самой было лишь одно желание: вернуться снова в Ленинград, к моим друзьям, в этот великолепный город под огромным небом. Лично для меня все американо-советские отношения свелись к одной-единственной цели. Но как я могла ее достичь?

Советское правительство очень эффективно использовало визовый режим в качестве орудия против Запада, видя в нем средство ограничения информированности о подлинном состоянии дел в стране. С 1945 года, с самого начала холодной войны, все сильнее ограни-

чивались возможности поездок в Советский Союз, и советские люди оказывались во все большей изоляции. К 1972 году, когда холодная война стала более интенсивной, лишь немногие получали разрешение на поездку в СССР. Это были дипломаты, некоторые бизнесмены, туристические группы (как выразился Константин, «те, кто приезжает в составе групп, не говорит по-русски и тратит много денег») и единицы из числа наиболее упрямых и храбрых ученых-историков и языковедов, приезжавших в основном в Москву и иногда в Ленинград. Но к 1967/1968 году разрешения на въезд в страну в индивидуальном порядке почти перестали выдавать, а тех, кто их все-таки получал, ограничивали в передвижении по стране, предоставляя право посещения городов лишь из тщательно просеянного списка. Семьдесят пять процентов территории страны было закрыто для иностранцев. Что же касается советских граждан, то им удовлетворить желание посетить страны за пределами советского блока было практически невозможно. Это дозволялось лишь крайне ограниченному числу официальных лиц и проверенным ученым. В результате русские люди практически исчезли из виду для западного мира. Наши журналисты еще могли разгуливать по московским улицам, но власти им постоянно препятствовали в том, чтобы они могли увидеть что-либо, находящееся вне зоны контроля, и им запрещалось без разрешения уезжать дальше чем за 25 миль от города. В Ленинграде вообще не было американских журналистов. Когда в те давние 1968—1972 годы я оказывалась в Москве и встречалась с журналистами, то становилась свидетелем всевозможных ухищрений, к которым им зачастую приходилось прибегать, чтобы освещать события. У каждого журналиста имелся свой информатор, и они перезванивались между собой, проверяя сведения, полученные каждым по отдельности.

Ограничительная визовая политика, которую проводили Советы, действительно позволила достичь тех целей, ради которых она задумывалась, и способствовала формированию американских представлений о Советском Союзе, основанных на недостатке знаний о жизни в стране и о самих советских людях. Побочным следствием такой политики стала самоцензура, охватившая американские средства массовой информации, а также университетские и академические круги. Профессора наших университетов, чья карьера определялась

принципом «публикуйся или умри» и которым было совершенно необходимо приезжать в СССР с исследовательскими целями, были просто обязаны учитывать в своих исследованиях то, что допускалось и разрешалось в СССР. Результатом было ограничение информированности. Стало почти невозможно защитить магистерскую или докторскую диссертацию на тему, связанную с дореволюционной Россией, потому что профессоров, которые бы занимались этим, не осталось¹. Именно поэтому постепенно в данной сфере стал доминировать предмет под названием «кремленология», а все, что связано с дореволюционной Россией, игнорировалось и отодвигалось далеко в сторону, превратившись в самое лучшее оружие Советского Союза против тех, кто мог вознамериться изменить окаменевшее статус-кво. Профессора и студенты из числа кремленологов получали должности и работу в бюрократических рядах и приносили в умы чиновников свои собственные модели и представления. В результате в Вашингтоне царили мозговые центры и эксперты-кремленологи, похоже, все до одного убежденные в том, что «Россия» (а не советский режим) по самой своей природе несет в себе угрозу и стремится к экспансии. А те немногие ученые из Гуверовского института, такие как Роберт Конквест, кто думал и писал иначе, считались «ретроградами». Свидетельства об обратном русских эмигрантов, даже таких заметных фигур, как Джордж Баланчин, Игорь Стравинский и Игорь Сикорский, не принимались во внимание, словно они доносились из иной эпохи, пусть и славной, но давно ушедшей.

Фундаментом внешней политики президента Ричарда Никсона в отношении Советского Союза стала *détente* (разрядка или ослабление напряженности), сформулированная в 1971 году Генри Киссинджером, его советником по вопросам национальной безопасности. Разрядка основывалась на немецком принципе *realpolitik*, который в Соединенных Штатах часто трактуют как «политику с позиции силы», и была стратегией, опиравшейся в первую очередь на практические и материальные факторы, а не на идеологические, морализаторские или этические предпосылки. Применительно к Советскому Союзу такая политика означала сочетание расширения торговли Востока и Запада с некоторыми другими приманками (наиболее важное значение имели обширные ежегодные поставки с Запада зерна,

позволявшие затушевать крах колхозного сельского хозяйства). Было заключено несколько договоров по вооружениям, но никаких вызовов советской системе, никаких изменений в отношении к правам человека не наблюдалось. Когда мы с мужем вернулись из Парижа в Соединенные Штаты и я стала более информированным человеком, чьи знания опирались на личный опыт жизни в Советском Союзе, меня начал буквально терзать один-единственный вопрос: где тот предел, до которого должно дойти отношение государства к его собственным гражданам, чтобы оно выплеснулось наружу и стало проблемой для остального мира? Я думала, что действия Советского Союза уже вполне заслуживают такой всеобщей озабоченности и что вся эта «политика разрядки» неправильна. Мне казалось, что с точки зрения здравого смысла единственной подлинной проверкой того, хорошо ли правительство соблюдает международные соглашения, является отношение к собственному народу. Если оно обманывает и предаёт своих людей, то оно не остановится перед обманом и предательством по отношению и к другим, а политика, игнорирующая все это, «реалистичной» не является.

Мне представлялось, что для нашего правительства очень важно защищать право американцев и простых русских больше узнавать друг о друге, чтобы в Соединенных Штатах более ясно представляли себе, какова жизнь в Советском Союзе на самом деле. И хотя я ничего не знала о вашингтонских порядках и о тех, кто там задает тон, однажды вечером в 1974 году мне довелось побывать на одной коктейльной вечеринке в Нью-Йорке и встретиться с дамой, которая была президентом Клуба женщин-демократок, и с ее спутником, другом сенатора Генри (Скупа) Джексона. Она спросила меня, не соглашусь ли я выступить у них в клубе и рассказать о своем опыте пребывания в Советском Союзе, и даже пообещала, что я смогу установить контакт с самим сенатором Джексоном, который только что стал инициатором поправки Джексона — Вэника к Федеральному закону о торговле, принятой в ответ на советский «налог на дипломы». (В поправке не было прямого упоминания евреев, поскольку налог распространялся на всех советских граждан, а не только на евреев.) Эта поправка содержала положение, предназначенное для коммунистических стран, включая Советский Союз, о том, что им не будет

предоставлен статус «наибольшего благоприятствования» в торговле с США до тех пор, пока они не изменят свою эмиграционную политику. И это был первый и единственный жест США в то время в отношении состояния дел с правами человека в Советском Союзе. Принятие поправки явилось прямым вызовом политике разрядки и стало анафемой для Киссинджера (в то время государственного секретаря) и всех консерваторов². Я приняла приглашение произнести речь и изложить свою точку зрения на этот вопрос в Клубе женщин-демократок, а также связаться с сенатором Скупом Джексоном, что и выполнила. Он пригласил меня в свой офис и во время разговора спросил, а не зашел ли он слишком далеко со своей поправкой. Я сказала, что нет. Эта первая встреча стала началом нашей с ним дружбы, продолжавшейся до самой его смерти в 1983 году.

Так в 1974 году состоялась моя первая политическая речь в Клубе женщин-демократок, а представили меня сенатор Джексон и секретарь фракции большинства в Конгрессе Джон Брадемас. Назвав ее «Не может быть разрядки без человеческого лица», я выступала против политики разрядки в отношении Советского Союза, пока там продолжается нарушение прав человека. Среди присутствовавших был и Хельмут Зонненфельдт³, которого прозвали «Киссинджером Киссинджера» и который твердо выступал против поправки Джексона. Чтобы лучше обосновать свои аргументы, я решила добиваться беседы с ним и в конце концов была приглашена в его просторный кабинет в Олд-икзекутив-офис-билдинг*. В разговоре он вновь продолжил перечислять мне достоинства политики разрядки. Одна из фраз, которую он использовал, отпечаталась в моей памяти: «Мы строим такие сети из торговых связей, которые будут удерживать их от попыток уйти вправо или влево, и пока мы строим такие сети торговли, вашим друзьям и всем остальным людям в СССР придется терпеть самые жестокие удары *кну́та* (он сказал это слово по-русски), которые может им наносить система».

* *Old Executive Office Building* (Старое административное правительственное здание, с 1999 г. — Административное здание имени Дуайта Эйзенхауэра). Построено во второй половине XIX в. и расположено возле Белого дома; там и сейчас размещаются правительственные учреждения.

Услышав это слово, произнесенное в стенах правительственного здания, я была буквально поражена. Когда он закончил, я ответила ему ледяным тоном:

— Мистер Зонненфельдт, ваша политика, быть может, и замечательная, но на нее можно ответить старой русской пословицей «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит».

— Абсурд! — воскликнул он в ответ.

Так прошли мои первые дни в Вашингтоне.

Борьба за то, чтобы вновь получить визу, продолжалась одиннадцать лет. Все это время я и мои друзья не могли общаться. Цензоры вскрывали все письма или конфисковывали их. Не было возможности звонить по телефону. Но то, что мы оказались совершенно оторваны друг от друга, словно находились на разных планетах, лишь углубило наши дружеские отношения и сделало их поистине драгоценными. В эти долгие годы я называла себя *отказницей наоборот* и продолжала искать помощи в возвращении мне визы. Я была уверена в том, что если мне удастся дать знать о моем деле высокопоставленным советским официальным лицам, то я своего добьюсь. Но как до них добраться? Я попыталась сделать это через Государственный департамент. Вообще-то меня там согласились принять только потому, что я имела исключительно сильные рекомендательные письма от Дороти (Дики) Фосдик, старшего советника Джексона по вопросам внешней политики, а также от трех влиятельных сенаторов: демократов Генри Джексона и Хьюберта Хамфри и республиканца Хью Скотта.

Нелегко найти верную дорогу в длинных коридорах Государственного департамента, выкрашенных в голубой больничный цвет, словно в какой-нибудь психиатрической клинике, настолько монотонно однообразных, что на их стенах проведена длинная горизонтальная полоса для предотвращения страданий и гибели горемык, заблудившихся в лабиринте анонимных залов. Все кабинеты, похожие один на другой, были обозначены лишь номерами и ничего не говорящими инициалами и произвели на меня более гнетущее впечатление, чем даже советские учреждения. Те чиновники Государственного департамента, с которыми я встречалась, не могли ничем мне помочь. Фактически они отнеслись ко мне с таким же подозрением, как и КГБ. Чиновник с каменным лицом, взиравший на меня без всякого доверия,

безапелляционным тоном произнес: «Вы американская гражданка, лично знающая наибольшее число советских граждан». Это прозвучало словно обвинение в преступлении. (Я помню, что тогда подумала: «Если это правда, то мы действительно в опасности».)

Они определенно не были заинтересованы выслушивать мои доводы о важности знакомства американцев с русскими, и уж конечно не собирались всерьез помогать сумасшедшей американке (подразумевалось — неблагонадежной) лично общаться с советскими гражданами (непонятно зачем), которых она так отчаянно стремилась снова увидеть (что потенциально способно создать очевидные проблемы или... кто знает, что там еще?) Руководитель советского отдела, нервно потирая руки, сказал: «В настоящее время для нас было бы неуместным делать что-либо». С учетом того, что меня лишили визы, все это ясно указывало на то, что я сама должна *сделать хоть что-то*, при том что я была для них никем. Было понятно, что они ничего не будут — или ничего не могут — делать, чтобы заставить Советы снять телефонную трубку.

Честно говоря, все это на самом деле было общей проблемой. В те дни телефоны советского посольства либо были постоянно заняты или никто не брал трубку, а если вдруг кому-то удавалось дозвониться, то сердитый голос отвечал, что человек, с которым вы хотите поговорить, отсутствует. Железный занавес оставался опущенным. Советское посольство располагалось на Шестнадцатой улице, в элегантном особняке, когда-то принадлежавшем царскому послу в Соединенных Штатах⁴, но теперь это была мрачная крепость. Тяжелые шторы всегда задернуты, ворота закрыты, со всех сторон работали видеокамеры службы безопасности, и лишь иногда можно было заметить, как чье-то лицо с подозрением выглядывает из-за занавески.

В отчаянной попытке вернуться любым способом я отправилась в Финляндию и, используя свой швейцарский паспорт, обратилась за визой в местное советское посольство. Я прождала в Хельсинки десять дней и получила ее. Но лишь для того, чтобы обогатить свой опыт тем, что меня снова остановили и мне пришлось провести несколько напряженных часов, находясь в руках пограничников. В конце концов мне отказали во въезде и отослали обратно в Хельсинки. Трижды мне удалось проскальзывать безо всякой визы на пару дней, устроившись

лектором на круизный теплоход и сбегая из экскурсионного автобуса для пассажиров судна. Каждый раз я ждала, что чья-то тяжелая рука опустится на мое плечо, но снова и снова мне удавалось встретиться с кем-то из друзей и вернуться на корабль, вовремя вклинившись в очередь поднимающихся на борт после экскурсии пассажиров.

Позорным проявлением атмосферы середины семидесятых стало то, как приняли в Соединенных Штатах Александра Солженицына. Его официально сочли потенциально опасным в том новом бравом мире разрядки. В 1970 году писатель получил Нобелевскую премию. В своей опаляющей книге «Архипелаг ГУЛАГ» он страстно обнажал ужасы советской системы и навеки разоблачил аргумент ее апологетов, что «нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц». В 1974 году Солженицына выслали из Советского Союза. Когда он впервые приехал в Соединенные Штаты, ни одна организация не пригласила его выступить публично, кроме профсоюза АФТ-КПП в Сан-Франциско. «Нью-Йорк таймс» отказалась помещать материал об этом выступлении, напечатав лишь крохотную заметку на последней странице. Колумнист Хилтон Крамер из «Таймс» возмутился и перед следующим выступлением Солженицына в Вашингтоне в 1975 году по приглашению все той же АФТ-КПП заявил, что лично напишет репортаж о его выступлении. Я была на этом выступлении, сидя за одним столом с группой крутых профсоюзных лидеров, казавшихся несколько смущенными речью нобелевского лауреата.

Мы были настолько введены в заблуждение всей этой обнадеживающей политикой разрядки, что президент Джеральд Форд, подержанный Генри Киссинджером, даже отказался принять великого писателя и нобелевского лауреата в Белом доме, потому что, дескать, это «может разозлить Советы» и создаст угрозу «прогрессу» и «продолжению разрядки». В частном разговоре Форд назвал писателя «лошадиной задницей», считая его человеком «не для паблисити»⁵.

Умы наших вершителей политики были настроены совершенно определенным образом, и они не желали знать о фактах, которые не соответствовали их убеждениям. Доминировала доктрина, в соответствии с которой Советский Союз следует «сдерживать», но не бросать ему вызов; они были убеждены, что этот режим останется таким, каков он есть. И это происходило в то время, когда любой, кто приезжал

в страну, видел, что режим уже трещит по швам, а в русском народе широко распространяется недовольство. Наши массмедиа нападали на Солженицына, внушая ему то, что он ретроград, националист и антисемит, которым он не был, порицая его за то, что он решился критиковать некоторые стороны американской жизни в речи перед выпускниками Гарварда в 1978 году, поэтому он постепенно оказался почти в полной изоляции и был дискредитирован в Америке, так же как и в Советском Союзе.

Наши отношения с Советским Союзом оставались унылыми. Леонид Брежнев безмятежно пребывал у власти, пересидев пятерых американских президентов, при том что брежневские годы ознаменовались резким поворотом к силовому подавлению советских граждан: диссидентов (мне всегда больше нравился русский термин *инакомыслящие*), а также неофициальных поэтов сажали в психушки, писателям не разрешали печататься, а в Москве картины художников швыряли под бульдозеры. К 1980 году поползли слухи, что больного советского лидера лечат под руководством экзотической грузинки-целительницы⁶. В самих США политика разрядки, основанная на идее, что развитие торговых связей приведет к смягчению режима, куда-то запропастилась. Вопрос об эмиграции, столь остро вставший в 1972 году, оказался в тупике. Несговорчивость Советов, осужденная поправкой Джексона — Вэника, по мнению наших специалистов-кремленологов, не стала меньше, а сама поправка лишь «ужесточила советскую позицию»⁷.

И вот в 1976 году мне неожиданно позвонила Жаклин Кеннеди-Онассис, начавшая учебу в Вассар-колледже на два года раньше меня и сидевшая рядом со мной на углубленных занятиях по французской литературе, которые мы обе посещали. Она собиралась в Советский Союз и интересовалась тем, что стоит посмотреть. Следуя моему совету, она посетила дворец в Павловске, где ее визит с теплотой вспоминают по сю пору. После своего возвращения она снова позвонила мне и предложила прочитать лекцию в художественном музее «Метрополитен», или просто в *Мет*. Я согласилась, испытывая стыд за то, что сама никогда не была на лекциях в *Мет*.

Работа в журнале «Лайф» научила меня тому, как надо рассказывать историю по картинкам, поэтому я решила рассказать о развитии

русской культуры, какой она виделась художникам и представлялась в их картинах. Я решила начать с посещения фототеки Мета и обнаружила, что в каталоге нет ни единого слайда русской живописи. Вот каково было воздействие изоляции во времена холодной войны! К счастью, у меня были превосходные альбомы и книги, которые передали друзья из России, и по ним я сделала несколько сот слайдов. (Весь набор я оставила потом музейной библиотеке.)

Лекция имела успех у публики и стала тем ядром, из которого потом выросла книга «Земля Жар-птицы». Чтобы написать эту книгу, мне понадобилось четыре года. Настолько спрятана и позабыта была история прежней России, что мне приходилось буквально производить археологические раскопки. Я проводила время в поисках свидетельств путешественников, просмотрела сотни книг по искусству, тканям, обычаям, музыке, балету, ремеслам, фотографии, живописи, исследовала даже дореволюционные путеводители Бедекера, чтобы проверить расписания поездов, адреса магазинов и названия ресторанов, и, конечно, изучала дореволюционные телефонные книги, которые в Европе считались одними из лучших. (Их я нашла в отделе редких книг библиотеки Колумбийского университета.)

Начался 1980 год, а моя надежда все-таки вернуться в Советский Союз казалась как никогда призрачной. Я упорно продолжала подавать заявки на получение визы и регулярно получала отказы, а иногда мои обращения вообще оставались без ответа. Несмотря на все мои усилия и многократные просьбы, никакой помощи ниоткуда я так и не дождалась. В немногих редких сообщениях, которые я получала от своих друзей через знакомых, возвращавшихся из Советского Союза, уныло говорилось, что въезд мне *запрещен навсегда*. С моим американским издателем дела обстояли немногим лучше. Свою рукопись я сдала ранней осенью 1979 года, и мне пообещали, что книга выйдет в свет в начале 1980-го. Но затем мой редактор занялась подготовкой к изданию книги собственного мужа. «Жар-птицу» отложили, а мне достались лишь муки ожидания.

И все-таки в сентябре 1980 года книга «Земля Жар-птицы. Краса былой России» наконец-то вышла в свет. То, как прохладно ее встретили, стало лучшим свидетельством, насколько я не вписывалась в преобладающую атмосферу того времени. В «Нью-Йорк таймс»

появилась рецензия, ужасно расстроившая меня своей беспощадностью. В ней высмеивали все — и то, что я написала, и то, в каком стиле я это сделала, и заметка сопровождалась такими ремарками, которые сегодня посчитали бы возмутительно сексистскими: «Это не книга, а “сладенькая карамелька”», написанная «дамой, ничего не понимающей в России... — романтически настроенной женщиной, влюбленной в русских мужчин». Это было настолько жестоко, что я чувствовала себя так, словно надо мной надругались.

Прием по случаю выхода книги, который устроили для меня однажды вечером в элегантных апартаментах Пэт Паттерсон, известной в Нью-Йорке светской дамы, я восприняла как поминки. Униженная, я изо всех сил старалась показать, что все в порядке и я со всем справляюсь. Я стояла, забившись в угол и приготовившись выслушивать соболезнования, когда ко мне подошел и представился незнакомый человек: «Меня зовут Хилтон Крамер, и я считаю, что использовать страницы литературного издания для политических атак возмутительно. Я сделаю для вас все, что смогу». Будучи влиятельным критиком по вопросам культуры, он имел свою колонку в «Нью-Йорк таймс», в которой дал жесткий ответ моему рецензенту. Затем в «Нью-Йорк букс ревью» была опубликована выверенная рецензия английского историка, которая подарила мне проблеск надежды. Но я все еще была так уязвлена, что боялась высываться, и думала, что никогда снова не смогу что-нибудь написать. «Земля Жар-птицы» казалась мне совершенно уничтоженной и похороненной⁸.

Однако в русской общине все восприняли иначе. С боевым кличем: «На книгу нападают!» — русские, жившие в Соединенных Штатах, включая православных священников, встали на мою защиту, и я стала получать благодарственные письма от русских со всего света. Я послала свою рукопись Александру Солженицыну в Вермонт, где он жил в уединении, и получила в ответ настолько трогательное письмо, что расплакалась⁹. Через несколько дней после того как та рецензия была опубликована, мне позвонил Александр Гинзбург, один из героических советских диссидентов и любимец «Нью-Йорк таймс». Он ободрил меня и сказал: «Это даже хорошо, что так грубо. Так всегда говорит Александр Исаевич, — и добавил: — Я могу написать письмо в “Таймс”, но не думаю, что они его напечатают. Мы будем бороться.

Мы используем другое оружие». Читая свои лекции по всей Америке, он всегда брал мою книгу и рекомендовал ее в колледжах и университетах в качестве необходимого чтения.

Благодарю Господа, что большая часть Америки не читает «Нью-Йорк таймс»! «Жар-птица» стала успехом и постоянно переиздается уже 33 года. Ее используют в университетах и колледжах и берут с собой туристы. Книга добралась даже до самых дальних уголков Советского Союза, где англоязычные гиды до сих пор основываются на ней, когда работают и со своими соотечественниками, и с иностранцами¹⁰.

Меня начали приглашать читать лекции, причем, организатор лекций в 1980 году сказал мне, что «мужчины не любят слушать о политике из уст женщин», и делал мне предложения о лекциях исключительно в женских клубах и музеях.

За всеми этими жизненными перипетиями я едва обратила внимание на то, что в ноябре 1980 года на свой первый срок был избран Рональд Рейган. Я не голосовала за него и разделяла мнение моих друзей из числа либеральных журналистов, считавших его голливудским легковесом. Я участвовала в кампании сенатора Генри Джексона. Когда в январе Рейган приступил к исполнению своих обязанностей, его со всех сторон окружала целая фаланга сторонников жесткого курса: государственный секретарь Александр Хейг, советник по вопросам национальной безопасности Ричард Аллен и Ричард Пайпс, отвечавший за Советский Союз и Восточную Европу в Совете по национальной безопасности. Все, что еще оставалось в области наших культурных контактов, так это гастроль балета в сопровождении людей из КГБ, приезжавшего для демонстрации достижений «советской культуры» и для зарабатывания денег своему государству.

Соединенные Штаты продолжали политику в отношении коммунистического режима как законно представлявшего русский народ, отказываясь даже рассматривать возможность каких-либо изменений. Слова *русский* и *советский* оставались синонимами на все случаи жизни, тогда как в реальности они различались. То, что об этом думают сами русские, каково действительное значение культуры и религии, — все это игнорировалось или не принималось в расчет как нечто несущественное. «Почему всегда говорят о советских спутниках и русских танках?» — с грустью спросил меня однажды один

из ленинградских друзей, и это замечание с точностью обрисовывало положение вещей. Стереотипное восприятие доминировало во всех официальных заявлениях и в средствах массовой информации. Вот несколько случайных примеров: «цари и комиссары» — это одно и то же; русские «апатичны», и у них ментальность «рабов»; все «прогнило перед Революцией»; русские «всегда жили под игом деспотичных правителей»; Православная церковь «коррумпирована»; «коммунизм, пусть и жесток, но он добился социальных достижений, никогда прежде не существовавших». (И кроме всего прочего, нельзя ведь сделать яичницу, не разбив яйца. Сколько надо разбить? И что это будет за яичница?) Я видела, что все это совершенно противоречит тому, что об этом думают большинство русских в Советском Союзе, которые считали, что они стали жертвами советского режима в большей мере, чем люди в других советских республиках; что они составляют большинство в стране и что ради создания нового советского человека им приходится терпеть разрушение, вульгаризацию их культуры и надругательство над их религией.

Таково было дыхание атмосферы в то время, когда Рейган пришел к власти. Будь у меня самые смелые мечты, я никогда бы не могла подумать, что именно это событие не только вернет меня в Советский Союз, но и приведет в Овальный кабинет, что моя жизнь изменится самым драматическим образом благодаря цепи приключений и что все предыдущие годы окажутся лишь прологом к этим событиям. Все мои усилия вернуться в Россию казались абсолютно безнадежными. И когда я уже была готова все бросить, меня спасла армия Соединенных Штатов.

ВОЕННЫЕ КРОШАТ СТЕНУ

Еще со времен моей учебы в Вассар-колледже мне всегда было комфортно в общении с военными. Мне нравятся их вежливость, дисциплина и серьезное ко всему отношение. В своих сияющих надраенных ботинках, чистых до хруста отутюженных брюках с острыми, как лезвие ножа, стрелками, и своей выправкой они напоминали мне бойскаутов и лучших из наших пожарных и полицейских. Большинство из них шли в армию не ради денег, а потому что им нравилась служба. Их девиз «Долг, честь,

страна» утверждает идеи, в которых среди болтовни нашего пустого телеговорящего общества слышится благородный отзвук XIX века.

Вест-Пойнт находился всего в получасе езды на автобусе от Вассара, и первыми военными в моей жизни были кадеты, которых я там повстречала. Я была знакома и с гардемаринами из Военно-морской академии в Аннаполисе, где меня однажды даже избрали редактором их ежегодника под названием «Дамский корабельный журнал». Я запомнила и бал в Аннаполисе с «танцем колец» (*ring dance*) для слушателей Военно-морской академии, заканчивающих третий, предпоследний курс*, как одно из самых ярких событий моего участия в общественной жизни за все годы учебы в колледже. На самом деле от тех дней, когда я бывала в обеих академиях, у меня не осталось никаких других воспоминаний, кроме самых хороших. Я всегда сожалела, что ни у одной из двух дочерей не было случая побывать там на танцевальных вечерах (в Вест-Пойнте их называли «прыгалками» — *Hops*). В своем бальном платье в пол и длинных перчатках, с обязательной танцевальной карточкой на запястье, где каждый танец был записан за очередным кавалером, я могла танцевать до упаду. После танцев с горячими курсантами в белых перчатках и серых мундирах, украшенных двумя рядами золотых пуговиц, мы прогуливались по широкой веранде и восхищались волшебным видом на реку Гудзон, блестящую в лунном свете.

Именно военные оказали мне первую серьезную поддержку в самом начале моей деятельности в качестве «руки России». Совершенно случайно в 1976 году в гостях у журналиста Хедрика (Рика) Смита я встретила с полковником Уильямом Одомом и его женой. Рик только что, в 1975 году, опубликовал свой бестселлер «Русские» (*The Russians*) и познакомился с Одомом, который служил армейским атташе в Москве (1972—1974). В то время Билл был профессором и преподавал историю и политические науки в Вест-Пойнте, и та самая первая встреча стала началом долгой дружбы с ним и его женой Энн. Билл был выдающимся мыслителем в области военного дела с острым как лезвие бритвы умом, считавшимся экспертом в российских и советских делах. С конца 1977 по 1981 год

* Во время танца пары проходят через огромное кольцо как через ворота, останавливаются в нем, и девушка надевает на палец курсанта кольцо — символ того, что курсант становится морским офицером.

он работал в Белом доме советником по национальной безопасности президента Картера. В 1981 году он стал генерал-майором. Будучи откровенным по натуре человеком, в своих суждениях Билл мог быть резким и критичным. Многие побаивались его острых и неожиданных аргументов, но мне всегда нравилось пикироваться с ним, и я говорила, что он мне нужен, чтобы «вытащить соринку» из моего стиля мышления. Среди многих его живых и емких суждений я никогда не забуду одно: «Работа военных состоит в том, чтобы обойтись без войны, но уж если война начата, ее надо выиграть»¹¹.

Билл стал тем человеком, который впервые пригласил меня прийти в Вест-Пойнт и выступить в рамках занятий по политической подготовке на тему диссидентского движения в Советском Союзе. Позднее я помогла организовать в Вест-Пойнте лекции двух ведущих фигур движения диссидентов — Павла Литвинова и генерал-майора Петра Григоренко¹². Академия произвела большое впечатление на обоих. Билл был окружен группой выдающихся преподавателей, все они в чине майора, среди них — Тайрус Кобб¹³ и Джон Конкэннон. Последний являлся выдающимся лингвистом. В обучении кадетов русскому языку Джон использовал некоторые стихи из моей книги «Живое зеркало: пять молодых ленинградских поэтов». Спустя несколько лет в качестве военного атташе посольства в Москве Джон оказал мне немалую помощь. Еще одним человеком в этом кругу был Роберт Иваньи, сын венгерских эмигрантов и бывшая звезда армейской футбольной команды, который продолжил свою карьеру в Белом доме, отвечая за «ядерный чемоданчик» и дослужившись до звания генерал-майора. В 1976 году вместе с группой офицеров он приходил на мою первую лекцию о русской культуре в музее «Метрополитен», где своим великолепным внешним видом и впечатляющей военной выправкой привел в восхищение всех леди из лекционного отдела. Одна из них только что не пела: «Ох уж эти венгры! Из них получаются самые блестящие военные!»

В 1977 году Билл Одом пригласил меня принять участие в ежегодной студенческой конференции (SCUSA) в Вест-Пойнте¹⁴, посвященной политике США в отношении СССР и ситуации в области ядерных вооружений. Здесь я приняла боевое крещение, впервые выступив на семинаре, где я была единственной женщиной из тридцати присутствующих — военных, чиновников Госдепартамента и гражданских лиц. На

конференции меня опекал майор Тайрус (Тай) Кобб. Мы уже достаточно хорошо знали друг друга, он и его жена Суэллен тоже стали моими друзьями. Таю в 1983 году было присвоено звание подполковника, и он получил назначение в штат Совета по национальной безопасности.

Военные постоянно поддерживали меня, и без этой помощи я, наверное, дальше бы не продвинулась. Я научилась многому от офицеров, с которыми встречалась. Так, я стремилась выработать у себя их восхитительную способность обсуждать самые трудные вопросы и противоположные точки зрения без всякой горячности. Встречи с ними подсказали мне, как научиться отстаивать свою точку зрения в спокойной, но при этом более твердой манере.

В июне 1981 года Билл пригласил меня в Вест-Пойнт, чтобы встретиться с Урсулой и Эдвином Миз¹⁵, воспользовавшись церемонией окончания академии их сыном. В тот раз я впервые увидела президента Рейгана, который выступал с приветствием выпускникам. Я сидела сразу за Нэнси Рейган, даже под палящим солнцем выглядевшей безукоризненной и свежей в своем розовом жакете и плиссированной клетчатой юбке в пастельных тонах. Я не могла себе даже представить, что уже через несколько лет познакомлюсь и встречу с ними обоими.

В последующие годы меня продолжали приглашать с лекциями три военных колледжа¹⁶, и от этих лекций у меня остались самые добрые воспоминания. В Военном колледже армии США в Карлайле, Пенсильвания, я участвовала в семинаре, где оказалась единственной женщиной из двадцати одного участника, все полковники; там был еще саудовский генерал, который, разумеется, удивился встрече с женщиной в таком месте. Из всех старших офицеров, с кем мне довелось встречаться, наибольшее впечатление на меня произвел генерал Эндрю Гудпастер. В своей великолепной речи в Карлайле он цитировал Черчилля, Платона, Рузвельта и Шекспира и ни разу не использовал слова *советский* и *русский* неверно. Импозантный и элегантный мужчина, Гудпастер был отличным солдатом и государственным деятелем одновременно, вполне в духе Джорджа Маршалла. Признанный герой Второй мировой войны, за время своей военной службы он служил адъютантом Джорджа Маршалла и был близким советником генерала Дуайта Эйзенхауэра, ставшего президентом. Был он и Верховным главнокомандующим войск НАТО в 1969–1974 годах. Когда мы с ним встретились, он только что был назначен суперинтендантом,

то есть начальником Вест-Пойнта¹⁷. Он пригласил меня прочитать лекцию о русском искусстве и культуре перед общим собранием кадетов академии, мудро сказав при этом: «Чтобы знать, за что люди будут сражаться, вам нужно узнать, что они любят».

Офицеры, с которыми я была знакома, были более открытыми, менее зашоренными и, как ни парадоксально, более антивоенно настроенными людьми, чем гражданские чиновники, с которыми им (и мне тоже) приходилось иметь дело. Если потребуется в двух словах охарактеризовать мое мнение о высших военных кадрах, с которыми мне повезло встречаться, то этими словами будут *ответственность* и *сдержанность*. В отличие от гражданских они хорошо знали, что значит посылать людей на битву, где их могли ждать ранение или смерть. Для них это не абстракция. И в отличие от многих других государств нашей стране никогда не приходилось опасаться того, что военные бросят вызов или свергнут собственное правительство. Нам посчастливилось, что они такие.

Военные всегда относились ко мне с уважением; в отличие от них чиновники, завистливые, часто ненадежные, заботящиеся лишь о собственном продвижении и положении, всегда стремящиеся одержать верх над тобой, старались очернить меня и сбить с толку. Военные были другими, они часто находились в поиске иной, отличной от уже имеющейся у них информации, потому что, как они мне говорили, «это помогает нам лучше делать свое дело». Один полковник в Военном колледже армии США сказал: «Наши компьютеры дают много информации, но они не сообщают, как свести ее воедино».

Однажды я спросила психиатра, почему военные выглядят менее обеспокоенными, чем чиновники, когда сталкиваются с женщиной, имеющей взгляды, резко отличающиеся от их собственных. «Моя дорогая, — весело ответил он, — это потому, что мужские достоинства они носят на груди». С тех пор я чувствую, что мне стоит скромно потупить взор, как только я вижу увешанный орденами ленточками китель высокопоставленного офицера. Но в этом шутовском замечании немало правды: военные не боялись, что я могу отнять у них место.

Я обнаружила, что наши военные всегда лучше информированы о том, что происходит в Советском Союзе, и лучше в этом разбираются, часто оказываются умнее чиновников, зашоренных рамками своих одномер-

ных политологических моделей, приверженных к сохранению статус-кво и убежденных, что ничего изменить нельзя¹⁸.

Довольно давно в военных кругах заметили ту направленность в чувствах русских (не советских), которую я увидела тоже, вначале в том, что касалось растущего интереса к собственному народу и своей идентичности, все больше занимавшей русских людей. Каждый из военных, кого направляли в Советский Союз, хорошо говорил и читал по-русски, в то время как многие из наших дипломатов, даже некоторые послы, едва могли сказать хоть слово. В Государственном департаменте Советский Союз считался «постом лишений», на который претендовали в ожидании компенсации. С военными дело обстояло иначе. Туда не посылали никого, кто бы не обладал необходимой квалификацией, и только тех, кто этого желал.

* * *

Позиция христианского всепрощения, занятая президентом Джимми Картером, публично расцеловавшегося с Брежневым, смутила Советы, убедила их в том, что мы слабаки. И снова к случаю подходит русская пословица: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит». Советы усилили свой непрекращающийся нажим по всем границам (Ангола, Афганистан), что вылилось в возросшую напряженность отношений и американский бойкот Олимпийских игр в Москве в 1980 году.

Когда Рейган в январе 1981 года вступил в должность, в Советском Союзе его репутация была хорошо известна. И хотя до того момента, когда он назвал Советы «империей зла», оставалось еще два года, его сильная, бескомпромиссная антикоммунистическая позиция наряду с убежденностью, что Америка может служить примером, способным принести мир и благосостояние всем, заставила Советы почувствовать себя очень неуютно. Людям из Кремля был любопытен этот новый лидер, и они пытались найти к нему подход. В период ухудшавшихся отношений они вновь начали переосмысливать собственные позиции и принялись прощупывать наших военных. В 1980 году Тай Кобб стал первым военнослужащим, получившим исследовательский грант IREX¹⁹ на поездку в Советский Союз. Он хотел подготовить диссертацию по советскому Генеральному штабу, но в доступе к архиву Министерства обороны ему было отказано. Переформулировав свою тему и избрав

в качестве главного объекта исследования советскую энергетическую индустрию, он такое разрешение получил. Приехав в Москву, он получил возможность пообщаться с советскими аналитиками в ИМЭМО²⁰ и Институте военной истории в самом конце брежневского периода, как раз в то время, когда первые глухие признаки изменений лишь начали проявлять себя под поверхностью агонизирующей советской системы. Он вспоминает: «Русские политические аналитики начали готовить доклады о будущем страны, вполне солидные, но пугающие». У него появилось ощущение, что многие из тех русских, кого он встречал, «пытались искать пути выхода из той дилеммы, в которой находилась их страна, еще до того, как руководство оказалось готовым признать необходимость изменений».

Тай Кобб был единственным человеком, проявившим настоящий интерес к моим усилиям вернуть себе визу, и именно ему, обладавшему силой информированного воображения, довелось проделать брешь в каменной стене молчания и отказов, о которую я билась в течение девяти долгих лет.

Когда осенью 1980 года вышла в свет книга «Земля Жар-птицы», на меня нападали, меня поносили и высмеивали на страницах «Нью-Йорк таймс», но только не со стороны моих друзей военных, закупивших множество экземпляров. Тем не менее я была удивлена, когда перед самым отъездом в Москву Тай позвонил и попросил:

— Не могли бы вы дать мне семь экземпляров книги?

Я восприняла его просьбу как акт героизма, потому что книги были в переплете и весили много.

— И не могли бы вы подписать их?

— Конечно, — ответила я, и он дал мне список имен, который удивил меня еще больше: Георгий Арбатов, генерал Михаил Мильштейн и другие светила Института США и Канады Академии наук СССР²¹. Я не спросила, зачем ему все это понадобилось.

Вернувшись из Москвы через несколько месяцев, Тай опять позвонил мне и стал рассказывать о том, как он выкладывал книги на стол тому или другому джентльмену, кому я их подписала. Вначале, сказал он, они никак на это не реагировали. Но затем ему задали вопрос:

— И вам знакома эта дама?

Естественно, он ответил утвердительно.

— Интересная женщина, — продолжил спрашивающий, — мы хотели бы поговорить с ней.

— Прекрасно, — сказал Тай, — так получилось, что и она хотела бы поговорить с вами, но, к сожалению, она не может получить визы.

Далее он продолжил говорить со мной в загадочном тоне:

— Вам надо повидаться с..., — и назвал имя человека, связанного с советским посольством в Вашингтоне.

Я только спросила:

— Он занимает достаточно высокое положение?

— Думаю, да, — ответил Тай.

Зная, что Тай связан с военной разведкой, я предположила, что он знает, о чем говорит. Я записала имя человека, о котором мы говорили, и вновь отправилась в столицу, готовая к очередным попыткам.

ГЛАВА 3

НАЗАД В СССР

*Отношения между сверхдержавами
не просто плохие, их не существует.*

Государственный секретарь
Джордж Шульц, 1982 год¹

После всех унижений, которые я претерпела в Советском Союзе, и многолетних бесплодных усилий заполучить визу мне пришлось набраться храбрости, чтобы взять телефонную трубку. Поразительно, но вечно занятый номер телефона советского посольства на сей раз был свободен. Я представилась, и после небольшой паузы меня соединили с человеком, обладавшим мягким голосом, говорившим по-английски совершенно свободно, лишь с легким русским акцентом. Он учтиво сказал, что готов встретиться со мной, и предложил посетить советское посольство. После моих прений с таинственными «таможенниками» в советском аэропорту я опасалась идти туда и, поколебавшись, сказала, что лучше бы встретиться где-то еще. Он предложил вестибюль отеля «Джефферсон» напротив посольства.

— Как я вас узнаю? — спросила я.

— Ну, я светловолосый, — ответил он, — на мне будет синий костюм, а плащ переброшен через правую руку.

Все это настолько выглядело карикатурой на шпионские фильмы, которые я видела, что я тут же шутливо ответила:

— Я небольшого роста, блондинка, кругленькая, и мой плащ будет переброшен через левую руку.

Так я встретилась с Валентином Михайловичем Бережковым, которому предстояло сыграть ключевую роль в получении мною разрешения вернуться в Советский Союз.

Все было так, как он и обещал. Он действительно являлся обладателем копны светлых волос, а его глаза были голубыми и яркими, но ищущими. Его голос казался мягким, а манеры изысканными, что выгодно

отличало его от грубоватых советских чиновников, чья манера одеваться предусматривала ношение мешковатых (и нередко пропотевших) костюмов и стоптанных башмаков, что очень напоминало мне то, как в бытность ооновским корреспондентом «Ньюсуик» одевался мой бывший муж Боб Масси. На Бережкове были хорошо сшитый темно-синий костюм, который отлично на нем сидел, белая рубашка и шелковый галстук. Он предложил пойти в испанский ресторан и повез меня на своем бледно-голубом «кадиллаке». Я не знала ни того, какую он занимал должность, ни того, почему Тай был уверен, что Валентин именно тот, кто мне нужен, но было ясно, что сам он уверен в своих полномочиях. На самом деле позднее я узнала, что Бережков был единственным человеком в советском посольстве, которому разрешалось жить за пределами окруженного забором с колючей проволокой квартала, называемого членами советской делегации в Вашингтоне домом. Я не припомню деталей нашего первого разговора, но помню совершенно точно, что не в пример идеологически ограниченным советским чиновникам, с которыми мне приходилось сталкиваться, он хорошо знал Соединенные Штаты, и хотя иногда я слышала от него обязательные критические штампы в духе советской пропаганды, он восхищался Америкой и американцами.

Когда имеешь дело с Советами, то все поначалу движется медленно. И прежде чем перейти к существу вопроса, приходится изрядно позаниматься болтовней и мелким жульничеством. Я рассказала ему кое-что из моего опыта поездок в Советский Союз, но в тот день мы совсем не говорили о моей визе. Фактически прошло немало времени, прежде чем мы коснулись того, что меня волновало. Но я установила прямой контакт и доверилась Коббу.

Мы так и не коснулись самого важного вопроса на протяжении целого года, прошедшего после первой встречи, — до самой смерти Брежнева 10 ноября 1982 года. Телекамеры ухватили момент, когда жена генерального секретаря перекрестила его тело. «Как это странно», — заметил комментатор, впрочем, он быстро оставил эту тему как несущественную.

Генеральным секретарем Коммунистической партии и руководителем Советского Союза 12 ноября 1982 года стал Юрий Владимирович Андропов. В свое время он был главой КГБ, и в США его называли «палачом Будапешта» за жестокую роль, которую он сыграл в подавлении венгерской революции в 1956 году. Задним числом понимаешь, думая об этом

остающемся таинственным человеке, который пробыл у власти лишь пятнадцать месяцев, как странно, что именно его приход к власти отметил начало конца коммунизма в СССР. О нем мало что известно достоверно. До сих пор мы почти ничего не знаем об этой закрытой фигуре, о том, какое у него было образование, каков его военный опыт, каковы были его предпочтения в музыке и литературе, о чем он думал и знал ли он иностранные языки — даже то, насколько высоким он был. Мало что известно о его семье, его считали вдовцом, пока его жена Татьяна не появилась на похоронах. Одиночка, глава КГБ, он не был похож на остальных высших партийных руководителей. Но по мере того как проходит время, его репутация все возрастает. Он помог многим из руководителей более молодого поколения продвинуться по ступенькам правительственной лестницы, и одним из них был Михаил Сергеевич Горбачев. Список тех, кому он покровительствовал, сегодня выглядит как основа для справочника о тех, кто возглавлял перемены в Советском Союзе². В своих лекциях того времени я всегда говорила, что каждый советский гражданин носит свою маску и чем выше положение человека, тем плотнее его маска: «Если и есть кто-то способный на перемены, то мы его не распознаем». И хотя истеблишмент на Западе, привыкший иметь дело в рамках сложившегося статус-кво с древними «кремлевскими динозаврами», не слишком много внимания уделял скрытой части айсберга, Горбачев все-таки стал первым из поколения «хрущевской оттепели», кто проник в высшее руководство.

После того как бывший глава КГБ Андропов пришел к власти, я подумала, что, возможно, мой человек теперь занимает более влиятельное положение, чем раньше. И хотя я не видела и не говорила с ним уже несколько месяцев, я решила воспользоваться случаем и позвонила Валентину.

Он тепло приветствовал меня: «Ах, Сюзанна, я думал о вас».

Я вторила ему в таком же приветливом духе: «И я о вас». И хотя я не собиралась ехать в Вашингтон, все же решила немного соврать наудачу: «На следующей неделе я буду в Вашингтоне и хотела узнать, нельзя ли нам увидеться».

К моему удивлению, он с энтузиазмом отнесся к такой возможности. «О да, я буду рад увидеться с вами у нас дома, и Лера приготовит настоящие русские блюда!» Для времен холодной войны это было чрезвычайное приглашение, так что я, конечно, полетела в Вашингтон.

Стоило мне войти в его комфортабельную квартиру, как я увидела множество фотографий на стенах, ясно указывавших на исключительное положение хозяина. Одна из них представляла собой хорошо известный снимок триумvirата на Ялтинской конференции, но имела небольшое отличие от общепринятых вариантов. На официальных снимках видны лишь Сталин, Черчилль и Рузвельт, сидящие в креслах на веранде Ливадийского дворца, когда-то служившего летней резиденцией Николая II, но эта фотография была чуть шире. За Сталиным, опершись на колонну, стоял щеголеватый молодой человек в темном костюме; это был переводчик Сталина, в котором я сразу распознала Валентина Михайловича Бережкова. Там была еще одна фотография, теперь уже с Риббентропом и Молотовым перед подписанием ими германо-советского пакта о ненападении 1939 года. На ней у локтя Молотова расположился все тот же Валентин, только моложе, свободно говоривший как по-английски, так и по-немецки, который был переводчиком и у Молотова.

Лера действительно приготовила прекрасный русский стол специально под водку. Подкрепившись и собрав всю свою решимость, я в самом конце застолья решилась все же поднять вопрос о моей визе.

— Валентин, — смело начала я, — любая страна за такие книги, которые я написала о вас, уже давно дала бы мне медаль.

— Да, конечно, — согласно кивнул он, — но если мы такую медаль вам дадим, вы ее примете? Хотите стать Героем Советского Союза?

Не знаю, откуда у меня взялись слова для ответа:

— Нет. Намного больше, я хотела бы стать Героем *Земли Русской*. Это звучит намного более поэтично, не так ли?

И вот после этой легкой пикировки за обеденным столом, когда Лера благоразумно растворилась где-то в кухонных эмпиреях, я наконец спросила: «Ну хорошо, Валентин, что там с моей визой? Я прекрасно знаю, чем американцы иногда занимаются в Советском Союзе, и никогда ничего подобного не делала». На сей раз он открыл блокнот и стал деловито записывать рассказ обо всех перипетиях моей истории.

Когда мы закончили, он, к моему удивлению, достал экземпляр моей книги «Земля Жар-птицы» и попросил, чтобы я надписала ее Андропову. Я смутилась. У меня не было ни малейшего намерения писать «Юрию Владимировичу с наилучшими пожеланиями». Подумав немного, я надписала книгу так: «Юрию Владимировичу с надеждой

на будущее великой Русской земли». И никакого Советского Союза. И я ушла.

Был декабрь 1982 года. Тай совершил то, чего не могли сделать сенаторы и Государственный департамент. Он связал меня с правильным человеком. Почему он это сделал? Меня всегда это занимало. Быть может, потому, что он следовал максиме Одома и тоже считал, что ремесло военных состоит в том, чтобы не допускать войны? Каковы бы ни были причины, на этот раз результаты должны были быть.

* * *

В самом начале 1983 года я проводила время в писательских трудах в Нью-Йорке на квартире у друзей в *Hotel des Artistes* на Шестьдесят седьмой улице. Я работала над романом, который никак не подвигался. Я все еще была зациклена на одном — хотела вернуться в Ленинград и сделать книгу об истории дворца в Павловске, написать что-то честное о Советском Союзе, такое, что Запад смог бы понять и принять: замечательную историю об истовой преданности русских делу восстановления сокровищ прошлого, разрушенных во время Второй мировой войны, историю, которую Запад совершенно игнорировал. Эта тема была очень далека от всех забот, одолевавших Вашингтон, от холодной войны и ухудшения американско-советских отношений. Темой не заинтересовался ни один издатель. Что там думают русские, имеет ли для них потенциальную важность их дореволюционная история и культура — все это считалось неактуальным. Моя книга была прямым вызовом этим соображениям. Все говорили только о диссидентах. Кого интересует замечательная реставрация дворцов русских царей? Я все еще пыталась получить для себя визу, но эти попытки казались еще более тщетными, чем прежние. Из-за разрыва соглашения о культурном обмене не осталась никаких академических связей. Так обстояли дела, когда совершенно неожиданно для себя я получила новости, приведшие в движение целую цепь событий, которые в конечном счете втянули меня в самый эпицентр отношений между сверхдержавами.

Однажды холодным зимним вечером в начале февраля в моем доме в Ирвингтоне раздался телефонный звонок. Я сняла трубку и на другом конце провода услышала мягкий акцент Валентина Михайловича Бережкова. Со времени нашего обеда в декабре в Вашингтоне мы не общались.

Безо всякой преамбулы он просто сказал мне: «Я разговаривал с Москвой. Все в порядке. Вы можете отправляться, когда захотите. Можете строить конкретные планы». И все. И это после одиннадцати лет ссылки и всей моей бесплодной борьбы с бюрократами по обе стороны!

Годы разочарований и предосторожности по отношению ко всем советским официальным лицам оставили на мне такой глубокий отпечаток, что, едва преодолевая изумление и растущий восторг, я выдала спокойный ответ, способный служить шедевром сдержанности: «Спасибо. Я подумаю об этом».

Положив трубку, я съехала на пол. Неужели это правда? Возможно ли мне снова вернуться? Позже я шутила, что только Советский Союз способен устроить выставку-ретроспективу, составленную из моих паспортных фотографий в стиле Энди Уорхола, используя для этого отвергнутые ими мои заявления на визу. Каждый раз требовалось сдать по три фотографии, при этом две помещались на саму визу, которую забирали при отъезде из страны. Меня всегда интересовало, что они делают с третьим фото. Его выбрасывают или оно хранится в неведомых подвалах в архивах КГБ? И зачем? Несмотря на то что, по словам поэта Виктора Сосноры, переданным мне его другом, приехавшим из Советского Союза, ему сказали в КГБ, что мне запретили въезд *навсегда*, мне все-таки удалось добиться своего. Но как? Лишь спустя много лет мне предстояло узнать ответ.

Как бы то ни было, преисполнившись надежд, я последовала совету и снова подала заявку на получение визы. Я хотела поехать на православную Пасху, которая в тот год приходилась на 25 апреля. И опять мне отказали, но теперь это был Интурист. Они извинились, но свободных номеров в отелях нет.

Я позвонила Бережкову и сказала:

— Валентин, похоже, для меня в Советском Союзе номеров в отелях нет.

На этот раз его голос зазвучал зло и нервно:

— Им [то есть Интуристу] нечего лезть в эти дела!

— Но, кажется, они все-таки лезут, — сказала я. — Надеюсь на вас, Валентин Михайлович.

Через несколько недель он позвонил мне, чтобы сказать, что в Нью-Йорк должен приехать Георгий Арбатов, могущественный директор Института США и Канады, возглавлявший этот весьма авторитетный

московский мозговой центр. Арбатов часто приезжал в Соединенные Штаты, и считалось, что по вопросам американо-советских отношений он говорит от имени самого верха.

Обязательный участник американских теледискуссий и любимец интервьюеров и организаторов конференций, он, как говорили, был ближайшим советником Брежнева по всем аспектам американской политики, и хотя я колебалась, Валентин решительно настаивал на том, чтобы я увиделась с Арбатовым. Намечался прием в советском представительстве при ООН, и Бережков послал мне приглашение.

Одевшись строго, во все черное, я с опаской приближалась к зданию на Шестьдесят седьмой улице с его плотно запертыми, пугающими дверями. Я нередко участвовала в демонстрациях перед этим запретным для меня зданием вместе с Кэрл Чэннинг, Джоэлом Греем и другими людьми из шоу-бизнеса, держа в руках плакаты в поддержку диссидентов в Советском Союзе, включая великого танцовщика и моего друга Валерия Панова, томившегося под домашним арестом в Ленинграде. Множество всевидящих камер, установленных на здании, люди на крыше в белых комбинезонах, выглядевшие как зловещие снеговики, фотографировали всех нас сверху, но внутри я ни разу не была. Тем холодным зимним вечером, волнуясь и собрав остатки храбрости, я нерешительно постучала в дверь. Она не была заперта, и неприветливый охранник открыл ее передо мной. На входе было совсем пусто — одна только вешалка. Еще один строгий человек, подозрительно посмотрев на меня, спросил мое имя и безмолвно принял у меня пальто. С ощущением, что я уже каким-то образом очутилась в Москве, я прошла через чинные залы с расставленными в них креслами в красно-коричневой коже — совсем в советском стиле, мимо портретов Ленина и Андропова и вошла в большой зал приемов, где уже собралась толпа гостей. На длинном столе, уставленном закусками, в небольшой кружок были поставлены бутылки водки, вина и минеральной воды. Валентин, слава Богу, уже был здесь и быстро повел меня знакомиться с Георгием Аркадьевичем Арбатовым.

Арбатов оказался высоким человеком, далеко за пятьдесят, чей длинный нос и еще более вытянутое довольное лицо придавали ему вид постаревшего блаухаунда. В гладкой манере советских чиновников, привыкших иметь дело с иностранцами, не упомянув о моей визе напрямую, он приветствовал меня с легкой улыбкой:

— Я так понимаю, что у вас есть некоторые проблемы с нашими бюрократами.

Еще бы, сказала я про себя.

И он приветливо продолжил:

— И у меня они есть тоже. Попробуйте подать заявление снова.

Я ответила ему, что не могу приехать раньше сентября.

Он лишь повторил:

— Попробуйте снова, — и двинулся дальше. Весь обмен фразами занял не больше двух минут. Я постояла чуть дольше, перебросилась парой слов с другими советскими официальными лицами, обменялась рукопожатием с Олегом Трояновским, советским представителем при ООН, и довольно быстро ретировалась, с облегчением покинув давящую советскую атмосферу и вновь оказавшись на шумных улицах Нью-Йорка.

Следуя совету Арбатова, через несколько месяцев я снова подала заявление на получение визы, полагая, что его опять отвергнут. Но на этот раз никаких сложностей не возникло, и я получила долгожданную визу. Оказалось, что вынужденная задержка стала судьбоносной, поскольку в последний момент произошла трагическая международная катастрофа, чуть не сорвавшая мою поездку.

Первого сентября 1983 года пилот советского истребителя сбил гражданский корейский авиалайнер, который таинственным образом залетел в советское воздушное пространство. Погибло 269 пассажиров, летевших на самолете авиакомпании KAL, включая шестьдесят одного американца. Разыгралась настоящая буря международных протестов, посыпались гневные осуждающие заявления. Демонизация советского правительства, да и русских в целом в самих Соединенных Штатах приобрела новые масштабы. Докеры в калифорнийском порту Лонг-Бич были готовы напасть на моряков с советских судов, стоявших в гавани. Губернаторы штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси не дали разрешения приземлиться самолету, на борту которого находился министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, направлявшийся в ООН. В Техасе американцы принимались стрелять в телевизоры, если видели русских на экране. В Вермонте застрелили молодую женщину, к несчастью, оказавшуюся русской.

За несколько месяцев до этого администрация Рейгана попыталась добиться от советского правительства согласия на открытие консульства в Киеве и возобновление Соглашения о культурном обмене,

приостановленного при президенте Картере после советского вторжения в Афганистан. Но после катастрофы с самолетом авиакомпании KAL всякие переговоры прекратились. Невзирая на решительные протесты с советской стороны, США вернулись к своим планам о размещении ракет «Першинг» в Европе. Все дипломатические контакты между США и СССР были решительно остановлены. Столбик температуры холодной войны опустился до значений глубокой и всеобщей заморозки.

Советы решительно настаивали, что авиалайнер был шпионским самолетом, не отвечавшим на предупреждения. Сеймур Херш в своей книге «Цель уничтожена» (*The Target is Destroyed*) дотошно проследил всю хронологию события и показал, что причиной его были как трагические ошибки в расчетах пилотов рейса 007, так и подозрительность и страхи запаниковавших советских военных. Он пишет, что небольшая группа аналитиков ВВС США подготовила секретный доклад с использованием слайдов, показавший, что разведка ВВС в считанные часы разобралась в том, что Советы не собирались сбивать самолет, но в силу остроты момента их докладу не уделили никакого внимания. Херш завершает свое исследование словами: «Печальным фактом является то, что те в Вашингтоне, кто выбрал курс на обострение международной напряженности и их коллеги в Москве, ответившие на это аналогичным образом, действовали, игнорируя факты. Рейс 007 стал кризисом, оказавшимся намного более опасным из-за взаимного роста непонимания и вызванных этим антисоветских настроений». Итак, была ли это трагическая ошибка, порожденная паранойей холодной войны, или же здесь скрывается что-то еще более злое? По собственному опыту зная, что все, что происходит в Советском Союзе, в действительности может быть совсем иным, чем кажется на первый взгляд, я продолжила свои попытки разобраться. Инцидент произошел в конце лета, в то критическое время года, когда советские лидеры обычно находятся в отпусках. Андропов тяжело болел, и в Москве его не было. Не являлось ли это попыткой устроить переворот со стороны сторонников жесткой линии в Кремле? В последующие годы мне намекали в Москве, что могло быть и так. Как и во всех других случаях, после того как прозвучали первые уверения с советской стороны, что катастрофу тщательным образом расследуют, а ответственных за приказ об уничтожении самолета найдут и накажут, невзирая на попытки орд зарубежных журналистов, пытавшихся полу-

читать дополнительные сведения, почти ничего так и не было сделано. И если какие-то теневые фигуры и могли быть вовлечены в эту трагедию, они так и остались неизвестными до сего дня.

* * *

Майкл Дивер, находившейся вместе с президентом Рейганом в Калифорнии на его любимом Ранчо-дель-Сьело, поведал мне интересную историю о том, как Рейган отреагировал на инцидент: «Рейгана было трудно выгнать с этого ранчо, но я настаивал, говоря, что американский народ хочет видеть его в Вашингтоне. И Рейган безо всякой охоты, как был в джинсах, сапогах, вместе со мной и Стетсоном полетел в Вашингтон, сразу направившись в Ситуационную комнату Белого дома, где все с волнением ожидали, что он будет делать. Какие будут приказы? Поднимут ли по тревоге Шестой флот? Что еще? Он мог сделать все, что хотел! Вместо этого он вытянулся в кресле и сказал: “Мы не будем делать ничего. Мир сделает за нас все. Нам надо думать о наших долгосрочных интересах”». Вот так, публично резко осуждая Советы, он напрямую ничего не сделал им в отместку.

Что касается меня, то даже в такой конфликтной и неопределенной атмосфере, созданной происшествием с южнокорейским самолетом, я не собиралась отказываться от намерения вернуться в СССР спустя одиннадцать долгих лет отсутствия. Друзья искренне недоумевали: «Ты ведь не планируешь отправляться в эту страну *сейчас*?» А я отвечала им, что если понадобится, то пойду туда пешком.

По пути в Москву я ненадолго остановилась в Париже, где должна была состояться встреча друзей Нью-Йоркского городского балета, в которую входили сверхбогатые американские благотворители, путешествовавшие за балетом по всему миру. Участники этой группы в самых разных городах мира старались превзойти друг друга, организуя изобильные коктейльные приемы, званые ужины и дивертисменты до и после балетных спектаклей, на которые сами и слетались, как райские птицы, разодетые в бархат, сверкая блестками, кутаясь в меха, сбивались в надушенные стаи, чирикавая и обмениваясь поцелуями. Меня приняли в эту группу в роли какого-то талисмана на счастье, а совсем не по причине туго набитых карманов.

Вечером накануне того дня, когда мне предстояло лететь в Москву, после балетного спектакля Пьер Карден, знаменитый парижский кутюрье,

устроил общий ужин с шампанским в ресторане «Максим», продолжавшийся до самого утра. Все яростно обсуждали инцидент с южнокорейским лайнером и проклинали русских варваров. Министр обороны Франции со злостью объявил, что Советы назвали лайнер «неопознанным самолетом», и сказал, что цивилизованные страны не сбивают «неопознанные самолеты», а в заключение с горячностью воскликнул: «С ними нельзя иметь дело!» Около двух часов ночи я ускользнула с вечера, чтобы собрать вещи и соснуть хоть пару часов, прежде чем в пять утра отправиться в аэропорт. Официально считалось, что никакие самолеты в Россию не летят, поскольку был объявлен двухнедельный мораторий на все воздушное сообщение с Советским Союзом, который поддерживали и французские летчики. Но я достаточно долго жила во Франции и знала, что французы всегда найдут возможность сделать исключение из общего правила. И я решила попробовать. Продремав в аэропорту несколько часов, я дождалась-таки одного-единственного рейса «Эйр Франс» на Москву. Если не считать работника какого-то африканского посольства, я была на нем единственным пассажиром.

Я испытывала бурю эмоций и, честно признаюсь, некоторый страх. Целых одиннадцать лет прошло, но я не забыла ни безобразного обращения со мной советских таможенников, устроивших мне обыск в аэропорту, ни тех безликих людей-теней, сопровождавших меня повсюду в Ленинграде, когда я отправлялась в гости к своим друзьям. Но, несмотря на все это, у меня выступили слезы на глазах, когда после стольких лет я вновь увидела в иллюминаторе снижавшегося самолета темные леса и разрывавшие их деревни с обветшалыми домиками, что говорило о приближении к аэропорту Шереметьево.

Двадцать третьего сентября после долгих лет вынужденного отсутствия я вернулась в СССР. То, что я увидела, выглядело жутковато и было настолько нереальным, что мои воспоминания меня не покидали. В огромном напоминавшем мавзолей здании аэропорта с его протяженными залами, вознесенными к небесам потолками, темно-бордовыми мраморными колоннами, темно-серыми и тоже мраморными полами было пусто, как в пещере*. В аэропорту не было ни души, за исключением

* В связи с двухнедельным мораторием на авиасообщение с СССР (о чем упоминалось выше) работа международного аэропорта Шереметьево была почти остановлена.

пары солдат, сиротливо стоявших в карауле. Мои шаги гулко разносились по просторным залам, когда я торопливо шла к стойке паспортного контроля. Ничто не изменилось. Как и в прежние времена, пограничник с каменным лицом сидел в закрытой кабине. Молча, но подозрительно он уставился на меня. Его лицо едва освещала маленькая настольная лампа. Переминаясь с ноги на ногу, я попыталась принять совершенно беспечный вид, пока он целую вечность изучал мои документы и медленно заполнял формы, поочередно глядя то в документы, то на меня, вверх и вниз, вверх и вниз, снова и снова, и во мне постепенно стало расти подозрение, будто что-то со мной или документами действительно не так. Затем он снял телефонную трубку, чтобы позвонить своему неведомому начальству. После невнятного обмена фразами по телефону он опять стал смотреть то на меня, то в документы. В конце концов, когда я уже решила, что все мои надежды пошли прахом и меня обязательно арестуют, послышался металлический шлепок штампа. Мне вернули мой паспорт, и воротца контроля, лязгнув, открылись передо мной.

В те времена официальные представители Интуриста еще встречали всех иностранцев, но поскольку никто не ждал никаких самолетов, то никаких встречающих в зале не было. Немного запаниковав, я стала думать о том, как мне добраться до города. Все офисы по обмену валюты стояли закрытыми. Денег я не имела (рубли провозить запрещалось даже тем, у кого они были, хотя для всего остального мира в них не было никакой нужды). Я оглядела весь пустой аэропорт и все-таки заметила неопрятный киоск с табличкой «Интурист». Достав свои трансферные ваучеры, я направилась к киоску и обнаружила в нем малопривлекательное создание с кричащим макияжем, занятое тщательной полировкой своих красных ногтей.

Уже не помню, как я сумела добраться до гостиницы «Интурист»*, расположенной на тогдашней улице Горького (теперь ей вернули исконное название — Тверская) совсем рядом с Красной площадью и Кремлевской стеной. В «Интуристе» у меня был забронирован номер. Отель выглядел еще более запущенным и потертым, чем 11 лет назад. Была пятница, четыре часа пополудни. В городе стояла липкая жара, я чувствовала себя

* На месте разобранной гостиницы «Интурист» ныне находится отель «Ритц-Карлтон».

эмоционально выхолощенной и невыспавшейся. Лишь после долгих препирательств с неприветливой служащей отеля на ресепшене («Вас должны были встретить. Где ваш гид?») я сумела убедить ее в собственном существовании, и она, поворчав, предоставила мне комнату. Кряхтя и позвякивая всеми своими частями, старый лифт с трудом проделал путь наверх и резко остановился, чтобы передохнуть самому. Меня поместили в типичной каморке в советском стиле: узкая и жесткая кровать, спрятавшаяся в нише за слегка выцветшей, плохо закрепленной занавеской, ванная с текущими кранами и обязательными тараканами. Но все это не имело никакого значения. Почувствовав знакомый апельсиновый запах дезинфицирующего средства и услышав за окном шум транспорта на улице Горького, я оказалась буквально захлестнутой эмоциями. Я смогла вернуться назад в СССР!

Будучи хорошо воспитанной, вежливой швейцарской девушкой, я решила, что мне надо позвонить в Институт США и поблагодарить за помощь в получении визы. Я не думала, что кого-то застану на месте, потому что в пятницу с обеда москвичи обычно отправляются на свои дачи, а когда я собралась звонить, было уже далеко за пять часов. Все же я попробовала дозвониться. Однако меня не только сразу соединили с Бережковым, но, что еще более поразительно, он поспешно спросил: «Не можете ли вы приехать к нам прямо сейчас? Мы пришлем машину». Такого со мной не происходило еще никогда. Никто из советских официальных лиц не уделял мне внимания, а учитывая, что меня отлучили от страны более чем на десятилетие, все это выглядело удивительно теплым приветствием.

Чувствуя себя потной невыспавшейся замарашкой, омываемой лишь противоречивыми эмоциями, я судорожно сглотнула и лишь кротко попросила: «Могу я хотя бы руки помыть?» «Да», — ответили мне, но сияющая черная «Волга» подкатила к моему отелю меньше чем через двадцать минут, а водитель дожидался меня внизу. Меня повезли в могущественный Институт США, где я раньше никогда не бывала. Зная о высочайшей репутации института в Америке, я была удивлена тем, что он располагался в желто-белом обветшалом здании XIX века со старомодной крытой аркой подъездных ворот. Институт спрятался на узкой боковой улочке, шедшей параллельно оживленному Калининскому проспекту (теперь его называют Новым Арбатом) с его выстроив-

шимися в линию высотными зданиями. В маленьком полутемном зале-прихожей меня вежливо приветствовал швейцар, проводивший наверх по деревянной лестнице в комнату, где меня ждали Бережков и Виталий Журкин, один из заместителей директора института, с которым я однажды, но довольно давно встречалась в Нью-Йорке. Я не знала, чего мне ожидать.

К моему удивлению, они оба тепло приветствовали меня и участливо поинтересовались: «Что мы можем для вас сделать?» Переполненная эйфорией от своего возвращения, я с улыбкой ответила, что хотела бы посетить церковь и рынок. Эта просьба озадачила их. Никто из них не знал, где поблизости есть церковь и рынок. Журкин отправился звонить по телефону, чтобы это узнать, а Бережков пошел в ближайший книжный магазин за путеводителем. Очевидно, это было совсем не то, что они имели в виду. Я сказала, что хотела бы увидеть Арбатова. Они ответили, что он уже уехал. «Возможно, позже вы с ним встретитесь», — сказали они и предложили мне увидеться еще раз, «чтобы поговорить», в понедельник.

После этой встречи, стоя на углу улицы, окруженная сгущающимися сумерками, расцвеченными лишь огнями Калининского проспекта, я прощалась с Бережковым. «Могла ли я подумать, что буду стоять здесь на углу в Москве — и с вами!» — воскликнула я. Он посмотрел на меня с легкой усмешкой и со значением ответил: «Это потребовало некоторых действий».

Вначале я подумала, что меня приняли с такой быстротой, потому что хотели поговорить с кем-то, все равно с кем, из Штатов и я просто подвернулась под руку. Но, поразмышляв, я поняла, что не все было так просто. Для нашей встречи имелись другие причины: вероятно, Бережков докладывал, что я знаю многих в Вашингтоне, сенаторов и им подобных и что моя книга «Земля Жар-птицы» пользовалась успехом у американской публики. Даже то, что я вообще добралась сюда, появившись внезапно во время моратория на все полеты на единственном самолете, само по себе оказалось значимым. Или, возможно, потому, что, как я узнала спустя три года от высокопоставленного сотрудника КГБ, моя книга, написанная мною для Андропова, была им получена и что сам Андропов принял решение дать мне визу. Может быть, все это и послужило для них причиной послать за мной машину.

В понедельник настроение уже было другое. Ни о каких церквах и рынках не могло быть и речи. Они хотели говорить о политике — и особенно об ужасном состоянии советско-американских отношений. Я была напугана степенью искаженности их восприятия и уровнем подозрительности и враждебности по отношению к Соединенным Штатам. Когда они обратились к теме сбитого корейского лайнера, Журкин стал очень резким и злым, буквально одержимым в своих обвинениях Соединенных Штатов. «Мы считаем, что президент Рейган воюет с нами! Войну способна навлечь ментальность состояния войны! Мы полагаем, что он хочет уничтожить нас!» Он шипел, как кот, загнанный в угол, но продолжил в оборонительном ключе: «Мы и раньше жили в изоляции. Нам не привыкать. Нам никто не нужен!»

За этой напыщенностью я усмотрела чрезвычайную обеспокоенность и отчаяние, сопровождавшиеся стремлением найти какой-то выход, восстановить отношения, не потеряв лица. То что Рейган шесть месяцев назад назвал Советский Союз «империей зла», их очень уязвило. Снова и снова они возвращались к этому, казалось, они воспринимают каждое слово президента как изречение Евангелия, и хотя я пыталась призвать их больше обращать внимания на то, что он делает, а не на то, что говорит, меня не слышали. Я призывала их подумать о свернутом культурном обмене. «Никогда! — твердо отвечали мне. — Пока не выведут ракеты!»

Русские и особенно советские люди по своей природе конспираторы, они с легкостью пускаются на поиски сложных и злонамеренных объяснений для всего. Чуть позже на той же неделе я поняла, что далеко не только бюрократы, но и простые люди испытывают опасения в отношении намерений Рейгана. Почти все русские, которых я встречала, были шокированы и напуганы происшествием с самолетом, и все-таки они спрашивали меня: «Но зачем он два часа летел над нашей территорией?» Налицо были все более ощутимые признаки надвигающейся бури. Один опытный французский дипломат в Москве с тревогой сказал мне, что он никогда не видел «военного психоза», подобному тому, который можно было наблюдать в советских СМИ.

В тот день в Институте США я услышала, что мне не придется встретиться с Арбатовым. «Он очень занят». Это означало: он не думает, что со мной стоит встречаться, и я попробовала зайти с другой стороны.

Речь шла о человеке по имени Радомир Богданов, первом заместителе Арбатова в Институте США. Мне говорили о нем чрезвычайно уважительным тоном как о человеке, обладающем немалой властью в институте и за его пределами. *Первого зама* в Советском Союзе тех дней обычно надлежало знать, потому что от него зависело течение дел, в организации он часто представлял КГБ. В то время КГБ насчитывал 750 тысяч членов. Он являлся настоящим теневым правительством, у которого были свои государственные деятели и дипломаты, журналисты, солдаты, актеры, священники, янычары, женщины-чистильщицы и убийцы. Ни одна организация в Советском Союзе не была вне его наблюдения и контроля. Тай Кобб поведал мне, что Богданов обладает реальной властью. По слухам, он был генералом КГБ, отвечавшим за все операции комитета в Индии. Кое-кто в нашем посольстве считал Богданова одним из высших чинов в ГРУ (военная разведка). Кем бы он ни был, он обладал властью и связями на самом верху. Мой друг, выдающийся гарвардский профессор Адам Улам, потом говорил мне, что однажды встретился с ним на международной конференции в Европе и проникся к нему уважением за высокий уровень компетентности. Как мне сказали, Богданову никогда не разрешали приезжать в Соединенные Штаты, и этот факт подтверждал слухи. Тай сообщил, что мне следует попытаться познакомиться с ним, если такая возможность представится.

Итак, во время моей второй встречи с Бережковым и Журкиным я попросила встречи с Богдановым, но мне ответили, что это невозможно. Он тоже был «очень занят». И вдруг меня осенило. Я воспользовалась шансом и настойчиво попросила о встрече с ним еще раз: «Но у меня для него сообщение от полковника Кобба». Это возымело действие, и вскоре мне сказали, что Богданов совсем не занят, и провели к нему в приемную, а затем пригласили в кабинет.

Ему было за пятьдесят. Коренастый лысеющий темноволосый мужчина выглядел крепко скроенным, как танк. В отличие от большинства советских чиновников, всегда принимающих иностранных посетителей в торжественной официальной обстановке, будучи отделенными от посетителя «железным занавесом» из бутылок с минералкой, Богданов сидел за своим столом без галстука и в рубашке с коротким рукавом, окруженный сугробами из бумаг.

Его ищущие глаза властно, но спокойно остановились на мне. Было видно, что он человек, в силу своего положения привыкший к почтению. С улыбкой, которую, можно было счесть приветливой, я сказала:

— Полковник Кобб шлет вам свои наилучшие пожелания и надеется увидеть вас на конференции в Вене.

— Это все? — спросил он, словно не веря, что кто-то может надеяться отнять у него время для такого тривиального сообщения.

— Да, — ответила я, — это все, что он мне сказал.

Я подумала, что он собирается вышвырнуть меня вон, когда он умолк и снова принялся внимательно оценивать меня своим острым взглядом. Я улучила момент и перешла в наступление.

— Отношения между нашими двумя странами очень плохи и становятся еще хуже. Нужно начинать какой-то диалог. Мы готовы. Что вы думаете о культурном обмене?

— Этот вопрос не рассматривается, — возразил он. — Во всяком случае, до тех пор, пока ракеты не будут убраны (имелись в виду ракеты «Першинг», которые США собирались установить в ноябре в Европе).

Он поднял вопрос о том, собирается ли Рейган бороться за свое переизбрание. Будет ли он снова избран? Я твердо ответила:

— Он будет. Он популярен. Вы знаете, что он победит.

Я перешла к проблеме того, что связано с трагедией KAL. Кто несет за нее ответственность? Он заверил меня, что было сделано все возможное, чтобы установить это. Я сказала:

— Вы совершили ужасную вещь, однако, мир циничен и вы можете выбраться из этой ситуации, а вы делаете это плохо.

— Я согласен с вами, — сказал он. Внезапно его глаза сверкнули, и он буквально взорвался, подчеркивая свои слова, потрясая кулаком:

— Вы! Вы не знаете, насколько близка война!

Пораженная его горячностью, я вначале попыталась опровергнуть его слова, думая про себя: «Он лжет. Они всегда лгут. Не верь его словам». Впрочем, напор и искренность его внезапного взрыва вызвали во мне оторопь. Я была настолько шокирована его предупреждением, что не запомнила, о чем еще мы говорили.

Такой была моя первая встреча с этим загадочным человеком. Я, конечно, не подозревала, что у меня будет с ними еще много встреч и что без него я никогда не смогла бы написать свою книгу о дворце в Пав-

ловске. Не могу сказать, что мы стали друзьями. Но, несмотря на то что мы находились по разные стороны, я думаю, у нас было взаимное уважение. В тот день мы расстались как противники, но не враги. Я отметила, что когда он поднялся проводить меня, он прихрамывал. Я спросила, что с ним, и он сказал, что страдает тяжелым артритом. Я упомянула своего сына Бобби и его суставные боли, вызванные гемофилией, для преодоления которых он принимал новое лекарство — мотрин. Богданов проявил большой интерес к этому и даже записал его название. Я обещала ему привезти лекарство, когда приеду в следующий раз. Его страстные слова снова и снова звучали в моем сознании, и я не могла отделаться от мысли: «А что, если он именно тот, кем все его считают? Что, если он на самом деле знает нечто?»

Всю оставшуюся часть недели в Москве я пыталась пробить стену твердокаменного отказа разрешить мне вести исследовательскую работу над моей книгой в Ленинграде. Я очень хотела написать об истории и чудесном восстановлении из послевоенных руин дворца в Павловске. Я пыталась идти всеми известными мне путями, терпеливо взбираясь по ступенькам бюрократической лестницы лишь для того, чтобы отовсюду слышать отрицательные ответы, применяемые в России на все случаи жизни: «Он только что вышел», «Он на встрече», «Он приболел», «Его вызвали по делу, на военные сборы, на отдых, в санаторий», «Возможно, завтра... завтра... завтра.. на следующей неделе». Даже добравшись до главы Союза писателей, я потерпела неудачу. Ответ был, как всегда, нет.

Я позвонила нашему послу Артуру Хартману и его изящной жене Донне в Спасо-хаус, официальную резиденцию посла, причудливое здание размером с Центральный вокзал Нью-Йорка, построенное богатым русским купцом в конце XIX века. Посол оказался высоким, сдержанным и высокомерным человеком, одетым в прекрасно сшитый костюм, его седые волосы были безукоризненно уложены, словом, он являлся самым воплощением карьерного дипломата из Госдепартамента. Он принял меня со всей учтивостью, но не оказал никакой помощи в решении моих проблем.

Ничего не добившись, я уехала в Ленинград, надеясь после одиннадцати лет найти кого-то из моих друзей. В те давние годы я часто бывала на этом вокзале, смотрела на огромную неоновую надпись ЛЕНИНГРАД, вознесенную над его зданием, чувствуя, что моя жизнь проходит между

двумя вокзалами двух городов. Конечно, меня сопровождал немногословный представитель Интуриста. Туристам полагалось ездить только в мягком вагоне, и даже в 1983 году нас заставляли в одиночку занимать все купе. Интуристовский «сторожевой пес» (обычно мужчина) ожидал, пока я не сяду на поезд, и не уходил, не убедившись, что я не выйду из поезда, до тех пор пока он не тронется.

Между Москвой и Ленинградом, на расстоянии почти 400 миль, ходили несколько комфортабельных поездов, которые отправлялись в промежутке между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. Поезд для элиты под названием «Красная стрела», на котором я отправилась, мягко тронулся с места как раз в тот момент, когда стрелка больших часов над перроном замерла на полуночи и в динамиках сразу же зазвучала мелодия советского гимна. В этой огромной стране железнодорожная сеть, построенная в конце XIX века и пересекавшая во всех направлениях ее территорию, играет центральную роль. В одной только Москве девять железнодорожных вокзалов. Русские с трудом верили, когда я говорила, что в таком большом городе, как Нью-Йорк, всего два вокзала.

Тогда все еще сохранились изумительные дореволюционные поезда с широкими вагонами. Мое купе было очень просторным, с диваном размером с двухспальную кровать, аккуратно заправленными простынями и подушками. Окна закрывали занавески со шнурком, перед очень удобными сиденьями, обтянутыми красным бархатом, располагался уютный стол, на котором стояла лампа с красным абажуром. Проводник принес мне стакан чаю из самовара, находившегося в конце вагона. Глядя на заснеженную сельскую местность, я легко представила себе, как Анна Каренина смотрела на тот же пейзаж, возвращаясь из Петербурга после своей судьбоносной встречи с графом Вронским. И все-таки эти удобные старые поезда исчезли навсегда (по слухам, несколько вагонов оставили для высших советских руководителей), их заменили поездами с «современными» советскими более узкими вагонами, с душными перегретыми купе на четырех пассажиров, при том что в концах вагона было оставлено только два вонючих туалета, где имелась небольшая раковина, омываемая тонкой струйкой воды из крана.

Мое купе было одним из двух соседствующих, соединенных с большой элегантной ванной комнатой с широкой металлической старинной рако-

виной, знававшей лучшие времена. Я заметила, когда садилась в вагон, что соседнее купе заняли два генерала. (Собираясь ко сну, я неожиданно застала одного из них в нашей общей ванной комнате в нижнем белье. Смутившись, как девушка, он спешно ретировался.)

Долго я лежала без сна, слушая ритм вагонных колес, которые, казалось, выстукивали: «Одиннадцать лет, одиннадцать лет». Смогу ли я увидеть снова моих друзей? В Москве я рискнула сделать оборвавшийся звонок одному приятелю-художнику и самым обыденным голосом, на который я была способна, сказать, что еду в Ленинград. В конце концов, под громоуханье колес, дополняемое доносившимися до меня неразборчивыми голосами генералов, беседовавших о своих внуках, я погрузилась в неглубокий сон.

Это было холодное туманное утро, и все еще темно, когда я приехала в 7 часов утра в Ленинград. Выходя из поезда, я поняла, что путешествовала в одном из нескольких вагонов, заполненных высокопоставленными военными, и мне пришлось пробираться сквозь множество офицеров, одетых в длинные серые шинели, в папах, и моряков в темно-синей форме с золотыми пуговицами и в фуражках, обшитых золотыми галунами. Все они тихо двигались в тумане раннего утра. Никогда за все годы своих поездок на поезде я не видела ничего подобного. И лишь слова Богданова отдавались эхом в моей голове. Со страхом я пыталась догадаться, что они могли означать. Зачем всех этих офицеров вызывали в Москву? Будет война?

Я снова поселилась в «Астории». Ничто здесь не изменилось. Я стояла в вестибюле, размышляя, что делать дальше.

Вопреки всему я была уверена, что друзья ждут меня, но как с ними связаться? Несмотря на раннее утро, что-то подвигло меня выйти на улицу и пройтись. Мягкий туман окутал тихий, спящий город. На улице не было ни души. Перейдя такую знакомую мне площадь напротив Исаакиевского собора, я направилась к реке и скверу со знаменитой статуей Петра Великого, к Медному всаднику. Словно во сне, окруженная туманом и тишиной, я стала прохаживаться по дорожке, с обеих сторон огражденной высоким кустарником, где все, казалось, ожидало меня. Время остановилось. Ничто не забыто.

В той же самой коммунальной квартире я встретилась со своими друзьями. Их дети выросли, но их жизнь и борьба не изменились. Разве

что не стало хуже. Несмотря на радость, которую я испытала, встретив их после стольких лет разлуки, я не могла убрать из памяти предупреждающие слова Богданова, забыть впечатление от массы офицеров на вокзале и прогнать постоянное ощущение того, что на кону стоят намного более серьезные вещи, чем то, что какая-то американка смогла повидаться со своими друзьями.

Лишь спустя несколько лет я узнала, что в те осенние месяцы произошла череда судьбоносных событий, и именно в это время Соединенные Штаты и Советский Союз слепо сползали к краю пропасти. И я в полной мере смогла оценить и собственное чувство предвидения, и богдановское предупреждение. В тот критический период повышения напряженности между США и СССР трагедия KAL стала первым предупреждением о грядущей опасности, но было и другое происшествие, случившееся позднее, 26 сентября 1983 года, — как раз тот день, когда я впервые встретила Богданова, который, как я поняла позднее, располагал сведениями, остававшимися секретными в Советском Союзе и неизвестными на Западе до девяностых годов.

Все произошло в секретном бункере на закрытом военном объекте к югу от Москвы: объект назывался Серпухов-15. Это был командный и контрольный пост системы раннего предупреждения о пусках баллистических ракет, представлявший собой передовую линию советской оборонной системы, созданной, чтобы отслеживать пуски американских ракет «Минитмен» с момента, как они покинут свои шахты. Сорока-четырехлетний советский подполковник Станислав Петров, дежурный офицер, находился в кресле командира. Именно он был создателем инструкции, предписывавшей последовательность действий в случае нападения США, но в ту ночь он оказался на дежурстве случайно, лишь для того, чтобы поддержать форму. Внезапно один из советских спутников послал сигнал в бункер, что ядерные ракеты США запущены. Ответственность за оценку того, было ли это так на самом деле или нет, пала на Петрова, находившегося в самом критическом пункте цепочки управления. Вначале он принял это за ошибку, но очень быстро ситуация ухудшилась. Спутник рапортовал еще об одной ракете, и еще, и еще. Система, как рассказывал Петров, начала «реветь», указывая на то, что пять межконтинентальных ракет запущены с территории США. Его долгом было нажать судьбоносную красную кнопку СТАРТ,

чтобы начать процесс запуска ответных советских ракет. В пять минут, в течение которых на него обрушилось невероятное давление, мигание электронных карт, звонки телефонов и звуковых систем, Петров решил, что сообщения о запуске могут быть ложными, и позднее объяснил свои действия так: «Вы не можете правильно проанализировать вещи за пару минут. Все, что вы можете сделать, будет основано на интуиции. У меня два аргумента, чтобы защититься. Первый: ракетные атаки не начинаются с одной базы. Войну не начинают с пяти ракет. И кроме всего прочего, компьютеры — вещь безмозглая. Есть много вещей, которые они могут принять за пуск ракет».

Он знал, что спутниковые системы имеют бреши, что их вводили в действие в спешке и они были, как он выразился, еще «сырыми». Так, полностью опираясь на свой разум, он решил, что все произошедшее — сбой компьютера, а не ракетная атака, и не следовал инструкциям, диктовавшим ему предпринять действия, которые привели бы ко всеобщему уничтожению. Петров был подвергнут скрупулезному допросу со стороны начальства относительно принятого решения. Сигнал ложной тревоги, пришедший на компьютер, отследили, он поступил от спутника, который принял солнечное отражение от верхушек облаков за запуск ракет. Сначала генерал-полковник Юрий Вотинцев, командовавший в то время частями противоракетной обороны советских военно-воздушных сил, поблагодарил его за принятое решение (он же сообщил об этом общественности в девяностые годы). Он утверждал, что «верные действия» Петрова «правильно оценены», и ему была изначально обещана награда за храбрость, которую он так и не получил. Вместо этого ему сделали выговор за неправильно заполненный журнал боевого дежурства. Он рано ушел в отставку и пережил нервное потрясение. Потом он жил в подмосковном Фрязине как военный пенсионер.

* * *

В 2004 году, спустя двадцать один год после происшествия, Ассоциация граждан мира в Сан-Франциско наградила его Премией граждан мира, и та же ассоциация в 2006 году в Нью-Йорке на специальном собрании в ООН повторила это присуждение. Он дал интервью Уолтеру Кронкайту и другим журналистам. В 2013 году немцы присудили ему Дрезденскую премию. В своем интервью Петров скромно объяснил: «Я, конечно,

никогда не предполагал, что когда-нибудь встречу с такой ситуацией. Это был первый и, надеюсь, единственный случай, когда возникла подобная ситуация. В целом я буду удивлен, если вдруг американцы на самом деле атакуют нас. Мы обучены военной системой тому, что американцы легко могут принять решение об этом. У нас нет возможности судить самим. Мы знаем письменный, но не разговорный английский, потому что никогда не предполагалось, что нам предстоит говорить с кем-либо с Запада. Как военный, я никогда не выезжал из своей страны; у меня даже не было паспорта. Холодная война холодна как лед... Я думаю, что могу сказать: сегодня нет возможности для осуществления случайного запуска. Но когда мы имеем дело с пространством — мы играем роль Бога — и кто знает, что станет следующим сюрпризом».

ГЛАВА 4

НАЗАД В США — НА ШАГ БЛИЖЕ

Когда 7 октября я покидала Москву, мне казалось, что за мной захлопнулась стальная дверь. Формальности при выезде были настолько жесткими и неприятными, что улетающие пассажиры с облегчением зааплодировали, лишь только самолет западной авиакомпании оторвался от земли. Я летела в Женеву, где родные готовились отмечать шестидесятилетие моего кузена Пьера Лалива, швейцарского юриста, уважаемого и известного профессора в области права. Моя добрая подруга Иоганна Хёрлер везла меня по хорошо знакомым мирным улицам города страны моих предков, а я при этом ощущала внутри себя разительный контраст с сильными эмоциями, пережитыми мной за недели, проведенные в Советском Союзе, и мне снова показалось, будто я высадились на другой планете. Пока мы ехали, подруга весело болтала, знакомя меня с семейными новостями и планами проведения предстоящего дня рождения. Самой большой ее проблемой в тот момент был выбор подходящего ресторана. Ее слова, казалось, шли откуда-то издалека. Вместо них я слышала, как в моей голове звенит суровое предупреждение Богданова: «Вы не представляете, насколько близка война!» И хотя я восприняла его предупреждение как преувеличение, беспокойная мысль не уходила: «А что, если это правда? Что, если он знает нечто?»

Иоганна привезла меня в просторный дом Пьера, окруженный большим садом. Меня приняли здесь с особой швейцарской веселой и безмятежной основательностью, дававшей ощущение, что ничто неправильное просто не может произойти. Дом был переполнен детьми, друзьями семьи, и я пробралась на самый верхний этаж в маленькую комнату для занятий шитьем, где была еще одна кровать. Той ночью, пытаясь успокоить расшалившиеся нервы, я глядела из окна на мирные окрестности. Вконец измотанная, я наконец заснула, но лишь для того, чтобы проснуться среди ночи с абсолютно ясной головой, словно все происходило посреди бела дня. Я села на кровати в полной темноте и как будто вновь

услышала четкую команду: «Поезжай домой!» И затем, так же неожиданно, как проснулась, я провалилась обратно в сон.

Следующим утром импульс, заданный мне ночным приказом, оставался таким же явным. Конечно, не стоило пытаться объяснять моим женевским родственникам, что я слышу ночью голоса. Но я сказала Иоганне, что у меня есть серьезные обязательства в США и что я, конечно, останусь на обед в честь дня рождения, но сразу после мне надо уехать. Я не хотела привлекать внимание к своему отъезду и лишь попросила ее помочь мне с поездом до Парижа. Билет на чартерный авиарейс из Парижа у меня был, но его следовало поменять на более раннюю дату. Шансы на успех казались небольшими. Впрочем, когда я приехала в Париж, мне сообщили, что для меня есть одно место на рейс «Пакистан Эйрлайнс» до Нью-Йорка, и меня это устроило.

Пока я во тьме ночи летела домой над Атлантикой и размышляла обо всех странных событиях и беседах в Москве, в памяти всплыли слова отца о том, что каждый ответственный гражданин должен действовать. С каждой преодоленной милей полета во мне крепла убежденность в том, что пришло опасное время, наступил действительно критический момент и что я каким-то образом должна рассказать о том, что видела и что испытала, побывав в Советском Союзе: о растущей демонизации с обеих сторон, об острой враждебности, которую все выражали, — и я должна озвучить свою уверенность, что пора снова начинать что-то вроде дискурса с Советами, и делать это поскорее. Непрошенная идея, пришедшая, казалось, прямо из воздуха, в моем сознании становилась все определеннее. Чиновники не сделают ничего: мне надо добраться до самого верха, до самого президента Рейгана. Понятия не имею, откуда у меня взялась эта нелепая мысль. Однако она взялась и при этом самоутвердилась. Но как это осуществить?

Своих детей я всегда наставляла уверенно идти по жизненному пути и говорила при этом, что они могут добиться встречи с кем угодно, с любым человеком в мире, независимо от того, насколько он могуществен, ведь от любого человека нас отделяет лишь пара рекомендаций. Почему я считала, что нужно получить лишь две рекомендации? Сама не знаю, но мне стало ясно, что наступил черед проверить это на практике. И сразу, как только я вернулась в Штаты, я отправилась в Вашингтон и остановилась у своей близкой подруги Мэрилин Суизи, теплой

и щедрой женщины, с которой я впервые встретилась после публикации книги «Николай и Александра». Мэрилин была специалистом по искусству Фаберже, русофилкой, перешедшей в православную веру, и одной из немногих американок, глубоко понимавших мистические и нередко таинственные эмоции, вызываемые Россией. Но когда я, взгромоздившись на стул в углу ее девственно-белой кухни, хлебнув для храбрости рюмку ледяной водки, объявила: «Хочу видеть Рейгана», даже Мэрилин, снисходительно сказав: «Конечно, дорогая», определенно решила, что я не совсем в своем уме.

«Нет, я серьезно», — продолжала я. Кто из тех, кого мы знали, мог помочь? Мы подумали о Ростиславе Ростроповиче, знаменитом виолончелисте, с которым я виделась несколько раз и кто восторгался моей «Землей Жар-птицы». Он в то время жил в Вашингтоне и имел репутацию друга судьи Уильяма Кларка, в то время советника Рейгана по национальной безопасности. Мэрилин позвонила Ростроповичу, и, к сожалению, мы узнали, что тот находится за рубежом, в длительной гастрольной поездке. Больше никто полезный не приходил нам в голову. Я отправилась домой. На минуту я почувствовала, что оказалась в тупике, но решимость меня не покинула. Должен быть другой путь.

От Элен Джексон, вдовы моего старого друга сенатора Генри Джексона, умершего 1 сентября, мне пришло приглашение посетить церемонию освящения новой подводной лодки «Трайидент», которая должна была состояться в Нью-Лондоне. Все предыдущие «трайденды» называли в честь того или иного штата, но в противовес этой традиции новую субмарину собирались назвать в честь сенатора Джексона в память о той твердой поддержке, которую он оказал созданию этого мощного орудия войны. Из приглашения я узнала, что судья Кларк там тоже будет, и с надеждой на встречу отправилась в Нью-Лондон, полагая, что я смогу поговорить с Кларком на приеме после церемонии.

На входе в военно-морскую базу в Нью-Лондоне я прошла сквозь мрачно настроенную группу демонстрантов, протестовавших против ядерного оружия. Они изображали скелеты и надели на головы маски наподобие черепов. Мне пришлось пройти через множество контрольно-пропускных пунктов, прежде чем я увидела эту огромную подводную лодку устрашающего вида: она была длиной 170 метров, водоизмещением 18 750 тонн, что было больше любого круизного лайнера. Лодка в случае

необходимости могла находиться в океанских глубинах на протяжении двух лет без всплытия и нести в себе, как мне сказали, ядерные ракеты, способные уничтожить десять миллионов человек. Это было грозное оружие, и Соединенные Штаты имели больше дюжины таких монстров¹. Офицеры и матросы, великолепно выглядевшие в своих блузах, выстроились на верхней палубе могучей субмарины, лежавшей словно гигантский серый крокодил в ожидании того, как о ее борт разобьют бутылку шампанского и ей можно будет соскользнуть в воду.

Когда бы я ни путешествовала между двумя континентами, всегда в течение нескольких дней после возвращения я чувствовала, словно половина меня осталась там, позади, и физическое ощущение того, другого мира, оставалось со мной. Всего несколько дней назад я была в Ленинграде, ехала в автобусе, настолько плотно набитом пассажирами, что я не доставала ногами до пола. Отчаянно пытаюсь нащупать ногами пол, я ухватилась за ближайшего человека, притиснутого ко мне давкой. Им оказался майор Советской Армии. Несколько остановок мы проехали, качаясь вместе с толпой, и он все время поддерживал меня, а когда нам обоим надо было выходить, он любезно помог мне сойти. Когда я поблагодарила его, он лихо взял под козырек. Я помнила юных призывников в их тяжелых шинелях, устало и одиноко сидевших на заднем сиденье автобуса. И когда я слушала воинственную музыку, церемонные речи, всматривалась в наших с иголки одетых офицеров и матросов, таких стройных и высоких, эти две сцены для меня слились воедино.

Из потока воспоминаний меня вывело объявление по громкоговорителю: «Судьи Кларка не будет с нами сегодня. Он только что покинул пост советника по национальной безопасности. На этом посту его заменил полковник Роберт Макфарлейн». Вот и все. Расстроенная, я отправилась на прием, где со мной поздоровались Элен и ее дочь Анна Мэри Джексон, чтобы наблюдать за тем, как наши офицеры в синей форме отдают должное напиткам, смеются и шутят со своими друзьями под мелодии Гленна Миллера сороковых годов. И вновь мрачные слова Богданова эхом отозвались в моей голове. Я должна продолжить свои попытки.

Я решила, что раз не могу попасть к президенту, то сенаторов-то нескольких знаю. Скуп представил меня многим из своих коллег по Сенату, и некоторые из них предложили мне встретиться для беседы. Среди них были сенаторы Сэм Нанн от Джорджии, Джон Уорнер от Виргинии,

Тед Стивенс от Аляски, Боб Доул от Канзаса и молодой Ал Гор от Теннесси. И кроме того, меня представили нескольким конгрессменам. Лучше всего я знала Билла Коэна, в 1978 году ставшего сенатором от моего любимого штата Мэн, где я с детства проводила летние месяцы. Я познакомилась с ним в 1973 году, когда он был новоиспеченным конгрессменом, и позднее неоднократно с ним встречалась. Итак, я снова отправилась в Вашингтон и 20 октября встретила Билла, который в то время был старейшим членом Комитета Сената по вооруженным силам и обладал большим опытом в вопросах контроля над вооружениями. Перед нашей встречей меня вдохновили великолепные фотографии с видами штата Мэн на стенах его кабинета и теплый прием его старшего помощника.

Провидение было за меня. По каким-то причинам Билл в тот день оказался расположен к беседе, и мы беседовали несколько часов, иногда прерываясь из-за его отлучек на процедуры голосования. В просторном кабинете сенатора в Рассел-билдинг мы говорили о многом — о романе, который он в то время писал, о его поездке в Советский Союз, о поэзии и его встрече с Евгением Евтушенко. Я рассказала Коэну о своих встречах в Москве и о моем убеждении, что мы имеем дело не просто с обычной советской свирепостью, а с чем-то более серьезным. Мой посыл был: «Горим! Горим!»

«Прекратите думать о бюджете, — говорила я. — Нам надо найти путь к тому, чтобы возобновить в какой-то форме разговор с Советами хотя бы *о чем-то*». Из моей недавней поездки я вынесла, что при всей их враждебности и воинственности они как раз сейчас готовы искать выход из ситуации — пойти на культурный обмен, например.

Внезапно он остановился, сказал: «Знаете, вам надо поговорить с Бадом Макфарлейном» и направился к телефону. «Хэлло, Бад. У меня здесь сидит женщина, которая много знает о России. Тебе нужно с ней увидеться».

Голос на другом конце трубки выразил согласие, и Билл дал мне номер телефона, сказав, чтобы я позвонила и договорилась о встрече. Так благодаря Биллу я оказалась на одну рекомендацию ближе.

Когда я смотрю на свои записи за ту неделю, то вижу, как много всего удалось привести в движение, и удивляюсь тому, скольких людей я смогла повидать: Джека Мэтлока и Тая Кобба в Совете по национальной безопасности; Мадлен Олбрайт, тогда еще преподававшую в Джордж-

тауне и пригласившую меня выступить на своих занятиях; Билла Одома, в то время работавшего ассистентом руководителя персонала военной разведки; епископа Василия Родзянко из Американской православной церкви, отца Виктора Потапова из «Голоса Америки». Но самой неожиданной из всех встреч стала та, что состоялась с подачи Элен Джексон.

Вопрос о еврейской эмиграции из Советского Союза был своего рода крестовым походом для ее мужа, но кроме того, существовала и активная женская организация под названием «Жены конгрессменов за советское еврейство», собиравшаяся на той неделе в голландском посольстве в Вашингтоне, чтобы выслушать сообщения о недавней поездке своих членов в Советский Союз. Приглашались только жены конгрессменов, но Элен сделала для меня исключение. Из всех сообщений, что я прослушала в тот день, лишь два выделялись своей красноречивостью и страстностью. Одно сделала Рен Уирт, жена конгрессмена-демократа Тимоти Уирта от Колорадо², другое — Тереза Хейнц, жена сенатора-республиканца Джона Хейнца от Пенсильвании³. Будучи под большим впечатлением от этих выступлений, я подошла к ним и поблагодарила за вдохновенные слова и содержательные речи.

С того дня началась наша дружба, длящаяся уже долгие годы. Я восхищаюсь ими обеими и их невероятными достижениями. Энергичные организаторы, жены влиятельных людей и, кроме того, лидеры в сферах своих собственных занятий, они смогли добиться всего, оставаясь при этом прекрасными, элегантными и обворожительными. Находясь рядом с ними, я чувствовала себя карликом при паре *инфант*⁴. Часто приезжая в Вашингтон в годы президента Рейгана, я останавливалась либо у Уиртов, либо у Хейнцев, и те и другие были гостеприимными, всегда поддерживали меня и были щедры. Их информированность и прекрасное понимание жизни Вашингтона безмерно помогли мне успешно миновать все опасные рифы столицы.

Я совершила много больше, чем могла надеяться, но моя конечная цель все еще оставалась далекой. Мне всегда нравилась остроумная фраза Черчилля: «Успех — это способность идти от поражения к поражению, не теряя оптимизма!» Я продолжу свои попытки. Благодаря Биллу Коэну у меня теперь как минимум есть номер телефона в Белом доме, и хотя я не жду многого, но попытаюсь.

НА ШАГ БЛИЖЕ

Когда я набрала номер телефона Белого дома, дружелюбный голос вразумительно ответил, что мне предоставят двадцать минут для встречи с полковником Макфарлейном. Немного, но это означало открытую для меня дверь. Я вернулась в Нью-Йорк и стала работать над тем, чтобы подогнать свои записи точно под выделенное время. Я не слишком хорошо печатаю. Увы, в раже феминистской бравады времен моей юности, когда отец настаивал, чтобы я выучилась стенографии и машинописи, чтобы стать секретаршей, я восстала и возмущенно воскликнула: «Никогда!» Очень глупо. Всегда об этом потом жалела. С трудом (это была докомпьютерная эпоха) я отпечатала свою записку для полковника. Все его звали Бад, и я поняла, что не могу вспомнить его имя. Пришлось позвонить другу — Хедрику Смит, возглавлявшему тогда вашингтонское бюро «Нью-Йорк таймс». Без каких-либо колебаний Рик уверенно ответил: «Уильям». (Если «Нью-Йорк таймс» не знает, то кто тогда?)⁵

Рик дал мне еще и краткую аналитическую справку о Макфарлейне. «Бад, по сути, играет роль впереди идущего. Он расположен выслушивать, но при этом не дает понять, что он думает сам о предмете беседы. Он прямая противоположность тебе. Ты эмоциональна и инициативна. Он сдержан, рационален».

Рик знал меня не так хорошо, как он думал, что знает — в данном случае — Бада. И, не наводя справки в другом месте, я уважительно адресовала свою записку: «Полковнику Уильяму Макфарлейну».

Как часто судьба кроется в деталях. Еще в бытность репортером мне приходилось видеть, как люди временами буквально леденели, когда видели свое имя написанным неверно. Я сама знаю, что когда кто-нибудь тебе скажет: «Мне нравится ваша книга», а потом неправильно напишет твоё имя, то все, что он говорит, затем уже теряет значение. Уже в самолете в самый день назначенной встречи, 2 ноября, я случайно заглянула в свежий номер «Нью-Йорк таймс», который читал мой сосед, и заметила статью, озаглавленную «Военные в Белом доме». К моему ужасу одно имя выделялось на странице: полковник *Роберт* Макфарлейн! А вовсе не Уильям. А я-то лечу на встречу с ним! Мое сердце оборвалось. Я чувствовала, что когда он увидит, что мне нельзя доверить даже написание

его собственного имени, все мои тщательно прописанные заметки разом обесценятся. Что мне делать?

Пройти в Белый дом, не важно, в который раз (оставим в стороне случай, когда это твой первый визит), — это по-настоящему круто. Во-первых, нужно пройти процедуру тщательной проверки охранниками у ворот, ответить на их вопросы, за которыми следует проверка полученных ответов по телефону, затем тебе на шею вешают официальный именной пропуск, и, наконец, тыходишь под своды офиса в цокольном этаже, где весьма прохладная атмосфера приглушенно передает ощущение невиданной власти. Все залы обрамлены большими фотопортретами улыбающегося президента с поднятой в приветствии рукой, обращающегося к толпе. Отчаянно пытаюсь выглядеть непринужденно, я проследовала в кабинет советника по национальной безопасности, находившийся в цокольном этаже (позднее его переместили в более изысканные помещения Западного крыла). Там со мной приветливо поздоровалась дружелюбная женщина, представившаяся Вильмой Хэлл. Она была секретарем полковника Макфарлейна. (Вильма всегда с гордостью произносила слово *секретарь*, не употребляя более модное феминистское слово *ассистент*). Быстро сообразив, что мне надо делать, и заботясь лишь о том, чтобы мое вранье выглядело правдоподобно, я набрала побольше воздуха и сказала, надеясь, что выгляжу естественно: «Миссис Хэлл, по дороге к вам я заметила, что мой секретарь (которого у меня, конечно, не было вовсе) неправильно напечатала имя полковника Макфарлейна». Она спокойно ответила мне: «Я позабочусь об этом».

Удивительно, но ей хватило нескольких минут, которые я потратила на то, чтобы дойти от ее стола до двери во внутреннее святилище, чтобы вернуть мою записку с незаметно исправленным именем. Что было бы, если бы Вильма не помогла? Остальная часть истории вполне могла и не произойти.

* * *

Я навсегда осталась благодарна Вильме за спасение в тот мой первый день. Каштановые волосы, мягкий взгляд карих глаз и сдержанные манеры настоящей леди делали Вильму больше похожей на благонамеренную матрону из благополучного пригорода, вроде тех, на ком держится «Джуниор лига», чем на одну из наивысших по рангу предста-

вительниц неведомой, неслышной, невидимой сестринской общины невероятно эффективных профессиональных секретарей, находящихся на государственной службе. Благодаря таким, как Вильма, «Большие колеса» административной машины Вашингтона крутятся столь гладко. За годы президентства Рейгана мне довелось хорошо ее узнать, и я не перестаю восхищаться и уважать ее за такт и дипломатичность. Больше двадцати семи лет она прослужила в должности исполнительного ассистента одного из самых влиятельных членов кабинета, и в этой роли побывали и Генри Киссинджер, и Александр Хейг, и Бад Макфарлейн, и Колин Пауэлл. Она знала всех по имени и могла найти кого угодно из членов кабинета за считанные минуты. Оставаясь спокойной и приветливой, она ежедневно отвечала на сотни телефонных звонков и как-то умела дать почувствовать каждому звонившему, не важно, какое положение он занимал, что с ним готов говорить значительный человек, но, к сожалению, этот человек «как раз сейчас находится на встрече», и всегда убеждалась, что звонивший завершает разговор с ощущением собственной значимости, испытывая самоуважение.

Вильма приступила к работе в 1960 году в Пентагоне, десять лет работала у секретаря Военно-воздушных сил, потом ей предложили перейти в Белый дом, чтобы «временно» поработать с Генри Киссинджером в ночную смену — с 7 часов вечера и до половины третьего ночи, а в это время ее муж Рон, служивший главным фотографом Военно-воздушных сил, в обязанности которого входило запечатление истории ВВС, оставался дома с детьми. Ей предложили остаться в Белом доме насовсем, и в последующие годы она работала с двенадцатью советниками по национальной безопасности, как с демократами, так и с республиканцами, от Киссинджера до Бергера, являясь в 2003 году самым старшим членом этого удивительного сестринского сообщества. Свою роль она однажды описала очень скромно: «Политики приходят и уходят, но им необходимы люди, воплощающие административную преемственность. У политиков много времени уходит на то, чтобы подняться вверх и идти дальше, поэтому им нужны люди, действующие как исполнители, способные помочь им начать свою работу и делать дело». Выйдя в отставку и зная тысячи секретов, она ведет неприметный образ жизни. Она может многое поведать, но никогда ничего подобного не сделает.

* * *

Итак, спасенная Вильмой, я вошла и увидела Макфарлейна, сидящего за своим столом, низкая лампа наполовину освещала его лицо. На полках за его спиной выстроились книги по международным отношениям. Он учтиво встал и спокойным, чуть медлительным голосом поздоровался со мной. Полковник был среднего роста, с коротко стриженными чуть рыжеватыми волосами. Во взгляде его серо-голубых глаз читалась болезненная усталость. Одетый по-морскому аккуратно в синий китель, тщательно выглаженные серые брюки, в надраенных до блеска ботинках, он производил такое сильное впечатление хрустящей чистоты и свежести, словно только что вышел из душа. Подобное впечатление могут производить только военные. Пока все доказывало, что Рик был прав. Стало ясно, что передо мной вышколенный офицер морской пехоты, умеющий жестко контролировать свои эмоции, но я почувствовала в нем и честность, и спрятанную в глубине чувствительность, и это сразу меня к нему расположило. Не забывая о том, что время пошло, я приступила к хорошо отрепетированному использованию своих двадцати минут.

Я объяснила, что только что вернулась из Советского Союза и что в результате проведенных со мной бесед в Институте США я почувствовала, как чрезвычайно важно поскорее найти какие-то способы снижения напряженной ситуации. Эти разговоры дали мне некоторую надежду на то, что есть возможность вернуться к обсуждению свернутого Соглашения в области культуры. Постоянно сверяясь с часами, я закончила свою речь в точном соответствии с выделенным мне временем, но, к моему удивлению, когда я закончила, офицер не встал с кресла. Вместо этого он сказал: «То, что вы рассказали, очень интересно. Не смогли бы вы прийти к нам еще раз для более обстоятельного разговора? Не могли бы вы прийти для двухчасовой беседы?» Мне следовало позвонить Вильме, чтобы согласовать дату. И так же как и за две недели до этого, я вновь прошла в тот же самый кабинет, на сей раз чувствуя себя уже более уверенно, и мы проговорили все два часа. После нашей встречи Бад спросил меня: «Не могли бы вы изложить на бумаге все то, о чем говорили?» Я ответила, что смогу, и сделала это.

Сражаясь с непривычным для меня слогом правительственного общения и не доверяя самой себе, я позвонила сыну Бобу и попросила помочь. Ему такая форма выражения была хорошо знакома, поскольку он провел

год на стажировке в аппарате сенатора Джексона и работал вместе с молодыми тогда Элиотом Абрамсом и Ричардом Перлом, которым предстояло стать настоящими светилами в политике. Все они получили хороший тренинг под руководством Дороти (Дики) Фосдик, напористой знаменитой женщины, являвшейся старшим советником сенатора по вопросам внешней политики. Боб, служивший в то время священником в храме Благодати (Грейс-Черч) Епископальной церкви в Нью-Йорке, ждал меня в скромной пиццерии недалеко от Центрального вокзала и помог отшлифовать и отредактировать мою записку. Я послала ее Баду, а вскоре мне позвонила Вильма и попросила снова приехать в Вашингтон.

На сей раз я застала Бада сидящим с моей запиской в руках. «Я говорил об этом с президентом, и он очень заинтересовался».

Мы стали обсуждать отдельные пункты моего доклада, и тут я неожиданно для себя самой сказала:

— Пошлите меня. Я смогу говорить с ними.

Не знаю, как у меня хватило сил предложить это, но после моего недавнего опыта пребывания в Советском Союзе и долгих лет общения с самыми разными русскими людьми я действительно была уверена, что смогу.

Бад задумался и ответил:

— Если мы сможем начать какой-то диалог с Советами, чтобы дать им понять, что наше возобновленное осознание своего предназначения, силы и решимости не направлено против их системы и что мы не стремимся к ее изменению, то тогда диалог может привести нас к нахождению способа сосуществования.

Прощаясь со мной, Бад сказал:

— Я очень хочу, чтобы они знали, что мы не настроены враждебно.

Он произнес это с таким нажимом и с такой очевидной болью, что я, пытаясь хоть чуть-чуть развеять его мрачное настроение, шутливо ответила:

— Хорошо, если вы меня пошлете, то я дам им знать, что вы не враждебны им.

Мне предстояло часто видаться с Бадом, и я все больше восхищалась им. Про себя я называла его «белым рыцарем». Он был человеком верующим и активным членом своей Пресвитерианской церкви, а кроме того преданным семьянином и супругом. Кто-то однажды заметил, что своей

романтической душой Бад обязан шотландскому соотечественнику Роберту Бёрнсу. Это похоже на правду, и я вспоминаю, как однажды вечером, когда в ступающих сумерках мы завершали нашу встречу, Бад внезапно остановился и, взглянув на часы, произнес: «Ровно в это время двадцать шесть лет назад я сделал предложение своей жене».

Будучи интернационалистом, сторонником мира и согласия, он был образцовым военным, дисциплинированным, благородным, преданно служившим своей стране и президенту. На посту советника по национальной безопасности он постоянно подвергался ястребиным атакам со стороны других сотрудников Белого дома, не брезговавших распространением порочащих его слухов. В результате скандала «Ирангейт» в 1985 году он ушел в отставку, и президент Рейган потерял своего выдающегося и бескорыстного советника, а я — одного из немногих людей, у кого я могла найти поддержку в Белом доме.

* * *

Когда я впервые встретила с Макфарлейном в последние дни «бабьего лета» 1983 года, все американские семьи были поглощены решающими играми бейсбольной Мировой серии и подготовкой детей к началу занятий в школе. Самой большой популярностью пользовался фильм «Большое разочарование» (*The Big Chill*) о тревогах поколения бэби-бума. А между тем у Соединенных Штатов и Советского Союза на двоих имелось больше двадцати тысяч ядерных боеголовок и, по мнению ряда историков холодной войны, это было время, когда сверхдержавы мало-помалу сползали к краю ядерной войны.

Как мало я знала, когда столь решительно предложила: «Пошлите меня!» Уже произошла трагедия сбитого 1 сентября авиалайнера рейса KAL 007, и сейчас все знают, что на смертельно больного Андропова, постепенно впадавшего в паранойю, все сильнее влияли сторонники жесткой линии в его правительстве, а сам он все больше убеждался, что его страна проигрывает технологическую гонку. Его мучила мысль, что США планируют нанесение первого удара. Речь Рейгана об «империи зла» в марте 1983 года и его заявление о системе Стратегической оборонной инициативы (СОИ), которую американские ученые считали нереализуемой, в Советском Союзе восприняли всерьез. Мой опыт говорил мне, что Советы твердо уверены в том, что американцы способны осуществить

все, что придет им в голову. Все это наряду с планами США разместить ракеты «Першинг-2» в Западной Германии рассматривалось Советами как последнее предупреждение за шесть минут до удара и питало их подозрительность.

Олег Калугин, информатор из КГБ, сообщал о том, насколько сильно Андропов не доверял американским лидерам. В среде престарелых и больных руководителей Советского Союза возобладал параноидальный страх перед внезапным нападением. Полковник КГБ Олег Гордиевский, бывший двойным агентом в Лондоне, писал о том, что уже были приняты подробные секретные приказы для всех сотрудников КГБ, призванные выявить и сообщить о признаках готовящегося нападения. Часть этих приказов была совершенно надуманной и нелепой. Так, агент КГБ высшего ранга сообщал, что получил инструкции из Москвы считать «важным признаком британских приготовлений к войне возможное увеличение закупок крови»; агентам также было приказано наблюдать за признаками того, что «Церкви и банкам» посланы предварительные оповещения о ядерном нападении. Гордиевский предупреждал британцев о том, что советская паранойя выросла до угрожающих размеров, но его предупреждение проигнорировали.

В ноябре 1983 года (2—11 ноября) десятидневные учения НАТО под названием «Опытный лучник-83» (*Able Archer 83*) еще больше возбудили опасения Советов. Эти учения проводились ежегодно, и в них принимали участие союзники США по НАТО. Учения предусматривали проверку управления командованием в случае ядерной войны, изображая конфликтную ситуацию, завершающуюся скоординированным использованием ядерных сил. В тот период ухудшения отношений Советы все больше уверялись в том, что такие учения вполне могут являться приготовлениями к настоящему первому удару. Опасения обострялись еще и тем, что впервые в программе учений произошли некоторые важные изменения, предусматривавшие применение новых форм кодированных коммуникаций, и, что еще более важно, в них должны были принять участие главы государств, включая президента Рейгана.

Часть советников Рейгана совершенно не желали верить, что Советы на самом деле испытывают страх, и многие считали сообщения об этом пустой пропагандой. Кто может подумать, что мы нанесем первый удар? Шульц полагал, что это «невероятно, по крайней мере в том, что

касается нас». Английский премьер-министр Маргарет Тэтчер и немецкий канцлер Гельмут Коль приняли предложение об участии в учениях, и Рейган, Буш и Уайнбергер собирались сделать то же самое. В беседе со мной Макфарлейн рассказывал о своих предчувствиях того времени. Когда министр обороны Каспар Уйанбергер сказал Баду: «Они никогда не подумают, что мы можем это сделать», тот ему ответил: «А что, если они все-таки так подумают?» Макфарлейн, советник по национальной безопасности, понимая все опасные последствия участия в таких военных учениях, предусмотрительно отверг идею об участии в них Рейгана. Этот не очень известный случай многими историками сейчас рассматривается как момент, когда мир ближе всего находился к порогу ядерной войны со времен Карибского ядерного кризиса 1962 года.

Я, конечно, не следила за всем этим, когда пришла в кабинет Макфарлейна, смело предложив поговорить с Советами и настаивая, что что-то надо делать, и делать быстро. Не знаю, почему я ощущала это так сильно, но с того раннего утра в октябре, когда я внезапно проснулась в Швейцарии, я была охвачена глубоким ощущением чрезвычайности, и события действительно следовали одно за другим с большой быстротой.

ГЛАВА 5

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПРЕЗИДЕНТОМ 17 ЯНВАРЯ 1984 ГОДА

С Макфарлейном я последний раз виделась 23 ноября. А через несколько недель, незадолго до Рождества, мне вечером позвонил Джек Мэтлок¹. Немного нервничая и как бы нехотя, он сказал, что «было принято решение» отправить меня в Москву для переговоров с Советами в том ключе, о котором я говорила на встречах с Бадом. Мне предстояло отправляться уже через три недели, и поэтому нужно ехать в Вашингтон в начале января, чтобы подготовиться к поездке. Я сразу ему сказала, что поскольку Советы чрезвычайно большое внимание уделяют всяким рангам, то мне нужно получить какой-то статус — специального посланника президента или что-то в этом роде, чтобы меня восприняли всерьез. (После нашей встречи с Бадом я писала ему об этом.) Быть может, я и ошибаюсь, но мне показалось, что Джеку мой вопрос о получении «ранга» не понравился. Он смешался и сказал, что такое назначение потребует одобрения Конгресса и займет много времени. В этом он был прав, и поскольку при всех встречах с Бадом я сама настаивала на том, что действовать надо быстро, то согласилась ехать как частное лицо.

В душе я несколько не сомневалась, что только военный человек, полковник морской пехоты, Бад Макфарлейн был способен допустить самую мысль, что я могу принести пользу, и только он в ответе и за мою первую встречу с президентом Рейганом, и за эту первую поездку в Москву в роли «бэк чэннел» — неофициального канала связи². Ни один чиновник так бы не поступил. (Чиновник все сделал бы как раз наоборот. Секретари в Белом доме говорили мне, что некий высокопоставленный чин в сфере внешней политики, враждебно настроенный и завистливый, устроил скандал, требуя ответа: «КТО одобрил эту встречу?» Свидетель всего этого сказал мне: «Бад просто его проигнорировал».)

Я очень рада тому, что когда отважно предложила: «Пошлите меня. Я могу с ними разговаривать», в действительности не знала, насколько

тяжелой была вся ситуация, иначе мне не хватило бы храбрости. В последние месяцы 1983 года отношения между США и СССР зашли в тупик. В сентябре произошел инцидент с корейским самолетом, а в ноябре американские ракеты «Першинг», нацеленные на Советский Союз, установили в Европе. В середине декабря 1983 года в Женеве советский переговорщик Юлий Квицинский покинул переговоры, зло бросив: «Все кончено». Переговоры о контроле над ядерными вооружениями были прерваны на неопределенное время, оставив и США, и СССР в положении, когда впервые за 14 лет между ними не велись никакие переговоры о контроле над вооружениями.

В состояние глубокой заморозки впали даже постоянные дипломатические отношения. «Обе стороны, — писал журнал “Тайм”, — вступили в длинный период неподвижности в отношениях между сверхдержавами и эскалации гонки вооружений». Направляя друг против друга вербальные ракеты, Рейган мог назвать Советский Союз «империей зла», а Андропов в ответ заявить, что администрация Рейгана «окончательно развеяла иллюзии, что с ней можно иметь дело». Американские карикатуристы изображали Андропова в виде космического пришельца-мутанта, а в Советском Союзе к рисункам президента США в образе стрелка-ковбоя добавляли свастику и пририсовывали Рейгану физиономию Гитлера. К началу 1984 года отношения ухудшились настолько, что дальше некуда.

Обложка первого выпуска журнала «Тайм» в 1984 году, вышедшего в свет 2 января, как всегда, была посвящена «Человеку года». На ней были изображены нахмуренные Рейган и Андропов, повернувшиеся спиной друг к другу. В «Бюллетене ученых-атомщиков» Джеймс Кракрафт написал: «1983 год был плохим годом в отношениях между США и СССР, и по всему видно, что 1984-й обещает стать еще хуже». Исполнительный директор Ассоциации по контролю над вооружениями в Вашингтоне Уильям Кинкэйд добавил: «Советско-американские отношения находятся в самом отравленном состоянии со времен Кубинского кризиса 1962 года и, возможно, даже со времен панического ожидания начала войны в 1946-м». С ним соглашался Бернард Филд, главный редактор «Бюллетеня ученых-атомщиков»: «Никогда еще после устрашающих дней Кубинского ракетного кризиса мир не был так близок к Третьей мировой войне». Тогда же в январе 1984 года редакторы «Бюллетеня» провозгласили, что человечество находится «на судьбоносном пере-

крестке в ядерной истории», и передвинули стрелки Часов Судного дня на одну минуту вперед, остановив их за три минуты до полуночи³. Это стало действительно зловещим указанием на сложившееся положение, потому что лишь однажды за 39 лет своей истории и в ответ на испытание водородной бомбы предупредительная стрелка была ближе к полуночи, чем теперь. Середина восьмидесятых в Соединенных Штатах была временем апокалиптических страхов и тревоги из-за ядерного оружия. Люди строили бомбоубежища, а учителя в школе учили детей, как правильно прятаться под партой в случае нападения.

В первую же неделю января я уехала в Вашингтон, чтобы вместе с Бадом и Джеком подготовиться к своей поездке. Меня предупредили, что наши встречи будут носить абсолютно секретный характер и что о них знают лишь Бад, Джек и Том Симонс, глава советского отдела Государственного департамента. В своем знании России я была уверена, как и в способности разговаривать с русскими, с которыми всегда находила общий язык, даже с самыми идеологически упертыми коммунистами. При этом я, зная, как надо беседовать с самыми могущественными сенаторами и офицерами США, и умевшая препираться с самыми замшелыми бюрократами и хорошо замаскированными офицерами КГБ в Советском Союзе, совсем не представляла, как следует вести себя с сотрудниками Государственного департамента. Возможно, потому, что мой стиль слишком отличался от свойственной им профессиональной непрозрачности поведения. Вежливо, но безапелляционным тоном мне дали понять, что они нисколько не доверяют таким неизвестно откуда берущимся в море политики, отвязанным и потенциально опасным «блуждающим минам» вроде меня. Я не соответствовала знакомым им образцам и была способна потопить всю лодку. Для этих приверженцев статус-кво все понятное и привычное имело первостепенное значение, они любили стабильность и предсказуемость; а наибольший страх у них вызывали неконтролируемые, неожиданные изменения. (Это объясняет их любовь к Белым книгам по политическим вопросам.)

Больше всего озабоченные пересчетом сидящих на своих постах лидеров той или иной страны, они недооценивали важность устремлений населения, с которым, как в случае с Советским Союзом, они напрямую не контактировали. Существовала тенденция оценивать мощь страны только по ее военному потенциалу, пренебрегая всеми другими

формами силы, считая иной подход «нереалистичным». Кроме всего прочего, в такой системе, где на первом месте стоит приверженность методам, принятая в Госдепартаменте, ничто и не могло окрашиваться в эмоциональные или чувственные тона. Установлению тесных связей с людьми той страны, в которой они служили (на языке Госдепартамента с «клиентистами»), препятствовали краткость пребывания и нелепость перемещения с одного места службы на другое (из Бурунди в Ленинград, например). Это полностью противоречило практике русских, ценивших длительное знакомство и крепкие связи в стране, куда они были направлены. (Лучшим примером служит Анатолий Добрынин, который оставался советским послом в США на протяжении двадцати четырех лет, с 1962 по 1986 год.)

Я демонстрировала прямо противоположный стиль мышления, будучи озабоченной чувствами, культурой и тем, как думают люди, — словом, «мягкими» а не «жесткими» субъектами контроля над вооружениями. Я видела много примет того, как слабеет коммунизм, наблюдала, что русские все больше погружаются в поиск собственных утерянных корней, и была убеждена, что вместе с растущим молодым поколением изменения, вероятно, произойдут раньше, а не позже. С каждой поездкой мне становился очевиднее растущий разрыв между американскими представлениями и реальностью. Я шагнула сквозь увеличительное стекло и увидела мир, который не соответствовал преобладавшему в США образу, пестуемому и взращиваемому людьми с вполне определенным типом и стилем мышления, чья карьера зависела от сохранения статус-кво. Мне довелось понять, что и Рейгану не нравился такой подход и что его стиль был иным — он меньше опирался в своих суждениях и понимании на политические доклады и больше доверял человеческим инстинктам и эмоциям.

Я четко осознавала, что меня не посвятят в тайны их секретной информации, а также что я ничего не знаю о том, как неофициально передаются послания. Я принадлежала к поколению, в котором женщины всегда полагались на мужчин, и для меня поначалу было трудно понять, насколько я могу или даже должна настаивать на том, чтобы самой решать, как мне выполнить мою миссию. (В 1984 году в процессе непосредственного планирования американской политики в отношении СССР не участвовала ни одна женщина⁴.) И я решила, что раз у всех есть советники, они нужны

и мне. Поразмыслив, я остановила свой выбор на двух людях, чьей способности соблюдать конфиденциальность и высочайшему интеллекту я полностью могла довериться.

В качестве знатока американской позиции я выбрала для себя адмирала Бобби Рея Инмана, которым восхищалась и с кем была знакома в Вашингтоне. В то время он жил в Техасе, уйдя с поста заместителя директора ЦРУ. Когда я сообщила ему, что у меня есть некоторые вполне определенные ощущения того, как следует выполнять эту миссию, но что меня хотят «съесть», он усмехнулся: «Внизу здесь много крокодилов». Я объяснила ему, что когда мне сказали, что для выполнения моей миссии дают три дня, то я этому решительно воспротивилась, сказав, что за три дня русских не заставишь и трубку телефона снять, и что мне еще понадобится время, если нужно будет уйти, но успеть вернуться. Говоривший с техасским акцентом Инман спокойно посоветовал, что когда они начнут давить, «наступит твой черед откинуться в кресле, улыбнуться и сказать: “Не хочу критиковать все, что было прежде, но думаю, что когда вы обратились ко мне, вы хотели, чтобы дела пошли немного иначе”». И он добавил, что если они будут нажимать, то «недурно бы добавить немного стальных ноток». Я последовала его совету. Это сработало, и в конце концов было решено, что у меня будут две недели, десять рабочих дней. Учитывая, что никому из нашего истеблишмента не доводилось испытывать сомнительное удовольствие, пытаясь проникнуть сквозь железный занавес советского упрямства, это не казалось слишком большим временем — но все же лучше, чем три дня.

Другим советником был мой друг епископ Василий Родзянко из Американской православной церкви. Он принадлежал к великой русской семье, в которой были и выдающиеся генералы, и глава дореволюционной Думы. Благодаря своей стойкости в защите верующих, регулярным выступлениям и проповедям на «Голосе Америки» он обрел множество почитателей среди радиослушателей. Его восприимчивое знание человеческой натуры и обширный опыт общения с советскими официальными лицами и дипломатами в ООН дали ему уникальное видение. Он снабдил меня бесценными советами относительно разных категорий официальных лиц в Советском Союзе и о том, как обращаться к людям, принадлежащим к той или иной категории. Он также предоставил в мое распоряжение один аргумент, оказавшийся для меня очень важным.

«Президент Рейган считает себя христианином. Он по-настоящему религиозный человек. Он считает себя защитником христианской веры — принципов равенства и прав человека. Как ты знаешь, христиане могут быть мирными людьми, но если тому, во что они верят, бросают вызов, они могут поднять меч. Он находится под влиянием религиозных чувств, иногда мирных. А иногда, чтобы защитить христианские ценности, он может использовать меч. Не обманывайся. Не забывай об этом факторе и о своих собственных христианах. Будет лучше для тебя, если ты станешь взывать к миротворцу, а не к крестоносцу». Он советовал: «Помни, за тобой будут следить сотни пар глаз. Ты уподобишься Даниилу в логове льва. Старайся дойти до частицы человечности в каждом. Обращайся к этой частице, но помни, что демоны тоже здесь и находятся в том же самом человеке».

Подкрепленная мудрыми советами искушенных друзей, я постепенно обретала уверенность в себе, и когда мои предварительные встречи подошли к концу, сделала решительный шаг и стала настаивать на встрече с самим президентом, прежде чем я уеду. «Русские — люди очень личностные. Я никого не хочу обидеть, но все люди президента вместе не заменят самого президента. Речь идет о доверии не ко мне, но к нему, я должна иметь возможность правдиво сказать любому, с кем я могу встретиться в Советском Союзе, что то, что я говорю, идет от него. Мне не понадобится много времени, хватит и пяти минут. Мне лишь надо задать ему один вопрос, но я должна иметь право говорить, что я смотрела ему в глаза и что ответ идет от него». «Напиши об этом», — сказал Бад, и я это сделала.

В своем письме я писала: «...Для русских личный контакт намного важнее, чем для нас, их психологию мы не совсем понимаем и разделяем. Для них все решается наверху... Они просто не понимают нашего президента и не доверяют ему. По этой причине они так глубоко подозрительны в отношении его мотивов и всех его инициатив, даже самых разумных. Учитывая состояние коммуникаций между нашими странами в настоящее время, такое восприятие нелегко развеять. Моя задача быть убедительной будет намного труднее, если мне придется говорить, что я никогда не встречалась с ним. Их ответная реакция скорее всего будет такой: “Мы верим тебе, но ты никогда с ним не встречалась. Почему ты ему веришь? Откуда ты знаешь, что это не просто жест?” И им будет намного легче выдать инициативу за “очередную американскую уловку”».

Неделей позже мне позвонили и приказали прибыть в Белый дом на встречу с президентом Рейганом 17 января 1984 года в 9:30.

Я узнала, что 16 января президент обратится к нации с важным заявлением по поводу советской политики. Я хотела подготовиться и позвонила бывшим коллегам по журналу «Тайм», попросив для себя подготовленный к публикации экземпляр его речи, который внимательно прочитала. Мне речь понравилась, особенно сильный акцент президента на его стремлении к миру, его теплый и более личностный тон. На прессу речь не произвела впечатления и даже вызвала ироничные отклики, особенно рассказанная им вполне в рейгановском духе простецкая история о том, что если бы две пары — Иван с Аней и Салли с Джимом — как-нибудь случайно встретились, скажем, где-то в зале ожидания или под навесом, пережидая ливень, то попросту обменивались бы похожими рассказами о своих детях и работе. Пресса пренебрежительно назвала это обращение его «мирной речью». Молва объявила, что «он не это имел в виду».

Оглядываясь назад, понимаешь, что он взвешивал каждое слово. Фактически это была его ключевая речь, заложившая фундамент политики в отношении Советского Союза за целый год до того, как на сцену вышел Горбачев. Потом Джек Мэтлок рассказывал мне, что видел оригинал речи, и она не была «написана в аппарате», и что президент Рейган прошелся по всей речи трижды, вычеркивая и переписывая целые абзацы.

Как и любая другая женщина на моем месте, я задумалась, что мне надеть, идя на встречу с президентом. Находясь в стесненных финансовых обстоятельствах, я не располагала слишком большим выбором одежды и не могла позволить себе купить что-то новое. Поэтому я принялась за изучение своего гардероба. Единственное более или менее подходящее из одежды, что я нашла, было простое черное платье с белым воротником, как у школьницы, и с бантом в клетку. Я надеялась, что это подойдет. Я ужасно волновалась и до сих пор вспоминаю тот день, как нечто нереальное. Ночь перед встречей я провела у Мэрилин, которая как настоящий друг подвезла меня утром до Белого дома и высадила возле бокового входа. Там я вновь оказалась в цокольном этаже в кабинете у Бада, и мне очень помогли уже само его присутствие и возможность видеть по крайней мере одно знакомое лицо.

Когда в тот памятный день я шла к Овальному кабинету, то осознавала, что поглощена ощущением, что положить конец заморозке отношений

с Советским Союзом жизненно необходимо и надо действовать быстро. У меня не было никакого другого плана действий, кроме собственного убеждения, что ситуация требует каких-то жестов и возобновления каких-нибудь переговоров и что каким бы невероятным это ни казалось, я, возможно, могу для этого что-то сделать. Мне вот-вот предстояло встретиться с самым могущественным человеком в мире, чтобы поговорить о стране, которую мне довелось узнать так близко и даже полюбить.

Когда я вошла, цепenea от волнения, то первое, что меня поразило, был яркий свет из высоких окон Овального кабинета и поразительно знакомое лицо президента, одетого в синий клетчатый костюм. Я была слишком поражена тем, насколько он высок ростом, насколько в жизни он оказался крупнее, что я не заметила больше ничего. Я мысленно благословила Бада за поддержку, которую он оказывал одним своим присутствием, но он еще и представил меня. Президент вежливо поздоровался своим мягким знакомым голосом и пожал мне руку. И только тогда я осознала, что его окружает целая стая хорошо знакомых лиц. Вице-президент Буш, глава аппарата Белого дома Джеймс Бейкер, заместитель главы аппарата Майкл Дивер, политический советник президента Эдвин Миз и представлявшие Совет по национальной безопасности Бад, Джек и Тай Кобб.

Я буквально остолбенела. Никто не говорил мне, что будет столько людей, и я понятия не имела, почему они должны были быть здесь. В моем шоковом состоянии они все казались мне ненатурально высокими, излучавшими мужскую силу и значимость. Я гадала, оказались ли они здесь после закончившегося совещания, решив задержаться, или их только что собрали. Любой из этих вариантов был плох для меня, и все становилось лишь хуже. Я не знала, чего мне ждать, но каким-то образом вообразила, что все пройдет очень быстро: я войду, фотоаппарат щелкнет, президент пожмет мне руку и скажет: «Хэлло, миссис Масси». Я задам ему свой вопрос, он похлопает меня по плечу: «Удачи, миссис Масси. До свидания, миссис Масси», и на этом все. Вопрос нескольких минут.

Но к моему растущему смятению, ничего из этого не произошло. Президент сказал: «Присаживайтесь, миссис Масси» и провел меня к тому самому знаменитому белому президентскому креслу у камина, которое я видела на бесчисленных фотографиях и в телевизионных репортажах и которое всегда занимал какой-нибудь лидер. Невероятно, но сейчас

оно предназначалось для меня. Он подвел меня к креслу и сел справа. Оба кресла были большими, но в тот день они показались мне настолько большими, что я почувствовала, что не достаю ногами пола. Все собравшиеся у президента люди тоже начали рассаживаться на столь же знаменитых белых диванах, соблюдая субординацию. Буш, Бейкер, Миз (прозванные «Тройкой»), и на отдельном стуле в конце этого ряда уселся Дивер⁵. По другую сторону сели Бад, Джек и Тай. Все замерли в ожидании. Ждали меня.

На мгновение меня охватила паника. *Не готова*, только и думала я. Планировала, что у меня будут лишь пять минут, и готовилась к этому — к одному вопросу — и что теперь? *Я нервничаю*, повторяла я про себя ту же мысль, *а когда я нервничаю, я начинаю болтать без умолку. И все эти парни подумают: «Посмотрите на эту тупую говорливую бабу»*. И уже совсем было поглощенная паникой, я все-таки смогла сориентироваться в обстановке. Если я попытаюсь обращаться и к президенту, и затем ко всем собравшимся, потом вновь поворачиваться, чтобы говорить с президентом, то мне придется все время вертеть головой слева направо и обратно, как будто я слежу за игрой в пинг-понг. В этот момент я все для себя поняла. Я не читаю лекцию. Я пришла, чтобы задать президенту вопрос, и я решила забыть обо всех, кроме него, смотреть ему в глаза и представить себе, словно мы здесь одни. Мысленно зажав нос, я прыгнула в неведомые воды, разверзшиеся предо мной.

Когда человек напуган, как это было со мной в тот момент, над ним берут верх чисто животные инстинкты и один человек может почувствовать атмосферу, ауру другого. Президент слегка наклонил голову и смотрел на меня искоса с некоторой неопределенностью во взгляде. К моему удивлению, я немислимым образом почувствовала, что он, кажется, тоже нервничает по поводу встречи *со мной!* Из каких-то глубин своего разума я вытащила воспоминание, что где-то читала, будто президент начинал чувствовать себя нехорошо, когда встречался с «экспертами». Быть может, ему сказали, что я тоже один из таких «экспертов»? Мне захотелось встать, положить ему руку на плечо и сказать: «Господин президент, я не эксперт. Я знаю совсем немного, и то только об одной вещи. Вы знаете так много о том, о чем я не имею представления, о том, что значит быть президентом, например». Конечно, я ничего подобного не сказала, но надеялась, что направила в его сторону какие-то успокаивающие волны.

Он начал разговор с совершенно неожиданного вопроса: «Насколько они [руководители] верят в коммунизм?»

Это был хороший, фактически ключевой вопрос, такой, которого мне никто никогда не задавал. На мгновение я задумалась, как на него ответить, и затем сказала: «Господин президент, конечно, я не могу ответить вам, что каждый русский думает об этом, но я скажу вам то, что говорят многие из них. Они называют их [коммунистических руководителей] “большими шишками” и говорят, что “те держатся за свои кресла”». Инстинктивно я указала на разницу между русскими и их коммунистическими боссами, что для меня было естественным, но и на очевидное различие между моими взглядами и точкой зрения кремленологов — что время идеологии прошло, осталась только форма, что русские люди и советские лидеры — это не одно и то же.

Задним числом я теперь понимаю, что эта мысль была тогда для президента, наверное, чем-то новым. Так получилось, что, как и всегда, русские знали больше, чем мы, знали то, что нам еще предстояло открыть для себя через несколько лет, когда режим пал, словно подгнившее дерево.

После этого разговор пошел легче. Президент был способен воспринимать людей такими, какие они есть, — настолько, что я почти забыла про пугающую фалангу мужчин, сидящих на диванах. Мне стало комфортно, словно мы прежде уже встречались. Я сказала, что считаю его речь очень хорошей. Сказала о том, что членам высшего руководства Советского Союза не хватает знаний о Соединенных Штатах, о том, что они пленники собственных ночных кошмаров, что они окончили лишь технические вузы (если вообще имели высшее образование), и что они сами знают очень мало помимо того, что говорит их собственная пропаганда, и что они никогда не учили иностранные языки и не покидали своей страны, не считая визитов в коммунистические страны-сателлиты.

«Когда я лечу на вертолете, — говорил президент, — я часто думаю, глядя на дома, людей, на нашу страну, что если бы со мной в вертолете оказался советский лидер и он смог бы увидеть, как живут наши люди, то я бы спросил: “Смотрите, почему вы хотите все это разрушить?” Люди забыли о том, что в 1946 году Соединенные Штаты предложили поставить ядерное оружие под международный контроль. Когда им обладали лишь мы, мы не использовали его для покорения мира».

Он принялся рассуждать о собственном опыте общения с коммунистами в Голливуде, где он возглавлял Гильдию киноактеров, об их тактике террора и о том, насколько ядовитой и опасной он ее считает. Он вспомнил школьный учебник для старшеклассников, который попался ему на глаза в те времена, где была глава, рассказывавшая молодежи о том, что они должны перестать верить в Бога, бросить семью и страну, чтобы вступить в Коммунистическую партию.

Я говорила о глубоких религиозных чувствах у многих русских в Советском Союзе, о значении духовности, несмотря на все запреты и преследования со стороны правительства, и о том, что религия все еще остается сильнейшей идеологией, за которую люди будут сражаться и умирать.

Майк Дивер, внимательно слушавший разговор, вмешался и спросил:

— Вы имеете в виду пятидесятников? (Это была группа людей, сумевших пробраться в посольство США в Москве и живших в то время в цокольном этаже посольства.)

Чуть резковато я ответила:

— Нет, господин Дивер, я говорю о Православной церкви.

— Никогда об этом не думал, — сказал президент. — Занятно будет, если вдруг они подорвутся на собственной mine.

Я усиленно подчеркивала свою веру в значимость американского присутствия в Советском Союзе и то, с каким энтузиазмом молодежь там до сих пор вспоминает американские выставки. Наши контакты сводились лишь к общению с элитой, они были слишком узкими, не давали нам взглянуть на настоящую жизнь, которой там живут люди. Нам следует настаивать на развитии более широких контактов между обычными людьми с обеих сторон — любителей народных танцев, полицейских, студентов, домохозяек, мелких предпринимателей. Советский Союз, говорила я, вне всякого сомнения, будет противиться этому, но мы должны добиваться своего, потому что это важно и для нации, и для будущего. (Когда я украдкой бросала взгляды на диванных сидельцев, то видела, что вице-президент Буш никоим образом не выражал одобрения моим словам.)

Президент спросил о моей визе, добавив: «Знаете ли вы о том, что это только в России в прошлом были в ходу паспорта? Паспорт вообще-то идея довольно новая». Я упомянула в этой связи Уилла Роджерса и его одновременно юмористические и проницательные наблюдения, высказанные в книге «Купальников в России нет», написанной в 1927 году,

после того как он посетил Советский Союз, которая могла бы развлечь президента.

Он потратил на беседу со мной не пять, а двадцать пять минут, и ему дважды напоминали о том, что он срывает свой рабочий график. Когда он встал, чтобы уйти, я прямо взглянула ему в глаза и задала свой вопрос:

— Когда я поеду в Советский Союз, я хочу иметь право говорить, что задала вам этот вопрос, чтобы сообщить им ваш ответ. Если вас выберут на следующий срок, будет ли вашей администрацией продолжена та политика малых шагов по улучшению отношений, о которой вы говорите?

Без какого-либо замешательства он твердо и определенно ответил:

— Да. Если они хотят мира, они могут его иметь.

Я сказала ему, что свяжусь с ним сразу после своего возвращения.

А когда мы стали прощаться, я не удержалась от шутки:

— И, господин президент, не забудьте, что и у них есть свои эксперты по Соединенным Штатам, точно такие же, каких имеем мы по Советскому Союзу, и они совсем не обязательно знают о нас больше, чем мы знаем о них!

Он засмеялся. Мы пожали друг другу руки, и он покинул кабинет, сопровождаемый своей свитой, оставив меня вдвоем с Бадом, буквально оглушенной всем произошедшим.

Я благоговела перед президентом и боялась его, окруженного всеми этими советниками, и беспокоилась, все ли я правильно говорила. Когда Бад провожал меня вниз по узкой лестнице, я взволнованно спросила, все ли я сделала как надо.

— Вы все сделали прекрасно, — ответил Бад. — Я знаю его хорошо и могу сказать, что вы зажгли в нем искру.

— Я не привыкла бывать в Овальном кабинете, — сказала я, указывая на очевидное.

И опять Бад рассмеялся и сказал:

— Посмотрим, что можно сделать, чтобы вы бывали здесь почаще.

И вскоре я уже оказалась на улице, шурясь на солнце, ошеломленная пережитым. Через пять дней я отправилась в Советский Союз.

Бада я спросила, могу ли я говорить, что встречалась с президентом, и он заверил меня, что я могу так говорить. Но кроме членов моей семьи и ближайших друзей, я никому не рассказывала о нашей встрече и о том,

почему я еду в Москву. Для всех остальных я отправлялась для того, чтобы заниматься исследованиями по теме моей будущей книги. Позднее, когда меня спрашивали, как я встретила президента, я всегда отвечала: «Он прочел мою книгу» («Земля Жар-птицы»). На самом деле ко времени нашей первой встречи он ее еще не прочитал. Он сделал это позже.

* * *

Пока сверхдержавы начинали свое осторожное движение навстречу друг другу, оставалось одно последнее бюрократическое препятствие, которое напомнило о ставшей русской поговоркой строке Лермонтова: «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Перед моим отъездом Бад позвонил послу Добрынину и сообщил, что я еду в Советский Союз и «им» (то есть Белому дому) будет интересно узнать, что я расскажу, когда вернусь. Так получилось, что из-за интуристовской бюрократии Добрынин лично не мог заказать для меня номер в гостинице, а Бад не мог выписать мне чек на покрытие дорожных издержек, потому что он тогда должен был проходить через казначейство и быть подписанным министром финансов. И все кончилось тем, что поездку я оплатила своей кредитной картой, а расходы мне возместили уже позднее.

ГЛАВА 6

МИССИЯ В МОСКВУ, 1984 ГОД

Сверхдержавы нередко ведут себя как два тяжело вооруженных слепых бойца, двигаясь наугад по комнате, и при этом каждый из них полагает, что другой все видит и представляет для него смертельную опасность.

Генри Киссинджер

Во время долгого полета в Москву у меня было время тщательно обдумать чрезвычайные события предыдущих дней: встречу с президентом, мои последние беседы с Джеком Мэтлоком и Бадом Макфарлейном. За одиннадцать недель до того я впервые вступила в кабинет Бада, и невозможное произошло. Я находилась на пути в Москву, чтобы попытаться добиться позитивной реакции от каких-то неизвестных мне персон в Советском Союзе. Кем они могут быть? У меня не было никакого представления о том, с чем мне придется встретиться по приезду, и даже о том, будет ли хоть какой-нибудь отклик на все это. Но если такой шанс мне представится? Перед тем как уехать, я спросила у своих наставников: «Что, вы предполагаете, я должна сделать? Сидеть в номере отеля и ждать, когда зазвонит телефон?» Ответ был утвердительный.

Несмотря на ощущение, что мне нужно что-то вроде «ранга», чтобы укрепить свое положение, и доводы Мэтлока, что для этого понадобится много времени, а также из-за моего собственного обостренного чувства времени, я, конечно, ни за что не стала бы сидеть в отеле сложа руки и ждать. Я согласилась на поездку, отбросив в сторону все личные обстоятельства, в качестве частного лица как бы для получения необходимых разрешений для подготовительной работы над моей новой книгой о Павловске. Но я была обеспокоена. Принятие на себя такой неофициальной миссии было с моей стороны и личный риск, и жертвой, поскольку я определенно чувствовала, что с этого момента и навсегда моему статусу частного лица для Советского Союза официально будет положен конец.

Я стану меченой женщиной под постоянным наблюдением. Моих друзей станут допрашивать или запугивать, потому что жесткий партийный босс Ленинграда в 1964–1970 годах Василий Толстиков провозгласил: «Ленинград — это колыбель революции, и никому не позволено трясти колыбель». Ленинградский КГБ особо славился своей подозрительностью и жестокостью. Мне было действительно страшно, и тем не менее была жива во мне и определенность, что надо что-то сделать.

Измученная, я прибыла в мрачный аэропорт Шереметьево, прошла через все обычные лабиринты длительных иммиграционных процедур. Как и всегда, мне вначале пришлось переминаться с ноги на ногу, изо всех сил стараясь расслабиться, пока служащий на паспортном контроле с зелеными погонами пограничной службы КГБ скептически снова и снова не изучит мой паспорт. Ожидание — пока он не подымет руку, пока не прозвучит стаккато его штампа, пока не вернут мне паспорт — казалось нескончаемым. Ни слова приветствия, ни тебе «всего доброго».

И снова ожидание у гроыхающей и летаргически медленной ленты багажа, за которым последовала дотошная проверка таможенника. В те дни все путешественники должны были заполнять длинную таможенную декларацию, где надлежало тщательно перечислить каждое украшение и точно подсчитать каждую монетку в каждой из валют, которые у пассажира имелись. (Горе тому, кто ошибется!) Наконец меня исторгли в пещероподобный зал. И там меня, конечно, никто не встречал, поэтому я опять направилась к офису Интуриста, где передала свои ваучеры дежурной, скучающей и угрюмой женщине. (В Советском Союзе ничего не разрешалось делать без туристического ваучера.) Снова пришлось ждать, пока не появился водитель и не повез меня по длинной темной дороге в Москву, и снова в гостиницу «Интурист» на улице, еще носившей имя Горького. Там после очередного нудного изучения и последующего обмена моих ваучеров я наконец водворилась в обычную комнату с ее узкой кроватью, задвинутой в нишу и скрывавшейся за не очень чистой занавеской.

На следующее утро я позвонила Уоррену Циммерману, замещающему в посольстве отсутствующего посла Хартмана¹. Он соединил меня с Реем Бенсоном, атташе американского посольства по культуре, пригласившим меня на ланч. В Вашингтоне мне сказали, что три человека, не считая президента, знают об истинной цели моей поездки; и наше посольство

заранее нельзя было информировать. Я не знала, было ли это на самом деле так и был ли информирован посол Хартман. В любом случае в момент моего приезда он отсутствовал, потому что катался на лыжах. Когда я спросила Рея Бенсона, с которым, готовя эту книгу, специально беседовала, он ответил мне, что посольство знало о цели моего приезда: «У нас есть свои источники» и что «вы приехали, чтобы неофициально составить мнение о том, как идут дела в целом, и о той основе, на которой мы сможем вести переговоры о новом культурном соглашении».

Рей впоследствии оказал мне большую поддержку и стал моим другом. В последующие приезды я останавливалась у него и его жены Ширли в их удобной квартире в посольстве, ставшей для меня настоящим оазисом. В тот период, когда контактов с русскими гражданами у посольства было мало, он и его жена являлись редким исключением, поскольку оба интересовались и Россией, и русскими. Все это заметно контрастировало с поведением большинства сотрудников посольства, с которыми я встречалась на протяжении многих лет и которые старались общаться с населением как можно меньше². Поскольку официально я была частным лицом, мне не полагалось получать какой-либо помощи со стороны нашего посольства и следовало добираться туда, куда мне было нужно, общественным транспортом. А это совсем не легкое дело в этом невероятно огромном городе, особенно когда тебе нужно сделать многое за очень короткое время.

В дополнение ко всем этим сложностям к концу моего полета на самолете у меня внезапно начались кровоизлияния на ногах, чего раньше никогда не было. Поскольку мое состояние не улучшалось, я, наконец, сказала об этом Бенсонам, и они сразу отправили меня к врачу посольства. Он посмотрел мои ногти и посоветовал: «Старайтесь держать ваши ноги поднятыми, и если ваши ногти побелеют и вам станет хуже, мы отправим вас в Финляндию». Я определенно приехала в Москву не для того, чтобы все время лежать с ногами вверх, оставляя в стороне вопрос об отправке меня как посылку в Финляндию, и не собиралась допустить, чтобы эти раздражавшие меня медицинские проблемы мешали моей миссии.

Бенсоны пригласили меня составить им компанию и посетить Большой театр, в котором должно было состояться эпохальное событие. Впервые после революции в Большом поставили оперу Николая Римского-

Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» (1904) с декорациями противоречивого и националистически настроенного художника Ильи Глазунова, с которым я иногда встречалась в прошлые приезды. Он был весьма странным человеком, пользовавшимся таинственной поддержкой высокопоставленных лиц, и чьи открыто националистические по тематике картины находили широкое признание русской публики³. Так случилось, что его жена Нина, с которой я тоже была знакома, тем вечером сидела прямо перед нами⁴. Опера произвела сенсацию. Глазунов создал декорации по традиционным русским мотивам. Хоругви и иконы царили на сцене, и это было первой драматической демонстрацией расцвета русских (в противовес советским) националистических чувств, которую мне довелось увидеть. На следующий день советские газеты заполнили злобные критические статьи, но это все равно стало еще одной приметой растущих культурных трещин в монолите социалистического реализма.

Что касается меня, то я послала телеграмму Радомиру Богданову, извещая о своем приезде, и получила сердечный ответ. Затем я позвонила в Институт США, и мне снова предложили прийти на встречу с Бережковым и Виталием Журкиным. Не знаю, получили ли они какие-нибудь предварительные указания на мой счет. Я рассказала им, что после последней поездки меня очень озаботила атмосфера и масштаб ошибочных представлений с обеих сторон, которые я наблюдала, и что я по собственной инициативе ездила в Вашингтон как частное лицо, где беседовала с несколькими сенаторами и конгрессменами. Я также несколько раз встречалась с Робертом Макфарлейном, который попросил меня вернуться в СССР и передать послание моим здешним друзьям. Я рассказала им, что средства на мою поездку предоставило государственное агентство, ответственное за культурные отношения. Я объяснила, что приехала, чтобы узнать, что они думают и какие могут быть предложения о возобновлении переговоров по свернутым программам культурного обмена между нашими странами, и чтобы изучить все возможные предложения с их стороны о том, как такой диалог можно продолжить. Представляет ли это интерес? С кем мне надо поговорить — возможно, с кем-то из секретариата Центрального Комитета или с министром культуры? Есть ли кто-нибудь во властных структурах, кто мог бы мне посоветовать или передать соображения, которые они бы хотели, чтобы

я передала их партнерам в США? Я знаю, что сделать это по официальным каналам для обеих сторон сейчас трудно, но может быть, будет легче достичь откровенности при неофициальных контактах.

Мои слова вызвали всплеск злости со стороны Журкина.

— Вы! — крикнул он, брызгая слюной. — Вы порядочная женщина, но вас используют как камуфляж злые люди с недобрыми намерениями!

Я заговорила о речи президента, произнесенной 16 января, и сказала, что встречалась с президентом, процитировала его сильные прощальные слова о малых шагах к улучшению отношений.

— Малые шаги могут сбить с толку! — взорвался Журкин. — Как соотнести эту речь с размещением американских ракет! Пустые слова, конечно, имеют свое содержание, но это дурное содержание!

Я дождалась, пока его пыл утихнет, и спросила:

— А что бы вы хотели, чтобы он сказал? Разве лучше, если он продолжит называть вас империей зла? Почему вы критикуете его, когда он не критикует вас?

На этом Журкин сбавил тон, и я смогла сыграть тузом:

— Я писатель, — сказала я. — Я встречала многих могущественных мужчин. Я смотрела в глаза президенту. И я верю в его искренность. Это хороший момент. Используйте его. Не делайте ошибки, отмахиваясь от него и тем самым теряя шанс, который у вас в прошлом уже был.

Так случилось, что в русском и английском языках есть поговорка, которая звучит абсолютно одинаково, и, прощаясь, я швырнула ее: «Дареному коню в зубы не смотрят». И ушла.

Это была именно такая реакция, которую я предвидела, и именно по этой причине я настаивала в Вашингтоне, что мне нужно время, чтобы уйти, если понадобится. Я знала, что Советам тоже нужно время, чтобы переварить эту необычную инициативу. И кроме того, им надо решить, как поступить со мной, женщиной, и стоит ли верить тому, что этот в высшей степени необычный эмиссар грозного рыцаря холодной войны Рональда Рейгана — настоящий. Но я верила в свои инстинкты, в то, что *они* встревожены, что им необходим выход, и что они все разложат по полочкам в свое время сами и собственным способом.

На следующий день 25 января я снова встретила с Уорреном Циммерманом в его большом кабинете в американском посольстве. Он был вежлив, но мало чем помог. Предложил мне позвонить в МИД и попро-

бовать связаться с Александром Бессмертных*, который был американистом, главой американского отдела и считался одним из самых обходительных дипломатов⁵. Я вернулась в отель, задрала ноги вверх, проверила свои ногти (пока розовые) и набрала номер телефона, а потом долго ждала, пока в трубке раздадутся гудки. В конце концов, я дозвонилась, но Бессмертных держался отстраненно и не был склонен к сотрудничеству. Очевидно, что, несмотря на звонок Макфарлейна Добрынину, МИД не желал ничего предпринимать в отношении инициативы Рейгана. И что дальше?

Снова позвонили из Института США. Богданов был готов меня принять.

Мое первоначальное удивление от того, что именно он стал тем, кого выбрали, чтобы разобраться с моей миссией, сменилось все большим пониманием (много раз получившим потом подтверждение), что именно КГБ заказывало музыку и было подлинным источником власти, а не партия⁶. В то время в вашингтонском истеблишменте думали, что решения по политическим вопросам принимались только высшими партийными руководителями, и это несмотря на то, что многие из них были тесно связаны с КГБ. Какой бы ни была правда, я знала русских достаточно хорошо, чтобы понять, что у приглашения на разговор к Богданову есть причина, и решила извлечь максимум из представившегося шанса.

В этом был смысл. Юрий Андропов возглавлял КГБ, прежде чем стать Генеральным секретарем партии. Именно он осторожно ввел Горбачева в высшие эшелоны власти, выступая в качестве его защитника, и он доверил ему, политику уровня сельскохозяйственной области, выход на мировую арену. Высокопоставленные лица в КГБ (я называла их «принцами») были наиболее информированными людьми, знавшими положение в слабеющей стране. Они говорили на иностранных языках, у них был доступ к книгам, к иностранной прессе, они часто ездили за рубеж, служили в посольствах. Это явственно отличало их даже от высших руководителей партии, которые редко ездили за границу, не считая стран-сателлитов, и, как я сказала президенту Рейгану «держались за свои

* Бессмертных Александр Александрович (1933), в 1983—1986 гг. — заведующий отделом США МИД СССР, в 1986—1990 гг. — заместитель, а с 1988 г. первый заместитель министра иностранных дел СССР.

кресла, свои привилегии и должности». По моему ленинградскому опыту я знала, что самые первые инициативы в сфере *гласности* и *перестройки* исходили из КГБ. Именно они поддерживали перестройку в Москве, и когда Горбачев пришел к власти, они стали его наиболее могучими сторонниками. Достаточно одного лишь факта в доказательство: в феврале 1986 года 113 членов Центрального Комитета беспрекословно подали в отставку. Кто, спрашиваю я, мог совершить это, если не рука КГБ?

Радомир Богданов был невероятно трудным оппонентом. Он в совершенстве владел английским, обладал высоким интеллектом, был многоопытным и сообразительным. Он снова принял меня в своем кабинете, который, конечно, прослушивался. В последующие дни мы провели несколько встреч, каждая из которых длилась около двух часов. Богданов был прекрасно осведомлен о том, зачем я здесь, и прочел все мои книги. С первой встречи и перед каждой последующей он давал понять, что передает содержание наших бесед «наверх». Мнения, которые он выражал, были откровенными и разъясняющими, иногда они носили примирительный характер, а в какие-то моменты были злобными и враждебными.

Он начал с того, что объявил: «К этой администрации совершенно нет никакого доверия, и есть все основания подозревать, что речь президента [16 января] произнесена в связи с предстоящими выборами».

Я ушла от ответных суждений, спросив о возможности возобновления культурного обмена.

Его ответ был отрицательным. «Сейчас мы вступили в цикл реагирования на ваши действия, и все стало очень затруднительным. С нашей точки зрения, было бы весьма глупо восстанавливать контакты. У нас тоже есть общественное мнение, и в настоящий момент оно настроено против США, которые воспринимаются как противник номер один — нацеленный на то, чтобы нас уничтожить».

Он продолжил: «Мы находимся в разных политических циклах. Существует ощущение, что эта администрация хочет принудить СССР к миру. Мы озабочены тем, как оно [то есть культурное соглашение] будет представлено Соединенными Штатами: не будут ли они ликовать и не станут ли трактовать его как свою победу».

Я сказала о своей уверенности в том, что официальные оценки могут быть трезвыми и сдержанными, но я не могу того же сказать о нашей прессе.

Я продолжала настаивать на своем мнении, что его рассуждения неверны и что, наоборот, в Соединенных Штатах существует подлинное стремление к миру. Я попыталась объяснить, почему дело обстоит именно так, и почему я считаю важным, чтобы они воспользовались моментом и действовали соответственно. Я видела, что он мне не верит. Я хорошо знала русских и ожидала такой реакции. Именно поэтому, будучи в Вашингтоне, я говорила, что мне жизненно важно дать понять, что слова президента исходят непосредственно от него, а не от людей президента, не от меня. Я точно воспроизвела свой вопрос, который я поставила перед президентом о его намерении следовать «малыми шагами к лучшим отношениям», и его последнюю фразу: «Если они хотят мира, они могут его иметь!»

Богданов все выслушал, но никак не прокомментировал мои слова. Вместо этого он сменил тему разговора. «Существует влиятельная школа мышления, становящаяся все сильнее, согласно мнению которой, ваша администрация не желает рассматривать СССР в качестве партнера. Все предыдущие администрации всегда исходили из того, что Советский Союз — партнер в вопросах безопасности, что мы можем работать вместе. Что сейчас представляется опасным, так это то, что крепнут все темные силы. И в силу этого голос наших военных имеет большой вес. Мы не выступаем за разоружение Соединенных Штатов. Мы уважаем ответственный оборонительный потенциал США. Мы признаем законные американские интересы в Персидском заливе, в Европе и повсюду в мире. Но народы беспокоит вопрос о том, кто на самом деле принимает политические решения по вопросам обороны. Это Перл или Барт? [Ричард Перл, в то время помощник министра обороны, был одним из самых главных «ястребов» у неоконсерваторов. Ричард Барт, заместитель госсекретаря по делам Европы и Канады, обладал большими знаниями в вопросах ядерного оружия.] Он [Перл] так надменно ведет себя на встречах с нашими людьми, что мы полагаем, у него есть поручение сверху вести себя таким образом»⁷.

Как у советских, так и у русских, всегда была такая несчастная манера думать обо всем конспирологически и, несмотря на все убеждения в обратном, на самом деле не верить в то, что наши официальные лица свободны в выражении своих мнений и могут на публике высказывать противоположные точки зрения. Они цепко придерживались своей

привычной убежденности в том, что правительство в Соединенных Штатах, как и их собственное, находится под каким-то контролем сверху. Даже изопращенный Богданов твердо держался ошибочного представления, что президент Рейган не может чувствовать иначе, чем Барт или Перл, что не он поставил этих людей на их должности — и не он продолжает держать их на своих постах. Американцам просто невозможно в полной мере понять, насколько трудно даже самым опытным советским специалистам избавиться от такого взгляда на мир. Они способны сохранять убежденность даже в самых невероятных заблуждениях, и это кажется нам непостижимым⁸. Попробуйте представить, что вы находитесь в полностью контролируемом окружении, где все подвергается цензуре, где на все нужно получать разрешение и где *никто* не действует независимо, а если и поступает так, то часто делает это с риском для жизни, и теперь представьте, как странно будут временами выглядеть Соединенные Штаты. И кроме того, у русских есть Конституция, гарантирующая свободу слова и религии, и все при том знают, что это обман и все они живут в стране, где между тем, что говорится открыто, и тем, что происходит в действительности, нет никакой связи.

Хотя Богданов продолжал утверждать, что официально они хотят выразить свое недоверие администрации Рейгана и отвергают мой статус «гостя посольства», настаивают на том, что я «туристка», они одобрили инициативу моей поездки, потому что это позволило им сделать определенные декларации без какого-либо изменения в политике. «Если вы приехали как “гость посольства”, то для нас говорить с вами означает то же самое, что и говорить с вашим послом». К этому они не были готовы. (Так, подумала я, они были предупреждены о моем приезде, заранее это обсуждали и решили выслушать меня. Я приняла это за довольно позитивный знак.)

«Хартман, — продолжил он, — не любит русских». (Наш посол весьма откровенно поддерживал диссидентов, настолько, что устраивал у себя концерт известного пианиста-диссидента и проводил весьма провокационные ночные кинопоказы в Спасо-хаусе⁹.) Богданов дал понять, что они его не любят и не хотят с ним разговаривать. Затем он спросил: «Насколько справедливы слухи о том, что Хартман может вернуться домой в мае и что он заменит Иглбергера¹⁰? Это могло бы стать неплохим моментом для нового старта. Посол сделал своими врагами и Церковь, и Институт США». И он вновь повторил: «Он не любит русских».

Затем продолжил: «Мы живем в мире, которому нужна стабильность, мы живем друг с другом мирно, соблюдая разумный уровень соревновательности. Это хорошо. Конкуренция с вами побуждает нас к улучшениям самых разных вещей — возможно, и вас тоже. У нас существуют могучие шовинистические силы. Они есть и у вас. Уайнбергер [министр обороны при Рейгане] — это “холодный ветер”. Возобновление обмена здесь будет воспринято как нечто “обычное”, как сделка для того, чтобы прикрыть бумагой разочарование. Мы не хотим создавать проблемы, но если вы будете создавать проблемы нам, мы их создадим и для вас, хотя бы для того, чтобы вам было чем заняться».

Несмотря на все его тирады, я не отчаивалась, упорно настаивая, что необходимо возобновить хоть какие-то дискуссии с Соединенными Штатами. «Говорите о чем угодно, — убеждала я, — говорите хоть два года, но говорите!» Я привела в пример случай с южнокорейским самолетом, чтобы показать, насколько важно избегать таких трагических ошибок.

Это вызвало поток яростных слов об установке американских ракет «Першинг» в Европе. «Не будет никакого культурного обмена, пока ракеты не уберут из Европы!»

Я бросила в ответ: «Эти ракеты будут установлены, и вы не нашли ничего лучшего, чем сделать то же самое! Контроль над вооружениями — это крыша, а мы находимся на полу. Нам нужно договариваться! Вести переговоры два года, если нужно, но договариваться! Сейчас кажется, что единственное, о чем мы можем придти к согласию, так это о матерях и культуре, но если мы не сможем разговаривать о матерях и культуре, то между нами все кончено».

«В том, что вы говорите есть логика», — ответил он примирительным тоном.

Это была лишь маленькая трещина в стене, легкий проблеск света. И тогда я повторила мудрые слова епископа Василия Родзянко и его предупреждение: «Лучше звать к миротворцу, чем к крестоносцу». Богданов внимательно меня выслушал и ничего не сказал.

После всех разговоров с ним в первые дни, которые велись в негативном ключе, я не слишком настроилась на какой-либо успех, но на следующий день я была удивлена и благодарна тому, что эта негативная позиция изменилась. Он проинформировал меня, что «официальная позиция министра культуры состоит в том, что СССР готов возобновить

переговоры по культурным вопросам, но инициатива должна исходить от США. Либо Шульц, либо кто-то другой, кого Соединенные Штаты сочтут надлежащей для этого фигурой, мог бы обсудить это с послом Добрыниным и предложить дату возобновления переговоров. Позиция партии в этом отношении тоже является позитивной».

Я покидала институт в приподнятом настроении — но только для того, чтобы на следующий обнаружить, что позиция снова изменилась. Она стала двусмысленной, менее позитивной. Мне пришло в голову, что «наверху» могли произойти какие-то перемены. И это было на самом деле так. Хотя для всего остального мира было неизвестно, что Андропов смертельно болен и половину своего пятнадцатимесячного правления провел в больнице, жить ему оставалось лишь несколько дней. Он умер 9 февраля, через пять дней после того как я покинула Советский Союз. Окно возможностей осталось открытым. Старый испытанный партийный кадр Константин Черненко стал Генеральным секретарем Коммунистической партии и руководителем Советского Союза. Он был настолько физически слаб, что его часто приходилось поддерживать при произнесении речей. Он умер в марте 1985 года, пробыв в должности лишь 13 месяцев.

К моему великому облегчению, несмотря на встревожившее меня изменение тона в предыдущий день, во время нашей последней встречи 3 февраля, ровно через десять дней после моего приезда, Богданов сделал официальное заявление, ради которого я собственно и работала: Советский Союз согласится начать переговоры о Соглашении в области культуры. Он подчеркнул, что это официальная точка зрения и сделал заявление:

— Мы всегда хотим вести переговоры о восстановлении культурных взаимоотношений. Предложение прямо сейчас должно быть официально сделано через нашего посла Добрынина. Для этого настал момент. Существует и прецедент, чтобы сделать это именно таким образом. Каждый год мы говорим о культурных взаимоотношениях. Мы хотим возобновить переговоры. Это полностью соответствует позиции министра культуры.

Затем, к моему удивлению, он тепло поблагодарил меня и сказал:

— Путешествие в тысячу дней нельзя завершить одним шагом, но вы прояснили нам многие вещи.

И он поразил меня своим вопросом:

— Чего вы хотите?

Я ответила:

— Я писатель и лишь хочу писать свою книгу, и мне нужно разрешение на то, чтобы приезжать сюда и работать в Ленинграде в библиотеке и в Павловском дворце, по меньшей мере в течение двух месяцев.

Он ничего не ответил. А когда мы, прощаясь, жали друг другу руки, он сказал:

— Передайте мой привет Рею Бенсону.

Когда я передала это Рею, который месяцами и словом не обменивался с Богдановым, он сразу понял этот сигнал и сказал:

— Хорошо, хорошо. Я позвоню ему в понедельник.

Обе стороны договорились созвониться снова. Лед начал раскалываться, на что я и надеялась. Но все-таки я еще не была уверена, что хоть что-нибудь сдвинется, пока не прочитала в газете, что вице-президент Буш во время беседы с новым советским лидером Константином Черненко на похоронах Андропова не сказал прессе, что «Черненко был замечательно расположен», он выразил мнение, что «наши страны не являются врожденными врагами», и проявил интерес к тому, чтобы продвинуться вперед в обсуждении вопросов культурного обмена. И только тогда я узнала, что моя миссия достигла успеха. Я почувствовала облегчение и удовлетворение. Я была убеждена, что при той исключительной подозрительности с обеих сторон возобновление и успешное продолжение культурных связей может привести к общему потеплению и выходу из существовавшего опасного тупика, стать первым шагом к лучшим взаимоотношениям с Москвой. Те несколько встреч с Богдановым доказали, что я была права. Мне удалось расколоть лед.

Несколько месяцев спустя возобновилось официальное обсуждение культурных связей, и после тринадцати месяцев переговоров (меньше чем за два года!), оно завершились тем единственным соглашением, которое Рейган и Горбачев смогли подписать во время их первой встречи в Женеве в декабре 1985 года. Была ли я счастлива? Очень.

Я вернулась домой 5 февраля, измотанная и обессиленная. Поскольку я знала, что у Рейгана завтра будет день рождения, то хотела сразу сообщить ему, что у меня хорошие новости. Я немедленно позвонила Макфарлейну в Белый дом, но его не оказалось на месте. Тогда я позвонила

Джеку Мэтлоку в его офис в Олд-икзекекьютив-офис-билдинг. Но стоило мне начать разговор с того, что я пыталась позвонить в Белый дом, как он зло возразил мне: «Это *и есть* Белый дом!»

Его ответ поразил меня, и я не знала, что сказать, потому что это не был Белый дом, куда я пыталась звонить, а Олд-икзекекьютив-офис-билдинг. И тут я поняла, что каким-то образом задела его *atour proper**, и, смутившись, очень кратко изложила свое сообщение и быстро завершила разговор. Позднее Бад сам отзвонился мне из Белого дома, и я дала ему полный отчет о своей поездке.

ГЛАВА 7

ЛАНЧ В ОВАЛЬНОМ КАБИНЕТЕ 1 МАРТА 1984 ГОДА

Пятнадцатого февраля президент написал в своем письме ко мне: «Я ждал, пока Вы не вернетесь из Советского Союза, прежде чем ответить на Ваше письмо. Тем временем здесь произошли огромные перемены. Смею надеяться, что могут появиться лучшие шансы для общения с новым руководством».

Двадцать восьмого февраля, как раз тогда, когда я готовилась к отъезду в Вашингтон, где должна была на следующий день выступать в Сулгрейв-клубе, а затем читать лекцию Балетному комитету в Центре Кеннеди, мне позвонила возбужденная Вильма: «Я хочу передать вам приглашение на ланч с президентом завтра в Овальном кабинете. Мы все ужасно завидуем, потому что нам доводится лишь видеть его, когда он проходит через зал! Я так рада! Вы знаете, президент так поступает совсем не часто. Раз в неделю он устраивает ланч для вице-президента в Овальном кабинете, но так он еще никогда не делал. Будете только вы и господин Макфарлейн, с двенадцати до часу». Я сообщила Вильме, что как раз в это время должна выступать в Сулгрейв-клубе, и она ответила: «Хорошо, но ради президента вы можете перенести выступление?» — пообещав, что сразу после ланча меня очень быстро отвезут в клуб на машине Белого дома. Я спросила ее совета, что мне надеть и подойдет ли мой прежний красный пиджак». «О да, — уверила она, — красный — любимый цвет президента».

Я позвонила в клуб и в Балетный комитет и объяснила ситуацию. «Все в порядке, — согласились они. — Это единственное извинение, которое принимается».

В 8:30 утра меня разбудил очень приятный голос оператора Белого дома и спросил: «Что бы вы хотели на ланч?» (Тревожный вопрос, потому что я, конечно, думала, что в Овальном кабинете я стану есть все, что дадут, — даже если это будут кальмары, которых я ненавижу.)

Я не знала, что ответить, и спросила:

— А что будет есть президент?

Мне ответили:

— Сегодня мексиканский день.

— А что это означает? — спросила я.

Она сказала:

— Тако с фасолью.

Подумав, что это будет слишком много для меня и что я могу закапать свою одежду, я решила, что стоит попросить что-нибудь попроще:

— А что будет еще?

Она ответила:

— Все, что хотите. Омлет, чизбургер, гамбургер.

И я опять спросила:

— А что возьмет президент?

Она сказала:

— Не знаю. Хотите выбрать? — И она предложила консоме, креветки и зеленую фасоль.

Все это надо было есть вилок. Это показалось мне безопасным. (Я бы попросила детскую еду, но ее не было в меню.) Но мой казавшийся таким разумным выбор едва не обернулся катастрофой.

В Белом доме меня уже ждал Бад Макфарлейн, и пока мы шли вверх по лестнице, он объяснил, что хотя президент проинформирован о результатах моей миссии в Москву, он хочет услышать о деталях лично от меня. В отличие от прошлой встречи мы прошли не через парадную дверь в Овальный кабинет, предназначенную для формальных встреч, а через небольшую боковую дверь, где я увидела четырех фотографов с камерами наготове. И президент, и Бад оба были в деловых синих костюмах. (Я должна добавить, что так одеты они были не для меня, а для премьер-министра Марокко, с которым предстояло встретиться после ланча.)

Президент тепло поздоровался со мной:

— Очень рад видеть вас.

— И я тоже, господин президент, — откликнулась я. — Вы оказали мне большую честь.

— Давайте сядем, — предложил он. — Рад снова видеть вас. Спасибо за ваше письмо.

Небольшой стол на четверых, уставленный цветами и президентским фарфоровым сервизом (синий с сине-белой президентской печатью), находился между двумя знаменитыми белыми диванами. Один стул пустовал, и мне сказали, что Майк Дивер опаздывает, но подойдет позже. Президент указал рукой на стол и предложил: «Почему бы вам не сесть лицом к саду?» Зная, что если я буду сидеть и смотреть в сад, то все время буду щуриться, я извинилась, сказав: «Я не так уж хорошо вижу», и села справа. (К сожалению, когда я попросила разрешения сесть на другой стул, то не имела понятия о том, что узнала позднее. Президент Рейган плохо слышал на правое ухо со времен Голливуда из-за взрыва на съемочной площадке и носил слуховой аппарат. Поэтому он предпочитал, чтобы люди сидели слева от него.)

Пришло время ланча. Я заметила, что и президент, и Бад придерживаются диеты и им принесли по тарелке супа. Мне подали мое консоме. Я поняла, что стол низковат, и знала, что, нервничая, могу не донести ложку до рта, не закапав одежду, и поэтому почти не притронулась к еде. Я вежливо ждала, полагая, что президент и Бад будут есть что-то еще, но они ничего больше есть не стали, и единственную принесенную тарелку поставили передо мной. К своему ужасу, я увидела, что креветки не очищены, стручки фасоли в соответствии с новейшей кулинарной модой подали почти сырыми и их никак нельзя было разрезать. Пробовать деликатно сражаться с креветками и пытаться говорить с президентом! Стоило мне предпринять первую попытку, как моя креветка позорно соскочила с тарелки и проехала через весь стол, при этом я в стиле настоящей леди пыталась вернуть ее на место. Больше я не пыталась вести переговоры, сражаясь со следующей креветкой, и покончила со своим ланчем. Президент обратил на это внимание и спросил: «Вы не голодны? Быть может, вы хотите каких-нибудь фруктов?» Я живо согласилась, и вскоре калифорнийских размеров корзина с фруктами расположилась на столе передо мной таким образом, что я могла лишь взирать на нее, чем и занималась все оставшееся время. Так я ничего и не съела. Впрочем, достаточно о моей находчивости.

* * *

Как только мы сели, первое, что сказал президент, было следующее: «Я только что прочитал письмо, посланное мне кем-то, кто получил его от своего родственника в Сибири. Конечно, цензоры отрезали верхнюю

часть листа, и я не знаю, кто отправитель, но этот человек пишет, что русские люди молятся за меня. Как вы думаете, такое возможно?»

Я могла ответить только честно: «Я не знаю об этом из первых рук, господин президент. Я никогда не встречала русского, кто бы прямо мне сказал, что они молятся за вас. Пропаганда против вас, господин президент, и она в газетах, но русские люди умные, и они умеют читать между строк, поэтому я думаю, вполне возможно, что некоторые русские молятся за вас, и я знаю, что многие молятся за Соединенные Штаты».

И тут я сделала большую ошибку, добавив, что они молятся и за поправку Джексона. Ему это не понравилось: «Хорошо, но я не верю в такие штуки. Я верю в тихую дипломатию».

Поняв, что мне стоит быстро переключиться на другой предмет, я заговорила о пятидесятниках, которые на протяжении пяти лет скрывались в подвале американского посольства и которым лишь недавно разрешили покинуть страну. Я сказала, что в этом случае мы победили. После этого президент поведал мне, что никто даже не знает о том, что он лично занимался этим делом: «Но я действительно им занимался».

После этого я стала пересказывать, какой была ответная реакция советской стороны на мою недавнюю миссию, и рассказала о ее опасениях, что если сейчас будет заключено Соглашение по культуре, то мы начнем ликовать, а Советы в таком случае смогут заявить: «Вот видите, они нас обошли». Президент твердо ответил на все это: «Нет, нам совершенно это не нужно» и опять вернулся к пятидесятникам. «Никто не ликовал, — сказал он. — Мы не подымали никакой шумихи после того, как они их выпустили». Я сказала ему, что и я заверила своих собеседников, что это не станет никаким препятствием, хотя и не могу поручиться за реакцию нашей прессы, но я уверена: с официальной стороны отсутствие злопыхательства не будет проблемой.

Потом он спросил о том, что я думаю о новом руководителе Черненко. Я привела несколько высказываний русских о нем, добавив от себя, что мне он напоминает персонаж Арчи Банкера с американского телевидения* и что они оба прекрасно ладили бы. У них одинаковые предрасудки: оба полагают, что страна все слабеет, дисциплина падает, молодежь не умеет работать и увлечена чем-то странным, что все прежние ценности разрушены и страна катится в тартарары именно из-за поведения молодежи, и добавила, что он расист.

Дивер вмешался в наш разговор, когда я принялась говорить о значении этнической идентичности в Советском Союзе — что это многонациональное государство и что слово *русский* означает принадлежность к конкретной этнической общности, что никто из советских лидеров не был русским. Например, Черненко был украинцем из Сибири, хотя в советской прессе стараются изобразить его мать русской женщиной. Он говорит по-русски неправильно и с сильным акцентом, таким же как у Брежнева, которого высмеивали в анекдотах за его комичный акцент и плохое знание русского языка. «Они совсем не милые, никто из них, — сказала я. — Иногда я чувствую, что мне нужно, ребята, вас защищать».

На мою шутку все трое, включая президента, весело засмеялись. Но каким бы нелепым это ни могло показаться в тот момент, у меня действительно возникло такое чувство. В этом святилище — Овальном кабинете — я внезапно почувствовала, что здесь находятся достойные люди, имеющие дело с людьми непорядочными, и это меня обеспокоило. Русские мне много раз говорили: «Все эти люди не умеют делать ничего, кроме как предавать. Только предавать. Всё. Любые соглашения. Они разрушают». Меня также предупреждали, что «они попробуют убить вас, потому что вы пытаетесь помочь нам». В Соединенных Штатах мы действуем совсем по-другому. Президент может, конечно, говорить об «империи зла», но Рональд Рейган был порядочным человеком, и не важно, какие там заявления делает наше руководство. Оно не имеет представления о том, каким настоящим злом являются люди в Кремле: не знают о том, насколько они привыкли жить в атмосфере обмана и убийств. Громыко и все его окружение работали при Сталине. У каждого из руководителей кровь на руках, все они были соучастниками преступлений.

Перед отъездом в Москву я чувствовала, что мне не хватает знаний о советском образе мышления и о людях, с которыми мне предстояло встречаться, и обратилась за советом к епископу Родзянко. Я кратко пересказала президенту его суждения. Епископ посоветовал мне иметь в виду, что все, с кем я увижусь, делятся на три категории. Это будут русские националисты, патриоты своей страны, гордящиеся ей. Затем есть преданные партии коммунисты, ставящие диктат партии превыше всего. При этом вторая категория может в некоторой степени включать тех, кто принадлежит к первой, но все-таки в основном они люди партии. А с другой стороны, будут и те, кто является оппортунистами, способными

выбрать любой путь, поскольку не принадлежат в полной мере ни к первой, ни ко второй категории. Епископ настоятельно рекомендовал мне все время держать в уме, с кем бы я ни встречалась, что люди всех трех категорий опасаются Православной церкви. Он рекомендовал мне «обращаться к частице человечности в каждом, хотя нередко это совсем небольшая частица — даже у Сталина она была — и надо пытаться добраться до нее. Но помнить все время, что демоны существуют и работают внутри их постоянно». Я боялась за порядочных людей нашей страны, имеющих дело с такими от природы подозрительными противниками, которые всегда подразумевают и постоянно выискивают недобрые мотивы у других, и у меня было ощущение, что я должна защитить людей в этой комнате от того, чтобы они не зашли слишком далеко в своих изначально достойных намерениях при общении с такими людьми.

Дивер спросил, а не боятся ли Советы мусульман и что они чувствуют по отношению к азиатам. Я ответила: «Конечно, я не могу вам авторитетно изложить официальную позицию, но могу сказать, что русские говорили мне самой, насколько они обеспокоены этой проблемой». Мне говорили, что мусульманские республики Советского Союза оказывали давление на правительство и что оно пошло на вмешательство в Афганистане, поскольку боялось исламских фундаменталистов у своих границ. Правительство понимало, что оно не может идти на риск отправки войск из Азии в Афганистан. Я обрисовала общую картину этого вопроса и привела статистические данные о том, сколько азиатов служит в Советской Армии.

Мы говорили о мире и о необходимости соблюдать осторожность, о том, что делать дальше. Я сказала президенту, что лично сама поддерживаю его твердость в отношении Советского Союза и думаю, что такое поведение правильное. Единственная опасность заключается в том, что надо быть осторожным, чтобы твердость не переходила определенных границ и не воспринималась как агрессивность — и к ней надо относиться, как к лезвию меча, чтобы он не мог выскользнуть.

Бад Макфарлейн предложил, чтобы я рассказала президенту об обстоятельствах моей поездки, о том, как меня приняли, как они все обстояли. Я объяснила технические детали с получением визы и сообщила о некоторых проблемах, связанных с тем, что они не знали, как меня принять. Если меня воспринимать как гостя посольства, то это делало

меня официальным лицом, поэтому они решили, что я для них стану будто бы туристкой. Таким образом они могли обозначить свое неудовольствие администрацией и то, что они не вполне готовы к подвижкам официально, но в то же время могли выразить свою заинтересованность и одобрение самой инициативе. В завершение они приняли меня вполне хорошо, впрочем, я рассказала, что первоначально Виталий Журкин обвинил меня в том, что я «простофиля, прикрывающая злых людей с плохими намерениями». Я пояснила: «Господин президент, вы знаете, что я попросила о встрече с вами перед поездкой. Это не была личная и своевольная просьба. Если знать русских так, как знаю их я, то я чувствовала, что может стать самым главным, так оно и случилось. Сам факт того, что я могла сказать, что я лично встречалась с вами, имел для них очень большое значение. Журкин успокоился и примирительно сказал: "Ладно, быть может, он пытался обмануть вас, пытаюсь выглядеть хорошим". В этот момент, господин президент, я им возразила. Я сказала, что я писательница, повидавшая многих могущественных людей, и что я смотрела вам глаза в глаза и задала вам прямой вопрос, и что мое мнение, что вы искренне заинтересованы в политике малых шагов по установлению новых отношений, и что они будут глупцами, если пренебрегут этим».

В тот день я заметила, что президент носит слуховой аппарат в правом ухе, и увидела, как он его поднастроил, чтобы слышать лучше. Более ничем другим он не выказал свой возраст. Он выглядел на десять лет моложе, чем был на самом деле. Он живо реагировал, глаза были зоркими, он быстро схватывал все, о чем я говорила. Казалось, что он вполне уверен в правильности избранного им направления. Я думала, что это совсем неплохо, что его разум не закрывается, а остается открытым, и он не уклоняется от восприятия иных идей, которые могут предложить другие. Единственное, что меня удивило, так же как и в первый раз, что в отличие от многих людей, наделенных властью, ему не было присуще высокомерие. Во всяком случае, он не хитрил и даже, как мне показалось, был немного застенчив. Он не старался подавить, а был скорее немного уклончивым и оказался намного более спокойным, чем выглядел на экране телевизора. Можно было заметить, что как человек он вышел из простой среды, чего по телевизору невозможно было разглядеть, потому что этому мешали величественный облик его кабинета и его собственное знаменитое лицо. Он был очень вежлив, и, вне всякого сомнения, именно

поэтому все, кто его окружал, все секретари, очень любили его; он со всеми был добр. Для меня оказалось совершенно неожиданным увидеть такого человека президентом Соединенных Штатов.

Я подумала, что президенту будет важно узнать, каким я его описала Советам: «Возможно, вам, атеистам, трудно будет это понять, но наш президент господин Рейган — религиозный человек, придерживающийся принципов христианства. Он верит в них и видит себя в роли защитника тех принципов, на которых зиждется его страна. Как вы знаете, у христиан две стороны, одна — мирная, миротворческая сторона, но если христианские принципы оказываются под угрозой, христиане могут взять в руки меч ради их защиты. И от вас во многом зависит то, с кем вы столкнетесь — с миротворцем или с крестоносцем».

Когда президент это услышал, он выглядел польщенным.

— Надеюсь, что не допустила излишних вольностей, — сказала я.

Улыбнувшись, он ответил:

— Нет.

Я добавила, что, по-моему, этот аргумент не пропал бесследно, поскольку в последний день пребывания в Советском Союзе я напомнила переговорщикам о том, что сказала ранее, и подтвердила: «Не забудьте это». При этом я заметила, что человек, делавший заметки в ходе нашей беседы, трижды подчеркнул эту фразу. Я говорила об их враждебных чувствах и подозрениях, которые они высказывали по отношению к его январской речи: «Это ничего не значит», она «бессодержательна». На это я ответила: «Хорошо. А как бы вы хотели, чтобы он говорил с вами? Вы предпочитаете, чтобы он продолжал называть вас “империей зла”? Речь была тщательно просмотрена президентом Рейганом. Почему вы не попытаете представить, как еще он мог бы ее произнести и все другие варианты? Почему вы критикуете его за такую инициативу? Только сильный человек может признавать ошибки, слабак — нет». И снова президент одобрительно улыбнулся. «Я продолжала подчеркивать ваше подлинное стремление к миру и указала им, что ваши избиратели скорее всего будут против какого-либо примирения с Советским Союзом и что наша система такова, что президент может начать настаивать на своих стремлениях лишь после того, как пробудет в своей должности какое-то время, и он должен быть уверен в надежности своего положения, прежде чем с ними выступить, и что вам следует тщательно взвешивать свои

слова, и что если они проанализируют свои собственные действия, то увидят, сколько раз они упускали свои возможности в отношениях с нами».

Заглядывая в свои записки, я коснулась информационных разрывов, которые, кажется, у них имеются в отношении понимания Белого дома, — в том, что касалось ухода Кларка с должности советника по национальной безопасности и прихода на его место Макфарлейна. Я пояснила, насколько им трудно быстро разобраться в том, что происходит, точно так же как и нам в том, что касается них. Заметив, что президент кивнул в знак согласия, я сказала: «У меня возникла проблема, когда они спросили: “Мы не понимаем, кто на самом деле отвечает за оборонную политику”». Я не хотела касаться личностей, которых они упомянули, потому что знала, что Макфарлейн передаст это лучше, чем я, поэтому эту тему лучше оставить ему. Но я дала понять президенту, как им на самом деле трудно воспринять ту значительную степень свободы в публичном выражении собственного мнения, которую имеют наши официальные лица, и ту непринужденность в общении с прессой, немыслимую для их должностных лиц, благодаря чему наши политики могут приобретать в их глазах большую значимость, чем они на самом деле имеют. Я и Богданову говорила, что не знаю в точности, кто делает у нас оборонную политику, но это точно не два человека. Я продолжила: «То, что для вас очевидно, господин президент, совсем не обязательно так же ясно для них. Они видят вещи глазами, непохожими на ваши, и они твердо уверены, что когда о них столь резко высказываются высокопоставленные американские государственные служащие, как это делают и в Советском Союзе, то такие лица следуют инструкциям, данным им президентом, говорить с ними подобным образом. Большую тревогу вызывает их ощущение, что если все предыдущие администрации относились к ним как к партнерам, то теперь они чувствуют, словно их “принуждают” к миру, а они не хотят, чтобы их принуждали к чему-либо! Господин президент, вы вроде как загнали их в угол своими сильными выражениями». Затем я предложила, что, возможно, ему имеет смысл подумать над тем, а не стоит ли успокоить их недоверчивость чем-то вроде слов: «Нам нужна сильная Россия, чтобы достичь мира и строить новые основы». Это ведь ничего не будет нам стоить.

Президент внимательно меня слушал, и мне казалось, что эта информация была для него внове и с такими взглядами он, очевидно, прежде не встречался. Ему было над чем поразмыслить после ланча.

Потом уже Макфарлейн рассказал мне, как он думал, что было бы замечательно, если бы президент использовал такую фразу, какую я предложила. И я ему сказала, что если он так сделает, то ему надо обязательно сказать *Россия*, а не *Советский Союз*, потому что тогда его высказывание придется по сердцу Устинову (министр обороны был русским националистом).

Потом я вернулась к теме культурного обмена: «Советы сказали мне, что они хотели бы возобновить переговоры. Они предлагают, чтобы следующий шаг был сделан в Вашингтоне, от Шульца к Добрынину. Могут ли это сделать Добрынин и наши официальные лица? С моей точки зрения, это важно для вашей репутации, но это касается и моей честности в передаче инициативы Вашингтона и позитивного ответа на нее русских. С этим нельзя затягивать. Иначе, как предупредил Богданов, все это станет похожим на суфле, извлеченное из печки и тут же опавшее. Они не станут делать попыток, чтобы оно вернуло свою форму, если мы так поступим. Конечно, я не владею всей информацией, и в ваших руках все, что касается внутренней и международной ситуации, но могу я спросить, каково ваше впечатление на этот счет?»

И он ответил, что действительно они хотят двигаться вперед в этом направлении и что мы собираемся сделать это уже завтра, что, как я потом узнала, стало частью целого пакета инициатив в отношении Советского Союза, включая вопрос о запрете химического оружия, занимавшего значительное место в советской, да и в нашей повестке дня. Я подчеркнула, что для них имеет большое значение фраза вроде следующей: «Никакого первого удара, никакого применения силы в отношениях между нашими странами». Но когда они попытались поднять вопрос о контроле за вооружениями, я не поддержала эту тему и сказала, что со мной это обсуждать неуместно.

Даже после того как я описала общую атмосферу, с которой я встретилась в Москве и детали своих встреч и разговоров с Богдановым и другими, президент выказывал желание слушать и продолжать разговор. Я знала, что если Советы, в принципе, согласились возобновить культурный обмен, то моя задача теперь сводится к тому, чтобы убедить его в том, что возобновление этих дискуссий послужит во благо Соединенным Штатам и станет позитивным шагом вперед для всей страны. И я начала снова говорить ему о том, как важны были американские выставки для русской

публики, особенно для молодежи, толпами сбегавшейся на них, о том, с каким нетерпением они их ждут, и с моей точки зрения, для Соединенных Штатов жизненно важно поддерживать эти контакты и обозначать свое присутствие в Советском Союзе, поскольку это позволит людям видеть настоящую картину того, как американцы живут и о чем думают. Я предложила целый ряд идей и среди них выставку искусства и художников американского Запада, потому что русских, так же как и людей во многих других странах, привлекает романтика нашего Запада и они никогда не видели работ Кэтлина и Ремингтона и других прекрасных пейзажистов, не говоря уже об искусстве американских индейцев. Затем я предложила: «А почему бы не отправить к ним родео?¹», заметив, что эта взаимовыигрышная ситуация — большой шанс для обеих сторон продемонстрировать мастерство, ведь у русских традиционно великолепные наездники, и русская публика любит истории про ковбоев и добрый старый американский Запад. Вместе с родео может появиться возможность показать и серию кинофильмов-вестернов.

Президенту идея понравилась, и он с воодушевлением воскликнул: «Замечательная идея! Родео! О, это отличная идея. Родео!»

Я прервала его и сказала: «Кроме всего прочего, это будет как вишенка на торте. Есть множество мыслей по поводу того, что мы можем сделать, но прежде всего нам придется заключать Соглашение по культуре, поскольку пока у нас его не будет, то нечего даже думать обо всех этих замечательных вещах».

Я продолжала настаивать на том, как важны — даже необходимы — более широкие взаимные обмены и что те немногие, что у нас были, оказывались слишком снобистскими и бюрократическими, и в рамках прежних обменов мы часто видели и с их и с нашей стороны одни и те же лица. Советы будут определенно возражать, как они говорят, «никаких джамбо-обменов*», и может оказаться нелегким достичь того, что мы хотим; но есть нечто, что должно нас вдохновлять и подталкивать: это прежде всего организация обмена для молодежи с обеих сторон, для студентов колледжей и старшеклассников. Я сказала президенту, что когда настаивала на этом в беседах с Богдановым, тот отвечал мне с ничего не выражающим лицом: «Хорошо, но есть проблемы с обменами, которые и русские признают». Затем он добавил: «Разница между нашими двумя странами, как вы знаете, заключается в том, что вы посылаете к нам лучших профессоров,

а мы относимся к ним как к шпионам, что же касается нас, так мы делаем противоположное».

Президенту понадобилась пара секунд, чтобы понять шутку, затем он откинулся в кресле и смеялся, смеялся. «Русские и правда с вами так пошутили? Мне нравится! Я пополню ею свой запас шуток».

Мы обсуждали вопросы и о поездке в Москву, и о приглашении советскому руководителю посетить Соединенные Штаты. Я сказала ему: «Вы великий мастер общения. Я уверена, что если вы поедете в Советский Союз и узнаете хоть немного их обычай, то вы сможете очаровать их, и я думаю, вы должны пригласить их к нам».

При этих словах Дивер и Макфарлейн буквально подпрыгнули. Они сказали: «Технически это действительно наша очередь, потому что в последний раз мы ездили к ним, поэтому теперь они должны приехать сюда».

Президент стал вспоминать визит китайского лидера Дэн Сяопина и сколько удовольствия получил Дэн от езды верхом. «Ему это на самом деле понравилось. Дэн чуть не упал, увидев, сколько у нас всего. Он на самом деле был удивлен тем, как много мы сделали в Соединенных Штатах». Потом он, как и во время нашей первой встречи, заговорил о своем желании полетать на вертолете с советским лидером. «Когда я нахожусь в вертолете и гляжу вниз, вижу наши маленькие дома и все эти красивые маленькие сады, вижу, что у людей есть даже плавательные бассейны, и все то, как живут наши люди. И я бы сказал ему: “Видишь? Смотри, что мы сделали для нашего народа. Можешь ли ты сделать то же для своего?”»

И в этот момент я скромно, насколько смогла, потупилась и позволила себе заметить: «Господин президент, могу предположить, что будет лучше, если вы расспросите его о семье и о нем самом. Потому что русским и так совершенно очевидно то, насколько мы живем лучше, чем они».

Я напомнила, что наши две страны вместе с Бразилией — три самые большие христианские страны мира. Он немного расстроился и сказал: «Ну хорошо, но я не уважаю Православную церковь, потому что она полностью подконтрольна».

Очень нелегко бороться с предрассудками и подозрениями с обеих сторон, и я совсем не собиралась читать ему лекцию, но подумала, что все-таки лучше кое-что объяснить. Глядя прямо на Дивера, сидевшего напротив меня, я ответила: «Да, вы знаете, что проблема состоит в том,

что, возможно, в наше время — это самая преследуемая Церковь, а быть может, и не только в наше время. По первому пятилетнему плану, принятому в 1929 году, к его завершению все признаки религии должны были быть уничтожены. При Сталине и после него, не останавливаясь, советский режим разрушил восемьдесят процентов церквей и убил тысячи священников и верующих. Да, то, что осталось от Церкви, находится в очень трудном положении. Они должны были пытаться как-то выжить. И они смогли. Это было ужасно трудно сделать».

Я процитировала слова одного православного священника, который мне говорил: «Для тех из нас, кто остался, это стоило настоящих жертвенных страданий, но мы решили как-то участвовать в жизни этого общества, служить в нем, спасти его и возродить. И теперь они не могут существовать без нас». Я сказала, что сегодня есть религиозные люди в КГБ и есть неверующие священники, ситуация остается неопределенной. Я чувствовала, что Соединенные Штаты должны стать свидетелем этого процесса — не обязательно шуметь по этому поводу, но мы должны понимать то, что узнала я, когда мне об этом сказал один благочестивый церковнослужитель: «Церковь никогда не была сильнее в России, чем сейчас, потому что нам очень некомфортно и трудно и потому в Церкви самые сильные люди. Всегда хорошо, когда государство противостоит Церкви. Это делает ее сильнее». Рейган улыбнулся.

Я привела в пример Польшу. Никто не думал о Польской католической церкви. Наши эксперты объявили, что Церковь приведена к послушанию, контролируется правительством и существует только потому, что так надо. Мы ошибались. Также и в Иране мы недооценили важность религии. Я рассказала ему о русском идеале ненасилия, заложенном их первыми святыми покровителями Борисом и Глебом, умерщвленными в XI веке, которые отказались отвечать злом на зло. «То, что сейчас выглядит как принятие режима, не является его принятием, в этом выражается особый русский путь. Православная церковь делает свое дело тихо, стараясь защитить верующих любым доступным ей способом». Я полагаю, что убедила его.

Я передала Макфарлейну великолепную книгу «Уроки веры в России» (*Lessons of Faith in Russia*), написанную Майклом Бурдые (*Michael Bourdeaux*), английским священником Англиканской церкви и экспертом по вопросам религии в Советском Союзе. Когда я ее показала Бадю в приемной, он сразу же узнал имя автора и сказал:

— О, госпожа Тэтчер передала книгу Бурдые вице-президенту Бушу, чтобы с ним поговорить о ней.

И я спросила его:

— Не думаете ли вы, что президента это может заинтересовать?
Я оставляю ее вам.

Он ответил:

— Передайте ему сами.

Я и передала.

— Господин президент, эта книга может дать вам некоторую информацию по данному вопросу.

Макфарлейн немедленно вступил и напомнил ему:

— Это тот самый человек, которого госпожа Тэтчер представила вице-президенту.

Наш ланч продлился час двадцать минут, очень долго и необычно для президента. Я думала, что он захочет уйти намного раньше. Он посмотрел на часы, сказал: «Время» и поднялся с кресла. Я коротко попрощалась с ним и пообещала прислать свои книги, как он того просил.

Находясь в такой необычайной ситуации, вам некогда подумать о том, насколько хорошо вы справляетесь со своей задачей. Я была рада, что там присутствовал Макфарлейн, человек, которому я доверяла и кто очень помогал мне. Я могла чувствовать, как он посылал в мою сторону волны добра, и одно это уже было большим подспорьем, но я, кроме того, пожелала сидеть к президенту наискосок, чтобы мне было видно лицо Бада и он мог в случае чего дать мне понять, все ли ладно. Когда мы оба вышли, я сразу в волнении спросила его:

— Бад, я надеюсь, все прошло хорошо. Но я ненавижу себя, когда чувствую, что все время говорю, и это меня сильно беспокоит.

И он сказал:

— Нет, нет, нет. Нужно, чтобы он слышал такие вещи. Все было хорошо. Именно для этого вы и были здесь, — и очень благодарил меня за все, что я сделала.

Я спросила его, могу ли я говорить, что была у президента, и он ответил:

— Конечно.

Я также спросила, можно ли мне рассказывать о том, что я сделала. И он снова ответил утвердительно:

— Конечно. Мы ценим то, что вы сделали для нас. Вас должны признать. И мы очень хотим, чтобы вы помогли со всеми этими культурными делами.

Мы договорились о встрече, чтобы продолжить разговор. Так что, за исключением непослушных креветок и недоваренной фасоли, это была чудесная встреча. Я чувствовала себя по-настоящему счастливой и удовлетворенной, я завершила то, о чем меня попросили и о чем я отчиталась. Я сделала свое дело, и у меня не было причин думать, что мне предстоит снова встретиться с президентом.

В тот день президент записал в своем дневнике: «Был ланч с Бадом и миссис Масси — только что из России. Она замечательная женщина с огромным пониманием России. Она укрепила мое ощущение, что для меня настало время лично встретиться с Черненко». (И через несколько дней после этого он направил письмо новому советскому руководителю.)

* * *

Меня посадили в лимузин Белого дома и отвезли в Сулгрейв-клуб на мою лекцию, а после я отправилась в Центр Кеннеди, где застала всех дам из Балетного комитета, которые находились в польстившей мне полной уверенности, что ланч был каким-то большим мероприятием в Белом доме, и жаждали узнать, кто на нем присутствовал кроме меня. Когда я сказала: «Не было больше никого, кроме нас, — они недоверчиво переспросили: — Но о чем президент мог пожелать говорить с вами?» Я ответила: «Не знаю, он просто хотел поговорить».

Меня пригласили на ужин после спектакля, и я обнаружила, что сижу рядом с послом Артуром Хартманом, в то время представлявшим нас в Москве. Он был типичным карьерным дипломатом Государственного департамента, до Москвы служившим в Париже, и имел высокую профессиональную репутацию среди своих коллег из Госдепартамента. Но он не был тем, кого по названию страны пребывания называют «рукой России». Я накоротке встречалась с ним дважды. Несколько лет назад, перед тем как уехать в Москву, он нанес короткий визит в исследовательский центр и позвонил мне, попросив рекомендовать несколько книг о России, которые ему следует прочитать. И все. Большую часть своего времени он проводил, встречаясь с теми, кто был активно вовлечен в диссидентские дела и вопросы эмиграции в Израиль. Конечно, это были вполне

законные заботы, но далеко не единственные, которыми надо было заниматься в Советском Союзе в такое решающее время. Когда в октябре 1983 года я приехала в Москву, то позвонила ему, и по его репликам у меня сложилось впечатление, что он холоден к русским. Я написала ему два письма, но ни на одно не получила ответа.

Его присутствие на том вечере объясняла заметка в утреннем номере «Нью-Йорк таймс», что в Белом доме состоится круглый стол для обсуждения отношений с Советским Союзом с участием официальных лиц, в том числе посла. И правда, первое, о чем он поведал за ужином, было то, что он приехал на три дня, чтобы встретиться с президентом. Тут я осознала, что каким-то образом по некоторым своим резонам Макфарлейн пропустил меня вперед, и инстинктивно поняла, что мне не следует говорить о ланче с президентом. Вместо этого я невинным тоном спросила:

— О чем вы собираетесь говорить с президентом?

Он ответил:

— Будет Шульц и я. Мы собираемся поговорить обо всем в целом.

Неожиданно он неодобрительно заявил:

— Я слышал, что Бад Макфарлейн *молится* на вас!» (Вероятно, это касалось того, что предшествовало моей миссии в Москве.)

Я была совершенно удивлена не только его заявлением, но и самим тоном, в котором он говорил, и мне стало неудобно:

— О, откуда вы об этом узнали?

— Мне сказал Билл Шинн (Билл Шинн раньше был генеральным консулом в Ленинграде.) Мы с ним ходим в одну церковь.

— Не знала об этом, — честно сказала я. И больше этого предмета не касалась.

Поскольку я полагала, что он должен быть осведомленным человеком, то спросила, что он думает о Черненко, но, к моему разочарованию, он не знал почти ничего. Я знала, что он начал регулярно показывать в своей резиденции Спасо-хаус американские фильмы и приглашал на них русских. Потупив взор, я спросила:

— Вы знаете, я читала об инциденте с «Ниночкой»* и не поняла, что произошло на самом деле, поскольку газетам нельзя верить.

* Сюжет комедийного фильма «Ниночка» (*Ninotchka*, 1940) с Гретой Гарбо в главной роли был построен вокруг приключений советских эмиссаров в Париже, не выдержавших искушений западной жизни.

— Ну, я много слышал про этот фильм и когда-то давно видел его. Вот я и подумал, что было бы забавно его снова посмотреть. Я заказал копию и показал его членам иностранного корреспондентского корпуса. Конечно, когда я его увидел, я понял, что русским его показывать нельзя, поэтому обзвонил их и предупредил, что не стану его показывать — но, конечно, ущерб этим был нанесен.

Зная эту изумительную комедию, я, конечно, могла понять, почему сверхчувствительные, параноидальные советские власти вознегодовали на посла США, который показывает иностранной прессе и дипломатическому корпусу фильм, где русские изображены дураками. Они сочли это преднамеренным оскорблением и в отместку перед следующим просмотром дали КГБ команду не допустить на него русских.

Затем он добавил:

— Вы знаете, конечно, что хоть это и не совсем по нутру моим европейским коллегам, но даже в самые плохие времена как американский посол, я располагаю наилучшим доступом, чем кто-либо еще. Если я хочу видеть Громыко, то могу его увидеть. Он всегда встречается со мной и не хочет видеть других.

— Ходят слухи, что вы можете вернуться в США? Это так или только слухи? — спросила я.

Он ответил:

— Нет, я совсем недолго там. Пока не время. (Для чего, удивилась я.)

Еще до того как в январе я отправилась в Советский Союз, я знала, что наше посольство почти или совсем не имеет контактов с Православной церковью, и думала, что какой-то жест в ее сторону не повредил бы, поэтому предложила Мэтлоку, что было бы дипломатично позвонить церковному иерарху. Он отверг саму идею: «Ну хорошо, если вы хотите встретиться с Церковью, делайте это сами».

Епископ Родзянко и другие подробно рассказывали мне о митрополите Филарете и Православной церкви, поэтому я позвонила митрополиту, и у нас состоялась формальная встреча, на которой мы обсуждали в самой общей форме то, как можно улучшить отношения между нашими странами — и это все нормальные вещи, которые надо обсуждать с Церковью. К моему удивлению, в середине нашего разговора, когда мы беседовали о том, как улучшить наши отношения, он вдруг резко сказал:

— Конечно, вы понимаете, что многое зависит от вашего представителя.

И я переспросила:

— Нашего представителя?

— Да, — ответил он.

— О, а что с ним не так?

Митрополит с горечью воскликнул:

— Ваш посол высказывается о нас грубо! Он грозит нам кулаком!

Поэтому во время того ужина я спросила Хартмана:

— А что произошло между вами и Филаретом?

Хартман фыркнул:

— Это еще тот человек! Он лишь представляет Церковь. Он не кто иной, как агент КГБ! — подтвердив тем самым, что между ними действительно что-то произошло и результатом того происшествия стало то, что Церковь полностью свернула какие-либо отношения с нашим посольством. Теперь я стала лучше понимать, почему Богданов задал мне вопрос о возможной замене нашего посла, сказав: «Он не любит русских. Он не популярен. Он создает себе врагов. Церковь, например».

Меня потряс разговор тем вечером, и когда я несколько дней спустя увиделась с сенатором Биллом Коэном, хотя при этом и не упомянула свой разговор с Хартманом, сказала, что у меня была большая проблема в том, что касается отношения посольства. Оказалось, что он разделяет мое ощущение. Он сказал, что когда был в Москве, то всем занимался сам и написал об этом госсекретарю Шульцу.

Из замечаний Билла я вынесла мысль о том, что, возможно, именно поэтому Советы попробовали задействовать частные каналы — потому что они не могли установить с посольством те отношения, в которых нуждались. Я сказала Биллу, что это тоже меня беспокоит, особенно после того как я встретила с президентом и поняла, что посольство создает совсем не тот образ страны, который он хотел бы. По моему мнению, одной из причин, почему Советы не верили в искренность речи президента, могло стать то, что они видели нашего представителя и думали примерно так: «Вот что все это означает на самом деле. Президент говорит все эти слова исключительно в электоральных интересах, но отнюдь не собирается им следовать, поскольку мы видим, что здесь происходит». Они очень тщательно подходят к тому, в каком образе собираются предстать перед

важными американцами. И их подозрения могут быть для них более чем обоснованными вследствие той важности, которую они придают собственному послу Анатолию Добрынину в Вашингтоне — изысканному, очаровательному человеку, способному обезоружить любого, прекрасно говорящему по-английски и призванному дать американцам понять, что Советский Союз — это достойная, цивилизованная и просвещенная страна. Для своего места он подходил идеально. Мы же в отличие от них часто назначали своими представителями людей, которые даже не говорили на русском языке. Если бы Добрынин не говорил по-английски и мог общаться только через переводчика, это могло бы вызвать лишь снисходительное отношение к Советам. И если бы они показали в своем посольстве в Вашингтоне фильм, высмеивающий нас, мы были бы в ярости. Вопрос в том, какую политику мы проводим — берем курс на улучшение отношений или нет. И если с нашей стороны такая политика проводится, и существует стремление к налаживанию диалога, то нам надо тщательно продумывать то, как представить другой стороне самих себя в наилучшем свете.

* * *

После того как в силу моих отношений с президентом я стала более известной, в последующие годы и до того, как он покинул свой пост в 1987 году, посол Хартман и его жена Донна были по отношению ко мне очень добры и гостеприимны. Однажды я остановилась у них в Спасо-хаусе — их великолепной официальной резиденции. Когда я бывала в Москве, они приглашали меня на свои приемы и даже устроили в мою честь ланч, на котором присутствовали русские художники из мира балета, театра и музыки. На этом ланче я встретила очаровательного Ги де Мюзером, послом Люксембурга, любезно пригласившим меня останавливаться в его резиденции, когда я бываю в Москве, и этим приглашением я с благодарностью несколько раз воспользовалась, подчеркивая тем самым, что я независимое и частное лицо, никому ничем не обязанное. Там я также встречалась со швейцарским послом и поняла, как много всего проходит через уши и глаза скромных послов маленьких и никому не угрожающих стран.

ГЛАВА 8

«АХИЛЛЕСОВА ПЯТА»

Не бывало еще страны, которая была создана без веры во что-то. Никто не ведает, чем все закончится в России и как долго продержится ее правительство. Но если они на чем-то и смогут устоять, то есть одна-единственная вещь, которую нельзя подавить и которая является абсолютно необходимой для управления страной, и это религия. Не важно, какого она рода будет, но она должна быть, иначе вас в конце концов ждет крах.

Уилл Роджерс¹

Я думаю, что больше всего во время моей первой встречи с президентом Рейганом меня поразила одна вещь: то, что президент Соединенных Штатов не знал, насколько была важна религия — и до сих пор остается — для русских, не знал он даже того, что Православная церковь в России вообще продолжала существовать. Видимо, прежде никто ему об этом не говорил. Но как такое могло произойти, при том, что в Вашингтоне в его распоряжении была целая армия экспертов и специалистов?²

Этот момент сильно впечатлил меня, особенно потому, что когда я впервые встретила с ним в 1984 году, около 55 миллионов русских людей, невзирая на все преследования их веры, были готовы указывать, что являются православными, и таких было в три раза больше, чем членов Коммунистической партии, насчитывавшей тогда 18 миллионов человек. Это делало Бразилию, США и Советский Союз тремя самыми многочисленными христианскими странами мира.

Для меня такой пробел в знаниях президента был тем более поразительным, что из всех событий 1967—1991 годов, которым я была свидетелем и которые предвещали конец коммунистического режима в Советском Союзе, ни одно не стало более значимым, чем наблюдающиеся в этом официально атеистическом государстве явные признаки возобновления

поисков веры и нравственности и заметное последовательное возвращение русских к православной вере их предков. Невзирая на целые горы информации и все доклады разведки, ничем другим так не пренебрегали, если вообще замечали, и ничто так не отбрасывали в сторону наши специалисты по советским делам, как то, что касалось религии и Церкви. И это было естественно, потому что наш истеблишмент ничего не слышал обо всем этом от представителей советской бюрократии, с которыми он, собственно, только и общался.

Хотя я в то время сама всего этого не знала, информация, которую вполне безотчетно я первой передала президенту, оказалась для него очень важной. Обличение «безбожного коммунизма» было фундаментом его политической идентичности, но мать всегда говорила ему, что религия сбросит коммунизм, и в 1981 году он провидчески писал своему другу, что «религия вполне может оказаться их ахиллесовой пятой»³. Так что сам предмет прочно присутствовал в его сознании. Во время наших встреч он вновь вернулся к этой теме, и по его поручению мне дали шанс рассказать обо всем ему самому.

У нашей официальной слепоты были причины, и одна из них то, что в Соединенных Штатах мы стремимся видеть все вокруг в качестве отражения собственных верований. Быть таким, «как мы», означало быть «правым». Мы в Америке можем выбирать свою религию, словно покупаем новый автомобиль в магазине, меняем ее по собственной воле, и поэтому Америка вмещает тысячи религиозных ответвлений и сект. Поскольку наша история основана на личном выборе между любыми религиями, у нас нет опыта, да и понимания религии, которая представляет всю страну, и мы видим в этом лишь повод для раздражения. История России совершенно противоположна нашей, и коммунистический режим Советского Союза всегда прекрасно это понимал.

Православие неотделимо от русской истории и лежит в основе русской идентичности. В прошлом нередко говорили, что Церковь — это Россия и что Россия — это Церковь. И на самом деле, не будет преувеличением сказать, что на протяжении большей части своей истории православие определяло то, что означало быть русским. Древнее слово *крестьянин* означало человека, несущего на себе крест. С 988 года, когда молодая Россия приняла восточное византийское христианство, православие стало наиболее важной скрепляющей силой в развитии русской культуры

и взглядов на жизнь. Русские всегда считали себя кланом, связанным верой. И во главе клана стояли патриарх и царь, избранник Божий.

Были всего две попытки отвлечь русских от их Церкви. Первую предпринял Петр Великий в XVIII веке. В годы его юности ксенофобски настроенная Церковь господствовала над всем в русской жизни, и когда Петр стал царем, он увидел в ней самую большую силу, противостоящую его намерению ввести страну в западный мир, и эта сила находилась в самом центре всех попыток остановить его реформы. Он подошел к проблеме, как и ко всему, за что брался, с титаническими усилиями, высмеивая Церковь, выделив церковнослужителей в отдельную касту, подчинив Церковь власти государства. Он устранил патриаршество и вместо него создал Священный синод, поставив во главе его царя. Но в результате Петр смог установить контроль только над высшими слоями населения. Хотя аристократия и восприняла многие западные обычаи, а в XIX веке интеллигенция нашла для себя еще один соблазн в виде западных социалистических идей, большинство русских продолжали верить в Бога, и так, как делали это прежде. На всем протяжении столетия христианские идеи находили свое выражение в романах Толстого и Достоевского, в работах православных философов, чьи книги запрещали и кромсали в советские времена. К концу столетия началось возрождение православия, дополняемое реформами, и в 1917-м, в самый канун Революции, наконец, было восстановлено патриаршество, а новым патриархом стал Тихон⁴.

Попытки Петра не шли ни в какое сравнение с аналогичными усилиями советского режима, располагавшего способами зайти намного дальше. Режим всегда признавал великое могущество вековой Православной церкви и стремился к созданию нового советского человека, который молился бы только на государство и его руководителей. Для советского режима было жизненно важно сломать влияние Церкви на культуру, умы и души русских людей, а для этого надо было Церковь разрушить. С того самого времени как большевики взяли власть, все религии рассматривались ими как враг номер один, и православие было самым опасным из них, поэтому они хотели искоренить его со всей жестокостью, на которую были способны. То, что они предприняли, можно назвать только одним словом — геноцид Церкви. В 1918 году они объявили войну религии. Все проявления религиозности были запрещены, в том числе все церковные

праздники, даже Пасха и Рождество. До середины восьмидесятых годов и церковная музыка фактически находилась под запретом. Было время, когда воскресенье сделали дополнительным рабочим днем. Слово «Бог» было велено писать в печатных текстах с маленькой буквы. Тысячи исторических церковных зданий и все их богатства были совершенно уничтожены. Множество церквей было обращено в склады, кинотеатры, из них устраивали плавательные бассейны и даже общественные туалеты. Уничтожены или поломаны миллионы икон, а многие вместе с другими сокровищами Церкви были проданы за рубеж. С колоколен были сброшены колокола, по звону которых столетиями отмерялась жизнь в русской деревне⁵. Множество священников и обычных верующих были просто убиты, еще большее число упрятано в тюрьмы и сослано в трудовые лагеря. В закрытых документах партии указывалось, что «все признаки религии будут уничтожены к завершению первой пятилетки».

Величественный храм Христа Спасителя, строительство которого началось в 1839 году, был освящен в 1883 году в день коронации Александра III. Возведение храма велось на пожертвования русских людей в память о даровании победы над Наполеоном. Над московским горизонтом храм вставал таким же значимым силуэтом, как и Кремль, и был самым большим православным собором в мире, его украшали произведения, созданные самыми значительными художниками России того времени. Пятого декабря 1931 года он был взорван под руководством кровавого сталинского приспешника Лазаря Кагановича. Опуская рычаг, приводивший в действие взрывательный механизм, он издевательски хихикнул: «Задерем подол матушке России!»⁶ Потом мрамор из интерьеров храма использовали для украшения некоторых станций метро, которыми как свидетельством «прогресса» в Советском Союзе наивно восхищались тысячи ничего не подозревавших иностранных туристов. Несколько плит с высеченными на них именами солдат, погибших в битвах с Наполеоном, были перевернуты обратной стороной и использованы как ступеньки на входе в общественные туалеты. «Война с религией» была столь чудовищно эффективна, что к концу 1939 года на свободе остались лишь четыре епископа и только сто действовавших церквей на всю страну, где раньше их насчитывались тысячи.

Ужасные события, многие из которых оставались на Западе неизвестными до недавнего времени, происходили в период между 1937

и 1950 годами, оставив после себя множество безымянных могил. Одним из мест захоронений стал так называемый Бутовский полигон недалеко от Москвы площадью два квадратных километра. «Врагов народа» здесь расстреливали и здесь же закапывали в общих могилах иногда по 500 человек в день. Всего было убито 20 175 человек, впрочем, точное число установить невозможно, наверное, их было много больше. И среди расстрелянных было множество священнослужителей и верующих.

Посещение церкви запрещалось для всех членов Коммунистической партии, и если кого-то изобличали в том, что он «верующий», то его средства к существованию и часто сама жизнь оказывались под угрозой. (Один из моих учителей русского языка, профессор Колумбийского университета, чей отец был священником и храбро продолжал духовно окормлять свою паству, рассказывал, что отец был арестован и уведен в неизвестном направлении. Когда его шестнадцатилетний брат отважно отправился в тюрьму, чтобы узнать, что с отцом, ему откровенно ответили: «Мы его расстреляли».) Когда я впервые приехала в Советский Союз в 1967 году, интуристовский гид рассказал нам, что в Ленинграде «действуют» только 19 церквей (в том числе вторая в Европе по величине синагога). Если какая-то отважная советская пара опрометчиво решала венчаться в церкви, то для этого ей нужно было сначала уведомить о своем желании власти. В Соединенных Штатах иногда появлялись сообщения о массированном наступлении на религию и о сопротивлении со стороны части населения⁷, но им не уделяли сколько-нибудь значительного внимания, эти факты никак не влияли на формирование политики в области национальной безопасности и обороны. Если также не забывать о секуляристском уклоне у многих наших экспертов и средств массовой информации, то совершенно неудивительно, что режим почти полностью преуспел в том, чтобы убедить Запад, будто религия едва существует в их социалистическом обществе, и в 1984 году президент разделял эти взгляды. Но это было ложью.

Религия не была уничтожена ни к концу первой пятилетки, ни позднее. Несмотря на все свои усилия, режим так и не смог совершенно уничтожить ни Русскую православную церковь, ни ее влияние на русский народ. И если Сталин после нападения нацистов 22 июня 1941 года на неделю скрылся от всех, то митрополит Сергей в тот же день выступил с обращением к русским людям⁸.

Оказавшись под жестоким давлением, Православная церковь осталась в советские годы единственной существовавшей в стране немарксистско-ленинской организацией, пожертвовав собой, чтобы остаться последней крепостью в сердцах русских. После Второй мировой войны наступило короткое затишье. Стали вновь открываться церкви. Но в 1959 году Хрущев снова начал антирелигиозную кампанию, и половина всех оставшихся церквей была уничтожена.

Почему мы так сильно попали под воздействие советской пропаганды? Мы знали, что Соединенные Штаты считают себя религиозной страной, где ни один политик никогда не станет называть себя атеистом. И тем не менее непреложно соблюдаемый американский принцип разделения Церкви и государства оказался так глубоко заложен в нас, что с течением времени мы стали глухими к этому предмету, а влияние Бога и религии попало под негласный запрет во время обсуждения любых серьезных политических или международных вопросов. Наши политики и СМИ оказались настолько светскими, что одно только упоминание религии стало расцениваться как нечто наивное, выступая признаком принадлежности к низшим классам или свидетельством правых взглядов. Я полагаю, что все это стало одной из самых важных причин, по которой мы совершенно не заметили политическое значение возрождения Католической церкви в Польше и не поняли роль Православной церкви в падении коммунизма в Советском Союзе, не разглядели мы и фундаменталистское движение в Иране. Как и было на протяжении всей истории человечества, религия остается одной из самых больших сил мира, является тем самым фактором, который обнаруживает себя, когда сегодня мы сталкиваемся с Талибаном или движением джихадистов в исламском мире.

На протяжении всего периода холодной войны общим местом для всего истеблишмента в Соединенных Штатах оставался взгляд на православие как на мертвую религию Советского Союза, на пыльный реликт царского режима, на который большинство населения не обращает никакого внимания. Все были твердо убеждены, что в церковь ходят только «старушки», посещающие немногие разрешенные «действующие» храмы, в которых служат священники, либо поставленные там КГБ, либо контролируемые им. Как и все, что связано с Россией, реальность оказалась много сложнее.

Я часто указывала на то, как важно, что в церквях уже *новые старушки*, и они совсем никакие не бессмертные пережитки 1917 года, и что они

упорно замещают друг друга. (Должна заметить, власти сразу начали бороться с *бабушками*, пытаясь с первых послереволюционных лет и до конца советского режима изжить русскую традицию воспитания детей бабушками, пока их родители работают, и заменить бабушек детскими садами. Но это не долго продолжалось.) Соединенные силы обезумевших матерей и бабушек быстро выиграли сражение, и на протяжении всех лет советской власти бабушки продолжали воспитывать детей, как это было принято в России во все времена, и они старались крестить детей — чаще всего тайно. Эти-то постоянно самообновлявшиеся, неуничтожимые старушки сохранили жизнь Церкви в самые темные времена, а после того как люди вернулись в церкви, они как непреклонные няньки учили молодежь тому, как надо вести себя в храме.

Горбачев сам был одним из таких детей, и когда осенью 1985 года на пресс-конференции в Париже его спросили, крещен ли он, спокойно ответил: «Да. А кто не крещен?» Это поразительное признание, впервые последовавшее из уст коммунистического лидера, не удостоилось комментария в «Нью-Йорк таймс».

Об этих тайных обрядах крещения рассказывают множество историй. Знаменитый писатель Василий Аксенов поведал мне, как раз перед тем как его выслали из Советского Союза, что один знакомый посоветовал ему встретиться перед отъездом с крестной сестрой. Когда Аксенов удивленно заметил, что он не был крещен, а, значит, никакой крестной сестры у него быть не может, ему рассказали, что он-таки был крещен. Хотя его мать и была последовательной коммунисткой, а отец возглавлял городской совет и являлся видным членом партии, нанятая ими няня при помощи отцовского персонального шофера забрала детей, которых нянчила, и тайно всех крестила. Аксенов был одним из них⁹.

Теперь о КГБ. Что мы в Соединенных Штатах на самом деле знаем о нем? То, что КГБ проник во все уголки советской жизни, что это настоящее правительство с тысячами служащих. И то, что Православная церковь как единственная сохранившаяся, разрешенная немарксистско-ленинская организация находится под самым пристальным наблюдением, что в нее внедрены люди КГБ, что она постоянно находится под угрозой. Конечно, в Церкви были лжесвященники, но важно помнить тот факт, что православные верующие во время литургии общаются с Царством Божиим, и именно это — якорь, та скала незыблемая, веками

не меняющаяся, а вовсе не священник, который ведет службу. Как бы ни душили Церковь, она отчаянно боролась за то, чтобы продолжать литургию в тех немногих «действующих» церквях, оставляя за Создателем право судить лжесвященников.

В любом случае я всегда думала, что пусть лучше КГБ контролирует литургию, но позволяет ее, чем делает что-то еще, и что история христианства учит нас: пришедшие преследовать остаются на молитву, и к концу советских времен уже стало трудно понять, что за хвост вертит собакой.

* * *

Я рассказала президенту несколько историй из своего опыта и те случаи, которым я была свидетелем в стране так называемого «безбожного коммунизма». Кое-какие из них я приведу здесь, поскольку они показывают, насколько был велик разрыв между реальностью и фальшью в те времена.

Впервые мои глаза открылись в 1967 году во время первой поездки в Советский Союз. Уехав из Ленинграда, мы с мужем отправились в Крым, в Ливадию. Все произошло в Страстной четверг перед Пасхой. Проходя мимо большой церкви, мы были удивлены множеству людей, направлявшихся в церковь. Вслед за основной толпой я заметила торопившуюся в церковь бабушку с внуком. Одной рукой малыш крепко держался за руку бабушки, а в кулачке другой сжимал красный флажок с серпом и молотом. С непреклонной решимостью, чему, впрочем, никто и не препятствовал, она ввела его прямо в храм. Меня внезапно осенило, что я вижу картинку из будущего. Время показало, что коммунистический режим не в состоянии справиться с верой настойчивых и неукротимых бабушек.

Вернувшись в Москву, мы заказали экскурсию в Загорск, находившийся в 45 милях от столицы, чтобы посетить знаменитый Троице-Сергиев монастырь, основанный монахом святым Сергием (1314–1394). Этот монастырь, возникший в XIV столетии, стал со временем духовным сердцем страны. В XV веке в монастыре подвизался знаменитый русский иконописец и один из самых великих художников мира Андрей Рублев. В XVI столетии здесь крестили Ивана Грозного, и тут же был похоронен Борис Годунов. К XVII веку монастырь обрел мощные укрепления и стал настоящей крепостью, внутри которой разместились сам монашеские кельи и несколько церквей, в том числе массивный собор, увенчанный огромными голубыми

куполами с золотыми звездами. Интерьер собора расписан фресками. Монастырь был таким святым местом, что даже Сталин не решился его разрушить.

По дороге гид Интуриста монотонным безразличным голосом рассказывал: «Мы направляемся в Загорск. (В 1991 году городу было возвращено исконное название Сергиев Посад. — С.М.) Город назван в честь товарища Загорского. В городе есть также и древний монастырь, который мы посетим». Шел проливной дождь. Когда мы приехали, на площади перед монастырем через динамики громко транслировалась джазовая музыка, чтобы заглушить звуки монотонного пения монахов. Как только мы вошли внутрь монастырского комплекса, я увидела множество людей, подходивших к монахам, целовавшим им руки и просивших благословения. Когда нас провели в церковь Святой Троицы XIV века, где хранились мощи святого Сергия и находились иконы, написанные великим средневековым живописцем Андреем Рублевым, я стала свидетелем мучительной и печальной картины. Церковь была наполнена русскими, мужчинами в промокших пальто, женщинами в платках, и все они мужественно старались петь во время службы, перекрывая громкие и чужеродные голоса интуристовских гидов.

Мы смогли остаться после того, как остальную часть группы увели осматривать какую-то фабрику. Церковь, наполненная запахами мокрой шерсти и горящих восковых свечей, постепенно все больше наполнялась народом. Я была под таким впечатлением от этого места, что тоже хотела внести свое пожертвование, но толпа настолько разрослась, что к алтарю невозможно было пробраться, поэтому я стала осматриваться, увидела рядом женщину моего возраста и решила попытаться передать через нее немного денег. Она поразила этому и испугалась: от иностранцев брать деньги запрещалось. Но, взглянув мне прямо в глаза, она все поняла и, быстро взяв мое подношение, передала его дальше к алтарю.

В те дни мне казалось, что русские часто ведут себя как оскорбленная женщина. Понимая, что превосходящая тебя сила способна убить, женщина замолкает, опускает вниз голову, но никуда не уходит. Именно так обстояло дело с религией в Советском Союзе. Правительство могло контролировать административную иерархию Церкви, ограничивать церковные службы и препятствовать проведению религиозных процессий вне церковных зданий. Но оно не могло контролировать сознание людей. Солженицын однажды написал, что когда культуру отстраняют от народа, над ним проделывают что-то вроде операции по лоботомии. Церковь оставалась единствен-

ной уцелевшей связью России с ее прошлым и древней культурой, а русский народ отказался от лоботомии.

В последующие 22 года за этими первыми признаками последовали многие более явные свидетельства того, что, несмотря ни на что, все не ослабевавшие усилия режима уничтожить религию оказались тщетными. Несомненно, именно американская последовательность в тотальном отделении Церкви от государства привела к тому, что нашим дипломатам строго не рекомендовали вступать в контакты с религиозными лидерами в других странах. В советские времена наши представители редко посещали церковь, лишь иногда бывали на пасхальной службе и только для того, чтобы никак не дольше часа понаблюдать за крестным ходом.

И на самом деле официальных контактов с Русской православной церковью избегали так долго, что наш генеральный консул в Ленинграде Ричард Майлс (1988—1991) отметил, что из-за всякого отсутствия интереса с американской стороны Православная церковь вообще перестала приглашать наших представителей и он начал прилагать усилия к восстановлению связей. Другой наш генеральный консул Джон Эванс (1994—1997) стал поддерживать регулярные контакты с православными священнослужителями города. Вместе с ним мы посещали пасхальную службу в Никольском соборе Санкт-Петербурга. Безупречно одетый в синий костюм и красно-бело-синий галстук, он стойко выдержал всю четырехчасовую службу. (В православных церквях нет скамеек, потому что православные верят, что находятся в присутствии Господа и сидеть в его присутствии немыслимо.) Во время застолья, последовавшего за службой, тронутый его поведением священник тепло приветствовал дипломата, сказав, что он единственный консул, отстоявший всю службу, и подарил ему большое красное пасхальное яйцо.

С самого начала моих поездок в Советский Союз в 1967 году я часто ходила в церковь и оставалась там, стояла на длительных службах, наблюдала за молящимися и выражением их лиц. Как исследователь русской истории и культуры, я знала историческую важность православия, и у меня было много контактов с верующими, как с официальными, так и с подпольными, со священниками и церковными иерархами. Я была единственной женщиной, участвовавшей на протяжении девяти лет в официальном диалоге между Епископальной и Православной церквями и в этом качестве имела редкую для людей с Запада возможность познакомиться с многими священниками и князьями Церкви. Как член делегации, я обедала с патриархом Алексием II (с ним я впервые познакомилась еще

в Ленинграде, когда он был митрополитом) вместе с группой епископов и иерархов. Я оказалась единственной женщиной в окружении бородатых мужчин в рясах, и некоторым из них совсем не нравилось мое присутствие в их среде. Я встречалась с епископом Климентом из Калуги (сейчас он митрополит), когда он был управляющим патриаршими приходами в Канаде и США и служил священником в церкви Московского патриархата в Нью-Йорке, и позднее, когда он был членом русской делегации в диалоге Церквей, о котором я упоминала выше. Когда однажды он пригласил меня на собственные именины в Калугу в свой витиевато украшенный дом, построенный в XVII веке, это стало очень необычным поступком. Конечно, я была не одна, меня сопровождала женщина-компаньонка из церковной администрации. За обедом епископ, обладавший прекрасным чувством юмора, развлекал нас рассказами о годах, проведенных им в Америке. Меня возили по селениям в округе, где священники показывали нам детские дома и больницы. Там я увидела тронувшие мое сердце страдания, болезни и нужды. В одном приюте сопровождавший меня священник тихонько подсовывал шоколадки под подушки каждого ребенка.

В Ленинграде я посещала величественный сине-белый Никольский собор, построенный в XVIII веке. Собор был посвящен военно-морскому флоту и особо почитаем, потому что город всегда считался Северной Венецией, будучи построен на сваях, укреплявших болотистые почвы дельты реки, и весь пересечен каналами. Я наблюдала за длинными очередями людей, стоявших в многочасовом ожидании, чтобы в крещенские дни заполнить банки освященной водой, которую священники раздавали, черпая из больших медных котлов. Эти банки с водой они потом несли домой и использовали весь год для защиты от болезней. В ближайшем пригороде Ленинграда — Пушкине один особо деятельный священник, насколько я знаю, ежедневно кормил по 120 бедных и голодных, а еду для них готовили преданные ему женщины на маленькой домашней кухне священника. Тот священник посвятил себя нескончаемому процессу восстановления исторической полуразрушенной церкви времен Екатерины Великой, опираясь лишь на помощь добровольцев, и среди этих волонтеров, к своему удивлению, я встретила дворника из того дома в городе, где я сама жила.

С течением времени я видела, что толпы людей растут и меняется их состав. Вначале это были преимущественно пожилые верующие женщины, постепенно к ним все больше присоединялись женщины помоложе с детьми, а потом и пожилые мужчины, затем во все большем числе моло-

дые мужчины, некоторые в военной форме, и все больше и больше стало среди приходящих в церковь грубовато одетых парней в кожаных пиджаках. На улицах все чаще можно было заметить на шее у молодых женщин цепочки с крестиками. Звучит иронично, но в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов именно дочери партийных лидеров были среди первых, кто на свадьбу стал надевать белое платье и венчаться в церкви. (Там было намного красивее, чем на процедуре в советских «дворцах бракосочетания».) Однажды в Москве в вечерних сумерках я обратила внимание на хорошо одетого молодого бизнесмена, который хотя и спешил куда-то, но все равно остановился перед церковью и перекрестился. Горничная в отеле рассказала мне, что ее взрослые дети, к сожалению, не религиозны, но вот своего внука она крестила и посоветовала ему не носить крестик открыто, а держать его в кармане, чтобы он всегда мог к нему прикоснуться. Как-то молоденький солдат подошел ко мне на улице и решительным голосом сказал: «Пожалуйста, расскажите вашим людям, что мы молимся за вас и надеемся, что вы тоже молитесь за нас». Я несколько раз была крестной матерью, свидетельницей венчаний, бывала на похоронах, и однажды меня чуть не затоптали в толпе на пасхальном богослужении.

Один из наиболее поразительных случаев произошел со мной в Москве в 1985 году, когда я сопровождала молодую русскую маму и увидела настоящий поток людей с детьми, входивших в церковь через боковые двери. Когда мы вошли внутрь, к своему удивлению, я насчитала 72 младенца и маленьких детей, ожидавших своей очереди на крещение. Те, что постарше, радостно бегали вокруг в своих крестильных рубашках, а младенцев держали на руках матери и бабушки. Два священника со всей возможной скоростью проводили обряд. Не веря собственным глазам, я спросила своего друга:

— И так каждый день?¹⁰

Он спокойно ответил:

— О нет. Только по воскресеньям. На неделе в день приходят только пять или шесть человек.

Однажды в 1985 году среди наших дипломатов распространились слухи о том, что кому-то случайно удалось заглянуть через плечо некоего официального лица в театре и увидеть у него в руках великолепно оформленное приглашение в кремлевскую церковь в канун Пасхи. Заинтригованная этим слухом, я решила спросить одного из моих русских друзей, возможно ли, что коммунистические лидеры являются тайными верующими. «Нет, — был его ответ, — только их жены»¹¹.

ПАСХА СРЕДИ «БЕЗБОЖНИКОВ»

В советские времена, наблюдая за тем, как русские в длинных очередях смиренно дожидаются возможности попасть в музей, за толпами народа, переполнявших церкви, я поняла, как важна для русского народа красота, отсутствовавшая в его повседневной жизни. Русские верят, что красота и искусство — это те пути, которыми Бог являет себя человечеству¹². Русские церкви называют «храмами Божьими», их щедро украшают иконами, фресками, сверкающей позолотой. Священники в богато украшенных парчовых одеяниях, расшитых золотом и серебром, мерно покачивают кадилами с курящимися в них благовониями. Вся служба сопровождается хоровым пением *a capella*. Преданные Церкви и прекрасно сложенные хоры постоянно получают приглашение на участие в службе, длящейся несколько часов. Славятся звучные басы церковных дьяконов. Русские уважают силу эмоций и все мистическое намного больше, чем мы на Западе, поклоняющиеся рациональному и технологичному. Настолько глубоко укоренены их верования и древние традиции, что даже те русские, кто не посещает церковь и не является официально «верующим», сами того не сознавая, мыслят по-православному.

Нет лучшего примера могущества православия, сохраняющегося в русском духе, чем национальное празднование Пасхи, которую к 1967 году, когда я впервые это увидела, разрешалось отмечать публичным образом лишь в немногих одобренных властями заполненных до отказа «действующих» храмах. В отличие от Америки с нашей ежегодной рождественской шопинговой оргией и Пасхой с кроликами и цыплятами, Пасха в России — это самый важный святой день для Церкви, и это самый почитаемый праздник в году. Этот чрезвычайно важный ежегодный праздник духовного возрождения отмечается всем православным населением страны на протяжении двух недель вслед за восьминедельным Великим постом, который так или иначе, с большей или меньшей строгостью, соблюдают миллионы русских. Не понять всю важность этого — значит не понять саму русскую душу.

I. В Троице-Сергиевой лавре. За годы моих поездок я посетила множество празднований Пасхи — и два раза в годы президентства Рейгана: оба крепко сохранились в моей памяти как пронзительные иллюстрации

полного отсутствия понимания между официальным Вашингтоном и русским народом.

Впервые это произошло в 1985 году, когда атташе по культуре в американском посольстве в Москве был Рей Бенсон — один из тех редких сотрудников посольства, кто поддерживал тесные связи с Церковью. Нас с ним пригласили встретить пасхальную ночь в Троице-Сергиевом монастыре, который я впервые посетила еще в 1967 году. Пасхальное бдение и литургия начались в 11 часов вечера, за которыми последовало празднование, завершившееся на заре следующего дня. Когда мы приехали, то стали свидетелями неожиданной и обеспокоившей нас сцены. У входа в монастырский комплекс, на фоне его высоких освещенных стен мы увидели силуэты вооруженных солдат, очевидно, присланных, чтобы не давать русским пройти в монастырь. В вышине над стенами сияли огромные голубые с золотыми звездами купола главного собора. Стоявшие у подножия стен солдаты выглядели маленькими и хрупкими. Никогда потом я не видела более сильного подтверждения полного бессилия военной мощи перед лицом Всемогущего. Невзирая на препятствие снаружи, в монастыре находилась огромная толпа людей. Я двигалась в темноте и наблюдала за происходящим. В монастыре было несколько церквей, и перед одной из них пожилая женщина с трудом пыталась проложить себе дорогу через толпу, собравшуюся перед входом. Увидев ее, толпа с уважением расступилась, позволяя ей пройти, но охранник перед входом попытался грубо остановить женщину. Раздались крики протеста: «Дайте ей пройти! Она хочет молиться! Не смейте останавливать ее!» Охранник продолжил свои попытки оттеснить ее, но крики раздраженной толпы становились все громче и все злее, и на какое-то мгновение мне показалось, что они вот-вот нападут на охранника. Однако, испугавшись растущей враждебности людей, охранник отступил и дал ей пройти.

Стоя в вечернем холоде и дожидаясь полуночи, мы слышали первые звуки *трезвона* колоколов, означавшего начало движения *крестного хода* монахов и священников, двинувшихся в символический обход церкви навстречу воскресшему Христу. Чем ближе подходила процессия, тем громче становился трезвон, к которому постепенно присоединились колокола всех церквей, включая огромные колокола собора, чей звон был подобен раскатам грома. Священники и монахи, вместе со следовавшей

за ними толпой, держа в руках зажженные свечи, мерцавшие звездочками в ночи, совершили троекратный обход церкви, распевая торжественные стихи надежды:

*Воскресение Твое, Христе Спасе,
Ангели поют на Небесех,
и нас на земли
сподоби чистым сердцем Тебе славити!*

К ним присоединились толпы верующих, стоявшие по сторонам монастырской дорожки.

Эмоциональный накал продолжал нарастать. Но после того как священники вошли в церкви для свершения литургии, произошла странная вещь. Все солдаты начали пробираться в монастырь и в церкви — их было так много, что на мгновение показалось, что на монастырь совершено нападение. За ними последовали еще бóльшие толпы людей. Я заметила, что дружинники с красными повязками, которые должны были не пускать людей в церкви, все были пьяны и ничего не делали. Все церкви были заполнены. Служба, на которой я присутствовала, оказалась величественной. В ней участвовали восемнадцать священников, так грациозно раскачивавшихся и двигавшихся, словно они были балетными танцовщиками; четырежды за время длинной службы они меняли свои потрясающие одежды, каждый раз переходя от одного цвета к другому — от зеленого к красному, затем к серебряному, и, наконец, оделись в золотое.

После четырехчасовой службы нас с Реем пригласили присоединиться к монахам, священникам и членам их семей на традиционную трапезу *разговления*, завершавшую восьминедельный пост, и это была неожиданная честь для нас. Длинные столы были заполнены цветами и крашеными яйцами, на них стояли *пасхи* и *куличи*, традиционные пасхальные блюда. Были прочитаны еще более длинные молитвы, и только потом все уселись, чтобы расслабиться, выпить водки, провозгласить тосты и насытиться разнообразными ветчинами, овощами из корзин на столах, выпить чаю со сладостями.

Мы отправились обратно в Москву с первыми лучами солнца, встававшего из-за горизонта. В Большом театре в тот день, соревнуясь

с церковной службой (кое-кому предлагалось сделать выбор между тем, чтобы отстоять всю ночь на церковной службе или побывать в опере), в полдень давали «Евгения Онегина». Как и для моих русских друзей, у которых я остановилась, для меня это любимая опера, шедевр Чайковского, музыкальная энциклопедия русских представлений о любви. И я хотя и была уставшей, намеревалась на нее пойти. После долгого празднования Пасхи я была сонной, хотя и пребывала в приподнятом настроении. В театре я разместилась в директорской ложе прямо напротив сцены. Услышав первые аккорды и хорошо зная, что за ними последует, я не могла сдержать слез. Склонив голову на покрытый темно-красным бархатом барьер ложи, я полностью отдалась бессмертной музыке великого русского композитора.

II. С сенаторами в Троице-Сергиевой лавре на Пасху. Свою вторую Пасху я снова встретила в том же монастыре в 1988 году. Сенатский комитет по энергетике и природным ресурсам, возглавляемый сенатором Дж. Беннетом Джонсоном от Луизианы, получил приглашение от своих коллег из Верховного Совета совершить ознакомительную поездку по Советскому Союзу и провести встречи с различными коммунистическими шишками. Джеймса Биллингтона, директора Библиотеки Конгресса, с которым я знакома с той поры, когда он, так же как и мой бывший муж Боб Масси, был родовским стипендиатом в Оксфорде, пригласили в качестве академического консультанта для сенаторов. Я была приглашена сенатором Тимоти Уиртом от Колорадо в качестве второго консультанта.

На автобусе нас доставили на авиабазу Эндрюс под Вашингтоном, где мы сели на внушительный самолет с официальной эмблемой США: *Air Force Two*. Он был комфортабельно обставлен диванами, в нем имелись комнаты для переговоров, все сиденья располагались в соответствии со степенью важности персоны, и лучшее, конечно, предназначалось для председателя комитета. Я полагаю, что такой порядок обычен для подобных поездок, но для меня лично это был необычайный опыт. Как писатель, я была восхищена, как налогоплательщик — скажем так, смущена. Поскольку мне не приходилось бывать на сенаторских пирушках, я не привыкла к столь роскошному обслуживанию, обычно я летаю малобюджетными рейсами

коммерческих авиакомпаний. Это же напоминало собой путешествие в свите раджи времен расцвета Британской империи.

Целая стая стюардов, стюардесс, военных в роли носильщиков багажа — по два на каждого сенатора были готовы удовлетворить любое желание всех одиннадцати сенаторов, большинство которых сопровождали жены. Официальный фотограф ВВС снимал каждое наше движение. Для многих сенаторов это была их первая поездка в Советский Союз, и их знания о стране являлись практически нулевыми.

В СССР мы посетили несколько городов, где кое-кто из сенаторов воспользовался возможностью поговорить с «отказниками» (в США тогда это было горячей темой). Для меня, которой приходилось выдерживать тяжелые взгляды советских таможенников, это был обескураживающий опыт. Нам не приходилось ни таскать свой багаж (этим занимались специальные люди, назначенные на это США), ни предъявлять паспорта, и нас с цветами в руках на каждой остановке встречали официальные лица. Во время полета нас прекрасно кормили. На борту имелся полный бар, и везде, где мы останавливались, нас снабжали американским льдом. В каждом отеле наши сотрудники обеспечивали нам особую круглосуточно функционировавшую комнату, снабженную любыми мыслимыми напитками. В Москве после обязательных встреч в Кремле наши хозяева устроили для нас банкет во Дворце съездов, на котором в изобилии кормили икрой, поили водкой и шампанским.

Пасхальная ночь должна была стать последней перед отлетом из Москвы, и я усиленно доказывала, что сенаторам будет очень полезно увидеть, как русские празднуют свой самый важный праздник. Председатель комитета, да и наши русские хозяева посопротивлялись, но в конце концов уступили мне, согласившись съездить в Троице-Сергиев монастырь. Выразили свою готовность принять важную делегацию и отцы Церкви. Однако наши коммунистические хозяева, очевидно, не испытывавшие энтузиазма от этой идеи и стремившиеся притормозить всю экскурсию, настояли на том, чтобы мы по дороге остановились в придорожном ресторане, где нас ожидали обильные яства и разлитое море ледяной водки и вина. Некоторые из наших административных помощников даже охрипли, танцуя под

гром оркестра и оглушительно хохоча над собственными шутками. Джеймс Биллингтон и я в бессилии переглядывались, озирая весь этот танцпол. Когда мы все же сели обратно в автобус, было около полуночи.

Мы продолжили свое путешествие под пьяный хохот и звон бутылок. Один из сенаторов попросил, чтобы я немного рассказала о значении этого вечера, но шумная атмосфера была столь отвратительной, особенно если учесть, куда и зачем мы ехали, что поначалу я отказалась. Но они настаивали. И в конце концов, я встала и твердо сказала: «Эта самая святая ночь года для русских. Многие неделями постились. Очень важно из уважения к ним вести себя с достоинством». Они почувствовали себя смущенными — звон бутылок и смех стали чуть потише.

Когда мы приехали, нас приветствовал важный епископ, который вежливо проинформировал, что для того чтобы нас не смяла толпа, было решено разместить всю группу непосредственно возле алтаря, справа, там, где обычно располагается хор. Нам пришлось какое-то время подождать снаружи, пока впечатляющая процессия священников со свечами, сопровождаемая звоном огромных колоколов, не обойдет церковь. (Я заметила, как сенатор Джонсон нетерпеливо слегка притоптывал ногой и поглядывал на часы, периодически спрашивая, когда все окончится.) Затем нас провели внутрь, и мы заняли свои места на виду у огромной толпы набожных русских, заполнивших всю церковь. Епископ тепло приветствовал нашу группу по-английски и пригласил на пасхальную службу. Служба была великолепной, зрелищной. Вся толпа благочестиво повторяла раз за разом: «Господи, помилуй».

Внезапно сенатор Джонсон стал непреклонно настаивать на том, что мы должны уйти. Меня, как и нескольких сенаторов, это шокировало, так как мы чувствовали, что после оказанного нам радушного приема внезапно взять и уйти в середине службы на виду у всей огромной толпы набожных русских, заполнивших всю церковь, будет ужасно невежливо. Тем не менее мы протолкались к нашему автобусу, который рванул обратно в Москву прямо в аэропорт, и около двух часов ночи мы вновь поднялись на борт нашего *Air Force Two*, где нас уже ждали наши сумки, напитки, и мы улетели.

Зачем понадобилась вся эта спешка и ненужное нанесенное нами оскорбление? Возможно, в Сенате предстояло важное голосование? Нет. Уже в самолете мне сказали, что председатель комитета очень хотел попасть в Вашингтон утром, чтобы оказаться на поле для гольфа.

ОПИРАЯСЬ НА СВОИ ИНСТИНКТЫ

Только благодаря своей интеллигентности и характеру президент Рейган и советник по национальной безопасности Роберт Макфарлейн смогли оценить последствия растущего религиозного возрождения в России для дела мира, международных отношений, дипломатии и безопасности.

Когда в январе 1984 года я впервые встретила с президентом, то не имела понятия о том, что он очень благочестивый и набожный человек с глубокой верой в Бога и Иисуса Христа. Оберегая свою личную жизнь от посторонних, он не демонстрировал свою веру, но, как мне предстояло узнать, приверженность принципам веры он развил в себе, следуя примеру и наставлениям своей любимой матери, всю жизнь остававшейся для него направляющей силой. Он с верой читал Библию и ежедневно молился.

Я встретила Рейгана в критический момент его президентства. Много сказано о том, что крепкая вера Рейгана стала еще сильнее, после того как 3 марта 1981 года смерть оказалась совсем рядом с ним, всего лишь через два месяца после инаугурации. Позднее Майкл Дивер, близкий друг президента и заместитель руководителя аппарата Белого дома, рассказывал мне, что когда он навестил Рейгана в Белом доме спустя две недели после попытки покушения, то нашел его все еще в пижаме, и президент сказал, что он чувствует себя оберегаемым Господом, и что оставшиеся ему годы принадлежат Богу, и что он чувствует, что должен выполнить некую миссию¹³. То же самое он говорил членам своей семьи и близким друзьям. Определенно, что именно с этого времени Рейган начал выходить на советских лидеров.

Дивер еще сказал мне, что в тот день Рейган показал ему письмо в четыре с половиной страницы, написанное от руки черными черни-

лами на желтых листах официального блокнота, который он любил. В нем он сообщал Брежневу, как глубоко жаждет «мира без ядерного оружия». Он послал это письмо Александру Хейгу, своему первому советнику по национальной безопасности, и в Государственный департамент; оно вернулось к нему полностью переписанным. Он был разочарован, увидев свое письмо в таком виде, и, показывая его Диверу, сказал: «Ну хорошо, они эксперты. Быть может, они знают обо всем этом больше меня».

Майк рассказал мне, что он решительно запротестовал: «Вы президент! Вы можете писать все, что сочтете нужным! Вы были избраны и имеете мандат. В Государственный департамент никто никого не избирал!»

Президент поблагодарил его и добавил: «Вы знаете, что с того момента, как в меня стреляли, я думаю, что мне нужно больше опираться на мои собственные побуждения, чем на то, что думают другие люди. Ради этого я был спасен».

В конце концов были отправлены, на чем упорно настаивала его жена Нэнси, два письма: одно — собственное письмо Рейгана и другое, близкое по содержанию к версии Государственного департамента. (Увы, полученное им ответное письмо было переполнено советскими колкостями.)

«У Рейгана, — говорил Эдвин Миз, его генеральный прокурор и близкий друг, — была какая-то очень личная вера, которая естественным образом проявляла себя в частных беседах. Президент был способен говорить о религии каким-то очень удобным способом, лучше, чем кто-либо, кого я знал. Он не хотел показывать это перед публикой, когда люди могли подумать, что он использует свою веру в политических целях и стремится внедрить мысль о том, что он религиозный человек. Он не думал, что ему следует проводить в Белом доме религиозные службы, как это делал Никсон. Он чувствовал, что это покажется нарочитым»¹⁴.

Рейган не совершал обязательных посещений церковной службы, как того ожидали от президента, потому что чувствовал, что его присутствие с соблюдением всех требований, связанных с безопасностью, окажет разрушительное воздействие. После встречи со смертью он записал в своем дневнике, что сам несет «настоящий риск для других».

Во время своего президентства он продолжал делать обычные приношения церкви и как только покинул пост, снова начал регулярно посещать свою церковь в Калифорнии.

Бад Макфарлейн, сам будучи религиозным человеком и активным членом Пресвитерианской церкви в Вашингтоне, объяснял это так:

«Хорошо известно, что президент оптимист по жизни. Зная о его непростом детстве, алкоголике отце, люди удивляются тому, как... ему удается быть оптимистом, но дело в той любви и внимании, которые он получил от своей матери, своих соседей и всей общины, в которой они жили, и которые помогли ему встать на ноги и привили чувство достоинства уже в детстве. Это выражение любви распространилось на него через людей, которые не были обязаны это делать, — соседей, друзей, и к тому времени, когда он достиг возраста мужчины, наделили его очень сильной убежденностью в силе любви.

Мы не раз говорили с ним об этом на ранчо, о том, что он сам по себе, уже тогда, когда начал работать радиоведущим в Де-Мойне, и в первые дни работы в Голливуде, начал размышлять об истоках любви и, как и многие другие люди, заключил, что Бог в своей мудрости создал человечество, имея очень простой мотив и он заключался в проверке способности созданной им формы жизни преуспевать и жить в согласии друг с другом. Сможет ли этот род быть достаточно мудрым, чтобы понять, что единственное его предназначение — любить друг друга? Рейган вошел в эту духовную дверь, и она стала для него якорем жизни.

При всем оптимизме, выросшем в нем благодаря набожной и любящей матери, единственное сомнение порождала мысль о том, как может существовать безбожное общество, и этот страх сопровождал его в отношении к Советскому Союзу. Его страх заключался в том, что при отсутствии руководящего принципа любви к другому в таком обществе, которое существовало в Советском Союзе, русские, люди такие яркие и интеллектуально одаренные, могут направить все богатство своего интеллекта на другие цели, и именно на разрушение. Еще прежде чем стать губернатором, он, несмотря на все свои оптимистические взгляды на жизнь, опасался, что без любви человечество может разрушить само себя — и что этот недостаток духовного влияния в среде руководителей Советского Союза может привести к

искажениям и к тому, что все их таланты окажутся сосредоточены на служении разрушительным началам и имперским амбициям. И что все это может в ядерную эпоху представлять собой риск Армагеддона. Президент был самым драматическим образом захвачен этим опасением»¹⁵.

Ничего не зная о его мыслях в то время, я была удивлена тем, как часто предмет религии возникает на наших встречах и насколько он важен для президента. Он жаждал узнать о том, что я увидела в России и каковы поступки простых людей. Он хотел иметь информацию и знать точки зрения, которые он совершенно очевидно не получал от чиновников. Об этом мало говорили, пока он был президентом, но он пять раз встречался с папой римским Иоанном Павлом II не только в Ватикане, но и в Соединенных Штатах¹⁶. В их взглядах было много общего. Иоанн Павел II был убежден, что коммунизм и религия не могут сосуществовать и что одно из них вытеснит другое.

На похоронах Леонида Брежнева в 1982 году камера поймала момент, когда его жена быстро перекрестила открытый гроб. Это заинтересовало Рейгана, и позднее члены Национального совета по безопасности говорили мне, что он не раз возвращался к этому.

* * *

Моя миссия в Москву состоялась за несколько недель до смерти Андропова 9 февраля 1984 года. Десятого февраля в письме, написанном в одно время с похоронами Андропова, президент написал мне:

Наблюдая за сценой похорон по телевидению, я размышлял о том, а что думают люди в такое время, когда их вера в Бога или в бессмертие сталкивается со смертью. Как и вы, я продолжаю верить, что голод по религии может стать важнейшим фактором изменений теперешней ситуации.

Вернувшись после участия в похоронах Андропова, вице-президент Буш взволнованно рассказывал, что заметил человека, перекрестившего Андропова. Макфарлейн объяснил: «До того самого момента у президента почти не было оптимизма полагать, что он сможет иметь дело с Россией и где-то с кем-то встретиться, но теперь он получил это небольшое окошко, что, быть может, есть некоторая

надежда, что в их руководстве могут быть какие-то люди, открытые для идеи духовного влияния. Это позволило ему сказать: “Хорошо, Господи, это стоит того. Попытаемся привлечь внимание этих людей и посмотрим, сможем ли мы с ними где-то встретиться”». (Когда больной Черненко умер через 13 месяцев, прежде чем Рейган смог с ним встретиться, президент отпустил свою знаменитую саркастическую шутку, что он хотел провести переговоры с советскими лидерами, но опять не успел, потому что «они продолжают умирать».) У него появился шанс с новым лидером Михаилом Сергеевичем Горбачевым.

Когда Горбачев давал свое первое интервью журналу «Тайм» 9 сентября 1985 года, пресса обратила внимание на то, насколько он «точен», как он подчеркивает каждое слово разноцветными карандашами. Единственное, что он произнес как нечто неважное, было то, как он дважды произнес слово «Бог». Пресса рассудила, что после всего остального этого ничего не значит. Русские, говорили они, часто используют слово «Бог» в обычном разговоре, и его употребление не имеет никакого отношения к таким важным вопросам как контроль над вооружениями или экономика. Но для Рейгана с его чутьем на людей это слово и то, как его употребил Горбачев, не было чем-то случайным. Одним из его первых вопросов при встрече со мной после саммита в Женеве было: «Почему Горбачев так много говорил о Боге?» (Прежде всего это озадачило и меня. Я думала, что, возможно, Горбачев, узнав, что Рейган — религиозный человек, сделал это сознательно. Поэтому на первой встрече я призывала президента к осторожности.)

В интервью, которое я брала у Горбачева в Москве вскоре после смерти жены Раисы в 1999 году, я сама смогла задать ему тот вопрос Рейгана. Мне пришлось выслушать длинный ответ о его отношении к верующим и о том, что все его бабушки и дедушки, к которым он был очень привязан, были верующими людьми. Он рассказал о своей любимой бабушке и о том, какой изматывающе далекий путь ей приходилось проделывать, чтобы дойти до церкви, о том что собирается построить церковь в родном селе*. Он трогательно говорил о Раисе,

* Храм Казанской Божией Матери в селе Привольное был построен на средства М.С. Горбачева в 2000–2006 гг.

убежденной коммунистке, и о том, как он был счастлив, что тем не менее она ушла из жизни верующей. В своих воспоминаниях, опубликованных в 1996 году, он писал: «Как религиозные ордены свирепо обращали “еретиков” в свою веру, так и наши идеологи вели беззаветную борьбу с религией, безо всякой нужды порождая недовольство среди простых людей»¹⁷. В другой книге, вышедшей в свет в 2000 году, он отметил, что большевики даже в мирный период после окончания Гражданской войны «продолжали сносить церкви, арестовывать священников и уничтожать их. Этого больше нельзя было ни понять, ни оправдать. Атеизм в нашей стране в то время принял самую жестокую форму»¹⁸.

На протяжении всей своей карьеры президент Рейган всегда разъяснял, что он прекрасно понимает деспотическую природу коммунистического режима. Как пишет Мэтлок, «Рональда Рейгана всегда живо интересовали судьбы людей, оказавшихся в затруднительном положении. Он хотел делать все, что в его силах, чтобы помочь им. Его суровые суждения о советских лидерах основывались далеко не на одном каком-то факторе, не только на идеологии, о чем он много говорил, но и на восприятии их манеры обращения со своим собственным народом».

У Рейгана был перечень нарушений прав человека, и на всех своих встречах с советскими официальными лицами он упрямо перечислял имя за именем из этого списка. Он однозначно и прямо говорил о своей убежденности, что такая система не может, не должна и не будет существовать. Он всегда ясно давал понять, что религиозная свобода и свобода вероисповедания относятся к числу естественных человеческих ценностей — это для него было ключевым пунктом. Такая позиция президента порождала разногласия со многими его собственными советниками. Но после того как он узнал, что стремление к вере и религии в Советском Союзе ничуть не слабее, чем в Соединенных Штатах, и поскольку он старался «основываться не на чужих мнениях, а больше на своих собственных побуждениях», как он сказал Диверу, то всей его давней глубоко прочувствованной религиозной вере оказалось суждено сыграть важнейшую роль в совместных миротворческих усилиях с Горбачевым.

ГЛАВА 9

МОСКВА ПРИГЛАШАЕТ — ВАШИНГТОН ЗВОНИТ

МОСКВА ПРИГЛАШАЕТ

После того ланча в Овальном кабинете 1 марта прошло много месяцев, прежде чем я опять встретилась с президентом. Я завершила то дело, которое меня попросили сделать, отчиталась и не думала, что когда-нибудь снова выпадет случай увидеть его. За прошедшие с тех пор месяцы я получила от него два письма, по его просьбе послала ему две свои книги и вернулась к своим лекциям и литературной работе.

Несмотря на прорыв, который я год назад совершила в Москве в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами, по-прежнему не было официального Соглашения в области культуры, но я не оставляла попыток добиться разрешения на продолжение своей исследовательской работы в Ленинграде. С этим я обращалась и в Союз писателей, и в Министерство культуры, и во многие другие официальные учреждения, которые, по моим представлениям, могли дать мне такое разрешение. Но все мои обращения оставались безрезультатными. В январе 1984 года, завершая наши беседы, Богданов спросил, чего бы я хотела для себя. Я ответила, что мне нужно разрешение на поездку в Ленинград на два месяца для продолжения исследований для моей книги о Павловске. Тогда он мне ничего не ответил. Однако в конце марта 1985 года я неожиданно получила таинственную телеграмму из Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП) с приглашением приехать в Москву на две недели. В Москву! Я была в ярости. Я не хотела ехать в Москву. Мне нужно в Ленинград. Что все это значило? Что мне делать? И тут мне позвонила моя старшая дочь Сусанна. Я рассказала ей о возникшей дилемме и между делом обронила:

— Ах, если бы архангел Гавриил спустился ко мне и сказал, что мне делать!

Она засмеялась:

— Мам, я думаю, он бы тебе сказал: «Попей чайку и ложись спать, — и добавила к своему совету русскую поговорку «Утро вечера мудренее».

На следующее утро произошло странное событие. Как обычно, перед началом работы я включила радио. На мое удивление, из приемника зазвучал Вальс-фантазия Глинки, который первоначально назывался Павловским вальсом. И тут под звуки этого вальса я сообразила, что не перевернула лист календаря на следующий месяц. Сделав это, на следующем листе я обнаружила образ архангела Гавриила с прозрачным земным шаром в руках. И в этот самый момент дочь снова позвонила мне.

— Сусанна, — сказала я, — происходит что-то странное.

Я была так озадачена всеми этими удивительными совпадениями (откуда они взялись?), что, поговорив с ней, сама позвонила епископу Василию Родзянко и спросила:

— Как вы думаете, не знак ли это?

— Да, определенно, — ответил он, — вам следует ехать.

Я послала телеграмму в ВААП, что принимаю их странное приглашение.

После прилета в московском аэропорту меня со всеми церемониями как ВИП-персону встречал сам глава ВААП, проводивший меня через таможенную. Меня поселили в знаменитой гостинице «Украина». Было интересно, что же будет дальше. Долго ждать не пришлось. На следующий день меня оповестили, что моя виза продлена на два месяца, и через два дня я могу ехать в Ленинград!

В поезде меня сопровождал представитель ВААП, с которым мы проговорили почти всю ночь и с кем у меня надолго сложились дружеские отношения. По приезде в Ленинград я была представлена встречавшему меня на вокзале руководителю городского отделения ВААП. Меня отвезли в гостиницу «Европейская» и сообщили, что номер оплачен на две недели вперед. По прошествии двух недель, спустившись в холл отеля, где меня обычно ждал сопровождавший меня повсюду представитель ВААП, я никого не обнаружила. Представитель ВААП исчез. И тут до меня дошло, что две недели, на которые меня пригласили, истекли, и меня просто бросили одну. Так, не получив никакого объяснения, с того самого утра и до окончания двух месяцев я оставалась наедине

с собой и могла совершенно независимо работать в библиотеке и Павловском дворце. За этим я почувствовала руку Богданова, так по-византийски утонченно удовлетворившего мою просьбу. (Узнав о таком странном повороте событий, один из моих друзей большой поэт Виктор Соснора с привычным для него сардоническим юмором заметил: «Ты, наверное, сейчас единственный свободный человек в Советском Союзе».)

Эти два месяца стали для меня очень насыщенными, дав возможность взять первые интервью у многих еще оставшихся свидетелей разрушения дворца во время Второй мировой войны. Мне даже удалось воспользоваться редкой возможностью поговорить с бывшими военными, видевшими, как горел дворец, и со многими чрезвычайно одаренными мастерами-реставраторами, работавшими над его восстановлением. После моей прошлогодней миссии в Москву я боялась, что *они* станут преследовать моих друзей, вызывать их на допросы. Но ничего такого с ними ни тогда, ни позже не произошло. И кроме того, в эти два месяца мне позвонил Георгий Арбатов, чтобы передать прямое сообщение от Горбачева. Пока я добивалась для себя разрешения работать в Ленинграде, я послала Горбачеву две свои книги, и полагала, что они, скорее всего, до него не дошли. Однако он их получил и через Арбатова поблагодарил за них и за мою «благородную работу». Я написала ему ответное благодарственное письмо.

После того как первые две недели прошли, мне пришлось самой оплачивать гостиницу. Один из моих друзей, писатель, живший в большой квартире, предоставленной государством еще его отцу, предложил мне пожить у него. Я хорошо знала, что иностранцам запрещено жить в частных квартирах, но ведь наступили провозглашенные Горбачевым *перестройка* и *гласность*. И я решила проверить, есть ли у этих горбачевских инициатив границы. Я спросила у представителя ВААП, можно ли мне принять предложение моего приятеля. «Вы знаете, — сказала я, — что в каждой стране, куда я приезжаю, я всегда останавливаюсь у друзей. Почему же в России, самой гостеприимной стране, которую я знаю, мне нельзя так поступить?» Я видела, что мои слова поставили его в неудобное положение. Но, немного подумав, в конце концов он дал мне понять, что не будет возражать, если я так поступлю. Я переехала к своему приятелю, и ничего ни со мной, ни с ним не случилось.

ВАШИНГТОН ЗВОНИТ

Пятое августа 1985 года было в штате Мэн одним из тех великолепных солнечных дней, когда искрится синь моря, а прохладный воздух напоен запахом смолистой хвои. Около четырех часов пополудни мы с моей младшей дочерью Лиз пытались долбить стену в нашем домике, чтобы повесить в ее спальне лампу, когда зазвонил телефон. Лиз побежала взять трубку и быстро вернулась; она выглядела побледневшей и благоговейно сказала:

— Мам, это президент Рейган.

Я подумала, что она шутит, как бывало не раз, но дочь настаивала:

— Это на *самом деле!*

После того как президенту сделали операцию по подозрению на рак толстой кишки, я написала ему письмо с пожеланием скорейшего выздоровления. Я была уверена, что он получил тысячи таких пожеланий, и совсем не ждала ответа. Волнуясь, я взяла трубку. В трубке прозвучал приветливый голос телефонистки из Белого дома:

— Оставайтесь на линии. Я соединяю вас с президентом Рейганом.

И затем на том конце провода я услышала знакомый голос, звучавший с теплотой, но чуть хриловато и устало:

— О, я, должно быть, оторвал вас от работы.

Я быстро завершила его:

— Ничего, я просто крепила лампу.

Он никогда прежде мне не звонил. И с какой стати ему понадобилось мне звонить сейчас? Здесь, в лесах Мэна, у меня не было возможности ни по радио, ни по телевизору следить за ходом его выздоровления. Я была растеряна и не придумала ничего лучшего, как спросить:

— Как вы себя чувствуете?

— Я в полном порядке, большое спасибо, — ответил он. — Я получил ваше письмо и собирался ответить, но потом подумал, что будет лучше с вами поговорить.

Я повторила:

— Хорошо, как вы себя чувствуете?

— Я в полном порядке, большое спасибо.

И только с третьей попытки я смогла выдавить что-то другое:

— Где вы сейчас?

— О, я в своем кабинете, работаю понемногу, — ответил он.

Я полагала, что наш разговор будет коротким и мне надо быть готовой остановиться в любой момент и поблагодарить его: «Спасибо, господин президент», но вместо этого он продолжил беседу. Он сказал мне, что читает книгу Аркадия Шевченко¹, и спросил:

— А вы читали Шевченко?

— Да, читала, — ответила я.

Он продолжил:

— Я прочитал в его книге, что за сорок лет Громыко ни разу не прошелся по улицам Москвы.

Я сказала:

— Вы знаете, господин президент, забавно, что вы упомянули об этом, потому что именно эта фраза поразила и меня. Я подумала, как много этот факт объясняет, потому что Громыко не единственный из высших советских должностных лиц, кто изолирован от русского народа. Не только он, но и западные дипломаты тоже почти не имеют контактов с простыми русскими людьми. Многие из них годами не бывали на рынке и жили в совершенно отличавшихся от обычных условиях.

Из предыдущих разговоров в Белом доме я слышала, что саммит, вероятно, пройдет в Женеве и что президента раздражало то, что Горбачев может не захотеть приехать в Вашингтон. Я не желала, чтобы президент из-за этого чувствовал какой-то дискомфорт, и я призывала его не придавать значения тому, что Горбачев не приедет в Вашингтон так скоро, как он (Рейган) надеялся. «А я недавно вернулась из Ленинграда, где провела два с половиной месяца», — сообщила я. И тут я рассказала ему о той наполненной энтузиазмом встрече Горбачева с населением в Ленинграде, свидетелем которой стала несколько месяцев назад; поведала о том, как в отличие от обычаев других коммунистических лидеров он ходил по улицам среди людей, собирая вокруг себя толпы и отвечая на вопросы.

«Вы знаете, он ведет себя почти как вы, когда вы идете, пожимаете руки людям и говорите с кем угодно. Я могу понять, почему ему трудно приехать в Вашингтон прямо сейчас, вероятно, это просто невозможно для него. Фактически, быть может, для него небезопасно уезжать на столько дней. Господин Горбачев в Кремле, наверное, чувствует себя свободнее, там он может отдавать приказы людям, он там свободнее, чем в поездке, окруженный бдительными сопровождающими. И, быть может, ему надо

уйти от них. Кроме того, если он приедет в Вашингтон, то ему придется соперничать с Добрыниным, который здесь находится уже столько лет, знает всех и будет рулить всем представлением. У него не будет необходимой независимости».

Президент в ответ лишь хмыкнул. Он больше ничего мне не сказал — но по его тону я решила, что он меня понял и что он тоже хочет сбежать от *своих* собственных бдительных парней.

Я еще немного рассказала ему о своем двухмесячном пребывании в Советском Союзе и о том, что, по моим ощущениям, атмосфера там становится немного лучше. Но он тут же заметил, что его задело заявление ТАСС, в котором говорилось, что Соединенные Штаты тайком размещают атомные бомбы.

— Да забудьте вы про то, что там заявляет ТАСС, — ответила я и пересказала популярную в России шутку: «*“В Правде нет известий, а в Известиях — правды”*». Русские давно научились читать между строк».

Его настроение улучшилось, и он продолжил:

— Мне нравятся русские шутки, особенно те, что про их правительство, — и стал рассказывать одну из них.

Я посмеялась, но мою голову продолжал дурманить вопрос, зачем он все-таки мне позвонил. Это так меня занимало, что потом я могла вспомнить лишь самое главное в нашем разговоре. Я ответила ему одной из горбачевских шуток, слышанных мной в Ленинграде, о его детстве и неопытности, и президенту шутка, кажется, понравилась. Но я все еще продолжала тупить и через ровные интервалы снова спрашивала его: «Как вы себя чувствуете?», и он снова отвечал мне: «Уже намного лучше».

Поскольку я чувствовала себя в Мэне оторванной от всего, что происходит, мне захотелось его спросить: «Что делается в мире?» Однако я знала, что не решусь на такой вопрос, и вместо этого спросила:

— Каковы ваши планы?

— Ну, — сказал он, — завтра я улетаю в Калифорнию. Но у меня теперь здоровенный шрам, длиной почти одиннадцать дюймов. Так что я не думаю, что смогу в Калифорнии заниматься колкой дров, — и твердо добавил: — А вот верхом я собираюсь поездить. Скоро придет Нэнси и заставит меня отдыхать.

И я сказала:

— Это верно. Она все делает правильно.

Когда мы наконец оба положили трубки, я осталась сидеть в ошеломлении. Я позвонила в Белый дом, чтобы поблагодарить их, потому что подумала, что Макфарлейн или кто-то еще мог ему сказать: «Сделайте что-нибудь приятное Сюзанне». Но когда я поговорила с Вильмой, она мне сообщила: «Ничего подобного. Президент просто позвонил и сказал: “Найдите номер ее телефона”. Мы собирались позвонить вам и предупредить, что президент может позвонить, но прежде чем мы это сделали, президент сам нам позвонил и сказал: “Я с ней уже поговорил”».

Итак, почему он позвонил? Просто из вежливости? А может, потому что он думал о России?

Мой племянник-тинейджер как раз в тот момент брел по пляжу, и я в восторге ему закричала:

— Как ты думаешь, кто мне сейчас звонил? Президент Рейган!

В этот момент телефон зазвонил снова, и племянник пошутил:

— А это, наверное, звонит Горбачев!

Последним, высказавшимся по поводу этого телефонного звонка, был один просоленный мэнский старожил. Услышав от меня про звонок, он подумал немного и сказал:

— Ну, я полагаю, что это довольно необычно. Бьюсь об заклад, что со многими людьми ничего подобного в жизни не происходит. Спорю, что ни с кем в штате Мэн такого не было.

* * *

Через несколько дней после звонка президента мне позвонили из офиса Макфарлейна. Это была Вильма, и она сообщила:

— Президент хотел бы, чтобы вы приехали.

До Вашингтона ехать далеко, да и дорого, к тому же пояснение было совсем кратким. Они хотели, чтобы я приехала 3 сентября в 9:45 назавтра после Дня труда. Оставалось лишь несколько дней. Поначалу я сопротивлялась:

— Почему меня вызывают? Президент имеет в виду что-то конкретное?

— Он просто хочет с вами поговорить.

Я все еще сопротивлялась:

— Но это так далеко, — сказала я, — и у меня все волосы в еловых иголках.

— Привезите ему веточку, — сказала она. — Ему понравится.

— А кто будет на встрече? Вы опять собираетесь на меня напустить всех этих мужчин?

— Нет, — ответила Вильма, — я думаю, что будет только президент. Наверное, это будет встреча наедине.

— Хорошо, — все-таки согласилась я, — буду.

Итак, отложив в сторону повседневную одежду — синие джинсы и свитер, я принялась рыться в своем скудном гардеробе в поисках подходящего платья, а потом вышла из дома, чтобы подобрать для президента хвойных веток с сосновыми шишками в подарок. На море штормило, и меня буквально сдувало ветром. Я не могла найти ветки с сосновыми шишками и сняла с дерева несколько кусочков пахучей смолы, потом пошла на берег и, чувствуя себя, словно в детском саду выполняю задание по изучению природы, сорвала несколько веток морского вереска. Проезжая через деревню на Оленьем острове, я подумала, что мне нужно что-то такое, куда я все это сложу, и остановилась у местного магазина сувениров. Там я купила маленькую бутылку, обкатанную морем. Уже вечером, разглядывая бутылку, я заметила вытравленную на ней едва различимую надпись «Дэвис О.К.» (Дэвис была девичьей фамилией Нэнси Рейган) и еще «Аспирин».

Пока я пять часов ехала по главной автостраде Мэна до Бостона, чтобы успеть на рейс в Вашингтон, мне внезапно пришла в голову еще одна мысль. Когда я несколько месяцев назад была на Пасху в Москве, мне довелось выйти на одной железнодорожной станции, где несколько деревенских женщин из Нижегородской (тогда еще Горьковской) области продавали расписные деревянные пасхальные яйца, что было тогда в новинку. Я заинтересовалась ими. Среди многих яиц, в основном украшенных цветами и буквами ХВ, я нашла одно необычное, на котором весьма примитивно был написан образ Богородицы и младенца Христа, а вместе с их именами с другой стороны написано: «Мы не дадим взорвать мир». Я отдала это яйцо сыну, священнику Епископальной церкви, который не принадлежал к числу приверженцев Рейгана, считая того милитаристом. Получая от меня подарок, сын фыркнул: «Тебе нужно подарить его Рейгану». Я и подумала, что, быть может, настало для этого время и остановившись в Бостоне, попросила сына вернуть мне яйцо.

ВСТРЕЧА 3 СЕНТЯБРЯ 1985 ГОДА

Когда я пришла в Белый дом на свою третью встречу и меня провели в Овальный кабинет, то оказалось, что на ней будет присутствовать не один только президент, но и вице-президент Буш, а также Бад Макфарлейн и Джек Мэтлок. Прежде чем мы расселись, я сказала:

— Извините меня, господин президент, но прежде чем мы начнем говорить о делах, я хочу сделать вам маленький подарок.

Я залезла в свой старый потертый портфель (который в те давно прошедшие невинные дни никто не проверял) и достала оттуда кусочки смолы и маленькую бутылочку с морским вереском. Я все это передала президенту и, обернувшись к вице-президенту, с улыбкой сказала:

— Вы должны знать, что это. Вы же из Мэна!

Вице-президент выглядел совершенно озадаченным, но президент заинтересовался подарком и спросил:

— Это морской вереск? Он растет под водой?

Я ответила:

— Нет, он растет между скалами недалеко от воды. (В этот момент вице-президент решил, что он знает, что это такое.)

— Это прекрасно, — воскликнул президент, рассматривая мои подарки с разных сторон.

Я подсказала:

— Там на бутылке есть еще кое-что, — и он начал искать очки. — Я прочитаю вам. Здесь написано: «Дэвис О.К.».

Он засмеялся и, как мне кажется, был польщен.

Я продолжила:

— Есть еще одно, господин президент. Мне очень неудобно говорить об этом, но когда вы мне позвонили, я так всполошилась, что забыла анекдот, который вы мне рассказали. Можете ли вы рассказать его еще раз?

Президент расслабился и, находясь в хорошем настроении, не глядя на каменные лица всех остальных важных господ, сказал:

— Анекдот о том, как два парня, сидя на Красной площади, беседуют о будущем. Один из них говорит: «Слушай, как ты думаешь, а коммунизм действительно когда-нибудь наступит?» Другой ему отвечает: «Все может быть, я не знаю. Но одно я тебе могу сказать. Прежде чем что-то улучшится, оно вначале станет хуже».

Вице-президента это совсем не развеселило.

Президент продолжил:

— Джордж Монтгомери только что объехал Россию. Вы знаете, что он был мужем актрисы Дины Шор. Он ездил делать фильм, и оказалось, что те, с кем он работал, не ведали, что он знает меня. Джордж стал выяснять их мнение обо мне и понял, что всем им я не нравлюсь. Они даже ненавидели меня. Но он стал им про меня рассказывать, и к концу поездки все они уже были скорее за меня. Все были ему благодарны.

Я пояснила:

— Господин президент, среди русских мало кто любит вас.

Готовясь к встрече, я много думала о том, что буду ему говорить, и сделала кое-какие записи. Я старалась смотреть на это с разных сторон: «У тебя историческая миссия. Ты не можешь говорить президенту об этом или о том...» Но я все-таки составила свое собственное мнение, о чем надо говорить. И яйцо было одной из моих идей. Я снова полезла в свой портфель, достала оттуда деревянное яйцо и сказала:

— Господин президент, думаю, вам на встречу нужно взять с собой талисман. У вас должно быть что-то из России.

Он с любопытством посмотрел на яйцо и покрутил его в руке:

— Что это такое?

— Господин президент, — объяснила я, — это русское пасхальное яйцо с изображением Богоматери и младенца Христа. Здесь написано: *Мы не дадим взорвать мир.*

— И что, они его сделали? — спросил он.

— Да, и на том рынке не было иностранцев, одни только русские. Его нарисовал какой-то неизвестный простой человек из городка на Волге.

Президента так это заинтересовало, что внезапно и меня осенило. Начав объяснять, что яйцо — это древний русский символ новой жизни, новой надежды, я предложила ему:

— А почему бы не дать его Горбачеву? Это вещь из его собственной страны, вещь, сделанная кем-то из его собственного народа, и я думаю, он будет очень удивлен, что вы знаете этот символ.

— Отличная идея! — воскликнул президент.

— Он, конечно, поинтересуется, где вы его раздобыли, — продолжила я. — Вы можете рассказать о его происхождении, чтобы он не подумал,

что вы его получили от какого-то американского шпиона. Президент еще раз повторил:

— Это отличная идея, — и положил яйцо в карман.

Мы стали говорить о деле. Советы часто предпочитали обмениваться посланиями по личным, а не официальным каналам, пробуя почву и не допуская при этом утечек и появления сообщений в новостях. Поскольку я знала, что они в курсе моего знакомства с президентом, то была готова к увертюрам такого рода и не удивилась, когда однажды меня пригласили прийти в офис директора ВААП (человека, по-видимому, не связанного с ними), чтобы поговорить о «книгах». Как странно, подумала я, что такой большой человек, стоящий во главе ВААП, вдруг решил увидеться со мной и поговорить о «книгах»*. Но я знала, что в Советском Союзе все связано и если глава большой организации внезапно проявил желание поговорить со мной, это значит, что он из КГБ.

Он был высоким, как Сидни Гринстрит, с заметным брюшком**. Он говорил о «книгах» только пару минут и после этого выслал всех из комнаты. Затем он немедленно и таким особым образом стал выкладывать передо мной все темы, стоявшие в советской повестке дня, что мне понадобилось лишь несколько минут, чтобы понять, что весь последующий разговор даже отдаленно не будет касаться книг и мне лучше всего слушать его и начать делать заметки. Он продолжил излагать всю советскую повестку дня к предстоящему саммиту. Начал с Афганистана и сказал, что Советы готовы к переговорам, но им нужна наша помощь — другими словами, нужно как-то это обсудить. Я подчеркнула, что Соединенные Штаты придают большое значение вопросам прав человека, и он ответил, что они это понимают, и на этот счет готовится заявление и что они намерены сказать кое-что в поддержку нашей позиции уже перед встречей. Он продолжил, утверждая, что для них очень важно, чтобы были

* В 1982–1986 гг. ВААП возглавлял Константин Михайлович Долгов (р. 1931), доктор философских наук, специалист по эстетике. Помимо преподавательской деятельности, К.М. Долгов, перед тем как возглавить ВААП, работал директором издательства «Искусство», был завсектором отдела культуры ЦК КПСС. После 1986 г. — сотрудник Института философии АН. Автор ряда книг по эстетике.

** Сидни Хьюз Гринстрит (*Sydney Hughes Greenstreet*) — английский характерный актёр, ставший знаменитым за свои роли в голливудских фильмах 40-х годов («Мальтийский сокол», «Касабланка» и др.). Отличался крупным телосложением.

произнесены слова о торговле, «ничего конкретного, конечно», но нужно некое общее заявление на этот счет, и его тоже надо написать заранее. При этом он подчеркивал, что «очень важно для нас иметь что-то готовое к подписанию — Соглашение в области культуры». (Я, конечно, была рада это слышать.)

Он также обсуждал вопрос о возобновлении прямых полетов «Аэрофлота» в США, являющихся тоже «очень важным» элементом, за который они готовы бороться. Я знала обо всех переговорах по культурному соглашению, к которому они хотели привязать и «Аэрофлот» (на это мы возражали). Он говорил со мной очень уверенным тоном, подчеркивая символическое значение этого вопроса для них, и то, что, если мы хотим, чтобы культурное соглашение было подписано, нам нужно иметь прямую авиалинию между странами. Он шел по всему списку вопросов к саммиту, постоянно повторяя для меня: «Конечно, я никто...» (Лучше бы не смешил!) Конечно, я знала, что он был вполне серьезен, и, следуя моим записям, я передала все, что он сказал, президенту.

Встречи в президентском Овальном кабинете всегда были трудны для меня. От меня ждали, что я буду говорить, при том, что на меня будут молча смотреть вице-президент Буш, Бад и Джек (который, как я знала, совсем не был для меня лучшим другом) и никто из них не проронит ни слова и даже ни разу не улыбнется. Я чувствовала себя шутом в вакууме и никогда не знала, что они собираются мне высказать в завершение, и кроме того, у них была огромная фора передо мной, потому что я-то не имела доступа к их секретным рабочим бумагам и не представляла, о чем они думают. Другой проблемой было то, что я не знала, на сколько времени рассчитаны эти встречи, поэтому и не могла хорошо спланировать, что говорить и как долго высказываться. Мне говорили, что встреча продлится около пятнадцати минут, но, как уже случалось, президент оставался дольше (в данном случае сорок пять минут).

Другой трудностью для меня являлось то, что я не знала, чего хочет президент. Это же было не интервью, во время которого я могла бы спросить: «Господин президент, а что вы думаете о том-то и том-то?» Мне казалось невежливым, что разговор не предусматривает обмена мнениями. Но я помнила, что президент здесь не для того, чтобы болтать со мной. Это не то место, где берут и дают. Я там присутствовала, чтобы что-то ему дать; и он приходил ради информации. Все это приводило

к тому, что я чувствовала себя весьма странно и всегда оставалась в итоге в сомнении, правильно ли все сделала. Однако все-таки пришла к заключению, что если ему нужно, то он мог задать мне конкретный вопрос, иногда он так и делал. В том случае, когда у меня было послание, которое я должна была передать, я знала, что это серьезно и что обе стороны готовятся к саммиту, что то, чем я располагаю, возможно, добавляет какую-то грань и помогает получить более полную картину, позволяет понять чисто официальные заявления. И я стала отталкиваться от такого понимания своей роли.

Из наших предыдущих встреч я, среди прочего, поняла одну вещь: президента очень интересовало, что русские за народ. Конечно, он получал целый вал достойных внимания аналитических записок вроде Белых книг, составлявшихся его советниками и специалистами мозговых центров. В Белом доме поговаривали, что президент в состоянии прочесть не больше полутора страниц текста через два интервала. Если это правда, то, прочитав сама несколько таких записок, я могу понять почему. Я знала, что они написаны в очень холодном и сухом стиле — в них почти нет жизни и сока. А Рейган был человеком из народа. В самом деле, он был единственным политиком из тех, кого я встречала (к настоящему моменту я знаю несколько десятков), кто хотел знать не только, о чем думают в Кремле, но и что думают русские люди: над чем они смеются, как они живут, о чем мечтают и чего боятся.

По мере того как я узнавала его лучше, я начинала понимать, что он был, кроме всего прочего, и актером, а актеры думают иначе, чем политологи. Рейган делал свои умозаключения, в значительной степени полагаясь на интуицию. Он любил рассказы, много узнавал из анекдотов и притч, хранил их в своей памяти. Вначале я этого не понимала и всегда думала, что на наших встречах выглядела нелепо, но, будучи в Москве, к своему удивлению, услышала от нашего посла: «Он на самом деле слушает тебя, помнит все, что ты сказала». Я поняла, что, возможно, так происходит потому, что он больше узнаёт из рассказов. И для меня в этом была большая ответственность. Я, конечно, многое знала о русских, но всегда обдумывала, прежде чем что-то сказать, и все тщательно взвешивала, пытаясь никоим образом не преувеличивать и говорить только о том, что я испытала сама или чему сама была свидетельницей. Я хотела, чтобы между нашими странами все время что-то работало,

и к этому подталкивала не только Рейгана, но также и русских, пытаюсь подвигать их друг к другу, пытаюсь объяснять русским то, что поможет им понять Рейгана и наоборот таким образом, чтобы никто не страдал слепотой и не оказывался во власти стереотипов.

В те дни наши СМИ были полны хвалебных рассказов о Горбачеве, словно он был каким-то любимцем публики или знаменитым футболистом. Ему никогда не задавали трудных вопросов, постоянно задыхались от восторга по поводу его «молодости и энергичности» и по поводу того, насколько он отличается от нашего «вялого старого президента», засыпающего на заседаниях кабинета. Я думала, что независимо от того, в какой форме находится Рейган, ему неприятно читать все это. (Не могу не напомнить здесь замечательную остроту Рейгана как раз того времени, когда вокруг Горбачева подняли такую шумиху. Однажды, когда президент был во Флориде, один старшеклассник решил выступить и спросил его:

— Как вы себя чувствуете, будучи таким СТАРЫМ, когда Горбачев так молод и полон энергии?

Без всякого промедления президент весело ответил:

— Ну, на этот счет у меня большой опыт. Мне приходилось играть на вторых ролях у Эррола Флинна*. (С тех пор образ Горбачева, прыгающего по ступенькам замка, как Эррол Флинн**, остался в моей памяти.)

У меня на этот счет было совершенно иное мнение, чем у наших медиа. Я считала, что если бы дела шли обычным путем, то в пользу Рональда Рейгана сыграл бы его образ типичного американца, которого любят простые русские: «ковбой», простой в общении, очень естественный, наделенный большим чувством юмора, легко находящий общий язык с людьми и, что очень важно, очень патриотичный человек, это как раз то качество, которое обожают русские.

По собственному опыту я знаю, что хотя советские чиновники льстили нашим «миролюбцам» и использовали их тогда, когда это соответствовало их собственным целям, в частных беседах они часто выказывали

* Знаменитый голливудский актер Эррол Флинн (*Errol Flynn*) играл главную роль в фильме «Дорога на Санта-Фе» (1940), где Рейгану досталась роль второго плана, за которую он получил много положительных отзывов прессы.

** Пользовавшийся славой ловеласа в жизни Флинн сыграл много ролей сердцеедов в исторических мелодрамах: Робин Гуд, Дон Жуан и др.

презрение к ним и не уважали за принижение собственной страны. В Москве я однажды от Георгия Арбатова услышала откровенное суждение на этот счет. Он как-то стал жаловаться мне на Рейгана и его критику в адрес Советского Союза. Говорил о том, насколько было отвратительно, когда Рейган назвал Советский Союз «империей зла» — для миролюбивого Советского Союза это являлось настоящим оскорблением. Было заметно, что Арбатов ждет, что я с ним соглашусь. Но я, наоборот, разозлилась, встретив неприкрытое лицемерие человека, столь часто бывавшего в Соединенных Штатах и хорошо знавшего всю ситуацию. Я резко ответила, сказав, что он-то прекрасно знает, что в советских газетах о нашем президенте каждый день пишут намного более ядовитые вещи и что если в Советском Союзе все злобные публикации в прессе можно прекратить одним росчерком пера, то в Соединенных Штатах наш президент ничего подобного сделать не может. «Поэтому, Георгий Аркадьевич, пожалуйста, — сказала я, — довольно об этом».

Он действительно остановился и затем сказал: «Я обожаю вас за то, как вы защищаете своего президента».

В отличие от некоторых советников Рейгана я думала, что как раз *из-за* его личных человеческих качеств президенту будет легко общаться с Горбачевым, и я очень хотела любым доступным мне способом укрепить его собственные инстинкты, чтобы он оставался самим собой и чтобы его индивидуальность не оказалась приглушенной и формализованной под влиянием советов из Госдепартамента и экспертов-кремленологов. Я все время подчеркивала, что Советский Союз — это отнюдь не что-то монолитное, где каждый марширует в тесном строю к светлому коммунистическому будущему, а что это страна противоречий и проблем. Я напоминала ему, что Горбачев в своей должности совсем недолго, что он молодой человек из дальнего сельскохозяйственного российского региона, настоящий представитель поколения хрущевской «оттепели» и что он, без всякого сомнения, будет отличаться от прежних кремлевских «динозавров», большинство из которых на целое поколение старше его и своими привилегиями на многие годы изолировало себя от собственного народа.

По моему опыту русский характер совсем не был чем-то загадочным или трудным для понимания. Если у русских и была какая-то особенность, то она заключалась в их более спонтанной эмоциональности по сравне-

нию с тем, к чему мы привыкли на Западе. Для нас слово *эмоциональный* часто содержит в себе нечто уничижительное. Но в русском языке это слово имеет позитивное значение, и считается хорошим тоном сказать так о ком-то. В Соединенных Штатах мы стремимся вначале подумать и потом только реагировать. А на русских первоочередное влияние оказывают их чувства (точнее, инстинкты), и только потом у них включается голова. Это объясняет многое в их поведении, как в негативном, так и в позитивном.

В качестве примера я рассказала президенту историю о генерале Николае Червове*, военном советнике Горбачева по СОИ, который приехал в Вашингтон в составе высокопоставленной делегации для участия в дискуссиях, в том числе в слушаниях по вопросам прав человека в Конгрессе. Советскую делегацию возглавлял архиконсервативно настроенный украинец, член Политбюро Владимир Щербицкий**, представлявший советскую позицию в самом отвратительном и позорном виде. Меня все это разозлило, и я принялась тщательно разглядывать членов делегации, надеясь найти кого-то, кто выказывал бы смущение и стыд. Я заметила, что двое так себя и ведут. Одним из них был генерал Червов, а другим — Александр Бессмертных, возглавлявший американский отдел МИДа. И когда нас всех пригласили на ужин в Институт Кеннана, я решила приехать туда пораньше, чтобы поговорить с ними, пока не завершится коктейльная часть ужина.

Вначале я подошла к Бессмертных, оказавшемуся вежливым, знающим человеком, готовым к откровенному обсуждению вопросов по правам человека. И пока мы говорили, я высмотрела генерала Червова и попросила Бессмертных:

— Я никогда не встречала советского генерала, вы не могли бы представить меня?

— Да, конечно, — сказал Бессмертных и подвел меня к нему.

Мы говорили с генералом по-русски, и уже через пару минут он все рассказал мне о своих внучатах, о тех американских книгах, которые он

* Червов Николай Федорович (1922–2013), генерал-полковник. С 1979 по 1990 г. — начальник Договорно-правового управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

** Щербицкий Владимир Васильевич (1918–1990), член Политбюро ЦК КПСС в 1971–1989 гг., первый секретарь ЦК Компартии Украины в 1972–1989 гг.

читал, и о том, что любит Марка Твена. Я спросила, где он воевал. Червов с усмешкой ответил, что у него столько ранений и столько металла в теле, что когда в аэропорту он проходит через металлодетектор, он звонит не переставая. Когда мы расставались, чтобы присоединиться к ужину, я сказала:

— Генерал Червов, хотя у нас много всяких различий, но есть одна вещь, которую, я думаю, американцы ценят недостаточно, но я очень ценю. Я глубоко уважаю те жертвы, ту великую борьбу и храбрость, которую русские люди показали во время последней войны.

При этих моих словах у генерала на глазах выступили слезы, и он эмоционально ответил:

— До Берлина пришлось пройти столько километров, и за каждый километр заплатили жизнью десять тысяч русских.

Можете ли вы себе представить, чтобы американский генерал проявил столько эмоций на людях? Да его отправили бы в психиатрическую клинику за то, что он потерял хладнокровие. Но для русских слезы вполне приемлемы — даже на людях. Военный корреспондент «Вашингтон пост» Уолтер Пинкус, наблюдавший за нашим разговором и стоявший в нескольких шагах от нас, был сконфужен увиденным:

— Что вы ему сказали? Это самый крутой парень. Никто не может с ним говорить.

Я пересказала эту историю президенту просто как пример того, как по-разному мы реагируем, и что, несмотря на все барьеры между нами, часто можно близко сойтись с русским, обменявшись тремя-четырьмя фразами. Конечно, если подберете правильные слова.

Потом я еще объяснила ему, что люди в Советском Союзе обычно называют себя не «советскими» гражданами, а говорят о своей национальности и для них в этом существенная разница — это совсем не то, что сказать: я из Техаса или Мэриленда. Для многих русских важно, что Горбачев чуть ли не первый «великоросс», ставший лидером России с XVIII века, со времен императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого. «Великороссы» — это этническая группа в Советском Союзе, отличная от украинцев, армян, грузин, молдаван, белорусов. Все цари после Елизаветы в той или иной степени были немцами. Ленин не был чистокровным русским, в нем смешались разные национальности. Сталин был грузин и даже не очень хорошо говорил по-русски. Хрущев и Брежнев

в своих документах назывались то русскими, то украинцами, и оба были тесно связаны с Украиной. И хотя в жилах Горбачева тоже текла часть украинской крови, его воспринимали как первого «русского» руководителя страны. Я сказала президенту, что надо посмотреть, окажется ли Горбачев большим патриотом своей страны или Коммунистической партии. Если он будет в большей степени патриотом страны, то ему придется принимать во внимание действительные проблемы его народа и тот печальный факт, что русские скорее покончат собой, чем согнутся. Они убивают себя алкоголем, они убивают себя отчаянием, они не воспроизводят сами себя, и если Горбачев по-настоящему русский человек и патриот собственной страны, он всему этому должен уделить внимание. Если же он патриот, прежде всего партии, то тогда совершенно другое дело. Патриот партии (а все предшествовавшие советские лидеры были именно такими) всегда готов пожертвовать всем, чем угодно ради интересов партии, в том числе и самими людьми. Если Горбачев будет поступать по-другому, то для общения с ним это очень важно. Затем мы много говорили о правах человека и свободе вероисповедания. Я просила его, если будет возможно, сказать несколько слов о Православной церкви.

Казалось, что президенту не очень хочется уходить, хотя наша встреча продолжалась дольше намеченного. Но тут вошел его адъютант и просто положил перед ним том в кожаном переплете со словами: «Господин президент, это для вашей встречи с кабинетом». Однако президенту хотелось продолжить разговор. Через несколько минут адъютант пришел снова и с некоторым нетерпением сказал: «Господин президент, они все вас ждут» и тем остановил его.

После этого встреча быстро завершилась. Памятуя о клевете нашей прессы, называвшей собственного президента «старым» и «неспособным запомнить факты», пытавшейся заставить его воображать, будто «молодой» Горбачев — гигант трехметрового роста со стальным характером, а вовсе не самый обычный человек, переживающий по поводу множества собственных проблем, я хотела оставить президента с ясным ощущением того, что он старше и располагает значительным жизненным опытом, а это и является его важным преимуществом наравне с тем, что он выбран большинством народа, в то время как Горбачев только *пытается* обрести популярность. Поэтому когда все встали, чтобы попрощаться, я мягко

сказала ему: «Не забудьте, господин президент. Вы старше. Вы мудрее. Вы уже давно у власти. Вы уверены в поддержке вашего народа». И, посмотрев на вице-президента: «Насколько я знаю, никто из членов вашего кабинета не собирается наносить вам удар исподтишка. Вы сильнее. Вы можете позволить себе быть великодушным». И напоследок: «Помните, удивите его!» Широко улыбнувшись мне, он направился к членам своего нетерпеливого кабинета².

ГЛАВА 10

ЖЕНЕВА: ВСТРЕЧА РЕЙГАНА И ГОРБАЧЕВА

*Блаженны миротворцы, ибо они
будут наречены сынами Божиими.*

(Мф. 5:9)

Подготовка к саммиту Рейган — Горбачев затянулась на целых восемь с половиной месяцев, заполненных бесконечными внутренними спорами в США между Государственным департаментом и Советом по национальной безопасности (СНБ) при участии советников Белого дома, которые дополнялись внешними дискуссиями всех американских участников с их коллегами из Советского Союза. Долго пререкались по поводу места встречи: Соединенные Штаты предлагали Вашингтон, а Советский Союз — Москву. В конце концов, сошлись на том, что встреча пройдет 19 и 20 ноября 1985 года в «третьей стране» — Швейцарии, в Женеве, которая широко известна как город важных начинаний. Если учитывать всю многостороннюю чиновничью борьбу по поводу встречи, то можно только удивляться, что она вообще состоялась.

Встреча в Женеве произошла благодаря твердости президента, которого непреклонно поддерживала преданная Нэнси. Если углубиться в чтение пространных официальных отчетов, которые нередко пишутся только для галочки, проявляется именно то, о чем Рейган говорил Диверу после попытки покушения: президент теперь собирался больше доверять собственным побуждениям. Вновь и вновь он высказывал свое намерение «оставить в стороне стереотипы» и провести первый за шесть с половиной лет саммит между президентом США и советским лидером в том стиле, в каком он хочет этого сам. В Госдепартаменте и СНБ были люди, решительно настроенные вообще против начала переговоров с Советским Союзом, и при этом многие считали, что Рейган не готов к встрече лицом к лицу

с Горбачевым и даже не в состоянии разговаривать с некоторыми членами собственного кабинета. Шульц пишет: «Разведывательное сообщество и другие специалисты по Советам считали, что Советский Союз не будет, а на самом деле не может меняться, независимо от того, насколько велики проблемы в собственной стране»¹. Президент направлял деятельность правых и левых групп своих советников таким образом, чтобы наиболее откровенные «ястребы», в числе которых были Уильям Кейси, глава ЦРУ, и министр обороны Каспар Уайнбергер, держались на расстоянии, при этом президент проводил свои собственные идеи с завидной настойчивостью.

На предварительной встрече государственный секретарь Шульц и советский министр иностранных дел Шеварднадзе договорились о том, что их сотрудники выработают проект коммюнике, предваряющего встречу, где говорилось бы о целях встречи, что было обычной процедурой перед прежними саммитами с участием США. Когда Рейган увидел доклад об этой встрече, его привела в раздражение сама идея предварительной работы над совместным коммюнике. Он отказывался от проведения саммита с predetermined результатами, называя его «заранее состряпанным»². Президент хотел, чтобы встреча в Женеве была *его собственной*, и настаивал, чтобы все заявления составлялись и обретали форму текста только после встречи с Горбачевым, а не до нее. Он потребовал, чтобы все официальное обсуждение совместного заявления было немедленно прекращено. Это смутило и американских, и советских дипломатов, убеждавших, что практика предварительной подготовки коммюнике давно устоялась и что обе стороны имели твердые инструкции по подготовке такого документа. Но, несмотря на все обращения к нему по этому поводу, Рейган остался при своей точке зрения и в противоречии со всей предшествующей практикой требовал, чтобы не было никакого обсуждения «заключительных документов», пока он и Горбачев лично не решат, что в этих документах должно быть. (Представьте, Рейган настаивал на том, чтобы они выполнили то, что решат он и Горбачев!) Чиновники с обеих сторон полагали, что знаниям и опыту принятия решений обоим нельзя доверять³.

В Москве и Соединенных Штатах предварительная работа по вопросам повестки встречи почти полностью сосредоточилась на

вопросах контроля над вооружениями. Но у Рейгана имелись и другие идеи. Шульц пишет: «Он настаивал, чтобы права человека были главными вопросами повестки дня с Советами — только тогда, когда они изменят свою практику в отношении прав человека и признают значение этих прав в собственном обществе, советско-американские отношения изменятся на самом глубинном уровне»⁴. В надиктованном президентскому секретарю документе на четырех с половиной страницах, где излагались эти мысли, Рейган целую страницу посвятил правам человека⁵. Имея в виду долгосрочную перспективу, он полагал, что улучшения у русских, включая права человека и свободу в вопросах веры, в наибольшей мере отвечают интересам Соединенных Штатов. Президент делал новый акцент на значении Соглашения в сфере культуры и на расширении контактов между американскими и советскими гражданами — в том духе, в котором мы с ним об этом говорили, и в пользу чего я так уверенно выступала и во время нашей первой встречи, и во время ланча в марте, последовавшего за моей поездкой в Москву. Со времени моих дискуссий в Москве, когда я сказала Богданову, что из-за поведения Советов «ракеты “Першинг” будут установлены» и «похоже, что единственные темы, по поводу которых мы в состоянии прийти к согласию, — это наши матери и культура», я предполагала, что Советы согласятся на переговоры, и к счастью, они согласились.

После моей первой миссии в Москву в январе 1984 года обе стороны вновь сняли трубки своих телефонов. Официальные дискуссии о возобновлении культурного обмена и по другим вопросам начались в августе 1984 года. Завершение полугодовых переговоров привело к первой встрече Рейган — Горбачев⁶. В начале ноября 1985 года взаимно согласованные предложения по проектам сотрудничества и культурным образовательным обменам были готовы. Предложенное соглашение охватывало не только традиционные программы обмена выставками, выступлениями артистов и студентами, но и содержало новые детали, предложенные Соединенными Штатами, — чтобы множество (тысячи и десятки тысяч) студентов высших учебных заведений и учащихся колледжей могли проводить время и даже ходить на занятия в другой стране. Прежде советское правительство не разрешало студентам вузов и техникумов участвовать в обменах,

посылая к нам немногие десятки «студентов-выпускников» (в основном это были ученые среднего возраста, имевшие оборонную специализацию). Советское правительство очень редко разрешало молодым людям учиться или бывать в семьях в странах за пределами коммунистического блока. Рейган готовился к встрече, полностью сконцентрировавшись и сосредоточив все свое внимание на этих новых и трудных текстах.

Макфарлейн признавал, что Рейган никогда не претендовал на то, что он обладает глубокими знаниями о Советском Союзе. В том, что касалось коммунизма, Рейган знал только, что коммунизм — это плохо и что он дает неверные представления о фундаментальных основах человеческой природы, но он мало что знал о Коммунистической партии или о том, как она связана с ролью военных в принятии решений и формировании политики Кремля. «Поэтому, — говорил Макфарлейн, — я решил, что президенту нужно более основательное понимание и большие знания о нескольких факторах, влияющих на поведение советских лидеров. Я попросил своего заместителя Дона Форье дать задание подготовить короткие (до двадцати страниц) доклады. Каждый из них должен быть посвящен какой-то одной стороне советской системы управления или русской истории. По моей просьбе он должен был проследить, чтобы в числе докладов были темы о роли партии, об ее истории и о роли военных, об отношениях КГБ и правительства, описание советской переговорной практики, личные сведения о Горбачеве, о русской истории, культуре и искусстве. Я предложил, чтобы эти доклады были подготовлены не в аппарате правительства, а сторонними авторами. Дон координировал свои усилия с Джеком Мэтлоком, которого попросили написать введение к каждому двадцатистраничному докладу, в конечном счете попадавшему на стол президенту по одному, каждую пятницу, чтобы его можно было прочитать за выходные, и президент мог читать их все лето и осень, и даже в тот день в ноябре, когда он поднимется на борт президентского самолета, чтобы лететь в Женеву. Рейган любил эти доклады, писал на них свои заметки, и когда в понедельник появлялся, прочитав за уик-энд очередной доклад, то рассказывал об интересных фактах, которые в нем почерпнул. Он тщательно поработал над дайджестом этих двух или трех сотен плотно напечатанных страниц»⁷.

В своей книге «Рейган и Горбачев» Мэтлок пишет: «Когда заходила речь о конкретных моментах обсуждения, к тому времени, когда пришло отправляться в Женеву, Рейган почти не нуждался в подсказках, поскольку в уме он уже твердо решил, что и как он будет говорить»⁸.

После нашей встречи 5 сентября я напрямую послала президенту свою записку на одиннадцать страниц с целым рядом деталей и историй из моего недавнего опыта пребывания в Советском Союзе. Он также прочитал несколько книг, и среди них была «Земля Жар-птицы», которую он продолжал читать уже во время полета в Женеву. Мне говорили, что в Женеве на трех подготовительных встречах с сотрудниками своего аппарата перед встречами с Горбачевым он всегда появлялся с чем-то прочитанным из «Жар-птицы». Рейган так внимательно прочитал книгу, что на одной из встреч прервал своего главного переговорщика по вопросам контроля над вооружениями Пола Нитце вопросом: «Я сейчас читают про 1830 год. Куда подевались все эти мелкие лавочники 1830 года и где теперь в России предпринимательские таланты? Как могли они исчезнуть?»⁹ »

Президент и госпожа Рейган приехали в зимнюю Женеву 16 ноября и сразу отправились в свою резиденцию *La Maison de Saussure*, сданную в аренду принцем Каримом Ага-Ханом. Младший сын принца Карима оставил президенту просьбу кормить его золотых рыбок и точную инструкцию, как это делать, пока он будет жить в их доме. Президент немедленно приступил к выполнению указаний. Однажды вечером, вернувшись после ужина, Рейган увидел, что одна из рыбок мертва, и написал: «Быть может, я недостаточно кормил рыбку, а может, перекормил. Какова бы ни была причина, она погибла, находясь под моим присмотром, и я чувствую себя за это в ответе». Рейган попросил своих сотрудников положить мертвую рыбку в коробку и съездить в зоомагазин в Женеве, чтобы попытаться найти там точно такую же. «Им повезло найти две точно таких, как нужно, и я выпустил их в аквариум и написал письмо детям, чтобы они знали, что произошло»¹⁰.

* * *

Перед тем как отправиться в первую поездку в Москву, я попросила Совет национальной безопасности об одном: если мне будет сопутствовать успех, то я бы хотела присутствовать при том, как они пожмут

друг другу руки. Они согласились. Но когда дошло до дела, они, как обычно, обо всем забыли, и, несмотря на то что в Женеву понаехали сотни людей, чтобы принять участие в событии, сообщать о нем и просто поглазеть, меня среди них не оказалось. Вместо этого я оказалась далеко от места действия в Швейцарии, во многих милях от нее, в холодном зимнем Ленинграде. Каждое утро я брела по Невскому проспекту, направляясь в гигантскую (в несколько миллионов томов) главную публичную библиотеку города*, либо в другие дни пускалась в полуторачасовую поездку в Павловск, находящийся в 16 милях от города, куда надо было добираться сначала на метро, потом на электричке и, наконец, на автобусе. Я сказала «в другие дни», потому что в соответствии с правилами громоздкой советской библиотечной системы вначале нужно было в поисках необходимой книги изучить огромные каталоги (при том что многие карточки были рукописными и прочитать их было иногда почти невозможно), затем заказать книги из хранилища (не более трех) и потом целый день ждать, пока их принесут. Если они оказывались для меня бесполезными или просто не теми, что были необходимы, весь мучительный процесс и томительное ожидание повторялись снова. Никаких ксероксов не предоставлялось. Их держали под замком. Запрос на копирование следовало подавать лично и в письменной форме в специальном кабинете, а число таких запросов от иностранных исследователей было очень ограниченным. Ожидание дня, когда я получала копии, которые заказала за несколько недель до этого, длилось долго. Более того, мне пришлось бороться, чтобы получить новые ксерокопии. Люди из кабинета с ксероксом попытались говорить мне, что они «так заняты», что у них не было никакой возможности сделать копии вовремя, а потом — что они не знали, где эти копии оказались. Я упрямо настаивала на своем, пока наконец копии чудесным образом не были «найжены» и вручены мне в хлипкой коробке, перетянутой какой-то старой резинкой.

Самым лучшим местом в библиотеке был гардероб. Еще со времен старой России в Советском Союзе работало железное правило,

* Имеется в виду Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека, РНБ), которая находится на углу Садовой улицы и Невского проспекта.

что прежде чем войти в общественное здание, нужно сдать в гардероб верхнюю одежду: пальто, шляпы и перчатки. В дореволюционной России работу в гардеробе сохраняли для отставных солдат. В библиотеке гардеробщиком служил воспитанный пожилой человек в темном берете. В конце длинного дня, когда уже смеркалось, я отправлялась за своим пальто. Он галантно помогал мне его надеть, как он это делал и со всеми другими посетителями, затем приветливо говорил: «Мои поздравления, вы славно поработали!» — и протягивал мне леденец. И этот леденец я сосала всю дорогу, пока шла в свою старую гостиницу «Европейскую», которая в то время была запущенным и неухоженным местом, совсем непохожим на нынешний роскошный отель.

Из-за долгой обратной дороги из Павловска я обычно возвращалась поздно, около девяти часов вечера, уставшей топтать по снежной слякоти, замерзшей и голодной. К тому времени обеденный зал отеля был уже закрыт. Я знала, что мои друзья, невзирая на поздний час, всегда готовы разделить со мной свой ужин, но, как правило, я чувствовала себя слишком измотанной и не способной совершить еще одну длинную поездку в холодном метро, чтобы добраться до коммунальной квартиры, где они жили. Те немногие рестораны, что существовали в городе, были ужасными и к тому же закрывались рано. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как греть купленные пирожки на батарее отопления своего номера и питаться супом из пакетиков, привезенных с собой из США. Суп я заваривала при помощи купленного в Советском Союзе электрического кипятильника, при этом вермишель все время норовила собраться в комок вокруг спирали.

В первые дни ноября среди русских, которых я знала, царили потрясающие настроения и надежды в связи со встречами двух лидеров. Многие из них выражали свои чувства мне — да и свои молитвы тоже, возлагая надежды на успех и молясь за нашего президента. Дата встречи приближалась, а я все еще испытывала разочарование оттого, что осталась в стороне от событий. Конечно, я понимала, насколько важной будет эта историческая встреча. Устыдившись своих недостойных и мелких мыслей, я решила пойти в церковь на вечерню и направилась в Троицкий собор Александро-Невской лавры в конце Невского проспекта.

Россия действительно мистическое место, там происходят неожиданные и волшебные вещи. Когда я вошла в полутемный собор, где перед иконами стояло множество зажженных свечей, я вдруг увидела человека лет тридцати в старом инвалидном кресле на колесах, возле которого собралась толпа удивленных зевак. Улицы этого города не были приспособлены к нуждам инвалидов, здесь вообще никогда не видели инвалидных кресел на улицах, где у тротуаров отсутствовали пандусы, а чтобы попасть в метро, надо было преодолеть множество ступенек. По этим причинам человек в инвалидной коляске привлекал всеобщее внимание и мое в том числе, тем более что мой сын в США тоже передвигался в таком кресле. Я почувствовала, что должна проложить себе путь к нему сквозь толпу зевак. Приблизившись и лишь начав что-то говорить ему, я была остановлена им. Он взял мои руки в свои. Его руки были очень теплыми, почти горячими. Словно зная мои мысли, он посмотрел на меня сочувствующим взглядом темных глаз, и мне показалось, что они заглянули прямо в душу. Он сказал лишь: «Будьте здоровы».

Взволнованная и потрясенная этими странными словами, я отступила назад в толпу. Люди вокруг продолжали благоговейно молчать. Какая-то женщина подтолкнула к нему свою маленькую дочку, чтобы передать ему несколько монет. Но было ясно, что он не попрошайка. Пожилая женщина шепотом спросила меня: «Кто это?» — и я ответила: «Вы сами знаете. Он святой человек». Я начала говорить этому незнакомцу, что часто бываю в этой церкви и что приду увидеть его снова, но каким-то образом я уже знала, что этого никогда больше не произойдет, сколько бы раз я ни возвращалась и сколько бы ни искала его. Но после этой необъяснимой встречи ко мне пришло странное ощущение покоя, и все мои недостойные мысли улетучились.

Услышав столько добрых пожеланий успеха саммиту, переданных мне русскими, я подумала, что, возможно, президенту захочется узнать о них. Я решила написать ему письмо. Помытая о том, что он, кроме всего прочего, актер, я вложила в письмо открытку с видом прекрасной Театральной улицы*, одного из архитектурных чудес города.

* С 1923 г. улица Зодчего Росси.

Созданная Карло Росси, любимым архитектором Александра I, она завершается зданием Александринского театра, где впервые поставили «Ревизора» Гоголя. В одном из зданий по правой стороне улицы располагалось Императорское театральное училище*, знавшее Джорджа Баланчина и где позднее учились Рудольф Нуреев и Михаил Барышников.

Президент Рейган говорил мне о том, что надо делать, чтобы связаться с ним напрямую, минуя иерархию персонала Белого дома. И я послала ему письмо с ощущением, словно бросаю в океан бутылку с запиской. Пятнадцатого ноября, за три дня до саммита, мне позвонили из нашего консульства.

— Для вас послание, — прерывисто сообщил мне голос секретаря.

— Спасибо, — ответила я, — перешлите мне его.

— Нет, — продолжил тот же голос, заикаясь от волнения. — Вы должны прийти за ним сами, оно из Вашингтона!

Спасибо, удружили, подумала я. Как это воспримут те слушающие уши, что всегда висят на телефонной линии? Вряд ли мне здесь будет лучше оттого, что обо мне станут говорить, будто я получаю депеши из Вашингтона.

Итак, я отправилась в консульство, где меня стоя принял сам американский консул, держа в руках бумагу с прикрепленной к ней своей визиткой. Это был сюрприз. До сих пор никто из официальных лиц консульства не считал своим долгом приветствовать кого-либо из тех немногих американских ученых, приезжавших сюда по обмену, и я могу понять почему. С вымученной улыбкой он протянул мне листок бумаги. Пораженная, как ударом молнии, простотой адреса: «Сюзанне Масси, Ленинград», я стала читать:

Дорогая Сюзанна,

Большое спасибо за Ваше письмо и карточку с видом Театральной улицы. Верите или нет, но я только что прочитал об архитекторе Росси, спроектировавшем театр и другие здания. Конечно, я прочитал это в Вашей великолепной книге, которая будет со мной в Женеве,

* В 1937–1991 гг. — Ленинградское хореографическое училище (с 1957 г. — им. А.Я. Вагановой), с 1991 г. — Академия русского балета им. А.Я. Вагановой.

потому что я успел прочесть только половину. Спасибо большое за то, что послали ее мне. Я получаю настоящее удовольствие от нее, и она уже помогла мне перед предстоящей встречей. Я надеюсь, что мы сможем открыть какие-то двери и на самом деле продвинуться в деле мира. Я благодарен Вам за Ваши добрые пожелания и Ваши молитвы. Еще раз мое сердечное спасибо.

*Искренне,
Рональд Рейган*

Можно представить, насколько я была изумлена. Это бюрократы задвинули меня под ковер, но не президент.

Взяв паузу, чтобы собраться с мыслями, я спросила у ставшего угодливым консула:

— Могу я ответить?

— О да, — поспешно согласился он.

Наверное, из-за того, что я все еще пребывала в замешательстве, я не смогла отказать себе в желании пошутить и послала ответное письмо, начинавшееся так: *«Господин президент, спасибо большое за Ваше доброе письмо и теплые слова о моей книге»*, — и тут я лукаво добавила: — *Многие полагают, что вторая ее половина лучше, чем первая!»* И затем я, вернувшись к более выдержанному тону, написала, что немало людей в Ленинграде выражают ему свои самые теплые пожелания и надеются на успех встречи. Уже потом я ужаснулась своей бестактности, позволив себе шутить с президентом через океан. Но все-таки Рональд Рейган был доступным и очень человечным, поэтому я подумала, что письмо его не заденет и, быть может, даже даст повод улыбнуться.

Девятнадцатое ноября был большой день. Вместе с несколькими русскими друзьями, собравшимися вокруг телевизора, я собиралась смотреть на приезд Горбачева в женеvский особняк, где проходил саммит. Впервые обычные русские люди могли увидеть Рейгана по телевидению. Раньше он был им знаком лишь по карикатурам в советских газетах, где предстал в образе вооруженного пистолетами ковбоя в широкополой стетсоновской шляпе со свастикой. Ожидания в тот вечер были огромными. Все взгляды были прикованы к мерцающему экрану.

Начало встречи было полно сюрпризов. В 10 часов утра в Женеве было очень холодно. Горбачев приехал, укутанный в пальто и теплый шарф, в коричневой фетровой шляпе. Стоя у подножия каменной лестницы, ведущей ко входу в особняк, где должна была проходить встреча, он слегка смутился и нервно посмотрел наверх. Вдруг неожиданно, без шляпы и без пальто, в одном костюме на этот холод вышел Рейган и стал спускаться по ступенькам ему навстречу. Горбачев, который был почти на двадцать лет моложе, выглядел старше президента. На русских в комнате вид Рейгана произвел впечатление электрического разряда. «Посмотрите на него! — недоверчиво воскликнул кто-то. — В такой холод! Семидесятичетырехлетний человек даже шляпу и пальто не надел! А наш укутался, как медведь! Что за человек Рейган! Что за страна Америка!»

Рейган радушно приветствовал Горбачева, обнял его за плечи и с широкой улыбкой ввел в дом. Это было блистательное приветствие, абсолютно верное. Помня наши догорбачевские разговоры, я так гордилась президентом и стала гордиться еще больше, когда мне потом рассказали присутствовавшие в Женеве, что на Рейгане *было* пальто, но, подчинившись своему актерскому инстинкту, который напомнил ему о том, какое важное значение имеет первое появление на сцене, он в последнюю минуту сбросил его и оставил в доме. Энергетика и неформальность этого момента произвели неизгладимый эффект, и это никогда уже не забывалось не только русскими, с которыми я была в тот вечер, но и многими другими людьми, тоже все это видевшими и потом выражавшими при мне свое восхищение и изумление.

После теплого приветствия президент провел своего гостя в боковую комнату, выбранную для того, чтобы там они могли на протяжении двадцати минут общаться друг с другом в присутствии одних только переводчиков. Ожидавшие их чиновники стали нервно поглядывать на часы, потому что первая встреча шла уже тридцать, потом сорок минут. Наконец по истечении часа с четвертью два улыбающихся лидера появились перед ними. Президент сообщил, что он поднял вопрос о правах человека. Позднее он скажет: «Как только мы впервые пожали друг другу руки, должен признать... в Горбачеве было что-то очень привлекательное. В его лице и манере общения была какая-то теплота, а не та холодность, граничащая с ненавистью,

наблюдаемая мной у большинства высших должностных лиц, с которыми я прежде встречался».

Что же до Горбачева, то позднее он мне говорил во время длинного интервью в Москве: «Я думал, что мне предстоит встретиться с динозавром, но вместо этого я встретил *человека*».

На углу возле моего отеля располагался небольшой киоск, где пожилая женщина с фигурой матрешки чистила людям обувь. Вскоре после того как Рейган появился на экране, я подошла к ней почистить свои запачканные сапоги. Я застала тетю Тамару, как ее все по-доброму называли, слушающей речь Горбачева по своему старенькому радиоприемнику. «Хороший парень, — объявила она, сопровождая свою речь ритмичными движениями рук со щетками по моим сапогам. — Да и Рейган! Такой высокий!» (движения стали энергичнее). «С такой улыбкой!» — и закончила свою работу решительным взмахом: «И жена у него тоже симпатичная!» Таков был *глас народа*.

* * *

В беседе со мной Макфарлейн сказал, что тщательная подготовка Рейгана дала ощутимый эффект. «Я никогда раньше не видел, чтобы он был так уверен в себе при встрече с иностранным руководителем. Это видно по языку его тела. Он наклонялся вперед, готовый ответить на любое возражение Горбачева, он был воодушевлен, энергичен и абсолютно сосредоточен». По его словам, Рейган «вел игру», действовал «мастерски». Он добавил: «Впервые встретились лидеры Советского Союза и Соединенных Штатов, которые были свободны от своего прошлого, способные общаться, не ощущая на себе груза прошлого. Горбачева от Революции отделяло три поколения. Не он ее делал. Не он ответствен за нее, и он был способен думать, что благосостояние советских и русских людей станет выше, если они будут взаимодействовать с Соединенными Штатами. Причина, по которой я назвал поведение Рейгана “мастерским”, кроется в том, что по его настоянию они начали с фундаментальных вопросов: почему американцы боятся Советского Союза? Почему они не должны бояться нас, и что я и ты можем сделать, чтобы преодолеть эти подозрения? Это самый настоящий базовый уровень разговора. Никсон, наверное, говорил бы о ядерных зарядах, разделяющихся боеголовках и загад-

ках ядерного сдерживания. Но Рейган не таков. Он сказал, что нам надо говорить о фундаментальных вопросах»¹¹. Кроме всего прочего, Рейган хотел уверить Горбачева, как он это твердо сказал мне в заключение нашей первой встречи в январе 1984 года: «Если они хотят мира, они могут его иметь!»

Рейган и Горбачев встречались во время рабочих заседаний на протяжении почти восьми часов в течение двух дней — половину этого времени они провели наедине в присутствии одних только переводчиков. Они ужинали вместе с женами и старшими членами обеих делегаций. Рейган тщательно продумал, как будет вести переговоры, принимая во внимание личность и политические потребности своего собеседника. Он говорил: «Мы должны всегда помнить о наших главных целях и о том, что Горбачеву необходимо показать свою силу всей советской банде, оставшейся в Кремле. Давайте не будем ограничивать область, где он может это сделать, одними только вещами, связанными с советской агрессией. Пусть это не будет разговор победителей и проигравших. Даже если мы думаем, что победили, мы не можем говорить об этом, иначе мы вернемся назад, к их врожденному комплексу собственной неполноценности»¹². Во время встреч со своими спичрайтерами (Патриком Бьюкененом в том числе), пытавшимися использовать любую возможность для вербальных нападок на советскую агрессию, Рейган собственноручно вычеркивал такие пассажи и говорил им: «Наша главная цель в данном случае — это помочь людям, а не зарабатывать пропагандистские очки. Это была хорошая встреча — я не могу тыкать ему в глаза»¹³.

В эти два дня, как это он и прежде делал при встречах с каждым советским официальным лицом, Рейган поднял вопрос о правах человека. У него был список имен, который он зачитывал вслух, имя за именем. В Женеве он обращался к предмету прав человека на каждом заседании, общем или частном. Иногда Горбачева это раздражало, и он хотел сменить тему, но Рейган не позволял это сделать.

Рейган верил, что гонка вооружений может быть закончена, а запасы оружия уничтожены. Его постоянной и первостепенной мечтой было уничтожение ядерного оружия (того, что Уинстон Черчилль однажды назвал «балансом террора»). Этот идефикс восходит к июлю 1979 года, когда в качестве кандидата в президенты Рейгана

пригласили посетить штат Колорадо и штаб-квартиру НОРАД (Командование воздушно-космической обороны Северной Америки) под горой Шайенн. Именно эта поездка определенно поменяла его взгляды. Командование НОРАД располагалось в огромном комплексе, построенном внутри горы в шестидесятые годы, и оно являлось центром спутниковой и радиолокационной системы предупреждения о ядерном нападении. После подробной экскурсии по этому центру, которую провел генерал ВВС Джеймс Хилл, Рейгану сказали, что если советские ракеты СС-18 упадут в нескольких сотнях ярдов от центра, то «это уничтожит нас». А после того как он спросил, а что произойдет, если Советы выпустят хотя бы одну ядерную ракету по какому-нибудь американскому городу, генерал Хилл ответил: «Мы засечем ее сразу после запуска, но после того как власти города узнают, что ракета поразит их, у них останется только десять или пятнадцать минут. Это все, что мы можем сделать. Мы не можем остановить их». Рейган был глубоко обеспокоен этим и выразил свое разочарование такими словами: «Мы тратим все эти деньги и создаем все это оборудование, и при этом не существует ничего, что может предотвратить удар по нам ядерной ракеты... Единственная возможность, которая у нас останется, так это нажать кнопку или ничего не делать. И то и другое плохо»¹⁴.

Когда во время президентской кампании 1980 года Рейган впервые заговорил со своим аппаратом, что мечтает о жизни в мире без ядерного оружия, один из его сотрудников вспомнил: «Ну мы просто смеялись». Но как только он был избран, он дал ясно понять, что с его точки зрения MAD* — это опасная политика, и дал указание, чтобы эта аббревиатура была вычеркнута из всех описаний нашей оборонной политики. На протяжении всех лет своего президентства Рейган никогда не забывал ни свой визит в НОРАД, ни свою мечту — «лучше защищать людей, чем мстить за них», и эта мечта привела его к политике СОИ. Шульц пишет: «С самого начала своего президентства и позднее Рейган говорил об этом снова и снова, но большинство его советников считали эту идею результатом “наивного” и благостного мышления, оставаясь приверженными нашей

* MAD (дословно на англ. яз. означает «сумасшедший»), аббревиатура от *Mutually Assured Destruction* — взаимное гарантированное уничтожение.

долговременной стратегии ядерного сдерживания и отказываясь принимать его всерьез»¹⁵. В декабре 1983 года Шульц пишет: «Я опять застал президента Рейгана размышляющим о своем желании уничтожить ядерное оружие. Эту идею не разделяет никто в нашем сообществе вооружений». Шульц специально подчеркнул для них: «Это говорят его инстинкт и его вера. Президент отметил, что никто не уделяет ему внимания, несмотря на то что он говорит об идее и публично, и частным образом»¹⁶.

Шульц продолжает: «В своей речи 16 января 1984 года президент опять хочет говорить о своей надежде на безъядерный мир; бюрократия не желает слышать об этом. На каждой встрече, куда я направляюсь, я повторяю Рiku Барту и Джонатану Хоуву, что президент говорит об уничтожении ядерного оружия. Я никак не могу вложить им в голову, что человек говорит серьезно. Мы должны или убедить его, что он идет по ложному пути, или ответить на его заинтересованность какими-то конкретными предложениями». Шульц сказал, что он передал президенту доклад, «очерчивающий мою линию аргументации», и что это не возымело «реального влияния... Он захвачен своей собственной глубоко укоренившейся точкой зрения, которой мы должны руководствоваться»¹⁷.

СОИ сразу же на первой встрече оказалась на столе переговоров. Рейган и Горбачев выдвигали аргументы за и против. Защита Рейганом СОИ зашла намного дальше того, о чем думали в Министерстве обороны и в аппарате СНБ. Он не только предлагал поделиться обороной от ракет, но и выразил желание формализовать приверженность этому, заключив договор о предупреждении и обеспечении гарантий, говорил, что ни одна страна не будет иметь на него монополии. Президент обещал открыть американские лаборатории для инспекции советских ученых и предложил проводить инспекции на месте, чтобы подтвердить, что исследования в области СОИ не предусматривают разработки оружия для нападения. Он не требовал права размещать системы обороны от ракет, но лишь права на проведение исследований и испытаний, чтобы подтвердить их осуществимость. Хотя он настаивал на необходимости проведения некоторых испытаний, ничего не говорил об испытаниях компонентов или о разработке оружия, основанного на «иных физических принципах», упоминаемых в договоре по ПРО. То что Советы тогда не сочли нужным принять его предложение, очень печально и представляет собой упущенную возможность.

Макфарлейн описывал обмен мнениями следующим образом: «Рейган и Горбачев немного поспорили: “Нам не нужно строить ее, вы можете сократить в одностороннем порядке”, — сказал Рейган. Горбачев откровенно признался: “Я не могу сделать этого прямо сейчас, мои военные не дадут мне этого сделать. Нам надо найти выход и спустить этот конфликт с небес”. На второй встрече Рейган вернулся к теме и вновь выдвинул почти все те аргументы, которые он уже приводил во время встречи один на один, говоря, что советские действия не оставляют нам никакого другого выхода, кроме СОИ. Горбачев в ответ назвал четыре причины, почему СОИ — это неверное решение. Рейган снова повторил почти все то, что уже говорил прежде: “Мы поделимся им с вами, вы будете защищать себя сами, мы будем защищать себя сами, и мы вместе проведем сокращение”. Горбачев нашел это невозможным. Но затем наступил момент в конце первого часа, когда Рейган уже не только оперировал фактами, но наклонился вперед и они смотрели в глаза другу другу. Он был физически наполнен энергией, хорошо организовал свои мысли, был красноречив. Это было совсем не то, что ожидал встретить Горбачев. Не знаю, было ли так на самом деле, но задним числом мне, самому сидевшему там, кажется, что за время полуторачасовых переговоров можно было понять: он приехал нацеленным на получение результата. И я точно знаю, что Рейган приехал на переговоры, на 70 процентов уже заручившись поддержкой тому, что он предлагал, поскольку Конгресс уже принял резолюцию, поддерживающую его политику, а Маргарет Тэтчер и наши союзники в ООН ее тоже поддержали и заявили об этом на пресс-конференции. Тот человек, о котором прежде слышал Горбачев и кого он ожидал увидеть, представлялся ему 75-летним стариком, придерживавшимся ошибочных взглядов и не очень хорошо соображавшим, но при этом располагавшим такой политической мощью, которую не мог оспорить ни один мировой лидер: его поддерживали общественность, Конгресс и союзники. И эти три силы делали его способным воплощать свои идеи в политике и получать на ее осуществление средства. Затем последовал драматический момент. Горбачев сидел в своем кресле и молча пристально смотрел на Рейгана. После долгой паузы он сказал: “Я не согласен со всем, что вы здесь говорили. Но я подумаю над этим”. Эта фраза была произнесена настолько весомо, что я называю это концом холодной войны. Впервые советский

руководитель сказал или признал, что они должны уважать американского политического лидера»¹⁸.

Официальные отчеты о встречах двух руководителей и о деталях всего, что они обсуждали в ходе подготовки к встрече и на самом саммите, можно прочитать в опубликованных документах Архива по национальной безопасности и, кроме того, в пространной книге Джорджа Шульца «Триумф и смятение» (*Triumph and Turmoil*) объемом 1138 страниц и в книге Джека Мэтлока «Рейган и Горбачев» (311 страниц). Если говорить о себе, то, прочитав эти записи, в которых по минутам воспроизведены все эти бюрократические несогласия друг с другом и технические детали дискуссий о вооружениях, боеголовках и ракетах, я вспомнила о средневековых спорах о том, сколько ангелов может поместиться на кончике иглы. В итоге никакого определенного соглашения об ограничении вооружений так и не заключили. Но я лично была удовлетворена тем, о чем писал и Мэтлок: «Очевидный успех был достигнут в области культурных и других обменов и в сфере сотрудничества в рамках совместных проектов. Все полезные проекты, выброшенные администрацией Картера, были восстановлены. Будет возобновлено воздушное сообщение между двумя странами и начнется работа по предотвращению случаев, подобных катастрофе с авиалайнером KAL. Культурные, образовательные и спортивные обмены по сравнению с тем, что было прежде, будут расширены и станут распространяться и на молодежь»¹⁹.

Однако самым важным результатом этих двух дней было то, что происходило между ними лично в их частных беседах, на которых присутствовали только переводчики. В 1983 году Рейган писал: «Я чувствую, что если мне доведется оказаться наедине с кем-то из высших советских руководителей, то у нас будет шанс достичь прогресса в снижении напряженности в отношениях между нашими странами. Я всегда верил в самую простую силу человеческих контактов при решении проблем. У нас есть шанс»²⁰. Президент знал, что он делал, и аккуратно готовил для этого почву.

Вилла «Флёр д'О» — место, которое было выбрано для этих встреч*, была величавым зданием, расположенным на территории в несколько акров. Рейган и Нэнси вместе изучили все, что находилось на участке.

* Встречи проходили по очереди в американской и советской резиденциях.

Гравийная дорожка вела из основного здания к уютному домику с бассейном. И оба они подумали, что это великолепное место, для того чтобы два руководителя могли встретиться наедине. Нэнси поддерживала идею личных встреч. Макфарлейн говорил: «Она знала, что ее муж проявляет свои лучшие качества при личных беседах. Он умел устанавливать дружеские отношения, обладал ощущением теплоты человеческого взаимодействия и интимности и в ходе такого общения мог правильно оценить своего партнера». Наша команда получила приказ разжечь огонь в камине. (Потом Рейган сказал мне с озорной усмешкой: «Там в бассейном домике оказался камин, и я подумал, что было бы здорово, если бы мы просто сели и поговорили у камина».) Расслабившись и расположившись в удобных креслах у потрескивающего огня в камине, они достигли взаимопонимания и могли прямо и по-доброму разговаривать друг с другом, без сдерживавших их советников. Они поладили и договорились встретиться снова, чтобы продолжить дискуссии в ходе обмена визитами в обе страны, что было важной целью для Рейгана. В своем письме ко мне 10 февраля 1986 года президент писал:

Я не позволяю себе впадать в излишнюю эйфорию, но я все еще чувствую, что, быть может, мы находимся в пункте начала движения. Кажется, между мной и генеральным секретарем произошло что-то вроде химии. Определенно это совсем не то, что говорить с Громыко. Непроизвольно во время наших частных бесед он дважды упомянул Бога и однажды процитировал Библию. Это засело в моем сознании и до сих пор остается назойливым вопросом, который так никуда и не уходит. Надеюсь, ничто не помешает провести нашу следующую встречу, которая может состояться в июне.

Рейган позднее рассказывал мне, что во время одного из обедов Горбачев, говоря о своей жене, заметил: «Она атеистка».

Макфарлейн рассказывал, как, возвращаясь из Женевы на борту президентского самолета, Рейган признавался, что в одной из личных бесед с Горбачевым по пути в домик с бассейном он «высказал свои давно вырабатанные взгляды на предназначение Господа и на то, что вызовом для всей человеческой расы является то, сможет ли она устремиться к тому, чтобы любить друг друга; церкви этому способствуют, а значит, надо строить церкви и заново учиться соблюдению этих фундаментальных

принципов». Рейган вспоминал, что Горбачев согласился с его словами и в завершение разговора произнес: «Мы должны учить наших детей любить друг друга».

На Рейгана произвел впечатление такой ответ, и он сказал Макфарлейну: «Это на самом деле вдохновляет. Парень понимает, что говорит. Он собирается делом отвечать за свои слова».

Вскоре после этого, в декабре, посол Артур Хартман с некоторым удивлением докладывал из Москвы, что в недавней речи Горбачев говорил, «как баптистский проповедник», рассуждал о «духовности» и о создании «нового советского человека».

Опора президента на собственные побуждения и личную дипломатию оказалась успешной. Этим было отмечено начало отношений, когда было достигнуто не соглашение, но доверие между американским президентом и советским лидером. Впервые в истории.

Что касается меня, то в начале декабря я уехала из Ленинграда домой и продолжила работу в своем крохотном кабинете под лестницей Русского исследовательского центра Гарварда. В первый же день по возвращении мне позвонил президент. «Добро пожаловать домой!» — сказал он. Я была глубоко тронута. Никто больше не позвонил мне. Откуда он узнал? При всем том, что происходило с ним, как он мог помнить?

ГЛАВА 11

ЛАНЧ В ПАТИО 6 ИЮНЯ 1986 ГОДА

Она самый большой знаток русского народа, которого я знаю.

Рональд Рейган, запись в дневнике
20 мая 1986 года

После саммита в Женеве я не виделась с президентом до самой встречи в Овальном кабинете 20 мая 1986 года. Эта встреча продолжалась 30—40 минут. В тот раз он в основном слушал, думаю, потому что я вела себя как балаболка. Я сама была смущена своей назойливостью, и поэтому, когда мы прощались, сказала: «Господин президент, это был ненормальный разговор! Я хочу знать, что вы сами думаете!»

Он засмеялся и ответил: «Приходите еще раз и поскорее».

Через две недели меня пригласили прийти 6 июня, и это стало моим вторым ланчем с президентом в приватной обстановке. Учитывая роль и значение Белого дома в деятельности нашего правительства и в жизни такой могущественной страны, как Соединенные Штаты, я всегда поражалась его простотой. Он больше всего напоминал просто огромный дом и совсем не был похож на иные дворцы, на золоченые залы Елисейского дворца или на помпезный и величественный Букингемский дворец, не говоря уже о превосходящих воображение масштабах Кремля. Поразительно, как быстро чрезвычайное становится общим местом, как легко можно привыкнуть к коридорам власти. В те суетные дни я уже не задумывалась о том, как мне пройти в Белый дом, воспринимая как должное, что мне лихо отдает честь стоящий на карауле у входа в Западное крыло морской пехотинец, и сама привычно здоровалась с Дотти, являвшей собой воплощение элегантности блондинкой в приемной, на столе которой всегда стоит прекрасная цветочная композиция. В отличие от безумных сцен в популярном сериале «Западное крыло»* здесь постоянно царит

* «Западное крыло» (*West Wing*), популярный в США телевизионный сериал (1999–2006) о буднях сотрудников Белого дома.

приглушенная и спокойная атмосфера. Я всегда могла взять любимые Рейганом мармеладки из вазочек, стратегически расставленных по всем углам приемной, поболтать с секретарями и охранниками и все больше привыкала называть важнейших персон правительства лишь по именам. Я вступила в совершенно нереальный мир, который очень скоро стала воспринимать как абсолютно естественный.

В тот день меня встретила Кэти Осборн, личный секретарь президента, проводившая меня в Овальный кабинет. До этого мне сказали, что с нами будет новый советник по национальной безопасности адмирал Пойндекстер, и я стала быстро оглядывать кабинет, пытаюсь определить, стоит ли на том же месте маленький столик, который накрывали для нашего ланча с Макфарлейном, но не увидела ни столика, ни Пойндекстера. Мне сказали также, что будут только президент и его супруга.

Стоял очень жаркий день, температура поднялась выше 30 градусов, и это при высокой влажности. Президент был в светлом летнем костюме, который, кажется, особенно любил. Госпожа Рейган, элегантная как всегда, в своем маленьком белом платье с красными вышивками по воротнику и рукавам выглядела прекрасно. Улыбаясь, президент объявил: «Ну, я думаю было бы неплохо поесть на воздухе».

Я с радостью согласилась: «Это было бы великолепно».

Они повели меня в укромный маленький дворик-патио в полном цветов саду, расположенный прямо напротив окон Овального кабинета. Патио было окружено низкой стеной из камней, на которых была высечена президентская эмблема. Как и на любом другом заднем дворе, на уложенной каменными плитами террасе стоял круглый садовый стол под большим зонтом. Я заметила на нем что-то вроде метронома с президентской эмблемой и серебряный поднос с гербом США. Мое изумление от одного вида этого потаенного места было настолько велико, что я испугалась, не снимут ли меня фотографы с разинутым от удивления ртом. Президент сел справа от меня, а первая леди слева, и фотограф сделал фото. Как только он ушел, президент немедленно снял пиджак и ослабил узел галстука. (Я подумала, *раз ему можно, то и мне*).

И мы с президентом почувствовали облегчение, он в рубашке, я в блузке с короткими рукавами. Незаметная прислуга поставила на стол морковь и сельдерей, затем консоме, маленькие круассаны,

авокадо с крабовым мясом и соус. На десерт подали фруктовое мороженое с земляникой и холодный чай. Учитывая исключительную необычность ситуации, я вначале была настолько ошеломлена новыми впечатлениями, что не могла ни на чем сосредоточиться. Единственное, на что я еще была способна, так это повторять: «Прелестно! Очень красиво!» Они мне объяснили, что идея сделать это уютное и потаенное патио принадлежит госпоже Рейган, и она стала рассказывать мне, как его соорудили, и почему она подумала, что неплохо было бы завести такой дворик: «Я сказала архитекторам...» Тут вмешался президент и начал говорить, что архитекторы сделали то и это, но она прервала его:

— Не архитекторы, а я!

Он согласился:

— Да, правда. Это все ты сделала!

Затем президент весело сообщил:

— А знаете, я только что вернулся с большого собрания со множеством сенаторов. Догадайтесь, о чем мы с ними говорили? Вы не сможете догадаться, — добавил он. — О России. А теперь скажите мне, как правильно произносить фамилию Горбачев?

И произнес ее неправильно в обоих вариантах — вначале с ударением на втором слоге, а потом на первом.

Я показала, как произносить ее правильно.

Он хмыкнул и продолжил:

— Я спрашиваю, поскольку только что беседовал об этом и говорил сенаторам, как произносить ее, стараясь произносить так, как слышал из ваших уст. Но я думаю, что вы все-таки произносили ее иначе.

— Господин президент, — ответила я, — позвольте дать вам маленький урок русского языка. Русский — это очень изменчивый язык, и каждое слово произносится с ударением на конкретный слог. Правило таково, что если первое О произносится без ударения, то оно произносится как А, а когда ЕВ находится под ударением, то произносится ОВ. Так мы произносим ГарбАЧОВ. Другой пример — слово «хорошо». Оно произносится ХАРАШО и последнее О — ударное.

Поскольку президент все это воспринял, я продолжила:

— Вот почему английский язык труден для русских, так как они произносят каждый слог, а мы — нет. Поэтому они испытывают серьезные

трудности с произнесением таких английских слов, как *tough* и *dough**, потому что слова произносятся иначе, чем пишутся. (Причем я сама себе не верила: вот сижу здесь и даю урок русского языка президенту Соединенных Штатов! Невероятно!)

У него в тот день было много встреч, и он держал в уме множество вопросов: Договор ОСВ-2, Манагуа, Никарагуа и кучу всего другого. До самого своего конца я сохранию в памяти картину, как президент Соединенных Штатов, в рубашке с короткими рукавами, выглядя как любой другой человек, отдыхающий в собственном дворике, сидит, откинувшись на садовом стуле, раскачиваясь взад-вперед, и, словно беседуя с самим собой, как бы путешествует по миру, рассуждая о ситуации в Никарагуа, Иране, в Африке, Европе, и так страна за страной.

Я слушала его благоговейно и заворуженно, но он говорил так быстро, что я не успевала ухватить все, о чем он говорил, и, конечно, не могло быть и речи, чтобы что-то записывать. Внезапно я осознала, что передо мной уже не тот любезный собеседник, с которым я болтала прежде как почтительная племянница с дядей, но совершенно другой человек. Я почувствовала стать и силу президента Соединенных Штатов, могущественного лидера свободного мира. По мере того как он говорил, со мной происходила странная вещь — он стал казаться мне все *бóльшим* и *бóльшим* — в то время как я сама, словно Алиса в Стране чудес, становилась все меньше и меньше. Он излучал такую мощь, такую энергию!

Рейган не любил летать самолетом, и когда я виделась с ним неделей раньше, он только что вернулся из Токио и сказал мне, что очень устал и что ночью буквально страдал из-за разницы во времени. Но в тот день он был в наилучшей форме — выглядел крепким, сильным, подвижным как мужчина двадцатью годами моложе. Конечно, на его лице были морщины, но он не казался старым или демонстрирующим свой возраст. Тогда я поняла, что он исключительная личность, что он более сложный человек, чем кто-либо, кого я встречала прежде, — сложный и чрезвычайно цельный, с собственным видением, что ничто не заставит его сдаться. Он иногда мог дремать на заседаниях кабинета, но это происходило, вероятно, потому, что он таким образом отдыхал или ему было

* Похожие по написанию слова *tough* (жесткий, трудный) и *dough* (тесто, паста) произносятся по-разному. Первое — как «таф» |tʌf|, а второе — как «доу» |dov|.

скучно слушать то, о чем говорили. В Овальном кабинете он всегда был довольно сдержан и никогда не демонстрировал свою силу, как в тот день в патио. Только однажды во время нашей первой встречи, когда он высказался очень определенно: «Если они хотят мира, они могут его иметь!» — я видела его стальную сосредоточенность и орлиный взор.

Не имеет значения, по какой причине он был в тот день так прострашен в суждениях, так свободен, может быть, потому, что Нэнси была рядом и он вел себя так, словно они были одни. Но я, не имевшая допуска ни к каким секретам, которую никогда не просили подписывать обязательства о неразглашении чего-либо, была изумлена тем, что он так откровенен, так доверителен в моем присутствии, словно мы давно и хорошо знали друг друга. Было понятно, что у него есть какой-то план, стратегия, тактика и что он тщательно продумывает их и прочно укладывает в своей голове.

— Каковы ваши цели? — осмелилась я спросить.

— Я хочу сокращения вооружений, — ответил он. — Это то, чего я хочу. Размонтировать все эти штуки. Это единственное, чего я хочу от них. Не будет больше договоров, когда люди рассуждают: «У вас слишком много того, и у нас слишком много этого. Вы наращиваете, и мы наращиваем». Настоящие сокращения... и надавить на них как можно сильнее, чтобы добиться этих сокращений от Советского Союза.

Рейган, каким я увидела его в тот день, во всей яви предстал передо мной не как сонливый «грошовый» актер, о чем говорили разные клеветники, — я видела настоящего президента. Будь на моем месте советский лидер, он бы понял, что Рейган внутренне уже решил на демонтаж вооружений и не изменит этой своей решимости. Затем он повторил еще кое-что, о чем я упоминала, описывая свою первую встречу два года назад: «Смотрите, если бы мы хотели уничтожить их, мы давно могли это сделать. Мы могли это сделать, когда у нас была бомба, ради всего святого. Мы были единственными, у кого была бомба. Такое было время. И если бы мы хотели это сделать, мы могли это сделать тогда. А что сделали мы? Мы совсем не использовали бомбу против них. Мы сделали все наоборот. Мы на самом деле предложили, чтобы этим управлял международный орган вроде ООН. Мы так и сделали. Но я рад, что этого не произошло. У нас всегда были ограничения на этом пути. Мы никогда не хотели использовать бомбу, поэтому не мы, не мы, это они».

И потом он заговорил о Ялте. Мне показалось, что у него весьма расплывчатые представления о Ялте, но я решила, что не мне противоречить президенту по этому вопросу. Рейган продолжал, утверждая, что проблема состоит в том, что Советский Союз не соблюдает международные договоры и что таких несоблюдаемых им договоров множество. Интересно, что, несмотря на все эти жесткие слова, он не выглядел разозленным на протяжении всего разговора и вообще никогда не говорил о Советском Союзе в агрессивном тоне. Между прочим, он находился в абсолютно приватной обстановке и мог высказывать самые желчные суждения о них, но он этого не делал. Президент был совершенно нацелен на то, чтобы защищать Соединенные Штаты, и настолько последователен и стоек, что мне стало ясно: от этого его никто не мог бы удержать. Я никогда не слышала, чтобы он высказывал свои желания в столь определенных терминах. «Это так, — сказал он. — Я хочу избавиться от этого оружия». Не было никакого разговора об изменении их системы, и ему не было никакого дела до разрухи в их экономике.

После этих запомнившихся моментов мы говорили о бюрократических проблемах с обеих сторон, которые делали откровенные дискуссии затруднительными. И он, и госпожа Рейган вполне искренне согласились с тем, что бюрократия представляла собой большую проблему для них. Я сообщила им, что, вернувшись из Советского Союза, однажды шутя сказала Бад Макфарлейну: «У меня есть хорошая новость и плохая». Бад озабоченно предложил: «Начните с плохой». Мои новости звучали так: «Советы опережают нас в одном отношении — в бюрократии. Но хорошая новость состоит в том, что мы их быстро догоняем». Президент посмеялся над этой шуткой, и Нэнси тоже. Я продолжила, сказав, что мне иногда кажется, будто обе бюрократии все больше и больше повторяют друг друга: чиновники носят одну и ту же одежду, пользуются одинаковыми аббревиатурами, а когда я прихожу в Госдепартамент, то чувствую себя нередко так, будто я в Москве.

Мы стали говорить о Горбачеве. Я спросила:

— Вы писали мне в своем письме, что он произвел на вас хорошее впечатление и что между вами и господином Горбачевым произошла хорошая «химия». Не могли бы вы рассказать мне об этом подробнее?

Рейган ответил:

— О, да, это правда. Между нами действительно произошла хорошая «химия» — настоящая хорошая «химия» между нами обоими. Конечно,

он верит во всю эту пропаганду о нас. Он по-настоящему верит, что нами правят крупные промышленники и все такое. Он верит в это. И это естественно, он и должен верить во все это, но из-за одного этого его не следует считать дурным человеком, ведь его так воспитывали: что же еще он должен ощущать? Но во всем остальном он был вполне хорош. Он приятный человек.

Он начал говорить о Женеве, о том, что Горбачев был окружен своими чиновниками и что когда он увел Горбачева от них, тот был этому рад. «В какой-то момент, знаете ли, я отвел его в сторону и сказал: “Послушайте, почему бы нам не уйти вдвоем, только вы и я, и почему бы нам не поговорить?” Он сразу согласился. Там был бассейн и небольшой дом при нем — и конечно, в домике был камин». (Президент так радовался этому и вполне определенно дал мне понять, что он тщательно сам все спланировал.) «И я сказал ему: “Ну вот мы вдвоем, вы и я... но в наших руках во многом судьба мира, и наступило время, когда нам надо встретиться и поговорить”». (В этот момент их советники шептались о том, что эти двое ушли без всякого сопровождения, и никто совершенно не имел представления, о чем там у них шла речь.)

Президент продолжал: «Да, правда, я хочу, чтобы состоялся еще один саммит, и Горбачев тоже желает такой встречи, потому что госпожа Тэтчер не так давно виделась с ним и Горбачев сказал ей: “Передайте Рейгану, что я хочу нового саммита”». (Госпожа Тэтчер передала эти слова президенту частным образом.) Он продолжал: «Я хотел, чтобы встреча состоялась в июне. Хотелось бы провести ее побыстрее, но они [то есть советская сторона] были против и теперь предлагают сентябрь. Но конечно, я буду очень занят борьбой против разных кандидатов. Все это будет происходить перед выборами, и мне придется ездить по всей стране».

Я предположила, что еще одна причина, по которой они не смогут встретиться в период между февралем и июнем, — это предстоящий съезд партии, а в Советском Союзе все делается очень медленно. Президент сказал, что теперь он нацелился на ноябрь и что ему кажется, что встреча на самом деле состоится, потому что они с Горбачевым желают ее. (Они не встретились ни в июне 1986 года, как надеялся Рейган, ни в ноябре. Президенту пришлось ждать приезда Горбачева в Вашингтон в декабре 1987 года и потом самому нанести визит в Москву в июне 1988-го.)

Что для меня было интереснее всего, так это их необычный способ общения — наедине, без окружавших их чиновников. Хорошо известно, что президент Рейган и премьер-министр Тэтчер очень тепло относились друг к другу. Но теперь я увидела, что существуют еще более тесные отношения, чем между нами и англичанами.

Итак, разговор вернулся к тому, как сделать, чтобы саммит состоялся, раз Горбачев тоже этого хочет. Я подумала: *Посмотрим. Раз Горбачеву пришлось говорить об этом Тэтчер наедине, значит, у него тоже есть проблемы со своими чиновниками.* И поэтому я сказала: «Хорошо, вы оба хотите этого, но как вы собираетесь это сделать?» Бад намекал, что мне нужно подкинуть идею, что, возможно, президенту необходимо иметь какое-то доверенное лицо, ему нужен собственный человек, кто-то, кого *знают* как человека президента и кто может ездить туда и обратно и тем самым передавать послания напрямую. Президент ответил, что у него кое-кто есть. У него есть такой человек. (Может быть, госпожа Тэтчер?).

— Отлично, — сказала я. — Мне кажется, что проблема Горбачева в данный момент, быть может, состоит в том, что он чувствует, что общается посредством новостей и чиновников, и ему трудно понять реальные намерения президента. Как же передать послание Горбачеву?

Внезапно госпожа Рейган воскликнула:

— О, так ведь будет свадьба!

И я сказала:

— Точно, свадьба принца Эндрю 23 июля. Вы собираетесь на свадьбу?

Она ответила:

— О да, собираюсь. Мы на самом деле очень подружились с королевской семьей, знаете ли, и мне они очень нравятся. Это не будет какая-то очень большая-пребольшая свадьба, что-то не такое уж масштабное. — Затем она сказала президенту:

— Ронни, госпожа Тэтчер собирается там быть. Я могу передать ей послание.

И они прямо тут договорились, что госпожа Рейган передаст через королевскую семью послание госпоже Тэтчер. И снова я была изумлена тем, что такой обмен идеями произошел прямо на моих глазах. В этот момент я повернулась к госпоже Рейган, которая прежде держалась совершенно спокойно, и спросила ее:

— Вы упомянули Раису Горбачеву во время нашей последней встречи. Не могли бы вы подробнее рассказать об этом?

И она принялась так длинно и подробно говорить на эту тему, одновременно и едко, и забавно, что я постаралась изложить все это в главе 14, посвященной Нэнси Рейган.

Казалось, она готова продолжать, но я видела, что президент сам хотел о чем-то сказать, и он начал говорить о том, как воспринимает свои дела с Советами и о том, как, по его мнению, *следует* вести себя с ними. Он сказал, что поправка Джексона—Вэника ему не нравится, потому что «она слишком конкретна, слишком привязана и воспрещает свободу передвижения». Я чувствовала, что он не прав в этом отношении, что он недостаточно хорошо информирован о причинах и последствиях принятия поправки Джексона и что в его ум запало то, что поправка слишком сурова. Это был как раз тот случай, когда он считал себя правым. Он вновь заговорил о пятидесятниках, живших в подвале нашего посольства на протяжении пяти лет. И он сказал мне, что он *сам* занимался тем, чтобы их выпустили из страны. «Об этом никто не писал. И мне не нужно никакой благодарности за это¹, но я это сделал, и после того как Советы разрешили пятидесятникам уехать, как вы заметили, я снял эмбарго на поставки зерна. Никто не знает об этом, и это не имеет значения. Но я освободил их! Освободил!» (И, я думаю, честно говоря, мне стоило сказать: *Господин президент, я думаю, что снятие зернового эмбарго — это слишком большая цена за пятидесятников*. Но сказать такое было бы с моей стороны неуместным.) Он был горд собой, очень доволен результатом², и для него это стало хорошей моделью действий по принципу: «ты — мне, я — тебе», который он собирался использовать и впредь.

Президент продолжил разговор, рассуждая о своей озабоченности вопросами прав человека. Я призвала его настаивать на вопросе о воссоединении 117 семей — мужей и жен, разделенных по разным причинам, которые не могли получить виз, чтобы соединиться с теми, кого любят. Я кратко пересказала свой разговор с Александром Бессмертных, при встрече с ним в Вашингтоне, объясняя, что одна из действительных проблем, которые у нас существуют в отношениях с Советами по вопросу о правах человека, состоит в том, что фактически в какой-то параноидальной манере они остаются в убеждении, что мы на самом деле не заинтересованы в соблюдении прав человека, если только не видим

в этом какой-то политической потребности вроде той, что евреи в нашей стране голосуют, а иначе бы мы этим вопросом не интересовались. Это было весьма цинично. Я сказала президенту: «Я говорила с Советами обо всем этом, спорила с ними, но я знаю, что они все еще убеждены, что дело обстоит именно так».

Я вспомнила разговор с Бессмертных по этому предмету и о том, что я сказала ему: то как они относятся к правам человека, нетерпимо для нас. Его ответ был таков: «Это нас бы не волновало, если бы речь не шла о “сионистах”». Я ответила: «Вы совершенно не правы. Я не собираюсь навязывать вам, что делать, пусть так, но если вы не хотите немедленно что-то предпринимать по еврейскому вопросу, то почему вы не хотите что-то сделать для воссоединения семей?» Он ответил: «Да, вы правы, вы правы. Конечно. Нет причин не делать этого».

— Ну хорошо, вот *теперь* (шестидесяти четырем семьям только что позволили воссоединиться), — сказала я президенту, — они продвинулись вперед дальше, чем когда-либо с 1953 года, и я думаю, что это станет проверкой того, можем ли мы отреагировать на что-то еще. Надеюсь, если это будет так, то вам надо это как-то отметить. Я не думаю, что мы должны хвалить Советы за то, что они и так должны делать, но все-таки это хороший знак и в том или ином контексте мы должны это отметить на президентском уровне. Госдепартамент готовит большой материал об этом для первых полос, но все-таки будет хорошо, если и вы упомянете об этом, возможно, в таком свете: вы удовлетворены, вы рады за эти семьи, и что, как только Советы найдут время на бюрократическую проверку ситуации с оставшимися пятьюдесятью тремя аналогичными случаями, то, вы уверены, и это будет оперативно и позитивно решено.

Он согласился с таким предложением, так же, как и госпожа Рейган; чуть позже она поделилась со мной: «Я ему напому. Буду напоминать ему, чтобы он сказал что-нибудь об этом».

Потом президент принялся говорить об Афганистане и о зверствах, которые там творятся. Он сказал также, что кое-кто из русских пленных в Афганистане перешел к нам. «Эти пленные сами рассказывали о жестокостях». Похоже, он недавно получил новый доклад разведки на эту тему: «Теперь об этих мальчишках. Они хотят, чтобы их освободили, и они больше не желают воевать. Они перешли к афганцам и хотят воевать за них. Русские переходят».

За три года до этого сообщением о переходе русских пленных со мной по секрету поделился Раймон Пробст, министр иностранных дел Швейцарии, как и тем, что его страна принимала участие в этом деле. Президент, кажется, этого не знал, и я сказала ему о том, что швейцарский опыт мог быть нам полезен. Тогда он снова откинулся на стуле, соединив руки за шеей, поднял голову вверх и, глядя в небо, воскликнул: «Знаете, почему две наших страны должны ладить друг с другом? Потому что мы *большие*. У нас большие пространства, и это значительно влияет на то, как мы думаем».

Это его замечание поразило меня, потому что, так уж случилось, за несколько недель до этого я услышала выражение подобной же мысли с советской стороны: «Мы занимаем обширные пространства, и Соединенные Штаты тоже, и это приводит к тому, что мы думаем иначе, чем маленькие страны».

Наконец, в завершение этого ланча президент неожиданно спросил меня:

— А что вы думаете о Хартмане?

Я не была готова к этому вопросу, поэтому переспросила:

— Могу я быть откровенной?

— Пожалуйста, будьте, — ответили мне, и они оба наклонились вперед.

Я вообще не хотела говорить ничего на этот счет, но знала, что должна это сделать, и попыталась дать какой-то нейтральный ответ. Сказала о том, что есть некоторые сферы, где можно добиться большего, и мы должны расширять наше присутствие в общественном пространстве в Советском Союзе, потому что существуют целые слои общества, которых мы не достигаем, в частности женщин. Наконец, я сказала, что круг нашего общения в стране слишком узок и как раз сейчас важно его расширить. «Вы знаете, что одной из наших проблем в Советском Союзе, как и в общении с русскими, является то, что они уверены: наш посол в каждом своем действии и суждении отражает вашу точку зрения. Поскольку они сами не делают ничего, не получив прежде инструкции сверху, они полагают, что ваш представитель тоже имеет какие-то нашептанные ему на ухо инструкции и что все, что он делает, — это как бы то, что делали бы вы сами, а значит, и то, что вы говорите на публике, говорите *не настоящий* вы. Поэтому они склонны к преувеличению и всерьез воспринимают

какие-то незначительные действия. Примером служит хотя бы то, как остро они восприняли показ в резиденции посла голливудского фильма «Ниночка», поскольку думали, что Рейган знает этот фильм и разделяет отношение посла к этому фильму. Я понимаю, что все это маловажно, но для них это имело значение, и они восприняли демонстрацию фильма как сознательное оскорбление. Я думаю, что, если бы их посол Добрынин сделал нечто подобное в нашей стране и показал фильм, высмеивающий нас, мы бы тоже расценили это как недружественное действие».

Они оба со мной согласились.

В этот момент президент сказал:

— Пусть это останется между нами, но кое-что мы изменим.

Он не объяснил, что именно, а я не спросила. Президент посмотрел на часы и сообщил, что ему пора подписывать документы. Когда мы встали, чтобы попрощаться, я решила спросить, подарил ли он Горбачеву пасхальное яйцо, и он ответил: «Да. Я ему передал».

Он торопился, и у него не было времени на подробности, поэтому когда я спросила: «И какова была его реакция?», — он лишь ответил: «Он был удивлен!»

Потом мы с госпожой Рейган остались одни, и этот наш разговор я описала в главе, посвященной Нэнси Рейган.

ГЛАВА 12

ДОЛГИЙ ЛАНЧ С ПРЕЗИДЕНТОМ 23 СЕНТЯБРЯ 1986 ГОДА

Уже первые встречи с президентом Рейганом показали мне, что власть президента не столь велика, как принято считать. Ее в значительной мере ограничивает влияние советников, политиков и средств массовой информации. Наиболее отчетливо я поняла это в ходе нашей беседы на том ланче.

Мне и раньше было ясно, что достигнутые в ходе женевских встреч между Рейганом и Горбачевым успехи и их растущая взаимная приязнь вызывали недовольство определенных сил с обеих сторон. Я также осознала, что предпринимаются попытки посеять сомнения в целесообразности самого процесса и замедлить его ход.

Если взглянуть на ключевые события в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом, то легко заметить, что многие из подобных моментов, возможно по случайному совпадению, происходили в периоды, прозванные дипломатами «летними кошмарами», когда первые лица обеих стран отправлялись в отпуска. Хрущев именно в такое время был смещен со своего поста. Южнокорейский «Боинг» был сбит 1 сентября 1983 года, как раз тогда, когда Рейган находился в отпуске, а Андропов — в больнице. Кризис «Захарова—Данилоффа» произошел в августе 1986 года, когда Рейган, Шульц, Горбачев и Шеварднадзе одновременно уехали отдыхать. По этой причине оба главных руководителя пребывали в неведении о происходящем и полностью зависели от действий собственных служб. Также, возможно по случайному совпадению, именно на это время по инициативе Сьюзан Эйзенхауэр в Латвии, в городе Юрмала, должна была состояться первая совместная конференция советских и американских естествоиспытателей и ученых.

Ставки были высоки, поскольку шла предварительная проработка деталей предстоящей встречи Рейгана и Горбачева по сокращению вооружений. В этот деликатный момент по до сих пор непонятным причинам

по инициативе ФБР был арестован Геннадий Захаров, рядовой сотрудник представительства СССР при ООН, не имевший дипломатического иммунитета. Затем, как того можно было ожидать, разозленные Советы арестовали Николаса Данилоффа, уважаемого американского журналиста, работавшего для «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт», ложно обвинив его в шпионаже, и заключили его в тюрьму. Все это было настолько туманным, что вызвало у меня подозрения, что кое-кому в США или в СССР показалось, будто настал подходящий момент, чтобы создать проблемы в отношениях двух стран. Арест Данилоффа вызвал бурю негодования в американской прессе и практически сорвал Юрмальскую конференцию, при этом Джин Киркпатрик и Ричард Перл наряду с другими консерваторами выступили с протестом против действий советской стороны и, что более важно, угрожали подорвать весь процесс переговоров между сверхдержавами.

В течение нескольких недель, предшествовавших этому кризису, я получала необычно много знаков внимания Вашингтона. Тем летом Джек Мэтлок несколько раз звонил мне, спрашивал моих советов относительно Юрмальской конференции, просил прочитать и поправить его выступление. Когда Эдуард Шеварднадзе, в то время занимавший пост министра иностранных дел СССР, в середине сентября приехал в Вашингтон, мне позвонили из протокольного отдела Госдепартамента и пригласили на ланч с Шульцем и Шеварднадзе. К великому сожалению, я вынуждена была отказаться, поскольку (хотя, наверное, не стоит об этом упоминать) у меня банально не хватало денег, чтобы дважды за короткий срок съездить в Вашингтон, а я уже знала, что мне предстоит на следующей неделе встретиться с президентом.

Я приехала 22 сентября и обедала с Джорджем Коулом, главным аналитиком по вопросам России в ЦРУ, а также встретилась с полковником Сергеем Черным из Колледжа ВВС в Алабаме, участвовавшим в переговорах по контролю над вооружениями и хорошо знакомым с архиконсерватором Ричардом Перлом. От него я узнала интересную деталь — Ричард впервые побывал в Москве лишь несколько недель назад и встречался там со своим другом Николасом Данилоффом. Я задалась вопросом: а не была ли эта встреча взята на заметку КГБ?

Когда я чуть раньше в тот же день виделась с Джеком Мэтлоком, то, пытаясь докопаться до сути дела Данилоффа, задала Мэтлоку несколько

трудных вопросов, первым из которых был: «Кто стоял за арестом Захарова и кто принимал это решение?» Мэтлок выглядел немного нервным и пустился в подробные объяснения, почему ФБР считало чрезвычайно важным на этом примере показать Советам, что те не могут использовать ООН как прикрытие для шпионажа, привлекая для этого людей из дипломатического корпуса и т.д. и т.п. Но меня это не убедило, поскольку мне сказали в Белом доме, что арест был одобрен на довольно низком официальном уровне и объяснение тому я получила весьма неоднозначное.

Я честно сказала Джеку о своих подозрениях, что за этим стоит нечто большее и что разочарована поведением нашей прессы, которая не требовала более подробных объяснений и не только действий Советов, но и того, кто именно принял решение от лица Соединенных Штатов. Это решение не могли принимать ни Шульц, ни президент, поскольку оба были в отпусках. Невозможно было с уверенностью узнать, стали бы Советы арестовывать Данилоффа, не получив предварительно возможности оправдать это случаем с Захаровым, и не объяснялись ли их действия тем, что они просто воспользовались преимуществом, которое мы им предоставили, что, учитывая временной расклад, стало чуть ли не катастрофой. Я пыталась узнать, были ли первичные действия ФБР предварительно согласованы с Шульцем или с президентом. Если действительно решение приняли ради того, чтобы показать Советам, что мы не собираемся мириться с их чрезмерно раздутым штатом сотрудников в ООН, то почему все это вылезло на первые полосы газет? Джек ответил: «Я бы предпочел, чтобы этого не было».

«В таком случае. Джек, — продолжила я, — возникает другой вопрос. Поскольку совершенно очевидно, что мы могли бы предвидеть соответствующие последствия, как насчет Москвы? Предприняло ли наше посольство что-то ради защиты там наших людей и предупредило ли их о том, что Соединенные Штаты совершат нечто рискованное и что американским гражданам в течение нескольких недель следует быть очень осторожными и не совершать ничего выходящего за рамки обычного поведения?»

В ответ я услышала: «Нет».

ЛАНЧ С ПРЕЗИДЕНТОМ

Вопреки вышеописанным обстоятельствам 23 сентября я встретилась с президентом и госпожой Рейган. За прошедшие пять месяцев это была моя шестая беседа с президентом и третий визит, то есть в тот краткий период общение стало интенсивнее, чем за прошедшие два года. Сентябрьская встреча оказалась очень продолжительной.

День был солнечным, и я наслаждалась прогулкой от главных ворот Белого дома до Западного крыла мимо расположившихся там и сям группок вездесущих репортеров в рубашках с короткими рукавами, вооруженных камерами и терпеливо ожидавших каких-нибудь событий. Вход в Западное крыло всегда поражал меня своим минимализмом и скромностью для места, где пребывают власть имущие. На двери висели желтые ленты в знак солидарности с заложниками в Иране. Как всегда, молодые морские пехотинцы в отутюженной форме подчеркнуто предупредительно встретили меня и лихо отдали честь. Внутри здания было прохладно и тихо. Помещение охраняли два агента секретной службы и великан афроамериканец, каких мне прежде видеть не приходилось, выше двух метров роста, с широченными плечами. Его ноги были длиннее меня! Мне было приятно осознавать, что президента охраняет такой гигант.

Фрэнк Лейман, координатор Совета национальной безопасности, встретил меня и проводил через зал в небольшую приемную, прямо возле дверей в Овальный кабинет. Ожидая, в тот раз я впервые услышала, как агенты секретной службы переговариваются между собой о передвижениях президента, называя его кодовым словом «Рейнбоу»*. После того как сам «Рейнбоу» вызвал меня, я, как обычно помолившись, прошла в кабинет, сопровождаемая фотографом, который держался очень тактично.

Президент и миссис Рейган встречали меня, стоя у письменного стола. Они тепло приветствовали меня, и президент объявил: «Ну что ж, мы вновь собираемся обедать на природе!» Справа от стола, за которым они стояли, находилась небольшая дверь в маленькое патио в Саду роз. Мы прошли туда и сели за круглый столик под зонтом. Уже несколько

* Радуга (англ.).

дней подряд стояла жара, поэтому когда ушел фотограф, президент снял пиджак и ослабил узел галстука, как он уже делал прежде. Я сообразила, что странная штука на столе, похожая на метроном, — это приспособление, с помощью которого президент подзывал официантов, бесшумно появлявшихся словно ниоткуда.

Я сразу заметила, что президент сейчас выглядел совсем иначе, без той бодрости и жизнерадостности, которые он излучал 6 июня. Он был глубоко огорчен «делом Данилоффа» и расстроен тем, что американские правые назвали его «слабаком» за то, что не удалось договориться о быстром освобождении узника. Он озабоченно спросил меня:

— Вы думаете, я слабак? Я не проявлял мягкотелость по отношению к коммунизму.

Я ответила:

— Господин президент, я знаю, что вы не проявляли ее.

— Я и не проявлял, — повторил он.

Ему хотелось разъяснить, почему для него так важно было как можно скорее выволить Данилоффа из тюрьмы. Мортимер Цукерман, владелец и главный редактор «Ю.С. ньюс и уорлд рипорт», сообщил ему, что видел Николаса в тюрьме в очень плохом состоянии, и предположил, что Советы могут добавлять тому в суп наркотики, чтобы вынудить к признанию и потом устроить показательный процесс.

— Ник был в таком замешательстве и выглядел таким странным! — рассказывал президент.

Горячий и искренний патриотизм Рейгана не был для меня новостью. У меня часто возникало ощущение, что он мог в любой момент вместе с хором запеть: «Господи, благослови Америку!» Мало кому известно, насколько близко к сердцу Рейган принимал известия о том, что кто-то из американских граждан убит, брошен в тюрьму или оказался в трудном положении и что именно Рейган всегда в таких случаях действовал максимально быстро, чтобы напрямую разрешить ситуацию. Он очень беспокоился за Данилоффа и хотел вытащить его из заключения, но не вполне понимал, как это можно сделать. Я испытывала странное ощущение, что он надеялся получить от меня подходящий ответ или решение — получить то, чем я, разумеется, не располагала. Я всего лишь могла утешать его словами: «Не беспокойтесь о том, что пресса может называть вас “слабаком”. Вы знаете, что это пройдет. Вы знаете,

что прессу на следующей неделе будет занимать что-то иное. Не беспокойтесь. Вы покрепче Горбачева и, может, лучше него справитесь с ситуацией».

Я спросила, могу ли ознакомиться с оригинальным русским текстом заявлений Горбачева и Шеварднадзе, ведь семантические оттенки очень важны. Президент признался, что не знал об аресте Захарова. Сказал просто: «Я был в отпуске. Они мне не говорили». Он не извинялся и не обвинял никого. Он не сердился на Горбачева, хотя получил от того жесткий ответ на два своих письма, в которых ручался за то, что Данилофф не был шпионом. Не сердился и на советскую прессу, которая называла его «лжецом». Однако он выглядел расстроенным, погруженным в сомнения и говорил: «Знаете, в Женеве мы хорошо ладили. По факту я считаю, что понравился ему при встрече, — затем задумчиво добавил, — вряд ли мне это померещилось». Мне пришло в голову, что те теплые чувства между двумя этими людьми, какие определенно были со стороны Рейгана, могли стать единственным спасением в подобной ситуации.

Было ясно, что президент хотел вывести Горбачева из затруднительного положения, понимая, что тот точно так же мог быть под воздействием своего окружения, как и он сам. Поэтому, надеясь поднять ему настроение, я предложила: «Мы не знаем, в каком положении оказался Горбачев, что он предпринял, кто его вынуждал действовать, а кто нет, а также не знаем, кем это решение было принято с советской стороны. Помимо прочего он, как и вы, находился в отпуске. Никто ничего не знает наверняка. Наши парни с официальным статусом ходят вокруг да около, заявляя, что такое решение не могло быть принято без «Горбачева и Политбюро», но так просто дела не делаются. Я хотела бы чем-то помочь, но, само собой, не знаю, какие есть на то возможности. Завтра я собираюсь повидаться с секретарем Шульцем. Не дадите ли вы мне разрешение поговорить с ним об этом?»

Президент ответил: «Даю».

Затем он припомнил свою встречу с министром иностранных дел Шеварднадзе, который 15 сентября передал ему от Горбачева письмо на пяти страницах. («О, этот Шеварднадзе, он хорош!» — вмешалась тут миссис Рейган. «Да, но это не решает проблему с конгрессменами», — откликнулся президент.)

Министр иностранных дел к тому же передал добрые пожелания госпоже Рейган от Раисы Горбачевой. Я вступила: «Госпожа Рейган, со времени нашего последнего разговора я внимательно прислушивалась к тому, что говорят о Раисе Горбачевой в Советском Союзе». Далее я отметила несколько фактов, из которых наибольшее впечатление на госпожу Рейган произвело то, что Горбачева основала независимый Советский фонд культуры. Разумеется, при тогдашнем правительстве не существовало частных фондов, но это было инициативой, в которой впервые шла речь о частных источниках для поддержки искусства.

«Ну что ж, — сказала на это миссис Рейган, — вот это интересно».

Основная часть письма Горбачева к президенту была посвящена детальному ответу на предложения по контролю над вооружениями, которые Рейган сделал ему в своем письме от 25 июля. В письме Горбачева присутствовали нетерпение, разочарование, утомление медлительностью дипломатической проработки соглашения, а также обвинения не только в адрес США, но и в сторону бюрократической системы его собственной страны. Несмотря на то что ситуация с Данилоффом по-прежнему, оставалась критической, в письме Горбачев выразил желание вновь встретиться с Рейганом для обсуждения вопроса сокращения вооружений, причем в последнем разделе письма Горбачев подчеркивал важность скорой встречи — в Исландии или в Великобритании.

Рейган не стал сразу отвечать на это письмо. Взамен он вспомнил, что прочел Шеварднадзе длинную суровую лекцию о том, какое важное значение для американских граждан имеет арест Данилоффа. Продолжая разъяснять свою реакцию, он сказал мне: «Я позвонил Шеварднадзе и рассказал о своем настрое. Я не давал ему расслабиться, — и добавил: — На протяжении целого часа я ни разу не улыбнулся — и это было так трудно! Я сказал ему, что у наших стран совершенно разное отношение к личности человека. Если мы поменяем свое отношение к личности, то у нас ничего не останется. В этом состоит принципиальная разница между нашими системами, и мы не можем отказаться от своей позиции. Он делал много замечок». Передавая слова Шеварднадзе о том, что у них есть свободная пресса, президент рассмеялся.

Я пояснила, что каким бы абсурдом это ни казалось, по моему мнению, Шеварднадзе мог пытаться «соскочить с крючка», когда упоминал о том, что хотя в то время официальная советская пресса зачастую

саркастически описывала внешнеполитические события, однако происходящее внутри страны теперь стало настолько открытым, что обсуждалось все подряд и грязное белье полоскали прямо на первых полосах изданий. Особенно характерно это было для редакторских колонок. Поэтому я предложила, чтобы кто-нибудь из персонала подготовил для президента дайджест того, что в советской прессе отличалось от обычного критиканства и обвинений в сторону Соединенных Штатов.

Под конец встречи президент сказал Шеварднадзе, что оставит на утро решение по предложению Горбачева о встрече, а на следующий день велел Шульцу ответить согласием, но при одном условии — встреча состоится лишь после освобождения Данилоффа. Этот ультиматум был принят и привел к компромиссному решению по Данилоффу. Того из места заключения доставили в посольство США в Москве 23 сентября (в тот самый день, когда состоялся наш обед) и 29 сентября переправили домой. Однако после возвращения Данилоффа американские консерваторы стали жаловаться на то, что его история дутая, что невинного заложника выдавали за настоящего шпиона. Джек Кемп обвинил администрацию в создании «ужасного прецедента», другой критик заявил, что «внешняя политика данной администрации привела к тому, что пришлось целовать в зад русского медведя».

«Ну вот, — расстроено говорил президент, — теперь они утверждают, что я так поступил потому, что мне нужен саммит. Хотя на самом деле Горбачев больше моего стремится к саммиту». К числу достоинств Рейгана относилось то, что он никогда не выходил из себя, когда шла речь о Советах. Напротив, он явно все время думал о контроле над вооружениями и необыкновенно много времени в тот день посвятил обсуждению этой темы и своей решимости добиться реальных сокращений. «Нам просто пришлось разобраться с этим [делом Данилоффа], чтобы получить возможность заниматься другими делами», — сказала Нэнси.

Озвучивая свою позицию по переговорам с Советами, президент так пояснял свое отношение к нулевому варианту и удалению ракет из Европы: «Они действительно забавные! Как вы знаете, мы им дали [переговорную] позицию. Они теперь заняли эту позицию, но это уже *их* позиция. Заняв свою позицию, они не будут принимать никаких наших позиций. Это действительно странно. Мы, конечно, обсуждали

тему ракет в Европе, а теперь они говорят “да”, но свои ракеты убирать не собираются, — и пояснил: — Понимаете ли, у них ракеты нацелены на Азию, но им всего лишь надо их развернуть в обратную сторону, и они вновь будут направлены на Европу, поэтому мы хотим убрать их совсем».

Я могла понять его замешательство. С нашим западным менталитетом трудно понять советский/российский образ мышления. В ответ я рассказала о том, какими упорными и жесткими могут быть русские, и поделилась объяснением, которое мне как-то дал один опытный европейский дипломат. По его словам, советская сторона обычно запрашивает вдвое больше того, что рассчитывает получить, и затем стоит на своем, ожидая, что партнерам наскучит ожидание, поскольку мы на Западе не столь терпеливы.

Будучи честным человеком, президент так говорил о нашем способе достижения компромисса:

— Мы пройдем свою половину пути, и там встретимся с ними.

— Господин президент, — отвечала я ему, — проблема в том, что они знают это. Это иной способ ведения переговоров. Если они запросили вдвое больше и мы прошли половину пути, то они уже получают больше нашего. Это не такие переговоры, к которым мы привыкли. Мы строим компромисс на том, что мы немного уступаем и они немного уступают.

— Печально, — откликнулся президент, — ведь они уступают очень-очень мало.

А я подчеркнула, что в Советском Союзе наблюдала ситуацию, которую можно назвать инерцией струи пара: «Когда вы приподнимаете крышку кастрюли, пар начинает вырываться наружу и уже с трудом поддается контролю. Это время перемен и брожения, время дисбаланса и возможных опасностей, так что мы можем ожидать появления и других неприятных инцидентов. И подумайте, в каком положении находится Горбачев, окруженный еще более порочной и укореившейся бюрократией, чем наша».

Президент это мгновенно понял. Порой казалось, что собственный персонал подводил его и сбивал с толку, а со своей бюрократией приходилось быть настороже, из-за чего президент старался как можно реже с ними связываться. Мы вновь вернулись к вопросу о нашем московском представительстве. Он задумался и проговорил: «Там ожидаются пере-

мены, но дело движется очень медленно». Затем я передала несколько устных сообщений от директора ВААП в Москве. «Обратите внимание, совершенно очевидно, что человек, передавший мне эту информацию, был из КГБ. Во-первых, он сказал *“передавать с человеком лучше, чем письмом”*. Из этого я сделала вывод, что они больше нашего опасаются за то, что кладут на бумагу. Вообще-то сейчас даже в Вашингтоне люди опасаются доверять деликатную информацию бумаге, а в Советском Союзе и подавно». Я настаивала: «Господин президент, отнеситесь к этому серьезно, ведь вы знаете, что подобные ремарки означают, что Горбачев не может доверять никому».

И я продолжила: «Эта преамбула предшествовала тому, что мне рассказали о московской встрече Горбачева с премьер-министром Испании Фелипе Гонсалесом и, по словам директора ВААП, в Москве он *“получил разрешение поделиться со мной сведениями об обмене мнениями между ними, чтобы я была в курсе”*. Во время этого разговора Гонсалес якобы спросил: *“Считаете ли вы, что Рейган хочет добиваться ядерного разоружения?”* На что Горбачев ответил: *“Да, я считаю, что сам Рейган этого желает, но есть люди из его окружения и некоторые союзники, которые не позволяют этого делать”*. Затем он добавил — и это мне велено было записать: *“Я увидел, что Рейган — обаятельный человек и мудрый государственный деятель”*». Закончив пересказ, я обратилась к президенту: «Не знаю, правда ли все это. Если захотите, вы можете найти этому подтверждение, обратившись к испанцам».

Зная, что президент любил слушать правдивые истории о поведении русских, я рассказала ему о том, что приключилось со мной во время предыдущей поездки в Ленинград, поскольку это в какой-то мере перекликалось со случаем Данилоффа: «Однажды среди городских объявлений я случайно обнаружила следующее: *“СДАЕМ В АРЕНДУ ИНОСТРАНЦАМ ЗА 9 РУБЛЕЙ В ДЕНЬ “ЖИГУЛИ” ЛУЧШЕЙ МОДЕЛИ”*. Подумав, что даже я могу себе это позволить, я пошла в гостиницу “Ленинград” и заказала машину. Вскоре появился механик с новехоньким автомобилем. Поехали на пробную поездку. Во время движения я услышала громкий посторонний звук и спросила: *“Что это?”* “Да, ничего”, — ответил механик. Ну я и поехала. Несколько минут спустя тот звук повторился, затем, когда я въехала на ближайший мост, шум становился все громче и громче и, наконец, отвалилось переднее

колесо! Я беспомощно наблюдала, как оно докатилось до конца моста, затем прокатилось по площади и исчезло в ближайшем сквере, оставив меня потрясенной в остановившейся машине прямо посреди моста в густом потоке машин.

“Вот что значит дефицит!” — первое, что пришло мне в голову. В Советском Союзе “дефицит” было популярным словом, означавшим нехватку чего-то, недоступность, редкость. Меня уже предупреждали, что если я лишусь “дворников”, то мне придется заплатить денежку. В те дни обычным делом было, покидая машину, уносить с собой “дворники”, чтобы их не своровали. Но колесо!!! После непродолжительного размышления мне в голову пришла мысль о том, что я могла погибнуть, но вслед за ней появилась другая: “Если это тоталитарная страна, то где же тогда полиция?” Так вот, никакой полиции. И вот я беспомощно стою возле машины, размахивая руками с криком: “Помогите! Я потеряла колесо!”

Был час пик, и машины с ревом проносились мимо, не обращая на меня никакого внимания. Заметив в одной из проезжавших машин на пассажирском сиденье двух военных в форме, я замахала руками еще отчаяннее. Их машина поначалу тоже проскочила мимо меня, но вскоре остановилась, и я увидела, как один из пассажиров в форме капитана направился ко мне. Довольно быстро им удалось разыскать колесо. Приблизившись, капитан спросил меня по-русски: “Вы откуда?” “Из Америки”, — ответила я. На что он моментально откликнулся: “Раз так, то скажите Рейгану, что мы не такие уж и плохие!” Конечно, ему и в голову не могло прийти, что я с вами знакома!»

Президента это очень насмешило. История понравилась, и он попросил продолжить.

Я стала рассказывать дальше: «Поскольку было похоже на то, что механик забыл затянуть на колесе крепежные болты, троим мужчинам пришлось рыскать по дороге между проезжающими машинами, чтобы собрать эти болты и заново установить колесо. Затем они отвезли меня обратно в гостиницу. Все произошло настолько быстро, что прежний автомеханик все еще был на месте и разговаривал с регистратором отеля. Мои спасители подошли к автомеханику и, взяв его за шею, хорошенько встряхнули. Затем оба офицера, все еще со следами смазки на лицах после смены колеса, уехали, и, прощаясь, я поблагодарила их от

лица моих друзей, семьи и всей страны. Однако, уехав, они оставили в моем распоряжении своего водителя.

Крепкий, говоривший с хрипотцой водитель тщательно провел тест-драйв моей машины вокруг парковки, крутя руль то так, то сяк (позже он мне объяснил, что иногда в новых машинах и руль отваливается), а затем предложил отвезти меня домой. Его звали Володя. По дороге он признался, что сейчас на пенсии, но был военным автомехаником и рассказал, как однажды ему, тогда рядовому сотруднику КГБ, поручили следить за американским консулом. Выслушав это, я не смогла удержаться от смеха, и сказала: “Ну, так мне еще повезло с приземлением!” Доехав до моего дома, он вежливо проводил меня до двери, сказав напоследок: “Будут проблемы — звоните”, — и дал мне свой номер со словами: — “Никому его не передавайте — вы меня понимаете”. Я поблагодарила его, не предполагая, что с этой машиной могут возникнуть еще какие-то проблемы.

Когда я вернулась в гостиницу, чтобы отдать ключи от автомобиля, то дежурная за регистрационной стойкой сообщила, что за колесо с меня причитается 150 долларов! Меня это разозлило, я пыталась протестовать, но безуспешно. Тогда я решила позвонить Володе. Когда я назвала сумму, тот в ответ лишь сказал: “Это много”, — и посоветовал: “Сюзанна, не беспокойся ни о чем и отправляйся в Москву”.

На следующий день мне нужно было отправляться в Москву, и я уехала. Вернувшись в Ленинград, я пришла в ту же гостиницу. К моему удивлению, я встретила ту же самую служащую, с которой обсуждала эту ситуацию прежде, но теперь она улыбалась во весь рот. Она сказала, что “честный механик” уже приходил сам и правдиво описал инцидент и теперь мне, разумеется, ничего платить не надо, разве что заполнить бумагу, которую должны подписать два свидетеля. Я подумала, что два советских офицера вряд ли захотят подписывать какую-то бумагу для американки, и поэтому мне вновь пришлось звонить Володе. И снова он посоветовал мне не беспокоиться и сказал, что сам поговорит со служащими гостиницы. Затем он перезвонил и сообщил, что нам нужно встретиться и он передаст мне необходимую бумагу.

Когда мы встретились, я поблагодарила его и рассказала, как по-доброму вела со мной та служащая, как она была любезна. Он молча выслушал мой рассказ и потом признался, что ему пришлось обратиться

к своим прежними коллегам (по КГБ) и те позвонили в гостиницу и предложили служащим пересмотреть свое заключение по инциденту, поскольку "та дама" — писательница и напишет обо всем так, что служащие гостиницы будут выглядеть не лучшим образом. Так что им следует заново проанализировать происшествие. Затем, решив, что тема закрыта, Володя ударился в воспоминания о том, как следил за американским консулом. Я, по своей наивности считавшая, что Ленинград — лишь город музеев и культурных достопримечательностей, недоверчиво спросила, какой здесь может быть интерес для шпиона. Володя ответил: "Кронштадт", — и продолжил рассказ. "Он был славным парнем (Володя назвал его по имени). У вас есть такие люди, есть и у нас. Когда ваши парни работают в нашей стране, вы зовете их *наблюдателями*, тем же словом мы называем своих, когда они в вашей стране, но, по сути, они все шпионы. Не утверждаю, что у них есть скрытые камеры, но этих парней трогать нельзя: если тронешь — *международный скандал!* Поэтому мне нужно было незаметно следовать за ним, а когда он окажется прямо напротив военно-морской базы, как бы случайно просто загородить ему вид"».

«Мораль этой истории такова, — сказала я президенту, — что даже если рядовой сотрудник КГБ ясно понимал ситуацию и имел приказ не трогать американца, поскольку это могло привести к ответным действиям, то это означает, что когда они схватили Данилоффа в Москве, они точно знали, что делают и что за этим последует».

На наших встречах я никогда не задавала президенту прямых вопросов о его политике. Я чувствовала, что задавать вопросы — это работа репортера и что я была там не для этого. Но в тот день президент был настолько возбужденным и непреклонным в своей решимости добиться «реальных сокращений вооружений», что в конце этой продолжительной встречи я робко спросила: «Господин президент, чего вы все-таки хотите от русских?» Без малейших колебаний он повернулся прямо ко мне и пригвоздил меня таким яростным орлиным взглядом, какой до этого на моей памяти я замечала у него лишь пару раз. Затем мгновенно с железной решимостью отчеканил: «Я хочу избавления от атомного оружия, *от всего!*»

И тогда меня осенило: «Господин президент, я могу кое-что предложить, что может оказаться полезным в ваших дискуссиях. Русские любят

в разговоре использовать поговорки, и есть одна, которая вам может оказаться кстати. Она звучит так: «Доверяй, но проверяй» и означает, что доверие должно сопровождаться проверкой. Это старая русская народная мудрость*. Вы же актер. Вы легко сможете выучить эту поговорку по-русски. Вставляйте время от времени ее в разговор. Просто вбрасывайте ее, и эффект обеспечен».

Я сразу заметила, какое впечатление это произвело на обоих — и на президента, и на его жену. «Это замечательно! — воскликнула она, — на чем бы это записать?» Так что к концу обеда, прежде чем я ушла, мы вместе — президент, госпожа Рейган и я проследовали в соседний кабинет, где я записала для них эту фразу, а также пообещала ее позже перепечатать, отметив, где нужно ставить ударение, что потом и сделала. Президенту предстояло привыкнуть к этой фразе и применять ее потом снова и снова.

Затем президент удалился, а я провела еще несколько минут наедине с госпожой Рейган. В тот день на меня вновь произвело впечатление то, насколько сильно президент чувствует себя пленником своей бюрократии. Прежде мне уже доводилось видеть, как настороженно он относится к чиновникам и как ему хотелось иметь с ними дело как можно меньше. К сожалению, мне это напомнило турецкие сказки про султана, в которых правителя держали во дворце орды интригующих слуг. В тот раз я еще более отчетливо поняла, насколько важную роль играла Нэнси Рейган и насколько президент нуждался в ее защите. Он был действительно очень обходительным человеком и идеалистом. Когда он горячо говорил о важности роли отдельного человека, то словно салютовал флагу. Полагаю, что он не слишком был искушен в интригах, но Нэнси в этом знала толк. Она была очень наблюдательна и сообразительна, но она не могла при-

* При обсуждении перевода книги на русский язык автор сказала переводчику, что не помнит источника, из которого она почерпнула это выражение, предположив, что нашла его в одном из словарей. В дореволюционных словарях русских пословиц такой поговорки обнаружить не удалось, но она встречается в литературе сороковых–семидесятих годов прошлого века. См. например, повесть Г.Н. Троепольского «Белый Бим Черное ухо» (1971), сценарий П.Ф. Нилина к фильму «Большая жизнь», 2-я серия (1946 г., фильм вышел в 1958 г.). В отечественные словари эту поговорку стали включать уже в девяностые годы. Возможно, что это выражение было в ходу у кого-то из ленинградских друзей автора. Английский вариант фразы — *Trust but verify* — прочно вошел в политический лексикон.

существовать на заседаниях кабинета, хотя Розалинда Картер, например, в них участвовала, за что ее критиковали. По этой причине я всегда приветствовала присутствие Нэнси на наших встречах с президентом, считая ее участие очень важным. В тот день, расставаясь, я сказала ей: «Мне кажется, его не слишком хорошо подготовили к этому конкретному происшествию с Данилоффом», на что она сквозь зубы процедила: «Я с вами согласна».

ГЛАВА 13

«ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ» — РЕЙКЬЯВИК

Самая драматичная и противоречивая, самая продуктивная и самая неверно понятая из всех американо-советских встреч.

Джордж Шульц¹

После нашего ланча 23 сентября, когда я научила президента Рейгана русской поговорке «Доверяй, но проверяй», президент отправил мне 3 октября письмо, в котором писал:

Нам обоим доставило удовольствие общение с Вами, и как всегда, мы благодарны за ту информацию, что Вы нам сообщили о русском народе и его советских хозяевах. Спасибо Вам еще и за статью, и за поговорку. Ее я возьму с собой в Исландию.

Президент не собирался долго ждать, чтобы пустить поговорку в ход. Уже через восемь дней в Рейкьявике он применил ее на первой же встрече один на один с Горбачевым. Указав в самом начале на критическую важность прав человека и затронув региональные вопросы в контексте сокращения вооружений, он сказал: «Есть русская поговорка: “Доверяй, но проверяй”². Как мы узнаем, что вы покончите со своими ракетами, как обещаете?» Горбачев ответил, что он согласен со строгим контролем, включая инспекции на месте.

Этот маленький самородок русской народной мудрости вполне мог дать название всей встрече. *Проверка* — это важнейший вопрос, но существенное значение имеет *доверие*, и оно начало возникать еще в Женеве, но тогда это были первые робкие шаги, недостаточно уверенные, чтобы преодолеть сорок лет сплошных взаимных подозрений между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Впервые употребив эту поговорку, Рейган потом неоднократно повторял ее и на самом деле делал это так часто, что она сейчас с ним буквально слилась и вошла в английский

лексикон. Однако для меня она не имеет какого-то специфического политического значения, хотя навсегда останется универсальной максимой, характеризующей человеческие отношения. И *доверие* стоит на первом месте — без него нечего будет *проверять*³.

Встрече в Рейкьявике (10–12 октября 1986 года) американские средства массовой информации изначально предрекали неудачу, но теперь она считается одной из наиболее важных исторических встреч этих двух людей. Протокольные записи переговоров показывают, что действительные позиции и намерения двух лидеров были очень близки. Фактически у них была одна и та же конечная мечта — полное уничтожение ядерного оружия. И они оказались невероятно близки к ее достижению. Но, как это часто бывает, дьявол крылся в деталях.

Что же произошло?

Это может показаться поверхностным суждением, но я предполагаю, что дело в неудачно выбранном месте встречи: местный климат едва ли был благоприятным, что отразилось на настроении участников. Конечно, на бумаге все выглядело гладко. Исландия была нейтральной страной и находилась на равном расстоянии от обеих стран, и она стала одним из двух мест, предложенных Горбачевым (другим была Британия), но реальность оказалась суровее. Читая и перечитывая стенограммы, я все время поражаюсь тому, как часто все говорят о погоде, особенно если учесть, что я прочитала множество отчетов о разных других встречах и ни в одном из них погода даже не упоминалась. Встреча проходила на фоне пронзительно-холодного и неприветливого пейзажа этого крохотного вулканического острова в Северной Атлантике. Я бывала в Исландии и весной, и зимой. Весной там сияет солнце, и все, что доступно взору, покрыто полями лаванды и фиолетовых люпинов, но зимой почти весь день царит темнота, создавая ощущение всепроникающего холода в условиях кажущегося нереальным лунного пейзажа.

Сумрачные ощущения, порожденные погодой, влияли на всех. Рейган вспоминал, как один астронавт говорил: «Луна покажется приятнее, чем тренировки в Исландии».

Горбачев был поражен увиденным сразу, написав: «Мы прибыли в Исландию во второй половине дня 10 октября 1986 года. Неведомый, незнакомый мир открылся перед нашими глазами: никакой растительности, сплошные валуны, камни. Через каждые тридцать минут дождь.

Рейкьявик в русском переводе означает что-то вроде “дымного места”. Он действительно будто в дыму. Однако то, что видится как дым, на самом деле пары гейзеров»⁴.

Госсекретарь Джордж Шульц, искушенный путешественник по всему миру, и тот не отказал себе в возможности высказаться о том, насколько тут холодно, написав, что прежде бывал в Исландии и нашел ее вполне комфортной страной, но добавил, что на сей раз она «своими нескончаемыми часами тьмы наводила на недобрые предчувствия»⁵.

Кроме того, все разместились очень неудобно. Президент Рейган занял весьма скромные апартаменты американского посла. Шульца поместили в маленьком отеле «Холт», стоявшем на узенькой улице далеко от моря. Он описывает свои комнаты как «маленькие и аккуратные, приспособленные для того, чтобы у холода и тьмы снаружи было как можно меньше возможностей проникнуть внутрь». Он упоминает, что однажды ночью его разбудили шестеро членов американской делегации, набившихся в два часа ночи к нему в комнату, утверждая, что «исландский холод проник в их комнаты настолько, что пришлось на пижаму натянуть свитер, да еще и банный халат»⁶.

О своей большей по составу русской делегации Горбачев писал: «Все, кто приехал со мной, разместились на теплоходе “Георг Отс”, прибывшем сюда специально из Таллина» (что тоже не было уж очень комфортным размещением, особенно если учесть волнующееся море).

И ко всему прочему встречи проходили в здании Хофди-хаус, которое Шульц описывает как «мрачное строение на пустой равнине на краю Северной Атлантики»⁷, где, как утверждают исландцы, их преследуют гномы и эльфы. Размещение оказалось таким стесненным, что секретарям приходилось работать и в ванной комнате, потому что другого места для компьютера и принтера просто не было. Президентские встречи проходили в маленькой комнате, в которой вечно не хватало стульев и окна выходили на серое штормовое море. Здесь так часто шли дожди, что все приехавшие приезжали на встречи в промокших плащах, потирая озябшие руки.

Снова и снова с обеих сторон обнаруживались те или иные неверные толкования и ошибочные расчеты. В то время как оба лидера приехали в Рейкьявик с надеждой на то, что им удастся вступить на дорогу, ведущую к уничтожению ядерного оружия, и советская сторона в этом

отношении считала встречу в Рейкьявике жизненно важным этапом, с нашей стороны, казалось, совершенно неверно воспринимали горбачевские намерения. С самого начала они давали понять, что считают встречу не полноценным саммитом, а одной из «встреч», это в равной мере относится и к Шульцу, и к Пойндекстеру, принижавших роль встречи и советовавших Рейгану вести дело так, что Рейкьявик — это не саммит, и не создавать впечатление, что будет какой-то саммит номер три. На своем брифинге Шульц говорил Рейгану, что Советы ведут переговоры на основе наших предложений, в то время как фактически они вели их, опираясь на новые предложения.

В отличие от того, как тщательно готовился Рейган к Женеве, на этот раз он не готовился сам и не имел никаких новых инициатив. Девятого октября, как раз перед отъездом в Исландию, президент записал в своем дневнике: «Я становлюсь подозрительным — осталось 12 часов до отъезда в Исландию, и здесь предприняли уже с полдюжины попыток обезоружить и сделать меня беспомощным перед лицом Горбачева». Он не упомянул никаких деталей, но ясно, что с самого начала в американской команде переговорщиков царили трения и разногласия, которые продолжились и во время самой встречи, что сделало прогресс на переговорах нестерпимо медленным. Горбачев, со своей стороны, тоже остро критиковал советскую бюрократию.

Чтобы подчеркнуть настойчивое стремление представить происходящее лишь как одну из «встреч», наша делегация была очень маленькой — в ней насчитывалось всего 12 человек — и в ее составе не оказалось ни одного высшего офицера в отличие от советской делегации, в которой маршал Сергей Ахромеев, начальник Генерального штаба (примерно такой же пост, что и наш председатель Комитета начальников штабов), выступал как главный переговорщик. Главным переговорщиком с нашей стороны был Пол Нитце⁸, считавшийся архитектором американской политики холодной войны и массированного производства вооружения в президентство как Картера, так и Рейгана. В противоположность тому, что говорилось в предварительных докладах ЦРУ об Ахромееве как о трудном и бескомпромиссном переговорщике, он оказался более умеренным, чем некоторые делегаты от советского МИДа. Нитце был очень впечатлен, обнаружив для себя, что маршал Ахромеев обладал «острым умом и владением вопросами», и позднее сказал, что на переговорах

«Ахромеев был первоклассным переговорщиком... человеком великой смелости и твердого характера»⁹.

Глядя на фотографии, поражаешься изобилию темных костюмов и отсутствию женщин, кроме неизменно суровой Розанны Риджуэй. Джек Мэтлок признался, что сделал серьезную ошибку, посоветовав президенту не брать с собой госпожу Рейган, поскольку полагал, что «Горбачев поступит так же». Напротив, когда советский министр иностранных дел послал Горбачеву проект распорядка работы, в котором не была упомянута его жена, тот вернул бумагу, сказав: «Вы не запланировали для меня времени, чтобы посоветоваться с женой», — и внес ее в список делегации под первым номером¹⁰ — и это показывает разницу между американским и советским подходами. Похоже, что госпожу Рейган обо всем этом не информировали и ей не сказали, что это именно *наша* сторона решила, что ей не стоит ехать, а не потому, что в это дело вмешалась Раиса Горбачева. Если бы Нэнси обо всем этом знала, она бы настояла на том, чтобы нести свою долю ответственности. В результате она пришла в ярость, а ее муж был раздосадован. Почему, спрашиваю я, мы должны были «полагать»? Мы совершенно точно должны были иметь список советской делегации заранее. Все это выглядит как недостаток чисто человеческого понимания талантов и иногда решающей роли, которую могут играть женщины, и все это обернулось серьезной дипломатической ошибкой.

Права человека, региональные вопросы и способы связи — все это обсуждалось, но центральными проблемами оставались контроль за вооружениями и их сокращение — именно к ним Рейган и Горбачев вновь и вновь возвращались в ходе напряженных дискуссий. Со стороны Горбачева мы видели упрямство, подозрительность и раздражительность. Горбачев сделал по-настоящему драматическое предложение о сокращении стратегических ракет на 50 процентов¹¹ по всему спектру ядерного арсенала. Рейган, настроенный в целом искренне и дружелюбно, оставался непоколебимым в своей убежденности, что только СОИ, космическая оборонная система, может, в конце концов, сделать возможным уничтожение всех ядерных баллистических ракет и прикрыть щитом Америку (как и Россию) от потенциальной атаки ядерными ракетами как со стороны друг друга, так и со стороны возможных стран-изгоев. Рейган представил провидческую, на самом деле революционную, далеко

идущую концепцию. Он предложил, чтобы испытания СОИ проходили в присутствии советских наблюдателей, которые могли бы инспектировать наши исследования, достижения и результаты. И если тесты покажут, что система работает, то США будут обязаны поделиться ею с Советским Союзом. Затем можно будет вести переговоры об уничтожении всех баллистических ракет и совместном использовании СОИ. Но, несмотря на все усилия, ему не удалось преодолеть подозрительности Горбачева: «Извините меня, господин президент, но я не могу принять всерьез вашу идею о совместном использовании СОИ. Вы не хотите поделиться даже оборудованием по нефтедобыче, автоматическими станками или оборудованием для молочных ферм, а поделиться СОИ означало бы вторую американскую революцию. А революции случаются не так часто»¹².

На это президент Рейган ответил: «Если бы я думал, что СОИ нельзя будет поделиться, я бы сам ее отверг».

Тем не менее, несмотря на все аргументы и объяснения Рейгана, Горбачев и Советы оставались при своем убеждении, что СОИ, если продолжать над ней работать, даст Соединенным Штатам постоянное военное преимущество.

По нашему разговору за ланчем 23 сентября я знала, как страстно президент хотел завершить сокращение вооружений и двигаться дальше в направлении уничтожения ядерного оружия, поэтому я, пусть и в малой степени, могу понять, какое разочарование он испытал, когда его надеждам не суждено было свершиться. Он пошел в своих предложениях намного дальше, чем это делал военный истеблишмент США, но на самом деле меня не оставляет мысль, что, несмотря на всю его популярность и на всю его способность добиваться своего, даже Рейгану не хватило бы времени, чтобы добиться одобрения его повестки дня в США.

Оба лидера отправлялись в Рейкьявик с большими надеждами, и оба были ужасно разочарованы крахом попыток достичь соглашения. Это заметно по их огорченным лицам на знаменитых фотографиях, сделанных в момент отъезда из Хофди-хауса после завершения встречи. Когда удрученный Горбачев сказал Рейгану: «Я не думаю, что вы хотели соглашения. Что еще я мог сделать?» — Рейган кратко ему ответил: «Вы могли сказать “да”»¹³.

Штудирова официальные протоколы этой исторической, едва ли не провальной встречи, я ощущала всю глупость и бесплодность холод-

ной войны. Накопленное обоюдными усилиями оружие превратилось в бесконтрольное чудовище, которое даже ослабить было почти невозможно. За четыре десятилетия обе стороны аккумулировали целые горы все более изощренного оружия. Мера сюрреалистичности ситуации, нами самими созданной, для меня прекрасно иллюстрируется тщетностью попыток сопоставить «яблоки» (стратегические ядерные бомбардировщики) с «апельсинами» (баллистическими ракетами), когда просто невозможно сравнить всю их смертельную мощь так, чтобы обе стороны оказались удовлетворены. Как мы могли так сосредоточиться на создании одного оружия за другим, когда уже давно было очевидно, что мы можем аннигилировать друг друга — вместе со всем прочим миром, использовав лишь *часть* этих машин смерти? Сумасшествие.

Добавьте к этому медлительность и подозрительность бюрократии с обеих сторон, помноженную на внутренние разногласия и борьбу занимающих важные кресла чиновников, а также массу самых разнообразных приготовлений, ограничивавших президента, и вы начнете испытывать жалость к этим двум стреноженным лидерам. И это справедливо для обеих сторон. Горбачев резко критиковал свою неповоротливую бюрократию. Советская сторона также жаловалась на то, что в их собственной команде было столько ссор и споров, что они могли продвигаться вперед лишь со скоростью улитки.

Было ясно, что у Горбачева существуют проблемы дома — как и у Рейгана. Горбачеву перед Рейкьявиком приходилось писать: «...У генералов, да и в МИДе... были сомнения. Уж очень они были “зациклены” на противостоянии, сказывались и корпоративные интересы военных. А некоторых переговорщиков просто устраивала такая ситуация: “сладкая жизнь” на валютных харчах, чем дольше переговоры, тем лучше»¹⁴.

Неудивительно, что все участники переговоров были измотаны геркулесовыми усилиями достичь какого-то взаимоприемлемого соглашения и оба лидера хотя и придерживались одной и той же цели, так и не смогли выпутаться из этой ситуации, во всяком случае, не за два коротких дня встречи. В конце концов, Рейкьявик оказался, возможно, самым большим из «что было бы, если бы» в истории советско-американских встреч периода холодной войны. Вот несколько таких *если бы*, которые приходят мне в голову.

Если бы все проходило в солнечную погоду, где-нибудь на острове в Карибском море и при этом сопровождалось вкусными обедами с тостами под водочку?

Если бы Бад Макфарлейн все еще оставался советником по национальной безопасности? Смог бы он, настоящий международник и сторонник президента в налаживании наилучших отношений при одновременной защите американских интересов, найти путь к компромиссу?

Что, если бы Нэнси была рядом и могла давать свои советы, свою поддержку и высказывать свои острые суждения о тех, кто окружал ее мужа? Все в окружении президента знали, как сильно он в ней нуждался, знали, какую силу и ощущение комфорта она ему придавала. В этом одиноком и призрачном месте, если бы она была там (о чем Мэтлок позднее сокрушался)¹⁵, Рейган мог остаться еще на один день, как того просили Советы, и, быть может, в последнюю минуту договорился бы с Горбачевым.

И самое важное, что, *если бы* наша сторона была надлежащим образом проинформирована о намерениях Горбачева и о его приоритетах, явившихся полной неожиданностью? Что, если бы мы были лучше готовы и не настаивали на том, что все мероприятие надо расценивать просто как «встречу», а не как «саммит»? Больше того, и в этом вся ирония, Шульц потом напишет, что «в глазах всего мира Рейкьявик станет олицетворением самого слова “саммит”»¹⁶. Забавно читать Шульца, который завершает свой рассказ о Рейкьявике так: «Я вновь убедился в том, насколько низким является качество наших разведывательных данных о Советском Союзе. Мы совсем не получали внятной помощи от нашего разведывательного сообщества в отношении того, чего нам надо было ожидать. Фактически сообщение от ЦРУ о том, чего стоит ждать в Рейкьявике, было строго противоположным тому, что произошло на самом деле. Советские военные были представлены отлично, и в лице маршала Ахромеева мы увидели самого здравомыслящего советского деятеля»¹⁷.

Когда президент вернулся домой, он столкнулся с ядовитыми комментариями со стороны американских правых, среди них были и утверждения, что он упустил великий шанс использовать «звездные войны». «Обрушился просто шквал критики, в том числе со стороны адмирала Билла Кроу, выступившего от имени военачальников, сожалеющих, что их там не было. Их тревожила идея уничтожения баллистических ракет, и они считали, что Рейган зашел слишком далеко»¹⁸. Ричард Барт

и Розанна Риджуэй полагали, что наша политика может создать угрозу альянсу*, и в этом мнении к ним присоединился старый боевой конь Генри Киссинджер. Многие в аппарате Белого дома и в Пентагоне пребывали в состоянии шока и придерживались отрицательной точки зрения. Пойндекстер попытался отвлечь президента от его главной идеи, утверждая, что «уничтожение ядерного оружия сыграет губительную роль»¹⁹. Для него, для Уайнбергера и многих других и всего Госдепартамента Рейкьявик оказался просчетом самого большого калибра.

К моему удивлению, все эти критики, похоже, были неспособны отдать должное ясно озвученным целям президента и его долговременной яростной приверженности поиску пути к тому, чтобы освободить мир от страха ядерного уничтожения. Я согласна с Шульцем, когда он напоминает им, что «если у президента появляется в голове идея, то она там надолго». Он пишет: «Рейган действовал за пределами существующих границ и нападал на общепринятую обычную мудрость. Мир не был готов принять смелость Рейгана»²⁰. (Подчеркивая то, с каким сопротивлением пришлось столкнуться Рейгану, Роальд Сагдеев, великий советский физик и советник Горбачева по СОИ, рассказал мне поразительную историю: один из членов советской делегации, вернувшись в Москву, сообщил ему, что некий американский делегат в конце встречи подошел к нему и сказал: «Спасибо, что остановили нашего сумасшедшего президента».)

Как это ни печально, Рейган написал: «В Рейкьявике мои надежды на мир без ядерного оружия вначале воспарили, а затем были опрокинуты на протяжении самых длинных, самых разочаровывающих и в конечном счете зловещих дней моего президентства»²¹.

Но первоначальные суждения в прессе, сопровождаемые наиболее расхожими мнениями в Вашингтоне, что Рейкьявик стал «провалом», оказались неверны. По Шульцу, «достижения саммита в Рейкьявике были большими, чем от какой-либо еще американско-советской встречи до этого. Несмотря на то что мы не смогли достичь соглашения, результаты были огромными. Мы достигли важного поворотного пункта. Права человека стали постоянным элементом повестки дня... Просматривалась возможность уменьшения опасности от возможного ядерного опустошения»²².

* То есть НАТО.

В этом к нему присоединился Горбачев, в воспоминаниях которого сказано, что когда они стояли возле машины, Рейган приблизился к нему и сказал: «Вы с самого начала задумали приехать сюда и поставить меня в такое положение!» Горбачев пишет, что ответил ему: «Нет, господин президент, готов сейчас же вернуться в дом и подписать документ по все вопросам, которые мы уже согласовали, если вы откажетесь от планов милитаризации космоса. “Весьма сожалею”, — последовал ответ. Попрощались, он сел в автомобиль»²³. Рейган не остался на завершающую пресс-конференцию.

Горбачев оказался наедине с огромной толпой журналистов. Он говорит, что несмотря на то что был расстроен результатом и последними словами Рейгана, идя на пресс-конференцию, где его ожидали около тысячи журналистов, он решил держаться спокойно и не пытаться получить пропагандистское преимущество из-за американского упрямства. Вот его эмоциональный рассказ: «При моем появлении журналисты встали с мест и молча стоят. Этот беспощадный, нередко циничный, даже нахальный мир прессы смотрел на меня молча, из зала исходила тревога. Меня охватило глубокое волнение, может быть больше... я был потрясен. В лицах этих людей передо мной как бы предстал весь человеческий род, который ждал решения своей судьбы. В это мгновение ко мне пришло истинное понимание Рейкьявика и как нам надлежит действовать дальше. Выступление мое опубликовано в газетах, откомментировано тысячами журналистов, политологов и политиков. Не буду воспроизводить его в подробностях. Ключевое в нем значение имела фраза: “При всем драматизме Рейкьявик — это не поражение, это прорыв, мы впервые заглянули за горизонт”»²⁴.

Он заслужил гром аплодисментов аудитории. Потом один журналист напишет: «Когда генеральный секретарь представил провал рейкьявической встречи как победу, сидящая в зале Раиса Горбачева с восторгом смотрела на мужа, и по ее лицу катились слезы»²⁵.

Лишь через две недели, как видно из протоколов Политбюро, Горбачев в основном принял формулу Рейгана и пришел к тому, что начал воспринимать искренность его предложения, но было уже поздно. В США разразился «Ирангейт», и рейтинг Рейгана упал. Он утерял инициативу. Целый ряд позитивных вещей серьезно меняли базовую ситуацию, и не последними из них было то, что Советы впервые приняли американскую

повестку дня как основу для обсуждения. Обе стороны чувствовали, что они сделали существенные уступки, но в конце концов уперлись в одно слово «лаборатория».

Но, возможно, черта была подведена Георгием Арбатовым, который подытожил комментарии Пола Нитце таким образом: «Принятие ваших предложений требует исключительного уровня *доверия* (курсив мой. — С.М.). Мы не можем принять ваши предложения».

Таким трагическим образом была упущена великая историческая возможность. Я чувствовала огромную печаль обоих разочарованных лидеров и то, что моих собственных усилий и попыток содействовать тому, чтобы были доверие и понимание с обеих сторон, конечно, не хватило для преодоления глубоко укорененных, по-прежнему сохранявшихся подозрений. Но я все еще надеялась, что в конечном счете Рейкьявик окажется важным шагом вперед.

ГЛАВА 14

НЭНСИ

За годы, пока ее муж пребывал в Белом доме, о Нэнси Рейган было опубликовано множество материалов в прессе и распространена масса сплетен. Болтали о ее пристрастии к дизайнерской одежде (а почему так не говорили о Джеки, которая всегда привлекала внимание экстравагантными нарядами?), о ее друзьях из калифорнийского высшего света и еще больше о ее могущественном закулисном влиянии на своего мужа и яростной его защите. Иногда ее изображали совершенно карикатурно, но действительной мерой соответствия статусу первой леди является совсем не то, насколько она популярна в глазах прессы или публики¹, но то, как она помогает президенту, и в этой роли Нэнси Рейган достигла бесспорного успеха.

Что до меня, то нет никакого сомнения в том, что, *конечно*, она пользовалась большим влиянием; она и президент не стеснялись показывать, что влюблены друг в друга и что их объединяет глубокая взаимная привязанность. Никто не был к нему ближе, чем его обожаемая Нэнси; не было никого, в ком бы он нуждался больше, чем в ней и кому бы он настолько доверял. Они делили все. Раз за разом он подчеркивал, как она важна для него и как страстно он ее любит. При такой преданной жене, как Нэнси, он все время находился в центре ее внимания, и она стремилась защитить любимого человека всеми возможными способами. Она не была похожа ни на Жаклин Кеннеди с ее интересом к искусству, ни на застенчивую Бесс Трумэн, ни на Мейми Эйзенхауэр, настоящую жену военного, ни на Хиллари Клинтон, имевшую свои собственные карьерные планы, ни на последовавшую за ней, склонную к показной открытости Лору Буш. Для Нэнси было всегда совершенно ясно: все, что она делает, должно идти на пользу ее Ронни. Поэтому я ей всегда симпатизировала и за это уважала ее.

Мне не довелось узнать ее так же хорошо, как президента, и я сожалею об этом; я бы хотела знать ее лучше. Я близко видела ее лишь несколько раз. Но почти сразу мне стало понятно, что даже если часть того, что

говорилось в прессе об их взаимной преданности, действительно является правдой, то тогда, будь я на ее месте, тоже хотела бы видеть *каждую* из женщин, с которыми он говорил *ни о чем*. Перед нашей следующей встречей с президентом в своем письме я упомянула, как много будет для меня значить, если госпожа Рейган найдет возможность присоединиться к нам в Овальном кабинете, и что я была бы счастлива, если она решит прийти. Она оставалась всегда спокойной, внимательно слушала и показалась мне слегка испуганной и не привыкшей к встречам в Овальном кабинете.

После той первой встречи мы еще трижды вместе обедали с президентом, и у нас были две отдельные встречи с госпожой Рейган в той части Белого дома, где они жили. Я встречала ее на официальных мероприятиях, в том числе на Государственном ужине в честь Горбачева. За эти годы я получила от нее несколько записок и несколько раз говорила с ней по телефону. Она всегда производила на меня впечатление своей женственностью, тем, что была настоящим воплощением романтической голливудской героини конца сороковых — начала пятидесятых. Худенькая, она казалась тонкой и хрупкой, как фарфор. Она всегда была безупречно ухожена и элегантно одета² — на одежде не было ни складки, а на обуви — ни пятнышка, из ее прически не выбивался ни один лишний волосок, и при этом она казалось трогательно незащищенной.

Но когда было нужно, она могла самоотверженно сражаться за своего мужа, принимая на себя роль буфера при атаках хищников. Говорили, что она наблюдает за его советниками ястребиным взором, готовая уничтожить любого, кого заподозрит в недостаточной лояльности или в неэффективной помощи своему Ронни. Это я могу понять и этому аплодирую. Она любила его, защищала и всегда была рядом, преданно наблюдая за происходящим и заботясь о нем на протяжении всех десяти печальных лет, когда он исчез для всего мира и для нее из-за болезни Альцгеймера.

В политическом отношении она придерживалась центристских взглядов и обладала острым чувством восприятия общественных настроений; она все делала для того, чтобы президентом не смогли завладеть крайне правые. Инстинктивно, будучи умеренным человеком, она оказалась вовлечена в споры в Белом доме почти по всем вопросам, от социальной политики (вспомним ее войну против наркотиков под лозунгом «Просто скажи “нет”») до американо-советских отношений. (Рейган писал,

что когда она встретила в 1984 году с Андреем Громыко и тот спросил ее: «Верит ли ваш муж в мир?», — Нэнси ответила: «Да, конечно». Тогда он предложил: «Шепчите ему на ухо слово *мир* каждую ночь». В ответ она наклонилась к его уху и прошептала: «Я буду, но буду шептать то же самое и в ваши уши тоже».)

Она действовала женским способом, проверенным временем и многими супругами королей и могущественных лидеров: тихо создавала коалиции союзников, успешно оперируя с помощью других, находясь за кулисами политической сцены, и прежде всего, используя своего давнего друга и главного единомышленника Майкла Дивера. После попытки покушения на Рейгана в 1981 году, она почувствовала ужас и страх³ и обратилась к астрологу, за что подверглась множеству жестоких и бессердечных упреков со стороны людей, которым никогда не доводилось испытать трагедии такого рода. Как мать сына, больного гемофилией, и пережив едва не окончившуюся гибелью второго мужа катастрофу, я сама знаю, что значит отчаянно пытаться вернуть хоть какой-то контроль за тем, что контролировать невозможно. И едва ли она была единственным человеком, который обращался за помощью к звездам. За долгие годы я поняла, что все, кого я встречала в этом мире, знают свой астрологический знак, и уверена, что мало кто из людей не поддавался искушению посмотреть на свой гороскоп в газете или журнале.

После попытки покушения она пришла к убеждению, что предназначение ее мужа — быть миротворцем и окончить холодную войну. И хотя понадобилось больше шести лет, чтобы американский президент встретился с советским руководителем, она постоянно выступала за эту встречу один на один. Сотрудник Белого дома вспоминал, что «она приставала к Джорджу Шульцу и другим и спрашивала: “Что вы делаете для этого?”» Как только Рейган восстановился после покушения, он от руки написал письмо Брежневу, но письмо вернули президенту полностью переписанным экспертами по Советском Союзу из его собственной администрации, посчитавшими послание наивным. Именно она и Дивер настояли на том, чтобы оригинальное рукописное письмо президента было отправлено Брежневу вместе с официальным посланием из Госдепартамента.

Государственный секретарь и кое-кто из СНБ, так же как и другие советники, полагали, что президент «не готов»⁴ к встрече наедине с Горбачевым, и упорно противились самой идее такой встречи, убежденные,

что только Государственный департамент и его эксперты знают, что надо делать. Сторонником очной встречи был Бад Макфарлейн, он просил у Нэнси помощи, и она его полностью в этом поддержала; в конце концов, именно она подсказала то решение, которое привело к встрече в Женеве.

Будучи проницательной женщиной, она всегда понимала, что при всей популярности идеи антикоммунизма идея мира пользуется большей поддержкой. Она никогда не забывала о потенциальном наследии Рейгана и поэтому поощряла мужа к снижению остроты антисоветской риторики и хотела, чтобы он слышал и другие точки зрения. Я была одним из таких людей, и мне говорили и Макфарлейн, и президентский историк Майкл Бешлосс, что ей и Диверу понравился мой первый визит и они выступили за продолжение наших встреч. Учитывая ее сильный защитный рефлекс, можно предположить, что мне вряд ли довелось бы снова встретиться с президентом, будь она против.

Вполне типичным для часто гадких замечок прессы было нарочитое подчеркивание в газетах, что когда она принимала за чаем Фрэнка Синатру, то распорядилась, чтобы их никто не беспокоил — словно в этом было что-то предосудительное! Могу засвидетельствовать, что хотя я и не могу себя отнести к числу таких же старых ее друзей, как Фрэнк Синатра, но когда в начале 1987 года госпожа Рейган пригласила меня на чай в свои чудесные комнаты в жилой части Белого дома, она тоже отдала распоряжение, чтобы ее никто не беспокоил, и это было, по-видимому, для нее обычным делом. И тем не менее, пока мы сидели за чаем, телефон зазвонил. Отвечая на звонок, она повторила, что ее *не следует* беспокоить. Когда спустя какое-то время телефон зазвонил снова, она холодно вновь повторила то же самое. Наконец, телефон зазвонил в третий раз, и она, казалось, была готова взорваться. Но взяв с раздражением трубку, она вдруг посмотрела на меня и мягким голосом, передававшим какое-то девчоночье удовольствие и радость, сказала, прикрыв ладонью трубку: «Это мой муж!»

Вначале мы в самых общих чертах говорили о прогрессе в отношениях с Советским Союзом, и она сказала мне, что Джек Мэтлок получил назначение послом в Москву. Учитывая его опыт, сказала Нэнси, она уверена, что я отнесусь к назначению одобрительно.

Но это было не единственное, о чем она намеревалась говорить в тот день. Было еще что-то, что ее беспокоило. Я совершенно не ожидала того,

что потом последовало, и была поражена, когда она со злостью воскликнула: «Советы отказались выдать моему сыну, Рону-младшему, визу!» — и возбужденно продолжила: «Как Горбачев мог так поступить?» Такое на самом деле можно было расценить как пощечину, особенно если учесть, что со времени встречи в Женеве Рейган и Горбачев регулярно обменивались письмами и Рейган пригласил Горбачева в Вашингтон. И все-таки, имея свой богатый опыт общения с советской бюрократией и осознавая, что там, кажется, правая рука не знает, что делает левая, я поспешила разубедить ее в подозрениях, сказав, что я *уверена*, что господин Горбачев ничего об этом не знает и никогда бы *так* не поступил. Поскольку я опять собиралась в Советский Союз, то попыталась ее успокоить и обещала попробовать выяснить, в чем там дело.

Размышляя о произошедшем, я поняла, что могло произойти на самом деле. Телекомпания ABC наняла молодого Рона подготовить несколько репортажей во время поездки, которую они планировали совершить по Советскому Союзу. Было объявлено, что телесеть собирается показать фильм под названием «Америка», в котором Советский Союз показан в чрезвычайно неприглядном свете. Советы громко протестовали, и когда ABC все-таки показала фильм, советская бюрократическая машина своей тяжелой рукой дала на это неуклюжий ответ — наложила запрет на выдачу виз для всех сотрудников ABC. Я посчитала, что юный Рон просто угодил в эту коллективную корзину⁵.

Когда вскоре я приехала в Москву, то позвонила Богданову, который воспринял все это всерьез. Мне предложили немедленно приехать в Институт США и Канады. Так как я никогда не была уверена в том, что у него за пазухой, я не хотела ехать туда одна, не поставив никого в известность о том, что со мной происходит и где я. И вновь военные пришли на помощь. Полковник Джон Конкэннон, мой приятель со времен группы инструкторов Одома в Вест-Пойнте, работавший в то время военным атташе в нашем посольстве, обещал отвезти меня в институт. Один из иссиня черных лимузинов ожидал меня у ворот. Сказав Джону, что я дам знать, когда пойду обратно, я пошла в институт. Богданов был там, и нас немедленно отвезли в здание внутри квартала, где находился Центральный Комитет партии. Это было хорошо охраняемое место, снаружи и внутри которого стояли солдаты. Один из них вошел с нами в лифт и сопровождал нас вначале вверх, а потом обратно вниз.

Богданов привел меня в кабинет на том же этаже, где несколько дальше по коридору находился и кабинет Горбачева и где я встретила с человеком, назвавшимся Виталием Гусенковым*, одним из личных советников Горбачева, сидевшим в просторном кабинете за очень большим столом. Он был вежливым, очень интеллигентным человеком, блестяще говорившим по-французски.

Хотя я и говорила по-русски свободно, но вспомнила добрый совет, который получила от друга моего отца Раймонда Пробста, бывшего посла Швейцарии в Соединенных Штатах, позднее ставшего статс-секретарем в Министерстве иностранных дел Швейцарии. Отец Пробста был швейцарцем, а мать — русской. Он свободно говорил по-русски и дал мне ценный совет: «Никогда не говорите по-русски на официальных встречах. Они все равно говорят лучше, чем вы. Вместо этого, — посоветовал он, — внимательно слушайте говорящего и затем используйте дополнительное время, которое понадобится переводчику, чтобы обдумать то, что вы слышали, прежде чем ответить. После шести часов вечера и в неофициальной обстановке говорите по-русски». Добрый совет опытного дипломата сослужил мне хорошую службу на других официальных встречах и в этой встрече пригодился тоже, поскольку французский для меня родной язык. Я решила использовать это. Вначале я передала послание президента, который сердечно приглашал Горбачева в Вашингтон. Начав с такого позитива, я затем воспользовалась возможностью и упомянула вопрос об отказе в визе Рону-младшему. Гусенков выглядел действительно изумленным, узнав об этом, и заметил, что Горбачев об этом тоже ничего не знает. (Все было именно так, как я и предполагала: те, кто наверху, ничего не знали о том, что могут сделать нижестоящие.) Защищаясь, он объяснил, что произошедшее связано с тем, что в визе отказали всему персоналу АВС в качестве выражения неодобрительного отношения к сериалу «Америка», а не лично к Рону. Что касается АВС, то Гусенков спросил меня: «Что я могу сделать?» Я ответила: «Разрешить им приехать». Он сказал: «Это невозможно», — и принялся говорить о том, что они получили множество писем от оскорбленных советских граждан,

* Виталий Семенович Гусенков — референт президента СССР с декабря 1986 по декабрь 1991 г. С января 1992 по апрель 1997 г. — в Горбачев-Фонде. С 1985 г. работал с Р.М. Горбачевой, прежде всего во время зарубежных поездок президента СССР.

требующих от правительства какой-то реакции на то, что выглядит как нападки на их страну. Когда я начала пересказывать свою беседу с госпожой Рейган, передала ее досаду на Горбачева, он был ошеломлен, внезапно поняв, что в такой деликатный период хрупкого потепления отношений между сверхдержавами даже маленькое дело личного характера иногда в состоянии повлиять на большие вопросы и что на самом деле это может выглядеть как преднамеренное оскорбление. Чрезвычайно озабоченный тем, какие последствия все это может иметь, он спросил меня с опаской:

— Уверены, что это не повлияет на наши текущие отношения с президентом?

— Нет, — заверила я. — Не могу представить себе, что это может так повлиять, но вы должны понимать, насколько сильны материнские чувства.

— Да, да, — поспешно согласился он, — конечно. Пожалуйста, передайте госпоже Рейган, что ее сыну будут рады в Советском Союзе в любое время, как он того пожелает. Убедите ее в этом.

Когда мы ушли, на всем нашем пути обратно до черной машины сопровождаемые солдатом, Богданов сделал мне редкий для него комплимент.

— Мои поздравления, — сказал он. — Вы справились с этим, проявив изумительную дипломатичность. (Гусенков на следующий день позвонил мне, передав личный ответ Генерального секретаря Горбачева, и выразил слова благодарности за приглашение.)

Не секрет, что с момента их первой встречи на саммите в Женеве госпожа Рейган не очень ладила с госпожой Горбачевой, а их стычки с удовольствием муссировались и преувеличивались прессой. Мне всегда казалось, что некоторые из их различий можно было сгладить одним лишь объяснением⁶, и я часто удивлялась тому, куда смотрят дипломаты — и наши, и советские. Думаю, что они были слишком заняты вопросом об ограничении вооружений, чтобы беспокоиться о дамах. Никто из них, кажется, совсем не подготовил их к первой встрече друг с другом.

Не существовало двух других женщин, которые бы так сильно отличались друг от друга. Нэнси была сама элегантность Большого города, утонченная и сдержанная. Она родилась в Нью-Йорке, ее бережно воспитывали в Чикаго, где ее отец-хирург был профессором Северо-Западного

университета. Она окончила престижный Смитовский колледж, где изучала драму, и позднее стала актрисой в Нью-Йорке и Голливуде. Раиса была провинциальной советской женщиной, родившейся в рабочей семье. Ее отец работал железнодорожным инженером в маленьком городке малонаселенного Алтайского края отдаленного Сибирского региона, граничащего с Китаем, Монголией и Казахстаном. Благодаря своему трудолюбию и настойчивости в достижении цели она упорно прокладывала себе путь из провинции, окончив философский факультет Московского государственного университета. Не зная ничего другого, она была привержена педантичному и многословному коммунистическому стилю и взглядам, была ими буквально пропитана.

Нэнси была на восемнадцать лет старше и обладала многолетним опытом пребывания на людях и знанием всей блестящей мишуры светской жизни в качестве жены знаменитого актера, влиятельного губернатора и президента Соединенных Штатов. Раиса Максимовна встретила своего мужа на университетских уроках бальных танцев, когда он, сын колхозного механизатора, учился на юриста в Московском государственном университете. Она вышла за него замуж в 1953 году, когда ей был двадцать один год, и последующие двадцать три года они прожили в небольшом городе Ставрополь в предгорном Южном регионе России недалеко от Грузии. Этот город находился в 1400 километрах от Москвы и на расстоянии световых лет от мира утонченности и манер. Один из русских эмигрантов описывал его как «большую деревню, вся жизнь в которой сосредоточивалась на одной улице». Там она преподавала марксистско-ленинскую философию в местных высших учебных заведениях, работала над диссертацией по социологии, которую защитила в 1967 году, в то время как ее муж прокладывал себе дорогу, двигаясь ступенька за ступенькой по партийной лестнице. Внешне привлекательная и идеологически правильная, она помогала ему принимать важных советских высокопоставленных руководителей, приезжавших на отдых на расположенные неподалеку курорты, и самым значительным из них был Юрий Андропов, возглавлявший КГБ. (Когда Раиса увидела фотографию Андропова в Вашингтоне, она не удержалась, чтобы воскликнуть: «Мы обязаны ему всем».)

Затем, в 1985 году, все круто изменилось в ее жизни: она превратилась в единственную настоящую первую леди в истории Советского Союза

и получила роль, для выполнения которой не существовало модели, как не было и никакого накопленного женского опыта поведения в тонких вопросах международного общественного протокола и дипломатии. Когда она встретилась с госпожой Рейган, ее муж находился у власти лишь девять коротких месяцев. Поэтому неудивительно, что взаимоотношения двух таких разных женщин с таким диаметрально противоположным опытом и стилем начались неудачно.

Во время их первой встречи госпожа Рейган заметила, что ее гостья была в галстуке, и удивлялась, зачем она так оделась. Позднее она поняла, что Раиса была единственной, чьи фото печатала советская пресса, и что она была одета в привычном советском профессорском стиле: «Она хотела выглядеть именно так!» Позднее, когда госпожа Рейган нанесла ответный визит Раисе Максимовне в советскую штаб-квартиру, она увидела, что сервированный для встречи стол ломился «от пирогов и обилия еды!» (Я пыталась объяснить, что такова русская традиция встречи почетных гостей, но в данном случае, наверное, был перебор с угощением.)

Раиса жаловалась Нэнси:

— Так тяжело быть в моем статусе, выполнять все эти требования моего положения. Это так трудно. Я так занята.

— Мы все так, дорогая, — сухо прокомментировала госпожа Рейган.

Я спросила ее:

— А о чем она говорила?

— Она все сводила к ракетам, — продолжила госпожа Рейган. — Достали альбом детских фотографий и вооружений. И она то указывала на детей, то на ракеты и вооружение.

Так продолжалось до тех пор, пока госпожа Рейган не почувствовала, что сыта этим всем по горло, и едко заметила:

— Я сама вижу, что это ракеты. — И, завершая все это: — Она снова и снова говорила о России и о том, какой она была прекрасной и не знаю, о чем еще. Не было никакого способа вести беседу, кроме как просто прекратить ее!

Во время другой их встречи госпожа Рейган, которая всегда стояла, глядя на мужа с обожанием, нашла, что Раиса ведет себя невыносимым образом:

— Когда представители прессы задали вопрос мужу Раисы, она не согласилась с ним!

— И как он отреагировал? — спросила я.

— Он просто посмотрел на нее.

Я сделала допущение, что, возможно, уверенность Раисы в себе была именно тем, в чем он нуждался, потому что русские любят сильных женщин. Услышав это от меня, госпожа Рейган взяла паузу, чуть подумала, но затем продолжила: «Она играла перед прессой».

На обеде с четой Рейган и другими официальными гостями Раиса Максимовна затеяла долгий и нудный диалог о советской политике. После того как Горбачевы ушли, Нэнси поделилась своим возмущением по поводу услышанного с другими гостями: «Кем эта дама себя возомнила?» (Секретарь Шульд, который при этом присутствовал, позднее описывал Раису более дипломатично: «Да, она довольно привлекательна, вполне интеллигентна, но все-таки я не хотел бы оказаться с ней в одной компании, отправившись в круиз».)

Жен предыдущих советских лидеров мало кто видел. Раиса стала новым феноменом, первой женой советского руководителя, которая была молода, следила за собой, модно стриглась и сияла улыбкой, стильно одевалась и была привлекательна, первой, кого можно была видеть на публике, и в отличие от обычной советской практики она сопровождала мужа в зарубежных поездках. Ей было очень трудно. Во время своей первой поездки во Францию в 1985 году она уединилась с мадам Миттеран и попросила о помощи: «Подскажите мне. Я новенькая на этой работе».

Неофит на мировой сцене, без опыта, переполненная ощущением этой новой значимости, профессор с марксистскими убеждениями, воспитанная в педантичном советском преподавательском стиле, без всякого сомнения, озабоченная тем, что нужно достойно представить свою страну и показать все то, что она считала достоинствами своей родины, она не могла не оказаться в трудной ситуации. Как говорится во французской поговорке, она «не знала, с какой ноги начать танец», и конечно, начала не с той. (Попасть впросак было легко. Госпожа Громыко, которую редко видели на публике, однажды посетила дипломатический прием в Москве. Желая продемонстрировать свое знание английского, она во всеуслышание поддержала тост, призвав пить до дна «*Up bottoms!*»*)

* Слово *bottom* в английском языке имеет и другие значения, кроме слово «дно», в том числе «зад».

Раиса тоже, зная несколько выражений на английском, однажды поразила репортеров, прощаясь с ними, со значением, но неуместно, сказав: «*See you later, alligator*»^{*}).

За казусом в Женеве последовала еще одна несуразность. На официальном уровне (со стороны США) было решено, что женам не следует ехать на встречу в Рейкьявике в октябре 1986 года, поэтому госпожа Рейган расстроилась, узнав, что, несмотря на это, Раиса туда едет. На ужине в Бостоне в престижном Чилтон-клубе Мэффи Брэндон, одна из дам, входивших в общественное окружение первых леди, сказала мне о том, что госпожа Рейган очень этим раздражена, и настаивала, чтобы я позволила ей. Я сомневалась, стоит ли мне это делать, но, поддавшись уговорам Мэффи, все-таки зашла в деревянную телефонную будку клуба, выполненную в ретростиле, и набрала нужный номер. Меня сразу же соединили с госпожой Рейган, и я услышала ее злые слова: «*Что это за женщина! Я не знаю, чего она пытается добиться! Было же решено, что дам там не будет, и я не поеду, невзирая на то что она туда отправляется!*»

Я уже писала в главе о встрече в Рейкьявике, как Горбачев сам распорядился включить Раису в состав делегации; в США заранее знали, что госпожа Горбачева едет, но не сделали аналогичного шага в отношении госпожи Рейган, которой об этом не сообщили сразу. А если бы сообщили, то, может, и результат встречи был бы другой.

Но в тот момент в телефонном разговоре я сделала все, чтобы ее успокоить. Впрочем, я уверена, что это вряд ли сколько-нибудь помогло делу, потому что полная слепота, наложенная американской стороной на всю конференцию в Рейкьявике, оставила фотографов без работы. И они принялись фотографировать Раису. (Когда госпожа Горбачева приехала в Вашингтон вместе с мужем в 1987 году, она с улыбкой обратилась к госпоже Рейган: «Мне не хватало вас в Рейкьявике», — а та, все еще чувствуя себя обиженной, холодно ответила: «Мне сказали, что женщины не приглашены».)

В Вашингтоне нелепости продолжались. В соответствии с протоколом госпожа Рейган сразу же пригласила госпожу Горбачеву на ланч.

^{*} Давно вышедшее из употребления, получившее некоторое хождение в США в пятидесятые годы из-за популярной песенки просторечное шутивно-ироничное выражение при прощании. Имело стандартный ответ: *See you later, alligator! After 'while, crocodile!* (Пока, аллигатор! Увидимся, крокодил!)

Ответа не последовало. Наконец офис первой леди уведомили, что госпожа Горбачева не может прийти на ланч. Тогда госпожа Рейган направила приглашение прийти вместо ланча на чай. При этом ее сотрудники нервничали, не определив окончательно ее распорядок, и снова им долго пришлось ждать ответа, а когда он наконец был получен, они узнали, что госпожа Горбачева не может прийти на чай, но готова явиться на кофе. На это госпожа Рейган зло ответила: «Когда тебя приглашают прийти на чай, это *не означает* приглашения на кофе!» И в довершение всего пришло сообщение, что госпожа Горбачева приняла приглашение на ланч от Памелы Гарриман — главного донора и сторонника Демократической партии. Там Раиса обсуждала Верховный суд США и внутренние дела Конгресса с Барбарой Миккульски, которая позже поведала: «Она говорила штампами восточно-европейского профессора». Как ни полезен был в образовательном плане тот ланч для Раисы, для меня остается необъяснимым, как мог допустить все эти проколы со стороны первой леди тактичный и опытный советский посол Анатолий Добрынин, прекрасно знавший все вашингтонские порядки и правила.

Затем последовал широко освещавшийся визит Раисы в Белый дом. В России, идя в гости, считается учтивым по отношению к хозяевам, особенно если это важное место, как можно лучше подготовиться к визиту. Поэтому госпожа Горбачева, придя в Белый дом и находясь перед прессой, принялась (я уверена, безо всякой задней мысли) демонстрировать свои знания о нем, полагая, что делает нечто обычное. Вместо этого она глубоко оскорбила госпожу Рейган — которая только начала восстанавливаться после операции по поводу рака груди и очень переживала из-за недавней смерти матери — без устали задавая ей вопросы так, что, казалось, она больше знает о галерее портретов в Белом доме и его художественных коллекциях, чем сама его хозяйка. Под ее натиском госпоже Рейган ничего не оставалось, как выдать: «Боюсь, я немногим могу вам помочь».

Очевидец передавал: «Их встреча лицом к лицу была совершенно необычной. Казалось, что они не понимают друг друга». Так почему они не понимали? И снова я удивляюсь тому, где же были все наши дипломаты. Надо было просто заранее объяснить госпоже Рейган этот русский обычай и уберечь ее от испытанного ею болезненного чувства

оскорбленности, позволив великодушно поблагодарить госпожу Горбачеву за то, что она так много знает об историческом здании нашей страны.

Все это было очень плохо — дипломатическая ошибка с обеих сторон. Ведь, несмотря на их столь различное воспитание, недостаточную обученность Раисы манерам и ее временами неправильное поведение, у обеих дам имелось много общего. Обе были совершенно счастливы в браке и играли важную роль в политической жизни своих мужей, будучи им хорошими товарищами и советчицами. Как-то за обедом в Париже Раиса откровенно поделилась с соседом по столу такой характеристикой своих отношений с мужем: «Мы настоящие друзья, или, если хотите, очень близкие друзья».

Ее мужу, похоже, нравилась ее напористость, и он как-то сказал о ней: «Моя жена — очень независимая дама». В телевизионном интервью Тому Брокоу, отвечая на вопрос, обсуждают ли они с женой «советские дела на самом высоком уровне», он ответил: «Мы обсуждаем все»⁷.

Кто знает, если бы обе дамы сумели установить между собой лучшие отношения, быть может, они смогли бы скоординировать свои усилия в «нашептывании мира» в уши своим мужьям. Кроме того, обе дамы много работали в рамках своих собственных независимых проектов, которым посвящали всю свою энергию и время и которые они могли бы плодотворно обсуждать. Нэнси поддерживала новаторскую Фостеровскую программу для бабушек и дедушек* и написала книгу «Любить детей» о целях программы. В связи с ее кампанией против наркотиков и злоупотребления алкоголем «Просто скажи “нет”!» Нэнси объехала 47 городов в тридцати трех штатах в США и в других странах, выступала на эту тему в ООН. Борясь с привычным для Советского Союза алкоголизмом и новой для страны наркотической зависимостью, занесенной в страну ветеранами-афганцами, Раиса вполне могла бы использовать опыт Нэнси.

Со своей стороны, Раиса была основательницей Фонда русской культуры (я там однажды выступала с лекцией), предназначенного для сохранения русской культуры, и это было первое независимое от Министерства культуры учреждение в стране. Она деятельно поддерживала благотвори-

* *Foster Grandparents Program* — программа, нацеленная на волонтерское участие лиц старше 55 лет в дополнительном обучении детей по месту жительства.

тельный фонд «Гематологи мира — детям», она вместе с мужем делала щедрые пожертвования на приобретение оборудования для создания банков крови и для обучения русских врачей за границей, что сказалось на улучшении доступности услуг хирургической помощи и лечения больных раком крови детей по всей России. Злая ирония заключается в том, что сама Раиса умерла от лейкоза в 1999 году в возрасте лишь шестидесяти семи лет, оставив мужа безутешным.

Все это были упущенные возможности. Что утрачено в современной дипломатии, так это, кажется, то, что дипломатия заключается не в одной только подготовке докладов по переговорным позициям для встреч и конференций, но кроме всего прочего, и в отношениях между людьми — то, что так хорошо понимал президент Рейган.

Что касается меня, то была еще одна утерянная возможность, которую я отношу к своему ложно понятому пониманию того, что допустимо. Во время того самого памятного ланча в июне у меня состоялся очень интересный обмен мнениями с президентом, который я детально изложила в предыдущей главе. Но после того как президент ушел на церемонию подписания, госпожа Рейган и я остались наедине друг с другом и немного поговорили. Мы продолжили обсуждать проблему представительства, тот предмет, который затронул президент. Я сказала ей, так же как говорила это президенту, что есть слои общества, которых мы не достигаем, особенно женщин, что круг нашего общения узок и его надо расширять. Я выразила ей свою благодарность, сказав, что ее присутствие на этой утренней встрече было для меня большой поддержкой и сделало меня более восприимчивой и я это очень ценю.

Я упомянула, что заметила замечательное спокойствие и силу президента, и что это меня очень тронуло. Я сказала, что напишу письмо с благодарностью за этот ланч, но она ответила: «Нет, не пишите только для этого, я надеюсь, вы поделитесь вашими мыслями. — И снова: — Пожалуйста, пишите, о чем вы думаете».

Эта неожиданная просьба с ее стороны стала для меня сюрпризом, к которому я совершенно не была готова. Я рассматривала мою встречу с президентом как встречу частного лица, а не какого-то официального советника, и не знала, как правильно мне ответить, поэтому ответила неопределенно:

— Хорошо, я попробую высказать свои мысли.

— Пожалуйста, сделайте это, — снова настоятельно попросила она.

Я спросила ее, где они будут. Она ответила:

— Иногда в Калифорнии, но конечно, где бы мы ни были, ваши письма всегда дойдут до нас, — и снова повторила: — Пожалуйста, пишите о своих мыслях. — И добавила: — И если вы почувствуете, что вам неудобно писать ему, пишите мне.

Не говоря об этом вслух, мы обе поняли, о чем идет речь: любое письмо, которое я напишу президенту, будет прочтено множеством глаз в СНБ и где-то еще, но если я напишу ей, этого никто не прочтет. Я сразу и не поняла, какое замечательное предложение она мне тогда сделала, и которым я пренебрегла, глупо постеснявшись и полагая, что я не имею права воспользоваться им. Надо было последовать ее совету. Я допустила большую ошибку. Лишь в 1987 году единственный раз я послала госпоже Рейган короткое письмо с некоторыми своими мыслями о социальных проблемах в Советском Союзе и возможных пунктах для обсуждения с госпожой Горбачевой. Я так и не знаю, дошло ли мое письмо.

Я всегда буду помнить любезное внимание со стороны Нэнси Рейган в те вашингтонские годы. От нее я получила несколько очень милых писем, одно из них с благодарностью за небольшую икону, которую попросил меня передать ей молодой русский парень с наилучшими пожеланиями. Она пригласила меня на ланч для жен сенаторов в Белом доме и на небольшой званый завтрак для специальных гостей, который предшествовал историческому моменту приезда Горбачева в Белый дом на официальную церемонию встречи. Она включила меня в список гостей на сверхважный Государственный ужин в тот вечер, озаботившись тем, дабы туда меня доставил военный адъютант на лимузине из Белого дома и сопроводил, чтобы я не явилась на этот ужин в одиночестве. Все это она совершенно не обязана была делать, и я навсегда благодарна ей за эти мои воспоминания.

ГЛАВА 15

ГОРБАЧЕВ ПРИЕЗЖАЕТ В ВАШИНГТОН 7 ДЕКАБРЯ 1987 ГОДА

В марте 1987 года президент Рейган поручил мне передать в Москве свое приглашение Горбачеву. В Женеве он сам сказал ему об этом и дал ясно понять, что хотел бы принять его в Вашингтоне, но не получил на это определенного ответа по официальным каналам. Поэтому президент попросил меня лично еще раз доставить его приглашение, что я и сделала через Виталия Гусенкова, одного из личных советников Горбачева, когда виделась с ним в Москве. В этом послании Рейган писал:

Первая леди и я все еще ожидаем возможности приветствовать Вас и госпожу Горбачеву в Соединенных Штатах в 1987 году, при том, что я приеду в СССР на следующий год. Нам надо многое обсудить в продолжение нашего диалога лицом к лицу, и я надеюсь получить от Вас ответ как можно скорее.

Несмотря на разочарование от встречи в Рейкьявике, повторяющиеся фальстарты, долгожданный, давно ожидаемый визит Горбачева в нашу столицу наконец состоялся в начале декабря 1987 года. И от него пошли ответные волны через маленький южный город, страдающий от душной жары летом, впадающий в панику от любого выпадения снега зимой, герметично закупоренный от остального мира, и этот город — Вашингтон.

Как и любой другой маленький город, Вашингтон черпает жизненную силу в интриге, он питается слухами. Каждый божий день по всему городу проходят вечеринки с коктейлями и приемы, на которых совершаются сделки, договариваются о должностях, а глаза приглашенных рыщут в поисках кого-то более важного, чем тот, с кем идет беседа в данный момент. Маленькие, интимные джорджтаунские приемы устраивают амбициозные, многоопытные светские дамы, соперничающие между собой за влияние. Все эти коктейльные

вечеринки и ужины преследуют одну-единственную цель: власть. Их Мекка — Белый дом, который больше похож на особняк плантатора старого Юга, чем на средоточие самой могущественной нации в мире. Соединением всей троицы, что движет Вашингтоном, — политики, стратегии и светской жизни — является приглашение на Государственный ужин в Белом доме — это вершина, наиважнейшая проверка статуса.

Прежде мне лишь однажды приходилось бывать на Государственном ужине. Это было в 1968 году, после выхода в свет книги «Николай и Александра». Президент Линдон Джонсон и его жена леди Бёрд пригласили меня и моего мужа Роберта Масси. Президент приветствовал меня медвежьим объятием в техасском стиле, и во время ужина я познакомилась с Анатолием Добрыниным, советским послом в Вашингтоне, которому, как сказал сам президент, представляя меня, понравилась наша книга¹. Это был памятный случай. Но даже для пресыщенного Вашингтона, привыкшего к визитам иностранных властителей, первый визит Горбачева стал, по утверждению «Вашингтон пост», чем-то вроде «Рождества, Нового года и 4 июля вместе взятых». Это была историческая поездка от начала и до конца.

С того самого момента как Горбачев спустился по трапу своего самолета, пресса затаив дыхание ловила каждый момент. И, приехав, Горбачев сразу же начал давать поводы для новостных лент, в дружеской манере, но твердым тоном объявив: «Визит начался. Будем надеяться. Да поможет нам Бог». (Рейган позже прокомментирует, услышав это: «Мне приходится верить, что раз уж он заговорил о Боге, нам следует двигаться следом, потому что и я думаю то же самое»).

Секьюрити, обеспечивавшие весь визит, действовали очень напряженно, тем самым показав мне, что предупреждение, которое ранее я получила от Богданова, было воспринято всерьез. Переводчик Корчилов удивлялся невиданным мерам безопасности: «Огромный впечатляющий караван из пятидесяти машин. Горбачевский лимузин ЗИЛ сопровождал с десятков мотоциклистов, а сзади его прикрывал бронированный пикап секретной службы, за которым следовал целый хвост агентов секретных служб, до зубов вооруженных автоматами, гранатометами, пистолетами, и все они были в пуленепробиваемых жилетах. За ними следовали советские агенты секретной службы.

По всему пути было перекрыто движение транспорта, над кортежем барражировали вертолеты. Когда на следующий день кортеж отправился в Белый дом, то терраса по обе стороны от здания находилась под охраной рядов американских и советских охранников, за которыми расположились черные джипы с группами спецназовцев, вооруженных тяжелыми автоматами “Узи”. Все меры безопасности были беспрецедентными»².

По мнению завсегдатаев, Государственный ужин, который собирались дать в честь Горбачева, был самым восхитительным светским мероприятием в Вашингтоне со времени, когда в город приезжали принц Чарльз и гламурная принцесса Ди, и даже превосходил тот, что был дан в честь самой королевы Елизаветы II. «Вашингтон пост» писала: «Уже за несколько недель до того как были объявлены точные даты, люди по всему городу заранее готовили объяснения, почему им не прислали приглашения на ужин, или принимались бронировать места на авиарейсах, чтобы объяснить этим, почему они не смогли попасть на мероприятие, билет на которое, по общему мнению, был самым желанным в городе... Стеная и рыдая, народ пытался раздобыть приглашение через лоббистов, фирмы по связям с общественностью, влиятельных друзей».

О Государственном ужине принято объявлять заранее, за несколько месяцев, но в данном случае процесс добывания приглашений осложнялся тем, что и Белый дом не знал о точной дате визита до самой последней минуты и приглашения рассылали всего за пять недель до события. В конце концов долгожданная дата ужина, 8 декабря 1987 года, была объявлена. Но поскольку Белый дом не оглашал окончательный список приглашенных вплоть до самого мероприятия, все это время длилась игра в гадание, кто будут те счастливичики, которые на него попадут.

На Государственном ужине предусмотрено лишь 130 мест для присутствующих. Госпоже Рейган сказали, что она может пригласить только 96 гостей, но потом сошлись на 126. Советская делегация насчитывала от двенадцати до шестнадцати человек. И ровно столько же следовало автоматически пригласить официальных лиц с американской стороны, добавив нескольких обязательных сановников из числа правительства США³. В число присутствовавших

всегда входили шесть членов Конгресса (в данном случае, учитывая важность мероприятия, это были люди из руководства).

Процесс принятия решения оказался свирепым. В нем участвовало сумасшедшее число людей. А фактически еще большее число людей участвовало в принятии решения о том, кому из тех, кто входит в число потенциальных гостей, точно достанутся места за столом. У каждой группировки в правительстве были свои приоритеты. Советский отдел Госдепартамента составил длинный список подходящих кандидатов, основываясь на том, кто из них имеет какие-то контакты или они могут пригодиться с деловой точки зрения. Западное крыло Белого дома сделало свой список возможных гостей, составленный с учетом мнения со стороны отделов по связям с общественностью, межправительственных дел, а также правового отдела, отдела связи с прессой, отделов по военным и политическим делам. Пресс-служба Белого дома рассматривала кандидатов из среды СМИ, промышленников и специалистов по Советскому Союзу. Кроме того, был еще и Совет по национальной безопасности, проверявший все списки на предмет возможных ошибок. Офису первой леди из Восточного крыла принадлежало право корректировки, но последнее слово оставалось только за Нэнси Рейган. Обо всей этой суете мне тогда было мало что известно, поскольку никакого участия в этом процессе я не принимала, но мое имя каким-то образом оказалось в списке.

За два дня до этого события я приехала в Вашингтон, чтобы принять участие во всенощной службе за успех американо-советского саммита, проводившейся Национальным советом церквей в Вашингтонском кафедральном соборе для представителей Православной и Протестантской церквей из США и СССР. Я давала интервью ABC, CNN и Майклу Доббсу из «Вашингтон пост», повидалась с Майклом Бешлоссом, президентским историком, епископом Василием Родзянко и Бадом Макфарлейном. Я остановилась у моих друзей Терезы Хейнц и сенатора Джона Хейнца в их великолепном доме в Джорджтауне, в котором когда-то размещалось посольство Российской империи и где жил первый русский посол — барон Александр Андреевич Бодиско⁴.

Великий день 8 декабря начался для меня с полученного от госпожи Рейган приглашения прийти на маленький завтрак к девяти утра

в комнатах приема в Восточном крыле, перед тем как Горбачевы придут на Южную лужайку. Это был поучительный для меня завтрак. Я понятия не имела, что там будет. Меня поддерживало лишь то, что в очереди, пока шла проверка охраной приглашений, я оказалась рядом с колумнистом Джорджем Уиллом. Когда мы прошли внутрь, то увидели длинный стол, уставленный апельсиновым соком, датским печеньем и маффинами, чаем и кофе. Взяв чашку кофе, я осмотрелась и оказалась лицом к лицу с застенчивым мирным парнем, в котором внезапно узнала легенду бейсбола Джо Ди Маджио. (К своему стыду, единственное, что я могла о нем вспомнить, так это что «он был мужем Мэрилин Монро!»). За спиной я слышала неподражаемый голос, отпечатавшийся в моей памяти по несчетным фильмам, — это был Джимми Стюарт. На диване сидели два седовласых джентльмена, увлеченных серьезным разговором, один из них оказался отцом водородной бомбы Эдвардом Теллером, а другой — звездой джаза Дейвом Брубеком. Над всей толпой возвышался, как небоскреб, баскетболист Медоуларк Лемон из «Гарлем Глобтроттерс». А процессом выбора датского печенья была увлечена миниатюрная олимпийская чемпионка, гимнастка Мэри Лу Реттон.

Я восхищенно смотрела на всех этих знаменитостей и так и не успела распознать всех, потому что нас довольно скоро вызвали и повели на Южную лужайку. (Мы шли гуськом через всю лужайку туда, где находились высокие советские официальные лица, среди которых я, к своему удивлению, разглядела господина Гусенкова, которого в программке назвали «советником госпожи Горбачевой». Если он действительно им был, то я не могу представить себе, как этот учтивый человек мог допустить, чтобы были сделаны те нелепые светские ошибки в программе госпожи Горбачевой.) Стоя рядом с дирижером Нью-Йоркского филармонического оркестра Зубином Метой и его статной женой-блондинкой, я наблюдала, как знаменитые гости в 10 часов утра появились на лужайке, где им были оказаны воинские почести. В программке с инструкциями для гостей указывалось, что после того как прозвучит приветственная музыка в честь президента и его гостей, нам нужно будет прослушать церемониальную мелодию рожков и барабанов (*Ruffles and Flourishes*), а когда станут играть «Слава вождю» (*Hail to the Chief*) и гимн США, мы должны приложить

правую руку к нашим сердцам. За этим следовало исполнение гимна Советского Союза. Военный оркестр отыграл, солдаты прошли церемониальным маршем, пушки дали залп, и после коротких приветственных речей президент и Генеральный секретарь Горбачев вошли в Белый дом, для того чтобы провести полуторачасовую встречу.

Это большое политическое событие состоялось в полдень в Восточном зале Белого дома, где Горбачев и Рейган подписали Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), призванный впервые в истории уничтожить целый класс атомного оружия. Во время обмена мнениями, предшествовавшего подписанию договора, Рейган опять использовал русскую поговорку «Доверяй, но проверяй», ставшую для него любимой. Услышав ее снова, Горбачев добродушно покачал головой и укорил президента: «Вы снова и снова повторяете эти слова при каждой встрече»⁵.

На это Рейган улыбнулся и, смеясь, ответил: «Мне она нравится», затем продолжил разговор.

Все это дает представление о праздничной атмосфере, о чем свидетельствует корреспондент CDS, который вел репортаж с одной из московских площадей, где был установлен огромный экран и шла прямая передача из Вашингтона. Толпа в Москве, следившая за событием, периодически взрывалась спонтанными аплодисментами. Люди в Москве были настолько довольны встречей двух лидеров, что один из американских журналистов сказал, что рискует задохнуться в медвежьих объятиях советских граждан на московских улицах.

Весь оставшийся день я провела у вашингтонского стилиста, где мне сделали прическу и макияж, и вернулась к Хейнцам, чтобы надеть выглаженную белую блузку из тафты и черную юбку из того же материала. Масштаб ужина был несколько уменьшен, чтобы подчеркнуть его серьезный, деловой характер. Ужин должен был начаться в 7 часов вечера, на полчаса раньше обычного по просьбе Горбачевых, с тем чтобы они могли уйти пораньше. Поскольку я была приглашена одна, то госпожа Рейган распорядилась, чтобы меня препроводил в Белый дом один из военных адъютантов, капитан-лейтенант Береговой охраны США Филипп Матиас, явившийся за мной при полном параде в 18:30 на лимузине из Белого дома⁶. (Согласно правилам, сопровождающий офицер мог забрать вас из дома, но не отвозить обратно.)

Шествовать по длинным залам Белого дома при таких обстоятельствах довольно затруднительно, и конечно, мне было намного комфортнее идти рядом с адъютантом.

Проход через все залы, ярко освещенные люстрами и канделябрами, сопровождался звуками арфы и флейты. Поскольку события происходили незадолго до Рождества, залы Белого дома украшали деревца белой азалии, а на ступеньках лестниц стояло множество горшков с алыми пуансеттиями. Посреди Голубой гостиной расположилась великолепно украшенная высокая рождественская елка. Сопровождавший меня офицер учтиво держался возле моего локтя во время коктейля, приносил мне бокал и забирал его, как только он пустел, держал мою сумочку, пока я танцевала.

Что-то вроде бури в стакане воды вызвал вопрос о стиле одежды, и это породило много кудяхтанья в прессе. Государственный ужин всегда предполагает формальный костюм: для джентльменов — смокинг, а дамам предоставляется дивная возможность показать свои лучшие вечерние платья. Не согласившись со стилем одежды, принятым в Вашингтоне, советская делегация запросила деловой дресс-код. Смокинги они считали «непролетарской» одеждой (о, как они изменились с той поры!) и упрямо настаивали на том, что Горбачевы не будут надевать наряды для вечера. Тем не менее приглашения, разосланные из Белого дома, следовали устоявшемуся протоколу, и в них был указан смокинг. Так или иначе президент и все американские гости были в смокингах, а мужская часть советской делегации все равно надела костюмы.

Президентский гимн «Салют командиру!» возвестил о появлении президента и госпожи Рейган, вошедших в Восточный зал вместе с Генеральным секретарем и его супругой. Прозвучали государственные гимны. Горбачев был одет в элегантный итальянский костюм-тройку в темно-синюю полоску, на нем был бордовый галстук в темно-синюю полоску и новые лакированные туфли. Президент был в смокинге. Естественно, журналистов больше всего интересовало, как будут одеты дамы. Госпожа Горбачева выбрала вечерний темный костюм из тафты — длинная юбка, темный жакет с баской — и украсила себя жемчугом. Госпожа Рейган, стройная и элегантная, надела бриллиантовые серьги, сверкавшие в движении, черное платье в пол

с украшенными красными и белыми цветами рукавами, созданное американским дизайнером Джеймсом Галаносом.

Когда все, кому следовало представиться, стали выстраиваться в очередь, так случилось, что мне довелось пройти мимо Горбачевых, шедших руку об руку. Раиса обернулась, чтобы взглянуть на меня, и я была удивлена, услышав, как она сказала мужу: «Это она!» Когда же до меня дошла очередь подойти к ним, Горбачев взял мою руку в свою и тепло поздоровался со мной, при этом Рейган смотрел на все это, как добрый дядюшка — это мое любимое фото из Белого дома. К моему удивлению, Раиса Горбачева крепко пожала мне руку и не собиралась ее отпускать, задержав движение очереди. С энтузиазмом она обратилась ко мне по-русски: «Это замечательная книга!» (так она сказала о «Жар-птице») — и взяла с меня слово, что я свяжусь с ней, когда снова буду в Москве. Она с таким старанием приветствовала всех гостей, что вся процедура приветствия заняла на 25 минут больше, чем предполагалось. Джо Ди Маджио взял с собой бейсбольный мяч, чтобы получить подпись Горбачева (он смог это сделать на следующий день).

Во время коктейля гости ходили по Восточному залу, здороваясь друг с другом, и у меня появился шанс присмотреться к ним. Эту элегантную толпу составляли сливки Вашингтона, наивысшие чины из правительства (в том числе несколько хорошо известных сторонников жесткой линии) и одновременно с ними люди, представлявшие столь любимое Рейганом многоцветье Америки, все ее срезы: знаменитые журналисты Хедрик Смит, Роберт Кайзер и Джордж Уилл, а также Билли Грэм, Дэвид Рокфеллер, Крис Эверт, Ван Клиберн, Мстислав Ростропович, Зубин Мета, Джимми Стюарт, Сол Беллоу и Клодетт Кольбер. Я заметила лисью физиономию Збигнева Бжезинского. Поговорила с теми из гостей, кого знала: с Ричардом Перлом, знакомым мне со времен Скупа Джексона, со своим старым другом Хедриком Смитом и Джимом Биллингтоном — директором Библиотеки Конгресса, с которым знакома со времен, когда он был родсовским стипендиатом в Оксфорде.

Я заметила, что члены советской делегации выглядят не очень хорошо и чувствуют себя потерянными. Каким-то образом некоторые из них остались без помощи переводчика, и раз уж я говорила

по-русски, то подумала, что моим долгом будет поздороваться с ними лично. Вначале я подошла к Александру Яковлеву, которого тогда считали крепким орешком, видели в нем последовательного приверженца советских порядков, настроенного антиамерикански⁷. Говорили, правда, что он большой поклонник Канады, где на протяжении десяти лет служил послом. Он одиноко стоял в стороне, в несколько помятом коричневом костюме и с кислым выражением лица. Я подошла, представилась и тепло пожала ему руку. Единственное, что я услышала от него в ответ, было хрипкое «Яковлев», и я почувствовала на своей щеке его несвежее дыхание.

«О, — продолжила я с улыбкой, — Я знаю, что вам многое известно об одной из моих любимых стран — Канаде».

Я увидела, что для него это стало неожиданностью. Он заулыбался и потеплел. После этой короткой встречи он позднее устроил мне несколько весьма содержательных встреч в Москве, когда возглавлял Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий.

Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Советской Армии и заместитель министра обороны Сергей Ахромеев смущенно стоял посреди зала, оглядывая всю эту эксклюзивную толпу. Поскольку он тоже оказался без переводчика, я подошла и к нему:

— Сергей Федорович, не хотите ли познакомиться с некоторыми из присутствующих?

— О да, — сказал он с облегчением. Взяв меня под руку, он вместе со мной совершил круг по залу. Я указала ему на Перла Бейли, настаивавшего, чтобы его звали просто Перл, и на других звезд экрана, спорта и журналистики, а также на некоторых заметных фигур из правительства. Во время нашей прогулки мы славно побеседовали, и он сказал (к моему удовольствию), что у Горбачева в самолете был с собой экземпляр моей книги «Земля Жар-птицы» и что он неоднократно заглядывал в нее во время полета.

За ужином я сидела за одним столом с супругой Джеймса Бейкера III, с генералом Колином Пауэллом, который тогда заменил адмирала Пойндекстера в должности советника по национальной безопасности, с Александром Бессмертных, заместителем министра иностранных дел Советского Союза, Генри Киссинджером; послом и бывшим директором ЦРУ Ричардом Хелмсом, Арчибальдом Рузвельтом, ранее

тоже возглавлявшим ЦРУ и женатом на главе протокольной службы Селве Рузвельт, сенатором Томом Стивенсом, болезненной безгласной женой Арманда Хаммера⁸. Я сидела справа от Колина, который великолепно выглядел в своем мундире с несколькими рядами ярких орденских планок на груди. Тогда я его еще почти не знала и даже, наверное, ни разу с ним не разговаривала, поэтому вежливо попросила рассказать о своей службе. Он выдал монолог, длившийся минут двадцать, при этом ни разу не сделал паузу и не задал мне ни одного вопроса. Когда он наконец закончил, я мило выдохнула и сказала: «Мне только одно слово приходит на ум, генерал: потрясающе!»

На противоположном конце стола в беседе доминировал Киссинджер со своим сильным немецким акцентом. Бессмертных, учтивый человек, которого считали самым главным американистом в советском МИДе и с которым я уже прежде встречалась в Соединенных Штатах, иногда застенчиво пытался перебивать его своими замечаниями, но Киссинджер постоянно обрывал его, не давая закончить предложение.

Столы были великолепно украшены в сочетании темно-зеленого и белоснежного, сервированы новым фарфоровым сервизом, заказанным Рейганом для Белого дома; на них стояли алые подсвечники и алые же вазы, наполненные белыми фрезиями, амариллисами и темно-зелеными листьями галакса. Надо ли говорить, что это был изысканный ужин. Нам подали лосося из реки Колумбия с медальонами из лобстеров и икорным соусом, край телятины с лесными грибами в соусе с добавлением шампанского, помидоры с эстрагоном и кукурузными початками, за которыми последовала композиция из садовой зелени и сыр бри с тертыми грецкими орехами, и все завершилось десертом с чаем и фруктовым мороженым с медом. К этим блюдам подавали вина со всей Америки: *Jordan Chardonnay*, *Stag's Leaf Cabernet Sauvignon* 1978 года и, наконец, *Iron Horse Brut Summit Cuvé* 1984 года. Последнее редкое винтажное игристое вино делают на маленькой семейной винодельне недалеко от Рашен-Ривер в Южной Калифорнии, того самого места, где русские впервые поселились в начале XIX века. Это был особый выбор четы Рейган: вино оттуда специально подавали на американском ужине во время саммита в Женеве, и они попросили, чтобы его подали вновь по такому символичному случаю.

Тост президента и его короткую речь пресса оценила как самую обходительную и хорошо произнесенную за все время его президентства (а он произнес их много). Он завершил ее так: «Итак, я предлагаю тост от имени американского народа за приверженность серьезности, доброй воле и надежде на будущее», закончив словами по-русски «за ваше здоровье», и это был жест, вызвавший аплодисменты советской делегации.

В своей речи и тосте Горбачев ответил теплыми словами: «Сегодня, вслед за Рейкьявиком и после обширной подготовительной работы, сделавшей возможной нашу встречу в Вашингтоне, можно сказать, что зима ослабевает» и закончил: «Позвольте мне пожелать вам, президент Рейган и госпожа Рейган, доброго здоровья, счастья и благополучия всем присутствующим здесь сегодня вечером, мира и благополучия народам наших двух стран».

Меня ждал еще один сюрприз в этот вечер, когда ко мне подошел вице-президент Буш и сказал: «Мне тоже нужна ваша помощь. Можете позвонить мне?» — и передал мне номер своего прямого телефона. Я сделала так, как он просил, но он так и не позвонил мне в ответ. Спустя много лет я поняла, в чем было дело. Генерал-лейтенант Брент Скоукрофт, человек, возвращенный холодной войной, бывший советник по национальной безопасности Джеральда Форда, был назначен советником СНБ своим давним другом Джорджем Бушем. А Скоукрофт предложил в состав СНБ молодую амбициозную преподавательницу Кондолизу Райс, которая принесла с собой более угодный ему «реалистичный» взгляд на советско-американские отношения. Моя помощь более была не нужна.

Отступая от традиции, вместо того чтобы дать нам побеседовать за кофе в Голубом, Красном и Зеленом залах, как обычно бывает после ужинов в Белом доме, нас сразу направили в Восточный зал, где для нас играл Ван Клиберн, с тем чтобы Горбачевы смогли покинуть Белый дом в 10:00 часов вечера (фактически им пришлось остаться до 10:50).

Ван Клиберн*, пианист родом из Луизианы, был первым американцем, выигравшим престижный конкурс имени Чайковского в Москве

* Другое написание имени по-русски — Вэн Клайберн, англ. *Harvey Lavan "Van" Cliburn, Jr.* (1934–2013).

в 1958 году, и ставшим настоящим героем для русских, культовой фигурой в Советском Союзе. Выбор Вана Клиберна был наилучшим решением для вечера. Я знала его как приятного джентльмена с Юга, дружелюбного и открытого человека, и его мать Рильдию Би О'Брайен, которой он был очень предан и которая сопровождала его везде, где бы он ни выступал на протяжении многих лет. Ему очень нравилась наша книга «Николай и Александра», и наша семья всегда с нетерпением ожидала от него к Рождеству великолепного кустика пуансеттии, который он посылал нам каждый год. Мне повезло, и я сидела в конце первого ряда слева от сцены, рядом с Дэвидом Рокфеллером и его женой, и это место позволило мне видеть Горбачева и его Раису, сидевших по диагонали от меня в первом ряду прямо перед сценой. Как только Ван стал играть, я увидела, что она прильнула к мужу и во время всего концерта, когда Ван играл Брамса, Рахманинова, Шумана, Листа и Дебюсси, они мило держались за руки. После окончания довольная Раиса устремилась к Вану и воскликнула: «Какая жалость, что с вами нет оркестра и вы не можете играть Чайковского!»

Он сказал, что с ее помощью может сыграть еще и, сев за рояль, сыграл популярную русскую песню «Подмосковные вечера». Как только Ван заиграл, Горбачев стал ему подпевать. Сидевшая за спиной своего лидера советская делегация вначале нервно заерзала на стульях, не зная, что делать, но поскольку Горбачев продолжал петь, они со второго куплета присоединились к нему. Потом Ван сошел со сцены и от всей души троекратно поцеловался с Горбачевым по русскому обычаю⁹. (Что касается горбачевского пения, то рассказывают, что Рейган шутил: «Скажите ему, чтобы остался проехать с концертами. Я могу обеспечить ему сборы».)

После концерта оркестр морской пехоты стал играть для общепринятых для такого ужина танцев, и хотя весь вечер был сокращен по времени против обычного, я смогла сделать несколько кругов с Георгием Арбатовым и Ваном. Затем мой вечер в стиле Золушки завершился, и надо было отправляться домой к Хейнцам, да не в карете, а в одиночестве в лимузине Белого дома.

ГЛАВА 16

«ПРИНЦЫ» КГБ

Конечно, я их боялась. Так же как и русские, я испытывала страх перед зловещими «органами», способными запугать, разрушить или даже положить конец жизни безо всякой причины и предупреждения. Как только коммунистический режим был установлен, одна только аббревиатура КГБ и ее кровавые предшественницы — ЧК, ОГПУ времен большевиков и НКВД при Сталине — стали синонимами террора. Это гигантское теневое правительство насчитывало в своем составе сотни тысяч человек. У них было множество лиц, и они занимались самыми разными вещами, и никто не мог быть в полной уверенности относительно того, кем был тот или иной человек и откуда может быть нанесен удар. Мне приходилось выслушивать одну историю за другой о том, что *они* творили или могли сотворить. Будучи иностранкой, часто не имея никакой защиты, я знала, что как только я прибыла в Советский Союз, за мной с лязгом захлопнулась дверь и что западные законы меня здесь не защитят. Я всегда знала, что за мной следят. Гиды из Интуриста докладывали *им* обо мне, точно так же как и все служащие отелей для иностранцев. Любого человека могли пригласить на разговор в их запретные здания в Москве и Ленинграде с грозными стальными дверями и затемненными окнами, за которыми круглосуточно горели лампы. Оказавшись внутри, вы никогда не могли быть уверены в том, что с вами может произойти. И когда вы можете выйти оттуда, если это вообще случится.

Кричащие заголовки зарубежных газет трубили о специалистах по «мокрым делам», способных уколоть человека отравленным зонтиком или, как в случае с Литвиненко, подбросить в чай полоний-210. Но кроме них у себя дома действовали жестокие громилы, которым ничего не стоило бросить поэта-диссидента или художника в психушку на выходные или на срок, намного более длинный.

Но при всем этом Россия оставалась страной противоречий. К горбачевским временам в элиту КГБ входили наиболее интеллигентные

и изощренные умы Советского Союза. Новый облик КГБ приобрел благодаря Юрию Андропову, возглавлявшему его в 1967 – 1982 годах. В 1973 году Андропов стал членом Политбюро, своего рода правящего внутреннего кружка Центрального Комитета партии, а в 1983-м он возглавил страну.

Если верить французскому советологу Элен Каррер д'Анкосс, «Андропов пришел в КГБ с двойной миссией: во-первых, чтобы перестроить его в действенный политический аппарат, а во-вторых, чтобы преобразовать его в современный эффективный инструмент партии. Он достиг обеих целей. Все, что Андропов потерял, ослабив способность к проведению секретных силовых операций, он компенсировал приобретением политической власти»¹.

Чтобы выстроить новый КГБ, Андропов привлек в организацию самые светлые умы из советского академического мира (точно так же как поступило ЦРУ в пятидесятые – шестидесятые годы, привлекая на работу студентов из колледжей «Лиги плюща»^{*}). Леонард Шапиро, специалист по Советскому Союзу в Лондонской школе экономики, в 1983 году высказался на этот счет так: «В 1930 году КГБ был набит головорезами. Теперь это элита, состоящая из университетских сливок»².

В начале восьмидесятых началась настоящая кампания в литературе, кино и на телевидении, чтобы представить обществу людей из КГБ не как убийц, а как героев, побеждающих врагов за счет своего интеллекта, а не расстреливающих их из пистолета. Рекрутеры из КГБ просматривали списки лучших студентов, знавших иностранные языки, для того чтобы их можно было использовать за рубежом, при этом студенты престижного Московского института международных отношений (МГИМО) пользовались у КГБ особым спросом. Для многих молодых людей работа в КГБ была привлекательной, и, выбирая ее, они следовали и собственному патриотическому импульсу, и голому расчету. Должность в КГБ имела целый ряд привлекательных сторон: высокая зарплата, большая квартира, поездки за границу.

^{*} «Лига плюща» (англ. *Ivy League*) – Ассоциация восьми наиболее престижных университетов США: Гарварда, Принстона, Йеля, Брауна, Колумбии, Корнелла, Дартмута и Пенсильвании.

Поскольку режим начинал постепенно все больше агонизировать, таких привлекательных мест в КГБ становилось все меньше. Кто-то мог выбрать себе унылую карьеру в скучном партийном аппарате или бросить все и найти какую-то работу на государство лишь для того, чтобы зарабатывать себе на существование. Но для тех, кто был амбициозен и талантлив, мог говорить на иностранных языках, хотел ездить за границу, получить место в зарубежном представительстве, читать запрещенные книги и газеты, вступление в ряды КГБ являлось хорошим вариантом. Один из наших высших дипломатов как-то назвал КГБ «Гарвардом Советского Союза».

Тех, кто находился на верху этой организации, я называю «принцами» КГБ, и за рейгановские годы я познакомилась с двумя из них — Радомиром Богдановым и Игорем Филиным. Президенту Рейгану я рассказывала то, что знала о них и чего я от них ожидала. Имея с ними дело, я никогда не обманывалась. Я всегда чувствовала, общаясь с ними, что нахожусь в одной клетке со смертельно опасными тиграми. Но по мере того как я узнавала обоих ближе, мне трудно было поверить в то, что я увидела. К моему удивлению, мне стало представляться, что они, вышедшие из эпохи Андропова, принадлежат к той группе высокопоставленных офицеров КГБ, которые выступают за перемены, и что это могущественная группа является важной силой, поддерживающей *перестройку* Горбачева. В частном порядке я начала называть их «декабристами». (Вскоре после прихода Горбачева к власти я стала свидетелем того, как 113 членов Центрального Комитета беспрекословно покинули свои посты³. Этого могла добиться только всесильная рука КГБ.)

Конечно, в каком-то смысле это было именно так. Во всяком случае, на Западе всегда считали, что самые умные и интеллигентные сотрудники советских посольств (и нередко самые приятные) были из КГБ. От одного из моих друзей в Советском Союзе я знала, насколько презрительно люди относились и к высшим, и к низшим чинам в партийной иерархии. В них во все большей степени видели троечников, не способных работать нигде, кроме как в такой скучной организации, как партия, или же стремившихся благодаря своим связям найти теплое местечко в какой-нибудь организации или институте и не потерять при этом своих привилегий. Элита КГБ была совершенно

иной: только они знали истинное положение дел в стране, и их поведение было поэтому весьма озабоченным.

Я не очень уж удивилась, встретившись с такими парадоксальными фигурами, как Радомир и Игорь. С ними я познакомилась в 1984 и 1985 годах в Москве, после того что я видела в Ленинграде в 1983 и 1984-м. Со времени смерти Брежнева в воздухе стали ощущаться некие странные веяния. Недовольство режимом становилось все очевиднее, особенно среди молодежи, скучающей, но энергичной, непрерывно искавшей какого-то выхода для самовыражения. Все, что было связано с Западом, имело вкус запретного плода, а следование каким-то обычаям и привычкам дореволюционной России стало ярким обозначением протеста. В те времена в кинотеатрах не шли западные фильмы, не продавались иностранные журналы. Бороды и синие джинсы (их берегли как драгоценность) были маркерами нонконформизма, а религию называли внутренней эмиграцией. Поэты-нонконформисты стали для этого молодого поколения пророками, на них пролилось восхищение, на Западе предназначенное рок-звездам. Угроза тайного террора все-таки присутствовала и оставалась фактом жизни в Советском Союзе, но она стала какой-то невнятной, побуждая решительные души выходить за рамки дозволенного⁴.

В 1983 и 1984 годах, после того как Андропов пришел к власти, именно КГБ, этот верный хранитель безопасности государства, признал все это, равно как и необходимость приоткрыть крышку, чтобы выпустить пар из котла. В Ленинграде существовало популярное движение за создание музея Достоевского в доме, где он когда-то жил. Это дело получило широкую огласку в городе. Бюрократы из Коммунистической партии настолько переволновались по поводу этой независимой инициативы, что одна лишь попытка факсимильного воспроизведения и продажи копий визитной карточки Достоевского была пресечена, поскольку они в этом увидели угрозу. И вдруг поэтам-нонконформистам стали разрешать регулярно устраивать поэтические встречи в этом новом музее; хотя кругом все стали поговаривать, что встречи — это инициатива КГБ, люди стали на них ходить. После многих лет сражений с городскими властями художникам-нонконформистам позволили устроить большую выставку

в городском выставочном зале. Кто кроме КГБ мог сделать это возможным? То же самое происходило и в литературе. Осенью 1985 года никому не известное издательство выпустило в свет альманах, включавший работы непризнанных писателей и поэтов. Несмотря на маленький тираж альманаха — всего несколько сотен экземпляров, его издание стало настоящим событием, которое было бы немыслимо без позволения КГБ, знавшего о нем.

Я уже писала о том, как я впервые встретила Радомира Богданова, первого заместителя директора Института США и Канады, к которому меня направил подполковник Тайрус Кобб из Вест-Пойнта и Совета по национальной безопасности. О Богданове я вначале знала совсем немного. На Западе его считали высоким чином в Первом главном управлении КГБ. Один из сотрудников американского посольства вполне официально и авторитетно сказал мне, что Богданов имеет звание генерала ГРУ (военная разведка Советской Армии), а другие считали, что он служит в КГБ, но тоже в генеральском чине. Он был резидентом в Нью-Дели⁵, ответственным за всю деятельность в Индии. Однажды я повстречала психолога, который откуда-то знал Богданова и который считал, что у него цыганские корни и что это совершенно невероятный факт. (В сталинские годы Советская власть боролась с цыганами-кочевниками, они подвергались репрессиям.) Если это правда, то как ему удалось занять столь высокое положение?

Когда же я узнала Богданова поближе, то увидела, что на самом деле он человек непростой и совсем непохож на какого-то долдона, говорящего казенными советскими штампами. Мы провели немало содержательных бесед друг с другом, спорили по вопросам американско-советских отношений, и эти беседы были совершенно лишены обычной советской двусмысленности. Многие в нем носило отпечаток таинственности: необычной была этимология его имени «Радомир», в котором звучал мотив приверженности к «миру», а его фамилия «Богданов», как мне говорили, нередко присваивалась детям-найденышам. Между нами всегда как будто стояла какая-то завеса. Мне оставались неизвестными даже несущественные детали его личной жизни. Он никогда не приглашал меня домой. Он никогда не упоминал ни о жене, ни о семье. На протяжении тех четырех лет, что я его знала, мы виделись почти всегда только в его кабинете, где, как я понимаю, все наши беседы записывались. Но когда

мы все-таки оставались наедине, гуляя ли по улицам или обедая в ресторане, он становился намного более открытым, и иногда весьма.

Зимой 1985 года, после того как я три месяца подряд корпела в Ленинграде над книгой о Павловске на деньги гранта американской ассоциации IREX, я наконец засобиралась в обратный путь домой. Перед тем как покинуть Советский Союз, я сделала остановку в Москве и решила повидать Радомира, который вежливо поинтересовался: «Как идет ваша работа?»

Проведя несколько месяцев в холодном Ленинграде, когда мне постоянно приходилось передвигаться по снегу и слякоти, да еще и с тремя пересадками ежедневно добираться до Павловского дворца в пригороде, я не удержалась от сварливого ответа: «Все вроде бы хорошо, но если бы я писала книгу во Франции об одном из французских замков, то жила бы возле него и моя работа шла бы намного быстрее. Вот как бы делалось дело в нормальной стране — но только не здесь!» — и с этим я ушла.

Весной следующего года, когда я вернулась, он вдруг с большой теплотой объявил: «А мы нашли для вас *garçonьер* (прекрасное французское слово *garconnière* можно перевести как «квартирка-студия для молодого холостяка»). Я подумала, что Радомир шутит. Но оказалось, он говорил серьезно. Однажды за ланчем в 1986 году он неожиданно тихо признался мне: «Я коммунист, но верю в Бога». И больше не сказал ничего, немедленно перейдя в разговоре к другой теме.

Итак, когда я уже собиралась обратно в Америку и пришла к нему проститься, я посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Радомир, позвольте просить вас об одолжении. Пожалуйста, сделайте, что сможете для верующих. Они не причиняют вреда. Они добрые граждане, любящие свою страну и желающие в ней оставаться. Россия нуждается в них.

— Что-то конкретное? — спросил он.

Я ответила:

— Нет. Это касается всех, — и он кивнул.

Памятуя о его признании, что он верит в Бога, в свой следующий приезд в Москву в начале января 1987 года я решила дать ему частицу ткани, пропитанной благовониями знаменитой чудотворной мироточивой иконы⁶, вместе с фотографией иконы и объяснением.

— Радомир, я знаю, что вы человек невоцерковленный, но возьмите это. Свершилось чудо, и это частица может вас вылечить.

Он был очень тронут и сказал:

— Я всегда буду носить ее с собой. Я положу ее в кошелек, — и тут же сделал это.

Я стала наставлять его:

— Радомир, вы, конечно, знаете, чтобы это сработало, вы должны почитать это объяснение.

Он взволнованно заверил меня:

— Да, я почитаю.

После того как мы вместе с ним 28 января ездили в Центральный Комитет партии, где я затронула вопрос о визе для Рона-младшего, мы вернулись в его кабинет в институте. Там он объявил мне:

— У нас для вас послание с самого верха.

Я спросила:

— Горбачев?

— Да. Можете передать его президенту? Конечно, вы можете сделать это через госпожу Рейган.

Я сказала:

— В этом нет необходимости. Я могу передать ему напрямую.

— Без Карлуччи (в то время он был советником по СНБ. — С.М.) и всех остальных? — спросил он.

— Без Карлуччи и всех остальных, — подтвердила я.

— Завтра мы передадим его вам. Мы бы хотели, чтобы вы сделали записи.

Вместо этого, когда на следующий день мы снова вдвоем обедали в ресторане «Прага», он передал мне послание. Это было написанная карандашом от руки записка на английском языке на листке белой бумаги, которую я тут же прочитала:

В Москве очень позитивно отнесутся к помощи США в деле национального примирения в Афганистане. Советская сторона в таком случае может помочь в распутывании (слово «в распутывании» было написано над зачеркнутым первоначальным словом «в разгрузке». — С.М.) некоторых других региональных конфликтов, что также облегчит достижение компромиссов по проблемам сокращения вооружений.

На словах он объяснил советскую позицию, которая состояла в том, что все участники конфликта, включая бывшего короля Захир-шаха (пребывавшего в изгнании), и все воюющие стороны внутри и вне Афганистана, так же как и коммунистический лидер, находящийся у власти, должны будут собраться на конференции под эгидой ООН и попытаться восстановить закон и порядок. Он спросил меня:

— Вы все поняли?

Я ответила:

— Да, поняла.

И попыталась добиться, чтобы он конкретизировал содержание послания, но он не стал углубляться:

— Нет. Просто передайте так, как есть, и то, о чем мы говорили.

Но я все-таки спросила его:

— Каковы шансы, что Горбачев приедет в США?

— Он не собирается приезжать.

— Почему?

Я ожидала, что Радомир станет говорить что-то вроде этого: «Нет смысла ехать сейчас в Вашингтон, потому что не достигнуто никаких серьезных соглашений», что было бы вполне в духе официальной советской позиции. Вместо этого я услышала: «Он не собирается приезжать. Нет. Потому что тогда его убьют».

Пораженная, я спросила:

— Радомир, вы серьезно? Действительно *серьезно*?

Он ответил:

— Вполне. Он слишком важен для нас.

Я видела, что он был совершенно искренен, и я со всей силой почувствовала, хотя он этого и не произнес, как он беспокоился по поводу не столько нашей стороны, сколько их — тех, кто мог воспользоваться случаем убить его в США, — и что было что-то, в курсе чего Радомир был в силу своего положения. Этого оказалось достаточно. И потом я получила еще один сюрприз совсем иного сорта. Когда мы собрались покинуть ресторан, он спросил:

— Я беспокоюсь. У меня к вам вопрос. Мне кажется, он теряет благовоние. Это что-то означает?

Я ответила:

— Покажите мне его.

Он осторожно извлек кусочек ткани из кошелька и дал мне его понюхать.

— Нет, Радомир, — заверила я его, — он не теряет своего благово-
ния. Все в полном порядке. Богоматерь любит всех нас. Не волнуйтесь.

И в завершение этого насыщенного дня, когда мы вернулись в его кабинет после ланча, он безо всякого вступления внезапно спросил:

— А каково ваше финансовое положение? (Может быть, вот тот страшный момент, которого я всегда боялась?)

Поскольку мне не приходилось притворяться, я рассмеялась и сказала:

— Раз уж вы, Радомир, знаете все, то вы знаете и то, что оно не очень хорошее.

— Тогда, — продолжил он, — мы знаем, что вам помогают. Не думаете ли вы, что и мы должны помочь?

Я твердо ответила:

— Нет. Мне никто не «помогает», и я на самом деле не нуждаюсь ни в чьей помощи. Я обратилась за грантом, так что я на самом деле не нуждаюсь в помощи, но спасибо вам за то, что думаете об этом.

После этого напряженного разговора я почти всю ночь не могла заснуть, и в эти темные бессонные часы на меня снизошло то, что я до сих пор считаю знаменiem свыше. На следующий день я пришла к нему и с улыбкой сказала: «Радомир, у меня появилась мысль о том, как вы могли бы мне помочь. Наилучшей помощью мне была бы возможность увидеть какую-то из моих книг, изданной в Советском Союзе. Это на самом деле поможет мне и осчастливит меня — такой книгой могло бы стать “Путешествие” (“*Jorney*” — наша общая книга с моим бывшим мужем Робертом Масси о нашем сыне и гемофилии). Почему бы не издать ее? Или можно было бы в “Новой газете” напечатать одну или две главы из “Жар-птицы”. Я получу какой-то гонорар, заработаю немного денег, и это будет замечательно!»

Внезапно он замер в молчании. Это был ясный ответ мне, и я сразу почувствовала себя намного увереннее, потому что знала: даже КГБ не мог тогда опубликовать мои книги, и он это тоже знал. После он никогда не касался этой темы и не делал никаких других предложений.

ПОЯВЛЯЕТСЯ ИГОРЬ

Однажды в 1986 году, прогуливаясь по улицам Москвы с Богдановым, я спросила его:

— Радомир, а если я не смогу с вами связаться, есть ли кто-то, кому бы я могла еще позвонить?

Он чуть задумался перед тем, как ответить, и сказал:

— Да. Настало время вам кое с кем встретиться.

Он попросил меня прийти к нему в Институт США и Канады следующим утром, и когда я пришла, сообщил, что мне надо будет пообедать с этим неизвестным мне человеком. И это не было приглашением.

Я сидела в несколько напряженном ожидании в кабинете Богданова, когда дверь внезапно отворилась и вошел высокий, подтянутый мужчина (и это стало явным подтверждением того, что он из КГБ — обычные русские так здорово никогда не выглядят). Это был симпатичный блондин, одетый в хорошо сшитый западный костюм-тройку из коричневого твида. Задержавшись в дверях, он внимательно оглядел меня, словно все давно обо мне знал и был лишь удивлен тем, что увидел меня воочию.

Искушенный Макс Хэйуорд, мой большой и оплакиваемый мною друг, великолепный ученый из Оксфорда и переводчик советской литературы, с которым я работала над книгой «Живое зеркало», однажды сказал мне, что если *они* хотят тебя испугать, то ты их увидишь, но если *они* намерены лишь следить за тобой, то ты никогда этого не заметишь. Я видела преследователей первого типа в Ленинграде, следовавших за мной в черной машине и искавших меня в московском аэропорту, но когда такой таинственный незнакомец вдруг появился в дверях и так чуждаковато уставился на меня, я поняла: занавес наконец упал, и это человек из второй категории по Максовой классификации, и он как раз из тех, кто неузнаваемый и невидимый следил за мной в течение долгого времени. Когда он уселся, я почувствовала большое облегчение оттого, что его пронзительные голубые глаза теперь смотрят в окно и на яркое солнце, а не на меня. Вообще-то я нервничала больше всего из-за того, что именно с этим человеком я должна пообедать. Совершенно очевидно, что он принадлежал к числу высокопоставленных офицеров КГБ. Меня ужасала сама мысль, что наступит момент, когда *они* сделают

мне какое-нибудь предложение. А, что если они предложат мне стать двойным агентом? Что мне тогда делать?

Мы отправились в отель «Националь», находившийся прямо напротив Кремля и в то время считавшийся самым элегантным отелем Москвы. Я иногда останавливалась там, пока не потеряла свою визу. Он говорил на хорошем разговорном английском, и поскольку я не знала, как защитить саму себя, то делала то, что обычно делаю, когда хочу удержать человека на расстоянии: болтала без умолку, не позволяя ему вставить ни слова. Я рассказывала о своей семье, о детях, о природе своего штата Мэн. Когда я наконец умолкла, чтобы передохнуть, то спросила, был ли он когда-нибудь в Соединенных Штатах. Он ответил, что провел несколько лет в Вашингтоне в качестве первого секретаря советского посольства.

— У вас есть семья? — спросила я.

Он также ответил, что его дочь замужем за советским дипломатом, в настоящее время служащим в Рангуне, и что она готовится впервые сделать его дедушкой. Я почувствовала себя свободнее и, решив поделиться своей ситуацией, воскликнула:

— Удивительно! Что за совпадение! Я тоже готовлюсь в первый раз стать бабушкой!

— Когда? — спросил он.

— Этим летом, — ответила я.

— И я тоже летом, — сказал он.

За обедом он заботливо предложил (!), чтобы я позволила им разослать те книги⁷, которые я привезла для тех, кому хотела их передать. Я быстро поблагодарила его, заверив, что *им* совершенно не стоит об этом беспокоиться. Он не настаивал. Если не считать этого, то обед прошел безо всяких происшествий и, к моему великому облегчению, больше никаких предложений сделано не было.

Почувствовав себя свободнее и бодрее, я спросила его, надевая пальто:

— Мне кажется, вы многое знаете о моих проектах, но я ничего не знаю о ваших. Скажите мне, чего бы вы хотели для вашей страны?

В этот момент он надевал шляпу и, услышав вопрос, повернулся ко мне. К моему изумлению, он быстро ответил:

— Я хочу свободы слова и конвертируемого рубля.

Так я в первый раз встретила Игоря Петровича Филина.

У него были все приметы, свойственные высокопоставленным офицерам КГБ, но кем все-таки он был на самом деле? В тот раз я остановилась у своих друзей в квартале американского посольства, где жили (и до сих пор живут) многие из сотрудников посольства за кирпичными стенами и высокими охраняемыми воротами. Я сразу же рассказала первому заместителю посла о том, что со мной произошло, и попросила его помочь мне узнать, кем был Игорь Филин. Он проверил и сказал, что не смог ничего о нем найти, и что на самом деле они мало что знают об офицерах КГБ высокого ранга. Меня это не удовлетворило, и я снова обратилась за помощью к нашим военным — к военно-воздушному атташе, американскому полковнику, которого знала. Рассказав ему о своем беспокойстве и опасениях, я попросила его узнать, не могут ли военные узнать что-нибудь об Игоре. И он выполнил мою просьбу. Через несколько месяцев они дали мне ответ: Игорь действительно был высокопоставленным офицером КГБ, полковником, отвечавшим за работу с приезжими иностранцами, он являлся исполнительным секретарем Комитета защиты мира — пресловутой организации, которая, как было всем известно, служила прикрытием для КГБ и при этом отвечала за то, чтобы давать разрешение на прибытие в Советский Союз любых иностранных групп, и контролировала их пребывание в стране. Я спросила, что мне делать, и американский полковник ответил, чтобы я продолжала вести себя как обычно. Спустя несколько месяцев после нашего первого ланча я снова приехала в Советский Союз в качестве личного гида техасской миллионерши Энн Бэсс и ее детей. Только я успела расположиться в номере отеля, как зазвонил телефон. Это был Игорь. Стараясь делать вид, что я совершенно не знаю, кто он такой, как мне это советовали, я невинным голосом сказала:

— О, Игорь! Как вы узнали, что я здесь?

А он тут же мне с радостью сообщил, что у него родилась первая внучка.

— Какое совпадение! Я только что впервые стала бабушкой — у меня родился внук!

Он спросил, когда это произошло, и я ответила:

— Пятого августа.

— В один и тот же день! — воскликнул он. — Во сколько?

И я ответила:

— В два двадцать два ночи.

— О! — шутиливо воскликнул он, — Вы, американцы, всегда впереди!

И он сказал, что хотел бы вырваться, чтобы встретиться со мной, с чем я согласилась.

Я встретила Игоря перед отелем. Он был все в том же прекрасном костюме и, приближаясь ко мне, радостно приветствовал: «Бабушка!» — и я ответила ему: «Дедушка!»

Я должна объяснить, что в России считается чрезвычайно важным, если у кого-то одновременно рождаются первые внуки или внучки, это делает людей почти родственниками. Надо ли говорить, что с этого момента наши отношения, по меньшей мере в его глазах, изменились. Он попросил у меня фотографию маленького Сэма и потом поставил ее в своей квартире. С тех пор каждый год мы получали от него поздравительную телеграмму в день рождения Сэма, и я в ответ посылала свои поздравления его внучке Маше. Каждый раз как я бывала в Москве, Игорь приглашал меня к себе домой на обед, возил на свою дачу, располагавшуюся в охраняемом дачном поселке офицеров КГБ. Я познакомилась с его женой Майей, дочерью Мариной и внучкой Машей.

Однажды московским вечером он взял меня с собой на встречу со знаменитой грузинской целительницей, которая лечила Брежнева. Ее квартира на Арбате, где она рисовала свои странные сюрреалистические полотна, была всегда переполнена толпой страждущих получить ее «целительную» помощь.

Мы никогда не говорили о президенте Рейгане, и он никогда не спрашивал меня. Заниматься мной ему поручил лично Андропов, и он изучал меня на протяжении двух лет. (Неудивительно, что когда мы с ним наконец встретились лично в 1986 году, он ошибся, подумав, что мы раньше уже встречались.) Игорь сказал мне: «Андропов хотел сам с вами встретиться. Вы знали об этом?» (Откуда я могла знать?) Я не раз потом об этом размышляла.

Он начал с того, что отправился в Ленинград, чтобы посмотреть все дела и доклады обо мне, что мог найти. Он со смехом сказал мне: «Вы говорили со всеми подряд!» — но своему начальству доложил, что не нашел ничего антигосударственного в моих делах. Однажды, когда я заметила, что американские специалисты по советским делам считают Богданова генералом КГБ, он твердо поправил меня: «Нет, он полковник». В Ленинграде он предупредил меня: «Будь осторожна. Тут все плохо. Не бери

никаких рукописей». (Я брала лишь однажды, в 1972 году, когда я взяла кое что из неопубликованных стихов Бродского для «Живого зеркала». Меня обыскали в московском аэропорту, и стихи забрали. И хотя это произошло за четырнадцать лет до нашей встречи, он знал об этом.)

Когда весной 1985 года я приехала в Павловск и пришла с обязательным первым визитом к директору (стойкому члену партии), она сделала мне удивительное предложение: «У моей тетки есть маленькая квартирka в нескольких минутах ходьбы от дворца, и она готова сдать вам ее за два рубля в день». (Это были буквально гроши, даже по официальному заниженному курсу в два доллара за рубль!) Столь неожиданное предложение было тем самым *гарсоньер*, о котором так скромно упомянул Богданов и которое стало для меня понятнее, когда годом позже я узнала, что перед моим приездом у директора побывал Игорь.

Квартира располагалась в типичном советском доме, недалеко от ворот в дворцовый парк. Назвать ее спартанской было бы преувеличением. Она была совершенно пустой, если не считать шаткой кровати, стола и деревянного стула. В крохотной ванной комнате находилась такая маленькая ванна, что я могла поместиться в ней лишь сидя. Древняя газовая колонка каждый раз пугающе фыркала, когда я со всей осторожностью подносила спичку, чтобы зажечь ее. Одна из моих знакомых, ответственная за архив и библиотеку дворца, лишь взглянув на квартиру, ужаснулась и воскликнула: «Вы не можете жить здесь!» А я подумала: *Это мне проверка, я смогу*. Моя приятельница и ее друзья щедро одолжили мне тарелки, стаканы и кастрюли, повесили самые простые занавески и даже дали несколько репродукций для стен. Я отчетливо помню странное ощущение, когда внезапно я осознала, что мне больше не нужно заглядывать *снаружи* в советские дома: я теперь *внутри* их!

Те несколько недель были одними из самых счастливых и самых умиротворенных в моей жизни. Солнечными весенними днями я гуляла по просторному дворцовому парку, мирно работала в архивах, обедала на дворцовой террасе, пила чай с моими друзьями-хранителями, которые всегда делились со мной своим ланчем. Я могла видеть все, что мне было нужно, и делать все, что мне было необходимо для моей книги. Долгие часы я проводила со своим давним другом Анатолием Михайловичем Кучумовым, прежним главным хранителем, который ушел на пенсию и был прикован к инвалидному креслу. Со своей больной женой он жил

в маленькой квартире в городе. Там я записала на 35 магнитофонных кассет, каждая длительностью в полчаса, его воспоминания о годах войны и о восстановлении дворца. Архивы дворца и его фотоколлекции были открыты для меня, и я просмотрела несколько тысяч снимков и отобрала те, которые в конечном счете использовала для своей книги. Я жила так же, как жили советские граждане: ездила на автобусе, сама делала покупки на местном рынке — для себя и иногда для Кучумовых. Никто не распознавал во мне иностранку, потому что иностранцам не разрешалось жить в Павловске со времен Революции. Возможно, самым важным было то, что ни меня и никого из моих друзей никто из ленинградского КГБ не беспокоил и ни о чем не расспрашивал. Короче, те два московских «принца» из КГБ создали вокруг меня *санитарный кордон*.

Еще одна интересная история, связанная с этим парадоксальным Игорем, произошла в августе 1986 года, когда мать Тереза впервые приехала в Советский Союз по приглашению Советского комитета защиты мира. Она приехала в надежде, что советское правительство разрешит ей открыть благотворительную миссию возле Чернобыля. «Нью-Йорк таймс» писала: «Если ей разрешат привезти ее сестер Ордена милосердия, то это будет значительным сдвигом в официальном отношении к религиозной деятельности в Советском Союзе», и при этом добавила: «Ответственным официальным лицом за это назначен некто Игорь П. Филин, по уклончивым словам которого выходило, что правительство заинтересовано в “совместных проектах” с монахиней, но что “характер этих совместных мероприятий пока не выработан”»⁸.

Как раз перед приездом матери Терезы Игорь узнал, что никто не собирается встречать ее в аэропорту. Как исполнительный секретарь Комитета защиты мира, он не был обязан ехать сам, но решил, что будет неправильно, если ее никто не встретит, поэтому он отправился аэропорт. Он рассказал мне о своем удивлении оттого, что первое, что она сделала, приблизившись к нему, так это накрыла его руку своей и сказала: «Я буду молиться за вас и за вашу семью». Это приветствие удивило и взволновало его, оставив в настолько глубоком замешательстве, что он рассказывал мне об этом случае не раз и не два.

— Почему? — спросил он меня, — почему она сказала мне это?

— Ну, — ответила я, — она просто сказала, что хочет молиться за вас. Что тут такого?

Все еще смущенный и огорченный ее словами, через две недели, когда мы встретились в Ленинграде, он снова задал мне все тот же вопрос. Тем вечером я, проходя через обеденный зал отеля, случайно увидела его сидящим в одиночестве за столом и нервно пьющим одну стопку водку за другой. Следующим утром я мимоходом спросила его:

— Игорь, а вы случайно не верующий человек?

— Нет! — с вызовом ответил он. — Нас учили, что наш Бог — Ленин!

Я продолжала говорить с ним примирительным тоном:

— Игорь, вы знаете, что человек не может быть Богом. В Библии сказано: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»⁹.

Тут он умолк и больше на эту тему со мной не говорил. Но через несколько дней, растерянный и смущенный, он признался мне, что теперь чувствует, что он отвечает за то, чтобы мать Тереза смогла привезти своих монашек и начать работать в Советском Союзе. И хотя в тот момент советское законодательство запрещало религиозным организациям заниматься благотворительностью и запрет был вызван опасением, что это станет способом обретения новых приверженцев, благодаря Игорю ее просьба была удовлетворена. Шесть монашек получили разрешение приехать и работать в Чернобыле и позднее в Москве. Мать Тереза действительно была могущественной женщиной.

* * *

Мои отношения с этими двумя парадоксальными людьми определенно сложились очень необычно, и неудивительно, что в прессе об этом ошибочно писали, описывая дело так, словно я курсировала от Богданова и обратно, передавая многочисленные послания. Фактом является то, что за четыре года, в течение которых я встречалась с президентом Рейганом, я передала всего несколько сообщений. Первое из них, о чем я уже писала, было инициировано Белым домом, чтобы прозондировать вопрос о возможности восстановления американско-советского Соглашения в области культуры, и именно в связи с ним я впервые встретила с Богдановым. В 1987 году напрямую через меня Богданов передал послание, касавшееся Афганистана. И последним посланием было приглашение Горбачеву от президента Рейгана.

КОНЕЦ ЭРЫ

Поведение Радомира и Игоря в отношении меня было, как говорят французы, «корректным». Богданов всегда держал слово, касалось ли это Соглашения по культуре или моей работы. В последний раз я его видела в 1988 году. Позднее я узнала от Игоря, что заболевание сердца у Радомира стало прогрессировать, и он часто болел. Формально он ушел из Института на пенсию в 1989 году и умер прежде чем моя книга о Павловске была опубликована в Штатах в 1990 году. Я очень признательна ему за ту помощь, которую он мне оказал в 1985 году, когда сумел добиться для меня разрешения работать в архивах и библиотеках, хотя Соглашение о культурном обмене между США и СССР еще не было подписано и партийные функционеры, к которым я обращалась за разрешением, отказали мне. Я была так разочарована, что подумывала совсем бросить работу, и тогда книга о Павловске не была бы написана. Я очень сожалею, что не успела передать Радомиру свою завершенную книгу.

После того как в 1991 году Советский Союз пал и Советский комитет защиты мира также прекратил свое существование, Игорь остался без работы. Ветераны из КГБ вроде него часто оказывались в психологическом кризисе. Что им было делать? Мы порой встречались с ним в Москве за чашкой кофе или чаю в одном из стильных новых отелей города, когда я туда приезжала. (Он обычно сухо замечал, что цены на напитки в отелях задраны настолько, что порция виски здесь стоит столько, сколько целая бутылка в магазине.) Прежде могучий тигр, теперь он был повержен и подавлен, ему нужна была работа, а найти он мог только временное занятие в одном из новых бизнесов, только появившихся в новой России. Однажды он предложил мне вместе с ним написать книгу. Я отказалась. У меня не было желания влезать в материал такого рода и определенно у меня не было бы никакой возможности проверять факты.

Тем не менее его мнение представлялось мне интересным. Прежде всего, он был поклонником Андропова. Он говорил, что знает, что на Западе Андропова считали жестоким из-за преследований инакомыслящих и видели в нем полицейского, но он был «мудрым политиком», который «писал стихи». По Игорю, Андропова поколебало насилие, предпринятое Советами в Венгрии, и он почувствовал, что необходимы

перемены. Как говорил Игорь, Андропов собрал группу «интеллектуалов», с которыми любил общаться, в их числе были глава Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Александр Яковлев, а также Евгений Примаков и Георгий Арбатов¹⁰. Игорь критиковал Горбачева за его нерешительность и за то, что когда тот пришел к власти, то не отдавал должное Андропову, который, по словам Игоря, «заложил фундамент», на который Горбачев опирался. (Похоже, именно это имела в виду Раиса Горбачева, когда в 1987 году, увидев портрет Андропова во время государственного визита в Вашингтон, воскликнула: «Мы обязаны ему всем!») Андропову, по словам Игоря, нужна была поддержка со стороны руководителей более молодого поколения и при этом находящихся на сравнительно высоких постах, чтобы прийти ему на смену, поэтому он ввел Горбачева в Политбюро. После смерти Андропова, продолжал Игорь, старая фракция Брежнева опять взяла верх, и Генеральным секретарем назначили Черненко, но когда и Черненко умер, андроповская группа смогла добиться избрания Горбачева. Я однажды спросила его, насколько КГБ боялся американской угрозы. «Не очень, — ответил он. — Это все раздували военные, которым нужны были деньги для оборонного бюджета».

В 1999 году Игорь хотел, чтобы я встретилась с Крючковым, руководителем КГБ после Андропова, возглавившим мятеж против Горбачева. Я уклонилась от этой встречи. В 2000 году Игорь принял мое приглашение прийти на прием в Москве по случаю выхода на русском языке моей книги «Земля Жар-птицы», издание которой профинансировал независимый русский предприниматель и его друг — бизнесмен из Индии. Игорь привел с собой Машу, а я — своего Сэма, приехавшего по этому случаю из США. Так, наконец, встретились два подростка, родившиеся в один день. Они даже ходили вместе в Московский цирк. Игорь все еще прекрасно выглядел, и одна из американок, присутствовавшая на этом приеме, шепнула мне: «Если бы мне нужен был спутник, то я бы предпочла, чтобы это был именно он».

В последующие годы я с ним не встречалась, и только позвонив ему в 2010 году, узнала от его жены, что за несколько месяцев до того в возрасте шестидесяти семи лет он внезапно умер от сердечного приступа, сидя на скамейке в парке возле своего дома. Я все еще часто его вспоминаю. Вместе с ним ушла для меня целая эпоха.

* * *

А Маша вышла замуж и работает в России бортпроводницей. Сэм окончил Йельский университет, где специализировался в китайском языке. Он свободно говорит на пекинском и кантонском диалектах и был единственным иностранцем, два года проработавшим в Гуанчжоу (Кантоне) в офисе руководителя одной из крупнейших китайских компаний в области электроники со штатом восемь тысяч человек.

ГЛАВА 17

ПОСОЛЬСКИЙ ПЕРЕПОЛОХ

Самым удивительным событием, произошедшим со мной в годы, когда я встречалась с президентом Рейганом, оказалось то, что я называла «посольским переполохом». Дело было в декабре 1986 года.

Это было мрачное время в моей жизни, когда я осталась практически без гроша в кармане и была вовлечена в болезненный бракоразводный процесс. Мне почти не на что было жить и пришлось снимать меблированные комнаты, перевозя при этом свои немногие пожитки с одного склада временного хранения на другой, а иногда с тараканами в придачу. Самым худшим из этих хранилищ был бывший оружейный склад, своими огромными стальными воротами напоминавший тюрьму. Меня пугала мысль, что вдруг меня там кто-нибудь закроет, и до сих пор, когда я вижу силуэт этого здания в Бостоне, у меня мурашки бегают по коже. В это грустное время в моей жизни я отчаянно пыталась закончить свою книгу и иногда ездила в Вашингтон на беседы с президентом. Нередко, несмотря на всю оказываемую мне честь, я с неохотой отзывалась на предложение приехать, потому что у меня элементарно не было денег на такие челночные поездки, а просить о возмещении этих расходов я считала неудобным.

«Переполох» случился 19 декабря 1986 года, когда в Кембридже стоял хмурый дождливый день. Совершенно промокнув, я приехала в свой Гарвардский русский исследовательский центр (теперь он называется Центр Дэвиса)¹ и только принялась стряхивать дождевики со своей шляпы и зонтика, как меня принялись возбуждено поздравлять секретарши центра, утверждая, что про меня написано в «Нью-Йорк таймс»! И тут же они показали мне статью на первой полосе с броским заголовком «Артур Хартман планирует уйти с поста посла в Москве в начале 1987 года». В статье сообщалось: «Сотрудник Белого дома сказал, что преемник еще не выбран. Одной из возможных кандидатур назван Джек Ф. Мэтлок, специалист по Советскому Союзу, работающий в Совете по национальной безопасности в Белом доме». И дальше, к моему величайшему удивлению,

было напечатано: «Другой кандидатурой, названной чиновником из Белого дома, является Сюзанна Масси — американская писательница и преподаватель русской истории. Говорят, что она произвела впечатление на президента Рейгана во время их бесед, предшествовавших первой встрече президента с Михаилом Горбачевым в ноябре 1985 года».

Я была ошеломлена. Я понятия не имела, откуда это все взялось и кем был этот неназванный «сотрудник Белого дома». Даже только назвать меня «темной лошадкой» уже было большим преувеличением. Женщин-послов до сих пор у нас было лишь несколько, и обычно они получали назначения в страны вроде Люксембурга или Австрии и никогда в Москву, которая для многих тяжеловесов из Государственного департамента представлялась вожденной вершиной карьеры. Первым, кто пришел на работу в тот день, был один почетный профессор, который, изучив газету, во всеуслышание изрек: «А что, в этом и правда что-то есть. Я слышал, у них там немало проблем и им нужна помощь».

Я не удержалась и съязвила: «Да, конечно, я ведь умею гладить, и знаю, как готовить, и полагаю, что в этих делах смыслю больше, чем Джек Мэтлок».

На самом деле к тому времени я за два года действительно привлекла к себе некоторое внимание. Статьи обо мне и моих встречах появлялись в прессе, в том числе в «Нью-Йорк дейли ньюс», «Нью-Йорк таймс» и «Бостон глоб». Время от времени меня приглашали высказаться по вопросу об отношениях с Россией в новостной программе WGBH в Бостоне. Я довольно часто ездила с лекциями по всем Соединенным Штатам и в том числе несколько раз выступала в Вашингтоне, причем дважды весной 1986 года перед ежегодной ассамблеей избирателей сенатора Тимоти Уирта от Колорадо и сенатора Джона Хейнца от Пенсильвании. После этих выступлений Уирт и Хейнц и прочие мои друзья из правительства начали убеждать меня, что я просто обязана получить какое-то официальное назначение, и 3 июня 1986 года (я узнала об этом впервые, лишь прочтя книгу Джеймса Манна) в своем письме президенту два уважаемых сенатора-республиканца Уильям Коэн и Джон Хейнц написали обо мне следующее: «Ее присутствие в СССР в официальном статусе может дать вашей администрации двусторонний канал общения в интересах большего взаимопонимания и улучшения отношений»².

В начале осени 1986 года сенатор Уирт упомянул идею о назначении меня послом, но при этом осторожно спросил: «А примет ли Советский Союз женщину-посла?» Поэтому когда я в следующий раз приехала в Москву, то задала этот вопрос во время неформального ланча с Богдановым, сказав ему, что в Вашингтоне есть ощущение, будто бы Советский Союз станет возражать против назначения послом женщины. «Почему же? — ответил он. — У нас была Коллонтай!»³ Он вернулся к этому на следующий день, во время беседы в его кабинете (где, как я знала, все прослушивалось), и сообщил мне: «Я хотел бы официально уведомить вас, и эта информация идет с самого верха — повторяю, с самого верха, — что Советский Союз не будет иметь ничего против назначения послом женщины. Эта информация получена от самого высокопоставленного источника».

Затем 30 декабря 1986 года, за десять дней до публикации статьи в «Таймс», в маленькой газете «Нью-Йорк-сити таймс» появилась другая статья, озаглавленная: «Нашим человеком в Москве должна стать миссис Масси», эту статью написал известный русско-американский журналист покойный Пол Хлебников⁴. После того как обе статьи оказались в руках искушенных вашингтонцев, в том числе сенаторов, меня стали спрашивать, говорила ли я с президентом на этот счет. Я ответила отрицательно. Они настаивали, что мне *надо* сказать президенту о своей заинтересованности в этом. Такова, говорили они, общепринятая в Вашингтоне процедура. Нечего ждать у моря погоды, надо сказать самой. Иначе откуда президент может узнать о твоём желании?

Однажды президент сказал, что я единственный человек, который никогда ни о чем его не просил. Я гордилась этим и не собиралась начинать просить. Но мои «руки в Вашингтоне» были так настойчивы, что я подумала, что каким бы надуманным мне все это ни казалось, они знают намного больше моего о существующих порядках. И если в Вашингтоне действительно ждут именно таких действий, то я должна их, пусть и с неохотой, предпринять. Четвертого января 1987 года я написала президенту письмо и послала ему статьи из газет, но было уже поздно, потому что игра была сделана и вопрос о назначении решен. И хотя официально об этом еще не объявили, Карлуччи в записке президенту писал, что о решении назначить послом Мэтлока советская сторона была извещена еще 25 декабря.

Я не была удивлена тем, что президент был ошарашен моим письмом. Тем не менее 13 января он ответил мне длинным и теплым письмом, в котором написал, что *не имел представления о том, что Вы хотели быть нашим человеком в Москве*, а в конце письма собственноручно добавил: *Вы доверенный советник и, надеюсь, останетесь им и впредь*. Но я была глубоко расстроена тем, что нарушила свое собственное правило ни о чем его не просить.

Все это, конечно, было результатом слишком оптимистического действия неизвестного сотрудника в Вашингтоне, который дал ход самой идее, что кандидатура какого-то необычного человека вроде меня вообще может получить шанс на рассмотрение вопреки абсолютной уверенности Государственного департамента, что это его полная прерогатива. Всем было известно, что Джек Мэтлок страстно желает получить эту работу. Я хорошо его знала, несколько раз встречалась с ним и однажды даже останавливалась в его доме в Вашингтоне. Беседуя со мной вечером после кофе у себя дома, кажется, он даже уронил слезу, когда признался, что стать послом для него значит достичь того, «ради чего я работал всю свою жизнь». Наверное, так оно и было. Поднимаясь по ступенькам служебной лестницы в Государственном департаменте, он стал в высшей степени квалифицированным карьерным дипломатом.

Что касается меня, то я определенно не имела таких данных, но повторяю еще раз, не все предыдущие послы пришли на этот пост из Госдепартамента. Некоторые — да, но другие даже по-русски не говорили. Я точно не относилась к категории назначенцев из числа богатых доноров политических кампаний. Я вышла из семьи дипломата. У меня были обширные знания по русской истории и культуре, я свободно говорила по-русски и для тех лет времен холодной войны у меня были уникальные связи и опыт общения с самыми разными русскими, хорошими и плохими, высокопоставленными персонами и совсем простыми людьми — и все они доверяли мне. Если бы я находилась в средоточии наших отношений, то с помощью опытного сотрудника Госдепартамента в роли заместителя руководителя миссии могла бы с пользой применить свои знания и, быть может, предложить иной характер и стиль дипломатических отношений, отличавшийся от общепринятого в то решающее время, когда имидж Америки и отношения с Советским Союзом были такими важными.

Вероятно, мне помешало и то, что я женщина. До той поры в дипломатические отношения США и СССР на высоком уровне была вовлечена

лишь одна женщина — Розанна Риджуэй. Она была квинтэссенцией Госдепартамента, полностью ему послушной, и, начав свою карьеру в 29 лет, затем шаг за шагом достигла своей должности — самой высокой, какую когда-либо раньше занимала женщина. Спустя десять лет Риджуэй заняла пост госсекретаря (с тех пор на нем перебивали три женщины), а в мое время такого никто не мог допустить даже в самых смелых мечтах, поэтому совсем неудивительно, что целый ряд тяжеловесов в Госдепартаменте были твердо убеждены, что пост должен занять один из них и все они жесточайшим образом противились тому, чтобы он достался мне.

Секретарь Шульц всегда был весьма популярен у дам, но мне говорили, что он никогда не поддерживал выдвижения женщин на высокие дипломатические посты. Правда или нет, не знаю, но когда мое имя стало упоминаться в связи с возможным назначением на роль посла, Госдепартамент охватила паника, и он занял круговую оборону. Человек, пожелавший остаться инкогнито, оказался очевидцем того, что как только об этой новости стало известно, Марк Пэрис, карьерный дипломат из Госдепартамента и директор советского отдела (1985–1988), немедленно выскочил из кабинета и отправился искать Розанну Риджуэй, вместе с которой они отправились к Шульцу, чтобы заявить тому о своем протесте. Через несколько лет после «переполоха» один из высоких членов правительства сообщил мне, что именно Шульц, который казался мне таким милым и дружески настроенным при наших встречах, наложил вето на мою кандидатуру, сказав, «что он хотел бы на это место кого-нибудь, кого он может контролировать». (На самом деле, я ведь выросла в семье опытного дипломата и не думаю, что была такой уж «неконтролируемой», впрочем, изменить свой пол я не могу.) В январе 1987 года Джек Мэтлок, давно работавший в Государственном департаменте и в Белом доме, реализовал свою мечту: он был назначен послом и быстро утвержден.

ПОСТСКРИПТУМ

На этом дело не закончилось. К тому времени как Билл Клинтон стал президентом, я получила несколько наград от женских организаций и через них уже знала намного больше о том, как в политической реальности происходит отбор женщин. Влиятельные женские организации,

собранные значительные суммы для избрания Клинтона, подготовили списки женщин, которых они хотели бы видеть на высоких постах в правительстве. Во главе такого списка значилась Мадлен Олбрайт, давняя подруга Хиллари Клинтон, но и мои почитательницы, приложив некоторые усилия, добились включения меня в список потенциальных послов. Представители этих женских организаций говорили, что мне надо связаться с Колином Пауэллом, которого я знала по Белому дому с того времени, как он был последним советником Рейгана по вопросам национальной безопасности. Я действительно его неплохо знала и считала своим другом, поскольку всегда, когда мы где-нибудь встречались, он тепло здоровался, и мы обменивались дружескими объятиями и приятельскими поцелуями. Поэтому я подумала, что будет вполне приемлемо позвонить ему и попросить у него поддержки, но как только я об этом с ним заговорила, его голос стал ледяным. Он коротко отказал, заметив: «С политической точки зрения это не имеет смысла».

После того как четыре года посла Мэтлока завершились (1987–1991), президент Буш немедленно назначил послом в Москву Роберта Страуса. Страус не говорил по-русски и не имел никакого опыта работы в Госдепартаменте, но был уважаемым и влиятельным вашингтонским политиком, бывшим председателем Демократической партии, великолепным организатором сбора пожертвований, сам был донором, возглавлял престижную юридическую мегафирму и имел большой опыт в международных торговых отношениях. После падения Горбачева президент Клинтон переназначил Страуса послом в новой России при Борисе Ельцине, и в этой должности Страус пробыл до 1992 года.

Ко времени падения Советского Союза в 1991 году патриарх Алексей II и первый демократически избранный мэр Ленинграда Анатолий Собчак предупреждали нас, что «не экономика является самой важной проблемой в России, но мораль». Правительство США отмахнулось от этого знания и проигнорировало их мудрое предупреждение. Если же иметь подлинное представление о том, как обстоят дела в каждодневной жизни в Советском Союзе, а я таким знанием обладала, то было очевидно, что они правы. Я не верила в то, что «бизнес» в американском стиле станет панацеей, которая быстренько воплотит в жизнь утопию в России после семидесяти пяти лет правления тоталитарного и коррумпированного режима. Я безуспешно, хотя и со всем усердием пыталась объяснить

в Вашингтоне, что одного только «бизнеса» недостаточно и что нам необходимо делать некие жесты по отношению к страдающему населению России, которые можно интерпретировать как чисто альтруистические. В Ленинграде я серьезно исследовала этот вопрос и подготовила некоторые предложения. Я хотела встретиться с вице-президентом Алом Гором, чтобы он поддержал мой подход. Он сочувствовал мне и направил к своему заместителю в ЮСИА*, где я узнала, что все фонды, которые Конгресс выделил для помощи России, пошли в Лос-Анджелес, пострадавший от землетрясения. И вместо всего этого мы продолжали безоглядно настаивать на «бизнесе», и это закончилось тем, что мы помогли не простым русским людям или подъему «демократии», а алчным олигархам (большинство из которых раньше были членами Коммунистической партии). Результатом такой политики стала дискредитация самого слова *демократия* в американском стиле в глазах подавляющего большинства русских.

С тех пор прошло уже три десятилетия, а у нас так никогда и не было женщины-посла в Москве, хотя две женщины побывали в роли генерального консула в Санкт-Петербурге и заместителя руководителя миссии в Москве. Это мне представляется странным, учитывая, что в США большую часть населения составляют женщины старше пятнадцати лет и они формируют 52 процента всех работающих американцев. И все-таки я рада отметить, что в 2008—2010 годах Америку представлял великолепный и эффективный американский посол Джон Байерли, опытейший назначенец Госдепартамента. Это дружелюбный и доступный человек, который студентом учил русский язык в Ленинграде и побывал во многих частях страны в качестве сопровождающего гида тех американских выставок, которые я так отчаянно просила поддержать президента Рейгана. Его русский язык поразителен. Его речь раскованна и течет словно водопад. Будучи послом, он начал вести блог, где лично и по-русски отвечал на многие вопросы. И в этом посла решительно поддерживала его жена Джослин, тоже знавшая русский язык. Что может быть лучше? Я могу только сказать, что, по моему мнению, у нас не было посла в России (а я знала их двенадцать) более популярного и эффективного, чем он. Зная о его разнообразных талантах, я грезилась о том, как было бы хорошо,

* Информационное агентство США — ЮСИА (англ. *USIA, United States Information Agency*).

если бы мы поступали в отношении послов так же, как это делают русские в США, которые держат своих послов в стране годами. Вся эта вынужденная краткосрочная (три-четыре года) карусель из наших дипломатов за границей, быть может, подходит для столиц Западной Европы, но не для России, страны, которой понадобилось много времени, чтобы обрести глубокие знания, уверенность в себе и доверие к обоим лидерам и народам. Частая смена наших послов не отвечает американским национальным интересам.

* * *

В июне 2011 года, прослужив дополнительный год в Госдепартаменте, Джон Байерли был внезапно уволен президентом Обамой, который назначил на этот пост своего советника по России в СНБ сорокадевятiletнего Майкла Макфолла, преподавателя, профессора в Стэнфорде, сотрудника консервативного Гуверовского института, также выступавшего в роли комментатора на CNN. Он стал лишь вторым за тридцать лет человеком, который назначен на пост посла без какого-либо предшествовавшего дипломатического опыта. Макфолл был утвержден в декабре 2011 года и сейчас работает в Москве*.

* На момент выхода американского издания книги в свет в 2014 г. послом США в Российской Федерации еще был Майкл Э. Макфол (*Michael A. McFaul*). В августе 2014 г. его сменил карьерный дипломат, хорошо знавший русский язык и Россию Джон Ф. Теффт (*John F. Tefft*), пробывший на этой должности до сентября 2017 г. В настоящее время послом США в Российской Федерации является Джон Мид Хантсман-младший (*Jon Meade Huntsman, Jr*), прежде работавший послом США в Сингапуре (1992–1993) и Китае (2009–2011).

ГЛАВА 18

КРОКОДИЛЫ В ВАШИНГТОНЕ

Улыбчивый убийца, прячущий под плащом свой нож.

Джеффри Чосер.

Кентерберийские рассказы. Рассказ Рыцаря

Сразу после этого «посольского переполоха» в начале 1987 года, продолжавшегося и в 1988 году и остававшегося для меня неизвестным, оппозиция моим встречам с президентом в среде его новых близких советников становилась все более неприличной. Как неопытный, я наивно полагала, что президент Соединенных Штатов, дважды избранный народом, имеет право советоваться с любым человеком, которого он для этой роли изберет, и никого при этом не спрашивать. Мне предстояло еще многое узнать о том, как нами правят.

В природе бюрократического истеблишмента заложено стремление к обязательному самосохранению, причем любой ценой. Это справедливо в отношении США и СССР, и на самом деле мы стали зеркально похожими друг на друга. Преобладающий взгляд на нашу политику в отношении Советского Союза основывался на базовом допущении, что коммунистический режим тверд и устойчив, непоколебим и что нам не остается ничего другого, как приспособливаться к нему, пытаться сдерживать, но не менять его. Рейган предложил новую революционную идею: наша система лучше. Коммунизм неизбежно потерпит поражение. Эта идея глубоко огорчила многих ярых защитников статус-кво, особенно из числа истеблишмента в области национальной безопасности, очень много сделавших для того, чтобы мы обладали военным превосходством и вели политику холодной войны. Поскольку все чиновничьи карьеры делались на поддержании этого статус-кво и собственных должностей, любой человек со стороны с другими взглядами был у них, естественно, под подозрением; они видели в нем угрозу, своего рода вирус, который следовало исключить и нейтрализовать. Для них я была необычным человеком

и по своему карьерному пути, и по взглядам, и таким же был сам президент. Быть может, по этой причине мы поладили друг с другом.

Когда в январе 1984 года СНБ направил меня в Москву, для того чтобы в качестве неофициального канала связи (*back channel*) прозондировать вопрос об отношении Советского Союза к возобновлению культурного обмена, епископ Родзянко предупреждал меня: «Ты будешь как Даниил в логове льва. Сотни пар глаз станут наблюдать за тобой», — и посоветовал: «Старайся добратся до частицы добра, которая есть в каждом человеке, но всегда помни, что демоны живут и в человеке». Для отправлявшегося в Советский Союз это был превосходный совет, но я даже не предполагала, что он будет столь же полезным и в Соединенных Штатах. Вашингтон был настоящим логовом льва, и там находились многие сотни пар следящих за тобой глаз. С той большой разницей, что у меня не было шанса добратся до частицы добра, потому что я даже не представляла себе, кто мои противники.

В действительности я намного больше знала о Москве, чем о Вашингтоне. У меня не было никаких иллюзий в отношении того, что собой представлял Советский Союз. Я знала, чего мне ожидать, всегда была настороже и готовилась к худшему. Ирония заключалась в том, что иметь дело с враждебностью со стороны Советов и с «принцами» из КГБ оказалось намного проще, чем противостоять фальшивым улыбкам и показному дружелюбию некоторых их визави в США. Своему противнику ты можешь смотреть прямо в глаза, выходить с ним один на один, спорить. В Вашингтоне все не так. Там мне никто прямо не противоречил. Все делалось тайно, у меня за спиной.

Первое, что я поняла: люди в окружении президента могут мне завидовать, то же самое относилось, конечно, и к Госдепартаменту. Чиновники и люди из вашингтонских академических кругов выбирали в первую очередь тех, кто вторил им и разделял их взгляды и их «правду» о России/Советском Союзе. Я не входила в их узкий круг, и они относились ко мне подозрительно. За их видимым дружелюбием я все это нередко чувствовала и, памятуя о важности благоразумия и осторожности, пыталась обезоружить их тем, что изо всех сил старалась не выглядеть какой-либо угрозой.

Хотя за все эти годы встреч меня нередко буквально осаждали представители медиа¹, ни слова о том, о чем мы говорили с президентом,

через меня не просочилось в прессу. Напротив, я сознательно представляла себя совершенно тривиальным человеком, отвечая на их назойливые вопросы: «О чем вы говорили с президентом?» — коротко и мягко: «О культуре». (Культура ведь, кроме всего прочего, для дам была позволительной темой.) И затем добавляла, изо всех сил стараясь копировать невинный тон Джуди Холлидей*: «Конечно, я же не посвящена в темы, которыми занимается президент, и он говорит со множеством людей!» (Вот если бы я им ответила: «Мы говорили об Афганистане и мощности боеголовок», то, наверное, давно бы оказалась в Потомаке.) Когда спустя несколько лет я сказала об этом Макфарлейну, тот рассмеялся: «Это было мощное прикрытие». Но все мои усилия быть осторожной ни к чему не привели².

На самом деле президент нашей республики превратился в подобие императора, изолированного и подверженного сторонним влияниям, окруженного охранниками и придворными. Среди советников президента и служащих его аппарата, как и при королевских дворах прошлого, процветали зависть, подковерная борьба и интриги, соревнование за власть и влияние, здесь господствовало стремление ограничить доступ к президенту для всех, кроме самих себя. Я была совершенно не готова к такой напряженности.

Тогда нам говорили, что Соединенные Штаты разжирели, и ничто не показывало это так явно, как раздутый аппарат президента, чья численность росла с момента основания республики по экспоненте. У Джорджа Вашингтона был один клерк, которому он платил сам. У Томаса Джефферсона служили один посыльный и один секретарь, и обоим он платил из личных средств. И только в 1857 году Конгресс выделил деньги (2,5 тыс. долларов) для содержания одного секретаря. Как все изменилось с тех пор! У сорокового президента Рональда Рейгана был штат численностью 1683 человека, а у сорок четвертого президента Обамы, по оценкам, он составляет две-три тысячи человек. (И, как я понимаю, никто за это из своих средств не платит³.) Когда в наши дни президент отправляется в поездку, он использует гигантский самолет, и его сопровождает такая свита, которая способна соперничать со свитой самых могущественных

* Джуди Холлидей (*Judy Holliday*) (1921–1965) — американская актриса, обладательница премии «Оскар» за лучшую женскую роль.

властителей в истории. Шесть президентов, и Рейган был последним из них, использовали сравнительно скромный «Боинг-707», который я видела во время посещения Библиотеки Рейгана. Он выглядит маленьким в сравнении с имперским «Боингом-747» (к тому же их два!), который потребовался огромной свите нынешних президентов⁴.

Макфарлейн однажды сказал мне: «Знание — это власть. Доступ — это власть, и у тебя есть и то и другое». Я не реализовала эту возможность, когда ее получила, но у меня был такой доступ к президенту, которому можно было позавидовать. Вильма Хэлл сказала мне, что таких встреч с Рейганом как у меня, ни у кого не было, а ведь я оказалась, как она выразилась, «сторонним человеком, пришла из частной жизни и не была одной из них». «Люди из аппарата не хотели, чтобы до президента доходили какие-либо взгляды, отличные от их собственных». И это началось практически сразу. Вильма рассказывала, как один высокопоставленный чиновник из Белого дома устроил настоящий скандал в офисе, со злостью вопрошая: «Кто разрешил эту встречу?» «Бад его проигнорировал», — сказала Вильма. Среди сенаторов у меня нашлись защитники, но в самом Белом доме и СНБ им был лишь Бад Макфарлейн. (Возможно, также и Тай Кобб, но сейчас он уже не сможет рассказать что-нибудь на этот счет.) Был еще Марк Дивер, близкий друг и помощник Нэнси Рейган, и косвенно таким защитником являлась сама Нэнси, постоянно думавшая о наследии Рейгана. Супруга президента все время следовала достойной цели — не допустить того, чтобы он полностью оказался в руках сторонников жесткого курса.

Как одна из немногих женщин в этом почти исключительно мужском мире, я старалась быть менее заметной. Поначалу президентский истеблишмент был вполне удовлетворен тем, что мог оценивать меня как человека «романтического», без «серьезных амбиций» и с неограниченной верой в «русскую душу», и хотя все это нередко сводило меня с ума, я научилась проглатывать все это. Кроме всего прочего, я была в хорошей компании, потому что некоторым людям, входившим в официальную свиту Рейгана, не нравились и его идеи. У президента за спиной они всячески принижали и его. Он был для них «голливудским» — обратите внимание на уничижительное значение, которое они придавали этому определению, — «актером», «романтиком», «не очень умным». Что он мог знать о важных вещах? Некоторые называли его «блуждающей миной»,

которую нужно было придерживать, за которой нужно был следить и «контролировать» ее.

Но наши встречи продолжались, и дело стало принимать скверный оборот. В 1984 году адмирал Инман предупреждал меня, что «внизу полно крокодилов». Он определенно оказался прав. В ходе сенсационного расследования дела «Иран-контрас» Бад Макфарлейн и сменивший его на посту советника по национальной безопасности адмирал Пойндекстер ушли в отставку. Своим новым советником по национальной безопасности Рейган назначил Фрэнка Карлуччи⁵, а Колин Пауэлл стал его заместителем. Карлуччи был человеком из Министерства обороны, прежде работавшим заместителем секретаря при Каспаре Уайнбергере, самом отъявленном «ястребе» из членов кабинета Рейгана, и в 1987 году Карлуччи стал министром обороны. За то короткое время, которое он пробыл в роли советника по национальной безопасности, он и Колин Пауэлл укрепили свой контроль за СНБ, сменив большую часть персонала и издав новые строгие приказы о том, что все должно делаться «открыто и все должно документироваться. Никаких секретных операций и никаких фрилансеров»⁶. В СНБ Джека Мэтлока как специалиста по советским делам сменил консерватор и приверженец холодной войны ветеран ЦРУ Фриц Эрмарт.

Если не считать того, что Рейган настаивал на продолжении исследований в области СОИ, встреча в Рейкьявике в октябре 1986 года произвела ошеломляющее впечатление тем, что продемонстрировала: он намерен двигаться вперед, по направлению к своей давней и лелеемой мечте о ликвидации ядерного оружия. ЦРУ, Пентагон и все сообщество агентств по национальной безопасности, пропитанные десятилетиями паранойи и подозрений эпохи холодной войны, впадали в панику от одной мысли, что Рейган продолжит иметь дело с Горбачевым и в будущем. Это настолько их озаботило, что если верить Нельсону Ледски, работавшему в СНБ при Рейгане в 1987 и 1988 годах, «после Рейкьявика за Рейганом стали следить на протяжении всего оставшегося ему срока пребывания в должности». (А мы еще опасались Кремля!) «Он был окружен людьми вроде Карлуччи, Пауэлла и Говарда Бейкера»⁷.

Поскольку пресса именovala меня рейгановским «влиятельным советником», их опасение, как бы президент не превратился в «голубя», распространилось и на меня. В 1987 и 1988 годах стремление принизить меня превратилось в атакующие действия. Высокопоставленные крокодилы,

оставаясь невидимыми под водой, начали против меня вероломную кампанию распространения слухов, причем вели ее с помощью документов с грифом «Секретно» и на бланках «Разведывательный документ СНБ».

В то время об этой кампании я не знала ничего, и она открылась мне только после прочтения книги Джека Мэтлока в 2010 году. Их целью было дискредитировать меня и отстранить от президента, которого я в их глазах делала «мягким». Эти тайные записки, которые все еще не рассекречены, не содержали совершенно никаких конкретных фактов, но пытались дискредитировать меня тем, что сообщали ложные сведения: будто бы меня, как безмозглую простофилю, КГБ использует для влияния на Рейгана, и смехотворным образом пытались привязать меня к сенсационному шпионскому скандалу, не сходившему с заголовков газет в то время. Как писал поэт Михаил Лермонтов: «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»

Как же они ошибались в отношении меня! Как мало они верили в президента! Мысль о том, что я могла изменить «впечатлительного», не очень «проницательного» президента своим «романтическим» отношением к «русской душе», была полной чушью, не только унижительной и осуждающей по отношению ко мне, но еще в большей степени по отношению к президенту. Рональд Рейган был непоколебим в отстаивании своих базовых принципов, одним из которых являлась неизменность отношения к Советскому Союзу до тех пор, пока его правители не изменят отношение к собственному народу. Разрядка, как он не раз заявлял, на самом деле была дорóгой с односторонним движением. И я была согласна с ним и в том и в другом случае.

С самого начала моя позиция всегда была предельно четкой и непоколебимой — яростно антисоветской и прорусской в отношении народа — и эта позиция никак не располагала меня к какой-то одной стороне. Я никогда не смотрела на Советский Союз сквозь розовые очки. Я слишком многое знала там о людях, о которых заботилась, и лично испытала на себе лицемерие и репрессии режима. Я также наблюдала, как часто и легко Советы надували наших «специалистов» своей пропагандой. Я всегда говорила, что каждый советский гражданин носит маску и чем выше его положение, тем плотнее эта маска. Может показаться парадоксальным, но когда находишься в Советском Союзе, становится совершенно очевидно, что скрытые сторонники антикоммунизма там есть и на самом верху.

Ничего подобного не существовало в высших эшелонах власти в Соединенных Штатах, настолько пропитанных менталитетом холодной войны, что их обитатели застряли в своих застарелых представлениях, убежденные, что ничто вообще изменить нельзя, настолько ослепленные, что не видели перемен, совершавшихся прямо у них на глазах. И только президент, поддержанный своей женой, с самого начала смотрел на возможные изменения открытыми глазами, оставаясь при этом убежденным в том, что он с его величайшим чутьем на людей и талантом общения с ними может что-то изменить. В 1983 году он писал: «Я всегда верил в могущество человеческих контактов при решении проблем»⁸.

В 1986 году, когда произошла катастрофа в Чернобыле, Фриц Эрмарт, новый специалист по советским делам в СНБ, составил в позитивном ключе памятную записку для Карлуччи: «У меня только что был длинный разговор с Сюзанной Масси. Она несколько раз была в Советском Союзе перед Чернобылем и остро восприимчива к реакции народа... Она действительно является изумительным окном в СССР». Тем не менее в начале 1987 года он, кажется, изменил свое мнение, решил, что я оказываю опасное влияние на президента, и 23 апреля 1987 года, стремясь устранить меня и «охладить отношения», составил проект письма и направил его Карлуччи, сопроводив запиской, в которой говорилось, что «она предназначена, чтобы предотвратить будущие встречи». Написанное как бы от имени президента письмо было таким:

Дорогая Сюзанна,

Большое спасибо за Ваше письмо от 13 апреля. Рад был узнать, что Ваша поездка в Советский Союз прошла хорошо. Как Вы можете себе представить, все здесь стало довольно бурным [Совсем нерейгановское выражение]. По этой причине я не смог ответить на Ваш звонок [а я и не звонила, я написала письмо] и не смог встретиться с Вами около 1 мая. Я буду весьма признателен тем не менее, если Вы вкратце изложите Фрэнку Карлуччи или кому-то из ключевых сотрудников его аппарата Ваши впечатления от того, что в настоящее время происходит на советской сцене, или, возможно, пошлете ему более подробный доклад о Ваших впечатлениях.

Нэнси и я шлем Вам наши наилучшие пожелания.

*Искренне
(Рональд Рейган)⁹*

Очевидно, президент с этим не согласился. Он не подписал письмо, и оно не было отослано. Наша переписка и встречи продолжались до самого конца срока его президентства.

Но попытки отлучить меня от президента продолжались. Хотя Карлуччи и не знал сколько-нибудь глубоко мои взгляды, да и Россию в этом отношении и опирался на информацию из вторых рук и питался стереотипами, он все-таки направил 30 апреля памятную записку Рейгану, вице-президенту Бушу и руководителю администрации Говарду Бейкеру, изложив свои сомнения по поводу моих взглядов на Россию/Советский Союз. Учитывая, что мы встречались с ним накоротке лишь один-два раза, когда он сидел во время моих встреч с президентом (как всегда поступали советники по национальной безопасности), и ни разу у нас с ним не было прямого разговора, это было поразительно, поскольку я увидела в этом косвенный подкоп под суждения президента.

Единственный раз, когда я получила некоторое представление о взглядах Карлуччи, связан с одним интервью¹⁰, в котором его процитировали следующим образом: «Когда я стал советником по национальной безопасности, то обнаружил, что она была единственным человеком, с которым он встречался наедине. [Он в этом совершенно не прав]. И в конце концов, я сказал: “Смотрите, я не могу быть вашим советником по национальной безопасности, если о Советском Союзе вы говорите наедине с Сюзанной Масси”. Он ответил мне, что все будет в порядке. Так я стал присутствовать на их встречах. Они были довольно безобидными. Она говорила о социальных явлениях и о культуре, правах человека и религии в Советском Союзе, и ему это нравилось. От вопросов контроля за вооружениями он впадал в скуку. Мне тоже становилось страшно скучно. Если бы только не это его идефикс по поводу уничтожения атомного оружия».

* * *

Хочу уточнить, я ни разу не использовала выражение «русская душа» в моих беседах с президентом. Его обычно употребляют в правительственных кругах, и это бессмысленное, пренебрежительное клише из той категории, которые я часто слышала в Париже, где прожила четыре года. Во время чинных ужинов кто-нибудь, осушив к тому времени несколько бокалов вина, обязательно скажет с видом знатока: «Ах, славянская душа. Они любят страдать». (Когда я однажды в Советском Союзе упомянула

об этом в разговоре с моими русскими друзьями, один из них сухо заметил: «Любить страдать и быть вынужденным страдать — это разные вещи».)

У русских есть слово для обозначения ерунды, которую обычно вместо информации о них распространяют на Западе. Это слово *клюква*. Они часто шутят, пародируя это явление: единственное, что, кажется, в США знают о России, так это *Толстоевский*, и это обвинение очень похоже на правду, если уж такой «реалистичный» русский «эксперт», как Кондолиза Райс, прославилась тем, что поведала Джорджу У. Бушу, что Достоевский воплотил «русскую душу». (На самом деле, по мнению русских, если кто и отразил их душу, так это не Федор Достоевский, а Александр Пушкин, писатель, который почитаем больше всех и о ком в России часто говорят: «Пушкин — наше всё».)

И хотя я знала четырех советников по национальной безопасности (Макфарлейн, Пойндекстер, Карлуччи, Пауэлл), я встречалась лишь с некоторыми членами кабинета. Я встречалась с Эдвином Мизом и его женой Урсулой на выпускных торжествах их сына в Вест-Пойнте. В первый раз я встретила Уильяма Кейси на одном коктейле в Вашингтоне, когда он остановился возле меня и с подозрением прорычал: «Я слышал о ваших встречах с президентом и знаю, что он слушается вас». Позднее он пригласил меня в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли на встречу с ним и группой своих лучших аналитиков. Некоторые были очень опытными и хорошо информированными людьми, хотя один из них мне потом сказал в частной беседе, что их аналитические записки в изначальной форме не доходят до самого верха, а по мере движения по ступенькам лестницы, ведущей к президенту, редактируются таким образом, чтобы соответствовать взглядам начальства, и теряют при этом часть информации. Таким образом, единственным челном кабинета, которого я действительно знала, был государственный секретарь Александр Шульц.

ГЛАВА 19

ГОССЕКРЕТАРЬ ШУЛЬЦ

Государственный секретарь Шульц являлся заметной фигурой, по-настоящему своим человеком в Вашингтоне. До своего прихода в правительство он был экономистом, профессором в Слоуновской школе бизнеса Массачусетского института технологии, деканом Высшей школы бизнеса в Чикагском университете и позднее в Стэнфорде. При Никсоне его назначили министром труда, а затем министром финансов, а при Рейгане он стал государственным секретарем. Этот пост он занимал шесть с половиной лет (1982—1989), и то был один самых долгих сроков пребывания кого-либо в этой должности¹.

Учитывая, что его прежние занятия были полностью связаны с бизнесом, а опыта в том, что касалось международной дипломатии, знания языков, культур, не было совсем, Шульц как государственный секретарь прежде всего опирался на Госдепартамент во всем, что касалось формулирования и осуществления внешней политики Рейгана. В истинно корпоративном стиле он к лету 1985 года лично отобрал людей на высшие посты в департаменте, придавая большее значение их профессиональным качествам, а не политическим пристрастиям, и это сделало его чрезвычайно популярным в ведомстве иностранных дел, ответившем своему шефу полнейшей поддержкой. В Вашингтоне все говорили, что Шульц чувствует себя неуютно, если встречается с чем-то, что не направляется и не управляется Государственным департаментом, и поэтому всем было хорошо известно его пренебрежение ко всему прочему, включая в это прочее и «неудобство непрофессиональных контактов», и «неофициальные каналы», которые он не мог контролировать.

В своей книге Шульц пишет, что каждый раз, когда я встречалась с президентом, «он направлял ее ко мне»². Такое заявление для меня — настоящий сюрприз. Я встретила с президентом в январе 1984 года, и у меня состоялось с ним еще пять встреч до того, как я вообще увидела Шульца (а было много встреч и после этого), и лишь три встречи

проходили в присутствии Шульца — две в 1986-м и одна в начале 1987 года.

В действительности я вначале слишком стеснялась попросить о встрече с Шульцем. И решилась на это лишь благодаря Вильме и Макфарлейну, а не президенту.

Однажды Вильма весело сказала мне:

— Он тебя полюбит. Вы во многом очень похожи друг на друга.

Я ответила:

— Ты действительно так думаешь? Он кажется мне страшным.

— Он совсем не страшный, — уверяла она меня. — Он обаятельный. И на самом деле очень милый. Он просто душа.

Но я все еще сомневалась:

— Ну хорошо, буду смелее. Так как мне его увидеть?

— О, Бад для тебя это организует, — сказала она. — Ты просто поговори с Бадом и скажи, что хотела бы встретиться с Шульцем.

У меня бы никогда не хватило смелости решиться на это, если бы не Вильма, но я ей доверяла, поэтому отправилась к Бадю и спросила:

— Бад, знаете, я бы хотела повидать секретаря Шульца.

— Я должен был сам об этом подумать, — подхватил он и тут же взялся за телефон.

Меня пригласили на первую встречу в кабинет Шульца в здании Государственного департамента весной 1986 года, вскоре после Чернобыльской катастрофы в Советском Союзе, случившейся 26 апреля. И все-таки, несмотря на ободряющие слова Вильмы, зная о его прочной связи с истеблишментом, я боялась встречи с ним больше, чем с президентом.

Седьмой этаж в Государственном департаменте, где находится кабинет государственного секретаря, решительно отличается от безликих голубых залов этажом ниже в этом улье, полном занятых работой трутней. Я вышла из огромного бесшумного лифта и, ступив на отшлифованные до зеркального блеска полы, оказалась в атмосфере, напоенной властью. По сторонам огромных входных дверей, ведущих в личный кабинет госсекретаря, с одной стороны стоял караульный при всем параде, а с другой — большущий американский флаг на латунной подставке. После того как караульный проверил мои документы, он повел меня через череду роскошных залов

для посетителей, уставленных большими кушетками и диванами, украшенных восточными коврами, копиями старинных предметов и внушительными портретами прежних государственных секретарей, взиравших со стен. Здесь все было задумано, чтобы произвести сильное впечатление — и на самом деле оно целиком охватывало посетителя, то есть цель была достигнута. Пока я сидела на одном из больших диванов, нервно ожидая аудиенции, я делала упражнения по дыханию из йоги, чтобы усмирить учащенное биение сердца. Глубокое дыхание, вдох, медленный выдох, раз... два... три. И так снова и снова. Это успокаивает биение сердца.

Когда меня наконец-то допустили к Шульцу, я нашла его в собственном небольшом кабинете сидящим за столом в обычном бело-голубом свитере в норвежском стиле. На первый взгляд он напомнил мне голливудского актера Берта Лара в роли симпатичного Льва из «Волшебника Страны Оз». Прямо перед ним на этажерке были расставлены в ряд фотографии его внучат, и как многие другие гордые своими потомками дедушки, он представил мне их всех одного за другим.

Я рассказала ему то, что при предыдущей встрече сообщила президенту. Говорила о том, как к катастрофе относятся люди, с которыми я встречалась в Советском Союзе. Поскольку советское правительство не информировало свое население о происшествии, по Ленинграду, куда я приехала как раз накануне Пасхи, повсеместно распространялись слухи и страхи. Все к тому же произошло во время пасхальной Святой недели, которая впервые за много лет совпала с коммунистическим праздником Первое мая. Простые люди, да и вся страна немедленно связали название города Чернобыль (чернобыльник — это народное название полыни) со сказанным о полыни в Откровении Иоанна Богослова и посчитали катастрофу Божьим наказанием или предупреждением.

Психологические последствия Чернобыля имели место все то время, что я была в Советском Союзе, и будут сохраняться еще долгое время. Я сказала Шульцу, что в Ленинграде ко мне не раз подходили напуганные и растерянные молодые матери и спрашивали, не могу ли я помочь им достать у дипломатов молока для их детей, которые, как они слышали, получают молоко из-за границы,

а молоку из государственных магазинов они не доверяли. Во время нашего разговора Шульц казался мне действительно расстроенным и часто просто молча сидел, размышляя и глядя в окно на расположенный недалеко Вашингтонский монумент. В какой-то момент он взволнованно воскликнул: «Я ничего не могу понять из докладов нашей разведки! Все пытаюсь и пытаюсь понять, какой же мощности был этот взрыв!»³

Первое мая в Советском Союзе — день большого праздника, во время которого проходят манифестации, и тысячи людей находились на улицах в течение нескольких дней после взрыва. В тот день в 1986 году шел дождь, а люди не знали, что радиоактивное облако двигалось на Ленинград. Когда об этом позднее стало известно, широко распространилось мнение, что облако стало причиной заболеваний множества людей, пораженных скоротечным язвенным раком. Среди них был и муж одной моей близкой знакомой, отставной моряк, в тот день работавший в саду. Он заболел и вскоре умер от рака. Мне исподтишка показали статистику, сохранявшуюся в тайне в лабораториях города доверенными врачами. Она показывала, что после катастрофы резко выросли показатели врожденных дефектов у детей.

В тот день я поняла, что разговаривать с Шульцем — это совсем не то, что говорить с президентом. Шульц — преподаватель, и он думает как профессор. Он в большей степени аналитик, то есть человек, в беседе с которым вы можете разобраться в самом существе проблемы, — с президентом у вас это не получится. Величие президента заключалось в его интуиции и открытости, что для него было естественным состоянием. Он смотрел на все свежим взором и руководствовался не только интеллектом, но и какой-то комбинацией рациональности и артистической чувственности, что позволяло ему достигать такого понимания, которое невозможно было вполне выразить в чисто рациональной форме и анализировать таким образом. К своим решениям, в том числе к очень сложным, он приходил без значительных интеллектуальных размышлений. Шульц был другим, будучи интеллектуалом. Он знал о мире намного больше президента и сталкивался со множеством самых разнообразных проблем; и при их решении он размышлял и как ученый, и как бизнесмен.

После того случая я еще дважды встречалась с Шульцем. Во второй раз это произошло спустя шесть месяцев, 24 сентября, в самый разгар шумихи по поводу «шпионского» кризиса Данилоффа, когда государственный секретарь проводил встречи с советским министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе. В тот раз Шульц сам попросил меня прийти и, казалось, очень хотел меня увидеть. За день до этого я встречалась с президентом, адмиралом Пойндекстером и Джеком Мэтлоком в Вашингтоне и торопилась вернуться в Нью-Йорк на встречу с Шульцем. Я опаздывала на шаттл в Нью-Йорк и оказалась перед лицом обычной для любого человека проблемы: как в Вашингтоне в час пик взять такси. И снова на выручку мне пришла Вильма, отправив меня в аэропорт на служебной машине адмирала Пойндекстера, так что я успела на самолет, но, лишь взойдя на борт, осознала, что села на пятичасовой шаттл, все еще находящийся на земле, хотя было семь часов вечера.

Меру моей усталости показывает то, что когда я прилетела в Нью-Йорк, я вначале взяла такси. Лишь на полпути к городу я вспомнила, что оставила свою машину в аэропорту, и мне пришлось возвращаться за ней. Потом я кружила по городским кварталам в поисках парковки на улице. В результате я не поужинала и легла спать в три часа ночи. Проснувшись в восемь, и у меня не оставалось времени на завтрак. Мне надо было торопиться на встречу с госсекретарем Шульцем.

Добраться с Шестьдесят седьмой Западной улицы до самого конца Восточной Сорок второй в *UN Plaza Hotel* не легче, чем доехать до Вашингтона. Попыталась взять такси. Час пик. Такси нет. Очень жарко. У меня не было с собой легкой официальной одежды, поэтому я надела более плотную, но тоже официальную. Понимая, что мне нельзя опаздывать на встречу с госсекретарем, я побежала, пытаясь и задыхаясь, обреченно пытаюсь найти такси. Ни одного. Наконец в отчаянии я воспользовалась метро.

Перед отелем спокойно ожидал своего пассажира большой синий лимузин, а в вестибюле госсекретаря караулила целая толпа репортеров в привычной для них надежде перехватить его прежде, чем он сядет в машину. Никто и головы не повернул в мою сторону. Никем не замеченная, вспотевшая и запыхавшаяся, я поднялась на тридцать седьмой этаж *UN Plaza Hotel*, где находился офис госсекретаря,

служивший чем-то вроде мини-госдепартамента, который он использовал, когда приезжал в ООН. Офис был полон морских пехотинцев. К счастью, госсекретарь сам немного опоздал, и его помощники, увидев, что я голодна, прислали ко мне официанта с кофе и соком.

Секретарь приехал вместе со своим заместителем Чарли Хиллом, который был всегда рядом и молча делал записи. Секретарь начал с прямого вопроса ко мне:

— Что нам делать с этим «делом Данилоффа»? У него столько причин и последствий*.

Он продолжил характеризовать некоторые из них, рассуждая о своего рода сделке, которую можно заключить, мрачно добавив:

— У них на Ника слишком много всего.

Я откликнулась:

— Я не удивлена. Они бы этого не сделали, если бы не думали, что могут что-то к этому привязать. Грань между позвольительным поведением и шпионским в Советском Союзе очень-очень тонкая. Вы улицу в СССР не перейдете, не нарушив какого-нибудь закона. Существует множество законов, и любого русского и кого угодно вообще можно обвинить в их нарушении. Правительство всегда может отрыть удобный для себя закон, как только в этом у него будет необходимость.

— Да, — сказал он в ответ, — у них на него многое есть.

США и президент Рейган совершенно отрицали, что Данилофф был шпионом, и твердо настаивали на этом. Шульц работал над деликатной сделкой, которая не представлялась бы как официальный обмен шпионами: Данилоффа на Захарова. Данилофф был освобожден и передан американскому посольству в Москве 23 сентября (как раз в день моего ланча с президентом). Я заверила секретаря Шульца, так же как и президента, что, по моему мнению, они определенно не «слабаки» и не пойдут на сделку по освобождению Данилоффа. «Господин секретарь, я с ума схожу от прессы. Они вопят о том, что

* 22 августа 1986 г. власти США обвинили в шпионаже сотрудника представительства СССР в ООН Геннадия Захарова, не обладавшего дипломатическим иммунитетом. Через неделю в Москве арестовали главу московского корпункта журнала «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт» Николаса Данилоффа, которому были предъявлены аналогичные обвинения. Эти события вызвали кризис в американско-советских отношениях.

его надо вытащить. Когда вы пытаетесь это сделать, они вопят, что вы слабаки. Подумайте, что будут делать медиа, если он будет и дальше оставаться в тюрьме и Рут Данилофф будет каждый вечер рыдать перед тюрьмой!»

Затем я поделилась с Шульцем и Хиллом своими впечатлениями об атмосфере в Советском Союзе, сложившейся ко времени, когда все это произошло. Мне представлялось очень важным, что все это случилось в тот момент, когда никого из высших чинов посольства не было в городе. Это произошло в сонный, медлительный летний период, когда множество людей, в том числе и русских, куда-то уехали и когда за Ником Данилоффом с нашей стороны никто не приглядывал и ни о чем его не предупреждал. Я сказала им, что спрашивала Джека Мэтлока, был ли кто-нибудь в нашем посольстве предупрежден, что мы собираемся осуществить нечто деликатное и что для такого дела это время может быть слишком чувствительным, и мне ответили, что нет.

Госсекретарь спросил меня:

— А вы бы арестовали этого парня [имелся в виду советский Захаров] в это время?

Я сказала:

— Нет, — и спросила, можно ли мне прочитать заявления Горбачева и Шеварднадзе, чтобы я сама могла проверить, что именно они говорили, хотя, возможно, это уже устарело.

Он ответил:

— Нет, это совсем не устарело, это все еще открытый вопрос. — Но добавил: — Сейчас мы не можем изменить свою позицию по этому поводу, но и мы, и они очень стараемся что-то сделать.

Поразмышляв в духе спекулятивных теорий — кто, где, когда, я сказала:

— Мне представляется вполне возможным, что в Советском Союзе определенно есть те, кто противится инициативам Горбачева и кто хотел бы создать ему проблемы, и они воспользовались случаем, который мы им предоставили, чтобы действовать. Мы об этом ничего не знаем и, похоже, даже не пытаемся узнать.

Я чувствовала, как важно подчеркнуть, что в Советском Союзе наступил период неопределенности, колебаний, и я не была абсолютно уверена в том, что наши люди серьезно в этом разбираются и что, быть

может, никто из тех, кто находится на месте, в стране, не в состоянии объяснить: Советский Союз — не монолит, он уже не то государство, в котором царит единодушие. По моему мнению, надо было учитывать, что в ситуации дисбаланса могут произойти и еще более тревожные вещи. И они произошли. Но вся эта история развивалась по восходящей линии, и дело дошло до масштабной высылки советского персонала из ООН и массовой ответной высылки из состава посольства США в СССР. Я предоставила ему всю информацию о том, как люди относятся к Горбачеву и к тому, что он сделал. Пересказала, что русские говорили: «Посмотрите на бедного Мишу! Бедный Миша поседел и побелел». Шульц озабоченно спросил: «Это что, русское уменьшительное имя?» (Наш госсекретарь, который вел дела с русскими, даже не знал самых общепринятых русских обычаев, например того, как они называют друг друга уменьшительными именами.)

Чарли Хилл по ходу дела вел записи в блокноте. Я кратко пересказала им историю, которую уже рассказывала президенту: как я потеряла колесо на мосту в Ленинграде. Им она понравилась, но я подчеркнула, что я не рассказываю анекдоты только потому, что они смешные, но потому, что они вскрывают настоящее отношение даже рядовых сотрудников КГБ к шпионству: «Вы называете их “осведомителями”, мы называем их “осведомителями”. Они есть у вас, и у нас они есть, но они шпионы». Примерно так можно описать советское отношение к Данилоффу. Поэтому, возможно, стоит иметь в виду такой способ мышления и тот факт, что если они поднимут руку на американца, то они должны в полной мере понимать, что это приведет к международному скандалу. И они прекрасно представляли себе, что делали и какой это будет иметь результат. Все это не случайность, а рассчитанная акция. Конечно, мы не знаем, предприняли ли бы они такие действия, даже и не арестовывая нашего шпиона, потому что они не представляли себе возможных последствий.

Шульц сказал мне, что он предпринял большие усилия в ходе своих контактов с министром иностранных дел Шеварднадзе и что он и его жена старались подружиться с четой Шеварднадзе. Их отношения сейчас вполне наладились, и в основном у них с советским министром проходили вполне успешные переговоры и на хорошем уровне⁴. При этом обсуждались факторы, ведущие к обоюдной пользе. И он

подчеркнул: «Сейчас мы достигли такого состояния отношений, когда ни одна сторона уже не может на что-то закрывать глаза» и сказал, что очень старался разгрести все запутанные вопросы.

Я предложила, что, возможно, нам следует взять инициативу на себя, потому что, в конце концов, нам легче позволить себе это сделать, чем Горбачеву.

Я рассказала ему все, что знала о Горбачеве, и передала то, что слышала в Советском Союзе: это не Горбачев отдал приказ взять Данилоффа, а сторонники жесткого курса (которых, всегда находившихся как бы в тени режима, обозначали *они*). Давление на него, сказала я, «очень сильное и у него мало пространства для маневра». Основываясь на такой интерпретации, я доказывала, что президент не должен заходить слишком далеко, воздействуя на Горбачева в «деле Данилоффа», поскольку полагала, что если все, что я слышала, было правдой, то такое давление со стороны США служило бы прежде всего интересам тех в СССР, кто, как мне сказали, хотел «остановить процесс реформ».

В какой-то момент Шульц сказал:

— Мне нравится говорить с вами, потому что вы делитесь такими замечательными наблюдениями. ЦРУ мне ничего подобного не сообщает. Да и из других докладов я этого тоже не получаю. — И он пересказал стереотипный, академический и журналистский взгляд на Горбачева, а затем добавил: — Не знаю. Я совсем не обязан верить всему этому. Я сказал им всем, что знаю больше, чем вы, потому что сам лично знаю этих парней.

И я согласилась с ним:

— Вы правы, господин секретарь. Доверяйте своим инстинктам. Не доверяйте никому, кто говорит, что *знает*. Мне нравится думать, что я много знаю о Советском Союзе, но никто не знает наверняка, что произойдет с Горбачевым. Конечно, для нас здесь ключевое значение имеет то, знал ли Горбачев заранее и отдал ли он сам этот приказ. Я думаю, что нам надо предоставить господину Горбачеву возможность сомневаться, так же как и господину Рейгану. Поскольку наш президент обо всем этом ничего не знал, совсем не обязательно, что об это знал Горбачев. Нашего посла вообще последние три месяца не было в Советском Союзе, и я слышала, как он уверенно говорил:

«Это не могло быть сделано с согласия Политбюро. И это не могло быть сделано без Горбачева». Откуда мы можем точно это знать? Но правда в том, что раз все это произошло, то и Рейган должен вмешаться, и Горбачев тоже. Они оба оказались в мышеловке, и их подставили собственные спецслужбы. Все это весьма обоснованные предположения.

А что касается наших «экспертов», если только кто-то из тех, кто пишет, не был на улицах Москвы в последние три месяца, то на них не надо обращать внимания. Представьте себе, кто-то из русских будет претендовать на то, что все понимает в текущих политических событиях в Америке и политических настроениях, а сам при этом долгое время в Америке не был, — мы здесь над ним только посмеемся.

Прежде чем уйти, я их обоих сильно рассмешила тем, что предложила:

— Используйте меня. Женщины бывают очень полезны. У нас много преимуществ, поскольку все знают, что женщины ничего не знают, и таким образом легче избежать нападок прессы.

Шульц смеялся от всей души, и Чарли ему вторил.

А Шульц сказал мне:

— Мы последуем совету. Мы еще вас используем.

Он горячо меня поблагодарил и приобнял на прощание.

По пути домой мне кое-что пришло в голову, и я написала ему записку, за которой они прислали посыльного. Не знаю, были ли мои мысли полезными или нет. Все, о чем я ему написала, для меня казалось совершенно очевидным, но не следует полагать, что очевидное скрывают. Я задавалась целым рядом вопросов.

«Думаете ли Вы, что поскольку Советы не просчитывают воздействие на общественное мнение в своей стране, они на самом деле понимают, какой огромный эффект этот инцидент оказал на Конгресс и американское общественное мнение? Они говорят, что понимают, но я думаю, что нет. Понимают ли они, как это связывает руки Рейгану, учитывая его правое окружение и предстоящие выборы в Конгресс? И снова они повторяют, что понимают, но понимают ли?

...Действительно ли они видят в этом “заговор”? Они чрезвычайно упорно об этом твердят, что необычно даже для них. Это лишь риторика или нечто большее? Не сообщали ли они, хотя бы в частном

порядке, что у них есть какие-то конкретные улики? Может быть, они не так уж не правы. Возможно, это и был заговор или по меньшей мере что-то, что можно рассматривать как заговор. И это был тот случай, когда люди действовали согласно стандартной методике действий. Кто-то в США или в ФБР отдал приказ найти шпиона, и они принялись за дело, поймали кого-то, кто принял взятку, подставленную ФБР, и арестовали его. Как и следовало ожидать, Советы ответили тем же.

...Я уверена, Вы уже сами все сделали, но раз уж Вы спросили мое мнение, я бы считала, что Шеварднадзе надо самым серьезным образом объяснить, что они играют в очень опасную игру, затеывая акции такого рода, и что общественное мнение в США не так легко контролировать, как в Советском Союзе, и им нельзя управлять, открывая или закрывая краник, и что наше общественное мнение очень разветвлено и имеет долговременный характер, его не контролирует ни Рейган, ни кто-нибудь еще». (Я уверена, что Шульц именно в таком ключе и вел себя, но в тот момент у меня в этом не было уверенности.)

В конце концов, предложила я, если он считает это приемлемым и поскольку Горбачев лично поздравил меня за мою «благородную работу» — за книгу о Павловске, то как только увидится с Шеварднадзе, он может передать мое личное приветствие Михаилу Сергеевичу и добавить, что я надеюсь, что Советский Союз в этот важный момент проявит мудрость, дар предвидения и великодушие, на которое он в полной мере способен. Быть может, это и не поможет, но точно ничему не повредит. Не знаю, воспользовался ли Шульц моим предложением.

* * *

В начале 1987 года, буквально за сорок пять минут до того, как я выехала в аэропорт, чтобы вернуться в Советский Союз, мне позвонила секретарь Шульца и облегченно воскликнула:

— О, я так рада, что застала вас перед отъездом! — и затем сам Шульц немедленно взял трубку.

— Скажите мне, какие три самых главных события происходят в этой стране?

Я ответила:

— Господин госсекретарь, я не могу вам этого сказать. Вы знаете, что я только отправляюсь туда, и по моему давно выработанному мнению, за те шесть месяцев, что меня там не было, там произошло столько всего, что я не решусь что-то говорить от своего имени. Но как только вернусь, я дам вам знать.

— Вы приедете в Вашингтон? — спросил он.

— Не уверена, но если пожелаете, то я вам позвоню.

— Пожалуйста, — сказал он.

После того как я вернулась 31 января в субботу я на следующий же день позвонила Джеку Мэтлоку, но мне казалось неудобным звонить Шульцу до понедельника. Однако Джек сказал мне: «Не надо стесняться. Бери трубку и звони в Белый дом». Поэтому в воскресенье прямо в 9:30 я позвонила, предполагая, что лишь оставлю сообщение, но прошла минута, и госсекретарь Шульц уже был у телефона. Мы договорились встретиться во вторник 3 февраля. Я не говорила ни Шульцу, ни Джеку, что у меня есть послание к президенту.

Затем я позвонила госпоже Рейган, мы немного поболтали и договорились, что утром во вторник я приду на чашку кофе, и я сообщила ей, что у меня есть важное послание для ее мужа и я свяжусь с его личным секретарем Кэти Осборн. Я позвонила Кэти, сказала ей, что мне нужно увидеть президента как можно скорее.

— Я соединю вас, — ответила она. Я заверила ее, что мне понадобятся лишь несколько минут.

— Приходите в одиннадцать часов. Я вас как-нибудь втисну.

Когда я утром в тот вторник пришла в Белый дом, мне пришлось подождать, я уже начала беспокоиться, что опоздаю к госпоже Рейган, у которой мне было назначено на 11:30, и спросила у секретаря в приемной Белого дома, что мне делать.

С улыбкой, но твердо она мне сказала:

— Он всегда приходит первым.

Кэти быстро провела меня прямо в Овальный кабинет через потайную дверь, и я увидела там президента, работавшего за столом. Он был в своем синем костюме и выглядел просто прекрасно. Его форма, как и всегда, восхищала меня.

Он пригласил меня сесть рядом, и я сказала:

— Господин президент, у меня для вас послание. Вот оно.

Как я делаю всегда, я сразу же сказала ему, кто передал мне его, и достала небольшую написанную от руки записку, переданную мне Богдановым за ланчем лишь несколько дней назад. Президент попросил меня прочитать ее, включил свой слуховой аппарат и внимательно выслушал то, что я прочитала.

Кажется, содержание записки ему понравилось, и он сказал:

— Секретарь Шульц должен увидеть записку прямо сейчас.

Я сообщила ему, что у меня встреча с Шульцем в шесть.

— А я увижу секретаря Шульца в пять, — продолжил он. — Я увижу его раньше вас и скажу, что мы это получили.

Советы говорят, что не желают рисковать, пояснила я, не хотят, чтобы на послание не последовал публичный отказ и что если на самом деле США желают продолжить эту тему, то я должна дать им знать и они обратятся по официальным каналам.

Президент ответил:

— Мы об этом подумаем.

Я вернула ему оригинальную записку:

— Я хотела прежде всего вручить ее только в ваши руки.

Он был доволен и положил записку сверху на стопку документов на своем столе. Президент хотел со мной еще поговорить, но его адъютант уже вошел с бумагами в руках, а секретарь первой леди нетерпеливо ждал меня, чтобы провести к госпоже Рейган.

В своей книге Шульц совсем иначе описывает все, связанное с этим посланием: «Сюзанна Масси пришла ко мне в Госдепартамент 3 февраля, принесла с собой написанную от руки записку, которая, как она сказала, была посланием от Горбачева к Рейгану». (Это неверно. Я не передавала рукописное послание в Госдепартамент. Я передала его президенту.) Далее он пишет: «Я скептически отнесся к сообщению о том, что послание пришло от Горбачева. Его дал Сюзанне Радомир Богданов, заместитель директора Института США, офицер КГБ. Я приветствовал любое свидетельство того, что Советы считают, что им надо уходить из Афганистана, но я видел, что они связывают Афганистан непосредственно с Никарагуа. Казалось, что Советы обуславливают прогресс на переговорах по контролю за вооружениями

с тем, что мы дадим им уйти на их собственных условиях. Это было еще одним моментом неудобства, который создавали множественные неофициальные каналы»⁵.

Я до сих пор удивляюсь тому, что хотя послание и не было подписано, разве Госдепартаменту было так уж трудно проверить почерк? Понятно, что госсекретарю Шульцу не нравилось все, что не направлялось и не управлялось Государственным департаментом, но, с моей точки зрения, это была лимитирующая стратегия, особенно потому, что Советы очень часто сталкивались с тем, что их предложения становились объектом утечек и появлялись в заголовках газет, поэтому они отдавали предпочтение закрытым личным посланиям. Такой обмен был частью международной дипломатии с незапамятных времен.

Шульц в своем изложении утверждает: «Президент направил мне содержание послания с собственной пометкой сверху: “Я знаю, что вы вечером увидите с Сюзанной Масси. Она передала мне рукописное послание от Горбачева. Он попросил ее передать его мне лично”», — и далее продолжает цитировать президента: «Они не хотят делать свое предложение публично, если мы ответим “нет”. Я не думаю, что мы должны говорить “да”, если они планируют вывести войска, но сохранить коммунистическое правительство». Шульц продолжает: «Президент был прав».

Это описание меня смущает, поскольку в самом послании ничего не говорилось о выводе войск и о сохранении коммунистического правительства, и это заставляет меня недоумевать, какой же совет на этот счет получил президент. В то время я не знала, да и письмо, которое я передала тогда, было не первым, а третьим по счету (и, возможно, их было больше), что Советы предпринимали, чтобы выбраться из афганской трясины. Из официальных публикаций, которые я прочитала, когда готовила эту книгу, я узнала, что Горбачев сам обратился к этому предмету во время первого саммита с Рейганом в Женеве в декабре 1985 года. Весной 1985-го о подобном же мне устно говорил директор ВААП (вне всякого сомнения, человек КГБ). В 1986 году Шульц писал: «Арт Хартман информировал меня, что они хотят поговорить об Афганистане. Они готовы обсуждать график вывода советских войск и правительство национального единства, которое бы включило афганских борцов за свободу и даже лидеров вооруженных афганских

групп вне Афганистана». Он продолжил свои оценки: «Было бы преждевременно для нас обсуждать повестку в том виде, как они ее сформулировали. Мы не примем расширенного правительства существующего режима. Тем не менее это важный знак...» (Если это был, как он говорит, «важный знак», то почему мы на него не откликнулись? Я предполагаю, что ответ состоит в том, что мы слишком твердо были повязаны политикой изматывания Советов действиями моджахедов.)

Реакцию Шульца можно, вероятно, объяснить тем, о чем мне позднее говорил один из руководителей ЦРУ: обструктивная политика в Афганистане направлялась, поддерживалась и руководилась покойным Уильямом Кейси, который руководил избирательной кампанией Рейгана в 1980 году и стал директором ЦРУ. Кейси играл важную роль в формировании внешней политики Рейгана, особенно в том, что касалось подхода президента к международной деятельности Советов. Он служил в Управлении стратегических служб (УСС было предшественником ЦРУ) во время Второй мировой войны и руководил его Секретным разведывательным управлением в Европе. Всю жизнь он был признанным «ястребом», убежденным, что Советам никогда нельзя доверять и с ними надо иметь дело лишь с позиции силы, им нужно давать отпор, отбрасывать их и разрушать любой ценой. За время своего пребывания в должности Кейси добился расширения разведывательного сообщества, особенно самого ЦРУ, вдохновлял и поддерживал оказание завуалированной помощи моджахедам в Афганистане, на что уходил ошеломляющий своими размерами бюджет в 1 миллиард долларов налогоплательщиков (!)⁶. (В 1985 году мне довелось видеть двух из этих «борцов за свободу» в полном обмундировании [только без оружия] на встрече в Белом доме с двумя чиновниками администрации.)

Шульц, торжествуя, пишет: «Наша политика помощи афганским моджахедам, яростно сражающимся против советских оккупантов и их афганских коллаборационистов, стоит того».

Чтобы увидеть цену этой поддержки, надо принять во внимание последующие трагические события и продолжающееся кровопролитие, массовые убийства со всех сторон, которые длятся уже много лет безо всякой передышки в этой несчастной стране. Конечно, мне неизвестны факты, скрытые за кулисами, но я часто думаю о том, что

могло бы произойти, если бы мы восприняли чуть более серьезно советские намеки и захотели бы хотя бы внимательнее их изучить, вместо того, чтобы просто отбросить их и продолжить свою недалеконovidную политику по вооружению «борцов за свободу» из Талибана и сторонников Усамы бен Ладена, которые в итоге повернули оружие против нас.

* * *

После короткой встречи с президентом я тут же поднялась в жилые комнаты семейной части Белого дома к госпоже Рейган. Когда я встречалась с ней около месяца назад, это было в пятницу накануне моего отъезда в Советский Союз, мы пили миндальный чай, но на сей раз она угощала кофе и тостами с корицей. Мы говорили о визе для Рона, и теперь я смогла заверить ее, что проблема решена. Мы снова поговорили о предстоящей выставке Уайетта в Ленинграде, и я посоветовала ей подумать о том, чтобы отправиться туда и открыть выставку. Когда мы впервые обсуждали это, она показалась мне очень вдохновленной этой идеей, поэтому я предложила уточнить планы этой выставки и немедленно вернуться к разговору об этом сразу после моего возвращения.

По ходу нашего разговора снова несколько раз звонил телефон, один раз это был обычный звонок, но однажды мелодия звонка прозвучало очень весело. Это был звонок президента. Она ответила: «Хэлло, дорогой. Послушай, у меня сейчас замечательная встреча с Сюзанной Масси, ты не сможешь позвонить мне еще раз? Я хотела бы прочитать тебе письмо, ты не позвонишь мне попозже?» Он, должно быть, согласился, потому что она повесила трубку и повернулась ко мне.

Мы провели вместе около часа. Я обещала ей свою помощь, если она решит поехать на открытие выставки Уайетта, и рассказала ей о Павловске. Я сказала, что если она туда приедет и увидит его, то я сама все буду объяснять ей, и предложила несколько тем для ее возможной речи. Она посоветовала: «Поговорите с секретарем Шульцем».

В тот раз госпожа Рейган больше всего была настроена говорить о своем желании, чтобы Горбачев приехал в Вашингтон. Поскольку моя встреча с президентом тем утром оказалась скомканной, я была лишена возможности сказать ему о той тревожной причине, по кото-

рой Горбачев не приедет прямо сейчас, сообщенной мне Радомиром, и все рассказала ей. Она не приняла предостережение всерьез. «Пустое, мы все боимся быть убитыми. Он же ездит в другие страны». (Эти страны — не США, подумала я.)

Я так и не смогла лично сказать Рейгану о предупреждении со стороны Богданова, пока не осталась с ним один на один 25 февраля, сразу после встречи в Овальном кабинете с ним и несколькими членами СНБ. Его реакция оказалась совсем иной, чем у его жены (такой же она была у секретаря Шульца, когда он узнал об этом). Тем вечером Рейган записал в своем дневнике:

«Хорошая встреча с Сюзанной Масси. Очень интересно — она предлагает подумать над тем, чтобы не Горбачев ехал к нам, а я вместо этого поехал в Москву. И она буквально взорвала бомбу. Один из высокопоставленных советских чинов сказал ей, что если Горбачев приедет сюда, его могут убить. Тому, что он делает в Советском Союзе, противостоит очень большая оппозиция — они могут убить его и потом все спихнуть на нас. Я не считаю это предупреждение совсем уж безосновательным. КГБ способен действовать именно так»⁷.

В тот длинный-преддлинный день 3 февраля, после кофе с госпожой Рейган, мне сказали, чтобы я появилась в Государственном департаменте к шести вечера, и это стала моей третьей и последней встречей с госсекретарем Шульцем. Большую часть послеполуденного времени я провела на брифинге с группой сенаторов: Уиртом от Колорадо, Хейнцем от Пенсильвании, Нанном от Джорджии, Рудманом от Нью-Гемпшира, Стивенсом от Аляски, Куэйлом от Индианы и пятью внешнеполитическими советниками, присланными Доулом и Уорнером, которые не могли прийти сами из-за проведения слушаний с опросом свидетелей.

Суть того, что я прежде всего хотела передать в Вашингтоне, состояла в том, что в Советском Союзе происходит нечто очень важное. Я видела новые возможности для диалога и возможности для нас, потому что они стали намного более открытыми, и я полагала, что наше правительство сделает ошибку, если проигнорирует эти явления. Мне представлялось, что все это напоминает маленькую Пражскую весну — время, когда появляется намного более значительное стремление обсуждать различные идеи и обнаруживаются

возможности добиться некоторых внутренних изменений, и мы должны проявить заинтересованность в обсуждении новых идей, например путем обмена самого разного рода между средствами массовой информации, включая перепечатку некоторых статей из нашей прессы. Я считала, что эта открытость не просто политический маневр, предназначенный для США, но движение к фундаментальным изменениям по подъему производства и оживлению всех творческих сил в их стране.

Я верила, что Горбачев на самом деле пытается что-то сделать и мы можем добиться прогресса в деле прав человека. Я упомянула циничное высказывание Богданова о Рейгане и «Ирангейт»: «Они оставят его при должности, но лишат его сил», и привела еще одно его высказывание относительно наших взаимоотношений: «Ну хорошо, если вы предоставите нас самим себе, — но вы нуждаетесь в нас».

«Что это значит?» — спросила я его, и он продолжил: «Потому что мы демоны.. Вы нуждаетесь в нас». (И он прав, подумала я.) Нет ничего проще, чем считать Советский Союз исчадием ада, вместо того чтобы взглянуть в лицо самой необходимости перемен и тому, что на самых разных уровнях это будет означать для Соединенных Штатов.

И кое-кто из сенаторов начал размышлять над этим вопросом: «Если демона раздемонизировать, то какой политики в этом случае нам надо придерживаться?» (На следующий день, когда я увиделась наедине с сенатором Нанном, он сказал мне, что внимательно прочитал одну из моих последних речей, и попросил меня сформулировать вопросы по основным проблемам американской внешней политики, которые он хотел бы представить в Сенате.)

Этой собравшейся вместе группе сенаторов я сказала, что, несмотря на всю циничность своего высказывания, Богданов отметил, что еще будут всевозможные подвижки и в вопросе прав человека, и в вопросе об эмиграции, и выразил точку зрения, что будет весьма полезно, если публичные заявления США перестанут быть такими уничтожительными по отношению ко всему, что делают в СССР. В частности, он критиковал нас за то, что мы всегда говорим, что «никаких фундаментальных изменений» не происходит, словно хотим навредить Горбачеву и желаем его смещения, вместо того чтобы помочь ему и выразаться примерно так: «Наше правительство с большим интересом и великой

надеждой следит за тем, как Горбачев движется к тому, чтобы изменить общество и добиться более обеспеченной жизни для русских людей и более благополучных отношений в целом», а не высказываться постоянно в негативном ключе.

Затем я пояснила, что перед моей последней поездкой госсекретарь Шульц спросил меня, «каковы три наиболее важных события, происходящих в этой стране»; благодаря этому вопросу я, в свою очередь, опросила на этот счет множество людей с различным образованием и жизненным опытом, разных специальностей. Экономист, работавший в группе экспертов, озадаченной проблемой того, как сделать советскую киноиндустрию не зависящей от государственных субсидий, сразу ответил мне: «Децентрализовать экономику». Как он пояснил, «я работаю бесплатно, потому что то, что я делаю, очень важно! Мы пробуждаемся! Мы собираемся с духом! Мы спали, а теперь мы проснулись и должны это сделать, потому что иначе все закончится».

Еще одно дело, которому, судя по всему, не придали большого значения в Соединенных Штатах, — это усилия Горбачева по возрождению русских деревень, предоставлению более значительных участков земли для возделывания и попытка уделять большее внимание нищенскому положению деревни как таковой, при том что когда-то она была стовым хребтом нации и оказалась почти полностью разрушенной⁸. Кроме того, он хотел изменить политику, согласно которой преступников, отбывших срок наказания, пьяниц и убийц, освобожденных из ГУЛАГа, направляли в удаленные деревни, где они терроризировали еще оставшееся там население.

В Институте США Радомир Богданов передал мне список мер, среди которых наиболее важными были демократизация, новая открытость, право обращения в суд, предложение о проведении выборов на основе тайного голосования, децентрализация промышленности, для того чтобы обеспечить большую независимость и силу для экономики, которая могла бы управляться на основе экономических, а не политических критериев. Он перечислил и победы сторонников защиты окружающей среды: отказ от поворота северных рек, озеро Байкал и даже Чернобыль, а также провозглашение попытки остановить строительство новых атомных станций. Еще одной новацией было издание новых книг и статей, в том числе в газете «Правда» (за которые лишь

несколько лет назад людей отправили бы в тюрьму), содержащих жесткую критику эмиграционной политики и того, что несправедливо заставлять людей ожидать разрешения на выезд так долго.

Но самым удивительным для меня и для некоторых американцев было услышать, что многие люди считают одним из самых важных событий в Советском Союзе выход на широкий экран фильма грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе (1924–1994) «Покаяние». Этот фильм, представлявший собой сложную метафору о зле тирании, стал первым советским фильмом, который открыто осуждал основы сталинизма. Он содержал мощное политическое осуждение репрессий против интеллигенции и Церкви и основывался на тех ценностях, которые советские люди сохраняли в себе и унаследовали от Православной церкви. Хотя фильм был снят в 1984 году, на экраны он вышел лишь в 1987-м и стал сенсацией в глазах населения Советского Союза⁹.

Я смотрела фильм в Доме кино в Ленинграде. Его широко показывали и в Москве, и в Грузии, и по телевидению. В нем звучали все клише и фразы, использовавшиеся для оправдания жестокого правления — преследований, пыток, массовой высылки людей в трудовые лагеря, и фильм потрясал полным пересмотром советской истории. После всей жестокости и ужасов его неожиданная финальная сцена незабываема. По сюжету маленькая девочка, чьи родители были безвинно и жестокого угнаны и которая теперь, уже повзрослевшая, работает в булочной, расположенной на улице, названной именем диктатора, печет пирожные, напоминающие купола церквей и с церковными символами. Старуха останавливается возле нее, смотрит в окно и спрашивает: «Дорогая, скажи мне, куда ведет эта дорога? Ведет ли она к храму?» Девушка ей отвечает: «Нет, в конце улицы нет храма». И старая женщина поднимает на нее глаза и говорит: «Но зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?» Конец фильма.

Этот брифинг с сенаторами продолжался значительно дольше, чем я думала, и я стала беспокоиться о том, что опоздаю на встречу в Государственном департаменте. Но сенаторы сообщили мне, что сам госсекретарь находится в другом конце этого же самого зала, где продолжает давать показания. И люди из аппарата Уирта провели меня вниз к сотрудникам секретной службы. Сверившись со своим списком, они подтвердили: «Да. Назначена встреча с госпожой Масси.

В шесть часов» и предложили: «Вы можете доехать до Госдепартамента в нашей машине». «Это будет подарком для меня», — поблагодарила я.

И в этот самый момент вдруг появился госсекретарь Шульц, одетый в официальный синий костюм, голубую рубашку, как того требует телевидение. Он выглядел очень аккуратным и более стройным, чем тогда, когда я встречалась с ним последний раз. Шульц обратился ко мне: «Поедьте со мной». Он сопровождал меня в самой учтивой манере, предупредив, чтобы я держалась за перила лестницы и осторожно спускалась по мраморным ступенькам. Поддерживая меня под руку, он провел меня мимо строя телевизионных камер, в то время как сотрудники секретной службы постоянно роились вокруг нас. (Они и правда напоминали пчел, непрерывно передвигавшихся вокруг охраняемой персоны, не теряя при этом сосредоточенности и внимания.)

Нас быстро препроводили до его огромного лимузина, и сотрудник секретной службы разместился на переднем сиденье. Вокруг нашего автомобиля образовался кортеж, возглавляемый полицейским на мотоцикле, за которым следовал джип с мигалкой, а сразу за нами ехала машина секретной службы. Удобно расположившись в мягком синем кресле лимузина, мы поехали по Конститушн-авеню. Я взглянула на сияющее огнями здание Капитолия и подумала: «Президент и госпожа Рейган приняли меня утром, а сейчас — госсекретарь! Невероятно!»

И тут же я предложила:

— Господин секретарь, вы ведь, наверное, ужасно устали. Может быть, нам стоит оставить беседу до вашего кабинета, а вы пока отдохнете?

Но он живо ответил:

— Ну, что вы, нет! Вы у меня на десерт. — И добавил: — А не хотите ли чашечку чаю?

— Конечно, — согласилась я, — Это было бы очень неплохо.

— Хорошо, — сказал он, взял трубку телефона в автомобиле (в те давние времена еще не было мобильных телефонов).

Вначале телефон вообще отказывался работать. Потом в ответ на звонок раздался гнусавый механический голос, сообщивший: «Номер, по которому вы звоните, занят. Проверьте правильность номера

и позвоните позже». Шульц несколько раз пробовал дозвониться, и каждый раз слышал в ответ все тот же голос. Наконец он передал трубку секьюрити:

— Попробуйте вы. Позвоните моему секретарю и попросите поставить чайник.

Но и у секьюрити тоже ничего не получилось. Госсекретарь потребовал, чтобы тот продолжал свои попытки.

Тот пробовал звонить снова и снова, сердился, возмущался источником питания и чем-то там еще, пока мы не услышали с переднего кресла его голос: «Извините сэр, но мы не можем связаться с Государственным департаментом».

И помню, что в тот момент подумала: «Ого! Если госсекретарь не может связаться со своим кабинетом, находясь на Конститушн-авеню, то значит, наши системы коммуникаций совсем не так уж хороши!»

В какой-то момент нашей поездки я сказала госсекретарю, что Тереза Хейнц (у которой я остановилась) просила передать, что она была бы счастлива, если бы он с супругой пришел к ним сегодня на ужин, если ему это удобно.

Безо всякого промедления он ответил:

— Я с удовольствием приду.

Наконец перед самым прибытием в офис с переднего сиденья доложили, что смогли связаться с секретарем Шульца в Госдепартаменте:

— Послушайте, Лора, не могли бы вы приготовить чашку чаю?

Через несколько мгновений лимузин плавно подъехал к специальному входу в цокольном этаже здания. Как только мы вышли из машины, вооруженные пистолетами люди из секретной службы поспешно провели нас к персональному лифту госсекретаря, и буквально секунду спустя мы уже выходили на седьмом этаже.

Здесь нас уже ожидал со своим блокнотом всенепременный Чарли Хилл. Снова я очутилась в личном кабинете Шульца и вновь на спинке кресла увидела его любимый свитер в норвежском стиле. Мы сели и приступили к беседе. Мы говорили о выставке Уайетта в Ленинграде, которую намечевалась открывать госпожа Рейган. Госсекретарь Шульц тоже считал это хорошей идеей и сказал, что позвонит мне

в Мэн и мы поговорим о выставке. (Дело кончилось тем, что она не поехала, потому что президент не хотел, чтобы Нэнси его покидала. Я думаю, что это плохо, потому что ее поездка могла бы стать очень значительным дипломатическим жестом, как для русских, так и для спонсора — AT&T, да и для президента тоже.) Шульц стал спрашивать, каковы мои впечатления о нашем посольстве в Москве и о генеральном консуле в Ленинграде.

Я сказала ему, что мои впечатления не слишком хороши и я этим огорчена. «Он странный человек, сидит изолированно в своей резиденции и редко ее покидает, что для пребывания в таком городе, как Ленинград, просто ужасно. Он очень редко выступает с речами перед людьми, и это неправильно. Прежде всего, оставив все прочее в стороне, он дипломат. Я американская гражданка, и AT&T поручила мне организовать эту уникальную выставку работ трех из наших самых знаменитых художников. AT&T — важная компания, и ее выставка 11 марта — это самая большая выставка американского искусства в Советском Союзе за двадцать пять лет, в Ленинграде впервые состоится такое значительное событие. И уже в силу одного этого, насколько я понимаю, она нуждается хотя бы в чуть большей поддержке с нашей стороны, чем обычно. Но наш генеральный консул ни разу не спросил меня о ней, ни разу не сказал: “Как мы рады, что вы привезли эту выставку. Чем мы можем помочь?” Вместо этого все, что он сказал о выставке, так это: “Никто не придет, — и добавил: — Хорошо, пусть выставка откроется в два часа пополудни, тогда чиновники смогут уйти с работы и это время зачтется им как рабочее”.

Я возразила: “Чиновники — не единственные, ради кого мы устраиваем эту выставку. Простые русские смогут прийти после шести часов”.

Единственное, что он хотел мне показать, была его резиденция. Мне стало стыдно за нашу страну. Я была убеждена в том, что выставка имеет большое значение для США, и вложила в ее организацию весь свой опыт, использовала все свои связи и все свое знание города, его чиновников, горожан и смогла осуществить всю организационную работу без какой-либо помощи с нашей стороны — если не считать усилий сотрудника консульства, ответственного за культурные отношения, который помог мне разослать приглашения. К счастью, все прошло с огромным успехом, американскую выставку в Ленинграде

посетило огромное число советских граждан. АТ&Т была довольна таким успехом, равно как и сам Джеми Уайетт и его жена Филис, посетившие выставку.

Как такое могло случиться? Очевидно, я ничего не понимаю в процессе отбора людей на такие посты. С моей точки зрения, такое поведение выглядит как бесчувствие или, что еще хуже, как надменность, если мы не принимаем во внимание личные качества человека при назначении на дипломатические посты за рубежом, особенно в Советском Союзе, такой важной стране для Соединенных Штатов. Мне неудобно говорить такие вещи, особенно учитывая, что мое имя называлось в ряду кандидатов на дипломатический пост, но я действительно пришла к выводу, что значительная доля тех трудностей, с которыми я сталкивалась при осуществлении культурных и прочих инициатив, создана с нашей стороны. Русские намного более склонны к сотрудничеству. Конечно, я знаю, что в наших посольствах и консульствах работает много хороших людей, которые напряженно трудятся и стараются делать все как можно лучше, но основная проблема наших посольств — то, что те, кто их возглавляет, больше оглядывается на прошлое, чем смотрит в будущее. Так что, господин госсекретарь, этот факт надо принимать во внимание».

У нас состоялся содержательный часовой разговор. Во-первых, мы обсуждали послание по Афганистану. Шульц не сказал мне, что в тот день уже говорил об этом с президентом, упомянул лишь, что он заинтересован и свяжется со мной. (Он этого так и не сделал.)

Затем разговор полностью перешел на «дело Данилоффа». Он вернулся в США 29 сентября. США тогда выслали сотню человек из персонала советских дипломатических миссий, а Советский Союз ответил тем, что полностью удалил весь русский обслуживающий персонал (водители, горничные, уборщицы и пр.). Шульц пишет, ссылаясь на Майкла Армакоста, сотрудника Госдепартамента: «Ситуация в американском посольстве в Москве просто ужасна. Все помещения выглядят запущенными и грязными. Наш немногочисленный персонал, вынужденный выполнять всю ту работу, которую прежде делали 260 человек из числа советского персонала, да еще и свою собственную, совершенно измотан. Здание посольства выглядит как грязная, заброшенная кроличья клетка»¹⁰.

Это чрезвычайное неудобство для нашего посольства имело настолько вредные последствия, что, например, в день, когда состоялся пленум ЦК КПСС, единственный сотрудник посольства, который являлся специалистом по этому вопросу, не смог посетить мероприятие, связанное с событием, потому что настала его очередь убирать двор. Персонал посольства находился в замешательстве и был недоволен новым послом, которого считали, верно или нет, «пленником» ЦРУ и ФБР и архитектором решения о высылке советских дипломатов в ООН в угоду сторонников жесткой линии в США.

В моих разговорах с Радомиром Богдановым он пессимистически высказывался о нашем новом после и считал его «большим разочарованием для Советского Союза... Он надменный человек и хочет повсюду демонстрировать свою значимость. Конечно, мы в целом будем с ним работать, но в настоящее время мы пессимистически оцениваем президента Рейгана». Он с горечью добавил: «Он был великим президентом. Был».

Шульц оставался безмолвным, а Чарли споро вел свои записи.

Затем, посмотрев на часы, Шульц вышел, чтобы переодеться, поскольку ему предстояло выступать перед сотрудниками австралийского посольства, а когда вернулся, то спросил меня и Чарли: «Как вы думаете, не стоит ли мне опробовать речь на вас?» и зачитал свою речь. Из нее я запомнила только часть, в которой он пошутил, сказав, что сомневается, «осталось ли еще что-нибудь от отношений с Австралией, после того как мы полностью превзошли их на Кубке Америки*». Когда мы прощались, он предложил: «Если хотите, то оставайтесь, я скоро вернусь и заберу вас и Оби»¹¹ [его жену].

Так я осталась и дожидалась его возвращения, целый час беседуя с Чарли Хиллом о России. Когда госсекретарь вернулся, мне довелось совершить еще одну поездку на его изумительном лимузине.

Секретная служба совершенно перекрыла все подходы к дому Хейнцев, оставаясь при этом на прилегающей улице. Джип с мигалкой стоял перед входной дверью. В ожидании возвращения сенатора Хейнца из Сената, Тереза, Шульц и его милая дружелюбная жена

* В 1987 г. знаменитую регату «Кубок Америки» выиграла яхта из США, победив австралийского конкурента.

Оби (с которой он был счастлив в браке вот уже 41 год) пили коктейли и ели свежую икру, привезенную мной из Советского Союза. Тереза называла его «Шульци». Она рассказала мне, когда мы остались наедине, что «он весьма секси и задорный человек», что он сам и продемонстрировал во время коктейля, рассказав шутливую историю о том, как он встретил Оби, которая словно сошла со страниц романа «Мистер Робертс»*. Во время войны Шульц служил капитаном морской пехоты на Гавайях. Спиртного не хватало, но ему удалось где-то раздобыть бутылку джина и бутылку виски. «Мы слышали, что в госпитале есть несколько медсестер, которые этим интересуются». И вот что он рассказал: «Я пришел к зданию госпиталя и стал размахивать двумя бутылками в воздухе, так она прыгнула ко мне прямо на руки!»

Тереза — замечательная хозяйка, и она устроила безупречный ужин. С госсекретарем Шульцем мы еще раньше договорились, что я оставляю в тайне секретную часть наших разговоров, а остальные суждения перескажу позже сенаторам. И вот после того, как мы немного выпили и поболтали, госсекретарь объявил: «Ну хорошо, я хочу услышать ваши суждения, поэтому прошу Сюзанну сделать доклад». И я его повторила. Во время ужина продолжились политические разговоры. Шульц и сенатор Хейнц обсуждали важные и коварные маневры в Сенате. Главным лицом среди гостей был Дон Риган — вспыльчивый и непопулярный глава аппарата Белого дома. Все хотели, чтобы он покинул свой пост, и обсуждали возможных кандидатов ему на замену (они своего добились; через три дня Риган объявил о своей отставке).

Шульц остался до четверти двенадцатого. С шести вечера и до полуночи я была вместе с госсекретарем, и этот памятный день и вечер стали тем последним случаем, когда я видела госсекретаря Шульца и его замечательную жену¹².

* Действие романа Томаса Хеггенса «Мистер Робертс» (*Thomas Heggens 'Mister Roberts'*) происходит на борту американского военного судна в годы Второй мировой войны. Роман лег в основу знаменитой пьесы и фильма с Генри Фондой в главной роли.

* * *

Когда в 1986 году и еще раз в 1987-м госсекретарь Шульц высказал мне свои критические суждения в адрес получаемых им разведывательных данных ЦРУ, я была этим поражена, до тех пор пока не прочитала его отчет о встрече с Фрэнком Карлуччи 4 января 1987 года. В своей книге *Turmoil and Triumph* (р. 865) («Смятение и триумф») Шульц пишет, что он жестко сказал Карлуччи: «Я не уверен в разведывательном сообществе, которое меня неверно направляет, обманывает, оставляет в неведении» и что анализ ЦРУ «искажен политической озабоченностью», совершенно неверен в отношении Горбачева, отказывается признавать перемены Горбачева, а когда стало очевидно, что перемены действительно происходят, их принижали замечанием, «что они не имеют значения». Этот пересказ сделал абсолютно ясным то, что для меня было нелегко принять после посещения Лэнгли, когда один из аналитиков частным образом признался, что точка зрения и выводы сотрудников подвергаются изменению по мере продвижения по ступенькам бюрократической лестницы, прежде чем попадут на стол президента.

Есть еще одно беспокоящее свидетельство этому. В 1991 году, выступая перед сенатским комитетом при рассмотрении вопроса о назначении Роберта Гейтса главой ЦРУ, бывший аналитик ЦРУ подтвердил, что в восьмидесятые годы ЦРУ было настолько политизированным, что их оценки искажались и в Белый дом передавалась фальшивая информация, которая должна была соответствовать политическим целям Уильяма Кейси, директора агентства, и вытекать из целей, к которым Кейси стремился.

Это заставляет беспокоиться о дне сегодняшнем.

ГЛАВА 20

РЕЙГАН ОШЕЛОМЛЯЕТ МОСКВУ

Системы могут быть зверскими, чиновники могут терпеть неудачи. Но иногда люди оказываются в состоянии пройти через все, даже преодолеть силы истории, которые, казалось, предназначены, чтобы держать их в стороне.

Рональд Рейган. 31 мая 1988 года, речь в Московском государственном университете

ПРЕАМБУЛА

Пятого мая 1988 года в ходе подготовки к первой поездке президента Рейгана в Москву я оказалась в составе группы специалистов по Советскому Союзу из неправительственных учреждений, которых всех вместе собрали на ланч с президентом в Белом доме. Нам предложили, чтобы каждый из нас за три минуты (!) был готов изложить свой совет президенту перед предстоящей поездкой. Я оказалась единственной женщиной среди мужчин-тяжеловесов из академической среды, среди которых были Северин Бялер из Колумбийского университета, Джеймс Биллингтон из Библиотеки Конгресса, Мюррей Фешбах из Джорджтаунского университета, Морис Фридбург из Университета Иллинойса, Марк Гаррисон из Университета Брауна, Фредерик Старр из Оберлин-колледжа и мой старый друг Адам Улам из Гарвардского университета. Встреча состоялась в Рузвельтовской комнате Белого дома, где нас усадили вокруг длинного овального стола самым дипломатичным образом и в алфавитном порядке, чтобы избежать каких-либо недоразумений с точки зрения академической иерархии. При это Бялер сидел справа, а Улам — слева от президента. Поскольку моя фамилия начинается на букву М, в официальную фотографию я поместилась лишь частью своего профиля и носом, высовывающимся из-за изгиба длинного стола.

Это был настолько значительный случай для того, чтобы проявить себя во всем блеске, что, полностью игнорируя трехминутное правило,

несколько эрудированных джентльменов выложили перед собой целые стопки мелко исписанной бумаги, которые намеревались зачитывать. Президент никак не комментировал выступления, и, похоже, его начало клонить в сон. Я тоже планировала кое-что высказать, но когда до меня дошла очередь, времени оставалось так мало, что я решила сымпровизировать:

— Господин президент, я бы хотела поговорить о другой категории ваших слушателей — о женщинах. Если бы я была политиком, то сказала бы что-нибудь о вкладе советских женщин. И кроме всего прочего, 51 процент всех работающих — это женщины. Даже у генералов есть матери, и кто, как вы думаете, заботится о выпивших лишнего? Фактически в России существует матриархат, возглавляемый мужчинами.

Президент восторженно, оживился, рассмеялся и сказал:

— А я согласен, я всегда говорил, что если бы не женщины, то мы до сих пор ходили бы в шкурах, но мне достается, когда я говорю это!

Я даже не предполагала, насколько близко к сердцу он воспримет мой необычный совет, когда окажется в Москве.

Во время предыдущей частной встречи с президентом я, как всегда, настойчиво советовала ему сделать какой-то жест в сторону Русской православной церкви и русских верующих и призывала его позвонить патриарху Пимену, посетить Данилов монастырь, занимавший священное место в истории Москвы и в сердцах людей. Этот первый монастырь Москвы, тогда еще маленького изолированного северного поселения, был построен в 1282 году основателем Московского княжества князем Даниилом, сыном Александра Невского. Я рассказала президенту его историю. Данилов монастырь был закрыт в 1929—1930 годах и в сталинские времена кощунственно превращен в тюрьму, где содержались дети врагов народа. В 1982 году Брежнев на смертном одре посетил митрополит Алексей¹, и тот в последние минуты жизни вернул монастырь Церкви*. В то время монастырь лежал в руинах в запущенном московском предместье, окруженный свалками старых автомобилей. И памятник Ленину

* В ответ на обращение и просьбу патриарха Пимена в связи с приближавшимся тысячелетием крещения Руси передать Церкви один из московских монастырей Л.И. Брежнев в ноябре 1982 г. дал согласие на возвращение Донского монастыря. В мае 1983 г. было решено вместо Донского передать Данилов монастырь.

одинокое стоял посреди полуразрушенного двора, а монастырская колокольня была пуста.

Я объяснила президенту, как важны колокола для русских. Каждый колокол на каждой церкви имеет свое собственное имя, свое звучание и свой посыл, и в этой огромной стране колокола управляли всей жизнью сельской округи. Они в каком-то смысле были голосом России и в силу этого были важной составляющей русской жизни, против которой коммунистический режим тоже вел свою войну. И колокола тоже были приговорены к молчанию и разрушению. У Данилова монастыря существовал прославленный набор колоколов, некоторые были отлиты еще в XVI веке. И все они, за исключением восемнадцати, были сброшены и переплавлены. Те, что сохранились, были спасены Чарльзом Р. Крейном, состоятельным американским бизнесменом, который в 1930 году приобрел их у советского правительства, увидев, как их плавят на берегу Москва-реки, и передал в дар Гарвардскому университету². Среди них был и тринадцатитонный «Мать-Земля», колокол диаметром девять футов и с биллом весом 700 фунтов. В Америке колокола располагались в новой башне Лоуэлл-хауса, и их звон можно было слышать в Кембридже по субботам в час дня (они звонили и по другим случаям, в частности в ознаменование побед гарвардской футбольной команды).

В 1983 году памятник Ленину тихо увезли с монастырского двора, и в 1985-м началась полная реконструкция монастыря. Возвращение этого монастыря Церкви было настолько важным для русского народа, что как только было объявлено о восстановлении монастыря, люди со всех уголков России стали приезжать, чтобы в качестве добровольных помощников, не щадя сил, времени и используя свои таланты, принять участие в его реставрации. Я несколько раз побывала там, пока шли восстановительные работы, и это стало для меня побудительным опытом. Однажды вечером в 1985 году в сумерках я приехала сюда и увидела темные силуэты людей, без устали работавших на его высоких стенах. Весь монастырский двор был полон звуков работы. Я шла с монахом, когда к нему приблизилась женщина и произнесла:

— Отец, у нас с мужем летом есть несколько свободных недель, и мы хотели бы помочь. Он плотник. Я тоже могу работать.

— Дитя мое, — спокойно ответил монах, — мы будем благодарны за это, но можем предоставить лишь весьма скромное питание.

В благодарность она поцеловала ему руку.

В монастырском комплексе было два бывших собора, один из них построен в XVI веке, другой — в XIX. И хотя было уже восемь часов вечера, я из любопытства зашла в церковь XVI века, находившуюся в процессе полной реконструкции, и обнаружила, что и здесь все еще трудятся двое рабочих. Они были с Украины, из Киева, и пришли поработать в церкви.

Оглядев голые стены и строительные леса, я с сомнением спросила одного из них:

— И вы думаете, что сможете закончить работы к Тысячелетию крещения Руси?

Он выпрямился во весь рост и твердо ответил:

— С Божьей помощью успеем!

Его товарищу я задала тот же вопрос и опять получила все тот же ответ: «Справимся! С Божьей помощью справимся!»

И они справились. С невероятной энергией все они и множество добровольцев отреставрировали весь комплекс, включая оба собора, за срок менее чем пять лет, и он был готов к июню 1988 года, ко времени празднования тысячелетия крещения Руси. Самый одаренный иконописец России, монах отец Зинов написал все иконы для церкви XVI века и для часовни. Окруженный белыми стенами, включающий в себя новое административное здание патриарха, Данилов монастырь является теперь местом размещения Московского патриархата.

РЕЙГАН ПРИЕЗЖАЕТ В МОСКВУ

Между 29 мая и 1 июня 1988 года Рональд Рейган наконец совершил свою желанную поездку в Москву, и это был первый приезд американского президента за четырнадцать лет. Он был лично для него столь удачным, что журнал «Вэраети» (*Variety*), описывая успех визита, не смог подобрать более подходящего слова, как «оглушительный».

Президент и госпожа Рейган приземлились в Москве ясным солнечным днем в аэропорту, украшенном транспарантами и флагами США и СССР, где их уже готовилось встретить целое скопище американских и советских сановников. Чету Рейган официально приветствовали Андрей Громыко, формальный глава Советского Союза, неизменно

сохранявший на своем лице невозмутимое, каменное выражение (Рейган как-то назвал его «старым замороженным сталинистом», а русские именovali его «старым кремлевским волком»), и его жена Лидия. «Велком, мистер президент», — натянуто по-английски произнес Громыко, изобразив тонкую улыбку.

После этого приветствия Рейган повернулся и увидел Игоря Корчилова, переводчика, с которым раньше уже встречался в Вашингтоне, и тепло сказал ему: «Приятно с вами вновь увидеться».

Обращение к нему Рейгана глубоко тронуло Корчилова, и он писал об этом: «Я понял, почему его называли Великим коммуникатором. Именно так он общался с людьми независимо от того, какое положение они занимали в жизни... его теплота, дружелюбие и приветливость... то, как он смотрел прямо в глаза... он чрезвычайно располагал к себе»³.

Начиная с того самого первого эпизода с переводчиком Рейган постоянно пользовался успехом у русских людей, подтвердив тем самым мою уверенность в том, что русские, если получают такую возможность, тепло отнесутся к нашему президенту, точно так же как это произошло с Горбачевым во время их первой встречи в 1985 году. После того как промаршировал почетный караул и прозвучали государственные гимны двух стран, в зале для почетных гостей состоялась короткая встреча с четой Громыко, во время которой, если верить веселому рассказу Корчилова, госпожа Громыко, отличавшаяся от мужа намного большей теплотой, нетерпеливо вмешалась в приветственные официальные речи мужа и на своем ломаном английском тоже настояла, чтобы ей дали возможность обратиться к прибывшим. Затем в президентском «линкольне», тоже прилетевшем из Вашингтона, сопровождаемом кавалькадой советских мотоциклистов в шлемах, президента и госпожу Рейган повезли в город, минуя широкие бульвары, украшенные советскими и американскими флагами. Как только машины въехали в Кремль, их встретили комендант Кремля и глава службы протокола. Встреча сопровождалась маршем почетного караула и исполнением государственных гимнов.

Московский визит должен был стать наивысшей точкой в стремлении Рейгана постоянно подчеркивать значение прав человека и особенно религиозных свобод в России — эту тему он поднял в Женеве во время первой встречи с Горбачевым и продолжал к ней обращаться снова и снова во время их переговоров на протяжении последующих

трех лет. В течение месяца, предшествовавшего поездке в Москву, Рейган поднимал этот вопрос в своих речах в США и в своем заявлении перед отлетом 25 мая, обещая, что он будет оказывать давление на советское руководство, чтобы оно предоставило больше свободы всем религиям. Во время остановки в Хельсинки 27 мая он в своей речи подтвердил это намерение и говорил о религиозном прошлом России, отметив, что Москву когда-то называли городом «сорока сороков церквей», и сказав, что «мир приветствует возвращение некоторых храмов верующим, но что действующих церквей еще очень мало и почти совсем нет колоколов». Советская пресса недовольно ворчала в ответ на эти его заявления и ерничала над «сорока сороками». Вечером 28 мая, после прилета в Москву, невозмутимый Рейган записал в своем дневнике: «Я собираюсь тормозить его [Горбачева] вопросом религиозной свободы — и не в качестве условия сделки между нами, но как моим предложением воспользоваться этим вопросом для решения его проблем». И он делал это на протяжении всего первого дня.

В сопровождении коменданта Кремля и большой делегации официальных лиц он и Нэнси поднялись по шестидесяти ступенькам внушительной, покрытой красным ковром лестнице Большого Кремлевского дворца, чтобы встретиться лицом к лицу с огромной, длиной в пятнадцать футов картиной «Выступление В.И. Ленина на III съезде комсомола». Зная о не раз выражавшемся Рейганом мнении о Ленине, за его реакцией внимательно наблюдала целая группа советских официальных лиц, предполагающих чего-то вроде заявления в сильных выражениях, но Рейган лишь спокойным тоном заметил: «А я ожидал его встретить здесь. Я заранее знал, что мне предстоит увидеть много Ленина»⁴.

Чету Рейган проводили в Георгиевский зал, имевший в длину более шестидесяти метров, самый большой зал Кремля, где проводятся особо важные церемонии. Это очень впечатляющее место с высоким (больше семнадцати метров) сводчатым потолком и стенами, украшенными значками тысяч воинских частей царской России. Чета Рейган вошла в этот просторный зал с одной стороны, а Горбачевы вышли им навстречу с другой, чтобы встретиться на красном ковре в середине. В своем приветствии Горбачев заметил, что знает, как Рейган любит русские поговорки, и поэтому хочет научить его еще одной: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»⁵.

Рейган попытался ему ответить по-русски другой: «Родился не торопился», что поставило в тупик переводчиков, которые никогда ее раньше не слышали, и закончил свое замечание словами: «Спасибо вам, и да благословит вас Господь».

Корчилов пишет, что эти завершающие слова звучали «как богохульство для ушей некоторых из присутствовавших при этом советских сановников» и «в их глазах предстали как выпад против непререкаемой доктрины коммунистического атеизма».

Рейган в Москве каждую свою речь заканчивал этими словами, и каждый раз это вызывало шок у многих советских официальных лиц.

Затем дамы отправились в прогулку по Кремлю, а Горбачев повел Рейгана вниз по лестнице Большого Кремлевского дворца, имеющего 700 комнат и построенного Николаем I, в Екатерининский зал с его пышными интерьерами — обитыми розовым шелком стенами, малахитовыми пилястрами, где и должна была состояться их первая встреча. По пути Горбачев спросил Рейгана о его первых впечатлениях от Кремля. Рейган шутливо ответил: «Мне нравится все, что старше меня». И потом сделал предложение, не входившее в официальную программу дня, но ставшее наиболее символичным событием визита. Он спросил Горбачева, нельзя ли увидеть Красную площадь, о которой он столько слышал от Джорджа Шульца. Горбачев немедленно согласился. «Мы пойдем вместе», — сказал Рейган, дипломатично добавив, что Шульд говорил, что Горбачев великолепный гид⁶.

Вот насколько дружеской была беседа. Как только началась их встреча один на один, Рейган, как и обещал, тут же поднял вопрос о свободе религии и о правах человека в России. Горбачев раздраженно ответил, что в России никакой проблемы со свободой религии не существует, но признал, что некоторые «эксцессы» имели место. Рейган предложил Горбачеву прочитать Конституцию США. Их дебаты о свободе религии продолжались так долго, что в официальной американской стенограмме их изложение заняло целых две с половиной страницы.

Наконец, после того как встреча завершилась и дамы вернулись, Рейган направился в Спасо-хаус, где его уже ожидали просторные президентские апартаменты⁷. Великолепная резиденция американского посла представляет собой большой желто-белый особняк, когда-то принадлежавший богатому московскому купцу XIX века, с полукруглой ротондой,

открывающейся на широкую зеленую лужайку, обсаженную деревьями, украшенную цветочными клумбами и окруженную стеной из чудесных сиреневых кустов.

Чтобы представить свою столицу в наилучшем свете, советская команда, готовившаяся к визиту, превзошла самое себя. Покрытие улиц, ведущих к Спасо-хаусу, было обновлено, облезлые фасады старых домов, мимо которых должен был проезжать Рейган, покрасили и отмыли. (Москвичи радовались всем этим улучшениям и высказывались за то, чтобы американские президенты чаще приезжали с визитами.) Проституток выгнали из отелей, в которых должны были разместиться 700 членов американской делегации и 3300 журналистов. Городские власти обещали, что знаменитые сиреневые кусты в русской столице ко времени приезда президента будут пышно цвести, а солнце — сиять, и все произошло именно так согласно программе визита.

Несмотря на солнечную погоду, сирень и теплый прием, этот первый день был отмечен происшествием, в котором Рейган сам увидел более грубую сторону жизни в Советском Союзе, о чем я ему часто рассказывала. Вместе с Нэнси они решили совершить короткую прогулку по Арбату — пешеходной улице с магазинчиками и лавками по сторонам, находившуюся совсем рядом со Спасо-хаусом. Дело было теплым воскресным днем, и вся улица была полна народа. Как только разнеслась весть о том, что здесь находится Рейган, он тут же оказался окружен внезапно собравшейся возбужденной, но дружелюбно настроенной толпой. Все хотели взглянуть на него, поприветствовать, пожать руку. Внезапно, без какого-либо предупреждения, секретные агенты КГБ набросились на толпу, заработали кулаки, и людей стали отбрасывать в сторону с такой яростной силой, что репортеры и президент были просто поражены. Рейган воскликнул: «Это все еще полицейское государство!»

Тем вечером президент, описывая события этого насыщенного дня в своем дневнике, завершил свои записи следующими словами: «Поразительно, как быстро улица наполнилась до отказа людьми настолько доброжелательными и дружелюбными, что трудно себе представить. В дополнение к нашей секретной службе КГБ тоже был здесь, и я еще никогда не видел подобного жестокого рукоприкладства по отношению к собственным людям, которые просто хотели пожать руки»⁸.

СНОВА КОЛДОБИНЫ НА ПУТИ

Всего состоялись три пленарные встречи (30, 31 мая и 1 июня), и они были намного менее успешными по сравнению с тем, что Рейган делал сам. На каждой из этих встреч президента окружала команда из восьми высокопоставленных советников. Как только они вступали в дело, теплая атмосфера сразу охлаждалась на несколько градусов. И снова сверхдержавы не могли найти согласия. Как это было и в Рейкьявике, дьявол крылся в деталях «доверия и проверки». В Рейкьявике советские официальные лица и Горбачев не очень доверяли инициативам Рейгана и его искренней приверженности уничтожению ядерного оружия, и переговоры зашли тупик. В Москве все было наоборот. За полтора года, прошедших со времени той встречи, Горбачев и вся советская позиция приблизились к позиции Рейгана, но на сей раз уже американская сторона сдала назад.

Перед встречей в Москве появился целый ряд признаков того, что новая команда Рейгана в Совете по национальной безопасности⁹ настроена на то, чтобы не спешить. Во главе ее стояли министр обороны Фрэнк Карлуччи и советник по вопросам национальной безопасности Колин Пауэлл, и они оба оставались большими скептиками в отношении инициатив Горбачева. Директива № 305 СНБ от 26 апреля 1988 года мрачно предупреждала о вреде «преувеличенных ожиданий о будущем ходе и достижениях в американско-советских отношениях и в отношении хода реформ в Советском Союзе». И это предупреждение находилось в разительном противоречии с возможностями, которые в Рейкьявике предвидели Горбачев и сам Рейган, демонстрируя, «насколько глубоко изменились американско-советские отношения с того момента, когда обе стороны, казалось, были готовы к совместной работе над вопросами, различия в подходах к которым ранее мыслились непреодолимыми»¹⁰.

Советская сторона стремилась к договоренности о конкретизации дальнейших шагов по пути уничтожения вооружений, особенно ядерных, и надеялась приблизиться к этой цели на переговорах в Москве. Но американская сторона двигалась на заплетающихся ногах, настаивая на скорее чисто церемониальном визите, отказываясь ратифицировать Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), а также и от более инклюзивных процедур контроля, которые

предлагали Советы, и в общем занимала более жесткую позицию, и этот сдвиг и удивил, и разочаровал Шульца, подорвал его усилия. Новые документы из Горбачев-Фонда свидетельствуют, что «Горбачев был расстроен отсутствием доверия с американской стороны в отношении своих усилий по достижению быстрого прогресса в деле контроля над вооружениями»¹¹. Корчилов, переводивший на переговорах, пишет, что во время переговоров имело место отсутствие взаимопонимания с обеих сторон. Горбачев все еще опирался на советский стиль мышления, уверенный, как и все советские люди, в том, что реальная власть в США находится в руках Уолл-стрит и военно-промышленного комплекса, доминирующего в американском политическом процессе. Американская сторона цеплялась за свои подозрения по поводу мотивов Советов, придерживаясь опасливых страусиных взглядов и скептического отношения времен холодной войны. При этом настроение Горбачева в отличие от Рейгана во время переговоров не раз менялось, и он временами терял терпение.

Я упомяну лишь некоторые из важных моментов этих тягучих переговоров. На первой двухчасовой пленарной сессии на стол подали настоящий «суп» из аббревиатур всевозможных ограничений — СНВ, КРВБ, КРМБ и МБР (и это еще не все). Результата не было никакого.

На второй встрече Горбачев поднял вопрос о «проверке». В этом вопросе советская сторона готова была продвинуться намного дальше американцев, и Горбачев бросил им вызов, вспомнив их собственные прежние заявления: «Вы всегда говорили, что вы выступаете за самые жесткие меры по проверке и что вы готовы к любым способам проверки. И теперь мы предлагаем вам согласиться с этими способами проверки. Неудачно. Американская сторона нашла, что это будет слишком большим вмешательством, и отвергла предложение. Вот и все “проверяй”»¹².

Однако смертельный удар был нанесен на последней встрече. В день приезда Рейгана во время беседы один на один Горбачев предложил включить в итоговое коммюнике следующий параграф:

Исходя из понимания реальностей, определяющих сегодня мир, оба лидера верят в то, что никакие спорные вопросы нельзя и не следует решать военными средствами. Они считают мирное сосуществование всеобщим принципом международных отношений. Равенство всех стран, невмешательство

во внутренние дела и свобода социально-политического выбора должны рассматриваться как непреложный и обязательный стандарт международных отношений.*

И в первый раз с американской стороны на это не последовало никакого ответа, хотя президент Рейган, бегло ознакомившись с этим заявлением, нашел, что не видит в нем никаких трудностей и оно ему «нравится», но он обсудит его со своими советниками. А тем оно совсем не понравилось. Официальные советники (прежде всего Розанна Риджуэй) отметили и обосновали свое суждение, что некоторые из положений вроде «мирного сосуществования» и «невмешательства во внутренние дела» являются анафемой для американских консерваторов, звучат слишком по-советски и чересчур расплывчаты. Горбачев предложил отредактировать текст, и заявление было переписано Бессмертных и Риджуэй.

Это заявление имело жизненно важное значение для Горбачева, у которого вскоре после визита Рейгана должен бы состояться XIX съезд партии и ему необходимо было продемонстрировать своим консерваторам какой-то прогресс. И когда во время одной из встреч он в очередной раз сменил свой настрой, став злым и раздраженным, он бросил заявление на стол, взволнованно обратившись к американцам с предложением подписать его. Шульц попросил сделать небольшой перерыв, для того чтобы посоветоваться с советниками, которые после шестнадцатиминутного обсуждения по-прежнему твердо выступили против этого параграфа и уговорили президента не соглашаться.

Покорившись своим советникам и показывая всем своим видом, что делает это нехотя, Рейган вернулся к Горбачеву и, если верить сообщению Корчилова, мягко сказал:

- Извините, но стиль заявления неприемлем.
- Почему? — спросил Горбачев.
- Мы не можем его принять, — ответил Рейган и замолчал.

(В своей книге Шульц передает слова Рейгана несколько иначе: «Мне очень не хочется включать это. Я не буду этого делать».)

Горбачев вздохнул:

- Ну хорошо. Я вижу, что не могу изменить ваше мнение¹³.

* Перевод с английского.

Корчилов пишет: «У меня было отчетливое ощущение, что Рейган согласился бы, если бы не Шульц и Карлуччи».

Расстроившись, Горбачев оставил эту тему. И затем, ничем не демонстрируя своего недовольства, обняв Рейган за плечи, он вместе с ним пошел на финальную церемонию ратификации Договора о РСМД, который они подписали в декабре 1987 года.

Американский посол Мэтлок озвучил несколько иную точку зрения, отметив: «Похоже, Горбачеву было необходимо согласие Рейгана на некоторые формулировки, чтобы убедить колеблющихся членов Политбюро. Если это было действительно так, нам нужно было отнестись к этому с пониманием и попытаться найти соответствующие слова, которые отвечали бы его цели, если это не затрагивало нашей позиции. То, что он нам предложил, можно было принять с небольшими изменениями»¹⁴.

В итоге никакого соглашения по вооружениям не было подписано¹⁵. Запись переговоров, хранящаяся в Национальных архивах, завершается следующим заявлением: «Точно так же как недостаточное доверие Горбачева к Рейгану привело к тому, что в Рейкьявике советский лидер упустил возможность уничтожить ядерное оружие... точно так же неверная оценка намерений Горбачева породила другую упущенную возможность сокращения ядерной угрозы»¹⁶.

Это печально. Как часто мы оказываемся в плену своих стереотипов! Если бы только наша сторона могла прочесть данное Корчиловым описание значения перемен Горбачева с русской точки зрения! Он восхищается тем, что за несколько месяцев после Вашингтонского саммита (декабрь 1987 года) в Советском Союзе «фермент гласности стал общепризнанным. Перемены стали видны в политической и духовной сферах»¹⁷. Для него это было поразительным, действительно невероятным в глазах советского гражданина. «Постепенное ослабление цензуры в прессе, в литературе, в театре, в кино, растущая критика советского прошлого, настоящего и даже самого советского руководства, становилась для него не только приемлемой, но даже поощрялась. Возникновение так называемых кооперативов, продуктовых магазинов, ресторанов, включая первый «Макдоналдс» в Москве, возможность приобретать в крупных газетных киосках иностранную прессу — «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Фигаро» и «Монд», «Шпигель». Все это и многое другое было очевидными признаками трансформации советского общества»¹⁸. Как человек,

часто посещавший Советский Союз, я согласна с его суждениями, и мне, как и всем другим людям с улиц Москвы, это было очевидно.

Я присутствовала на открытии в Москве первого «Макдоналдса». Это было чрезвычайное, сюрреалистическое событие, воспринимавшееся чуть ли не как катаклизм для населения Москвы. Парадное открытие в тот вечер стало праздником при свете прожекторов, со множеством фотографов и кинокамер и со множеством радостных людей, спешивших войти в ресторан и съесть гамбургер. Внутри заполненного народом ресторана самым запоминающимся для меня зрелищем был вид молодых русских официантов, парней и девушек в фирменной макдоналдсовской форме и с бейджиками, обращавшихся к клиентам на русском языке: «Меня зовут Саша (Ваня, Таня). Чем я могу помочь?» Это и многие другие события, которым я была свидетелем и о которых говорила в моих лекциях в Соединенных Штатах, стали вехами: еще совсем недавно их нельзя было себе даже представить.

Конечно, для американцев это выглядело совсем не так, но все эти явления были важными и совершенно конкретными признаками перемен в советской жизни, и они были совершенно недооценены, если на них вообще обратили внимание, американскими официальными лицами во время посещений ими Москвы. (Кроме всего прочего, они передвигались в лимузинах и редко ходили пешком по улицам.) Вместо этого они оставались пропитанными устаревшими сомнениями эпохи холодной войны, вроде того, а действует ли Горбачев «по-настоящему» и являются ли его реформы «далеко идущими». И то и другое было правдой. Когда я читаю об этих бесплодных пленарных переговорах, я не перестаю удивляться тому, где же были все наши «специалисты»-кремленологи и целая армия аналитиков из разведки, когда мы в них нуждались, особенно в тот момент, когда все эти драматические перемены уже ни для кого не были тайной и были видны невооруженным глазом. Но увы, кажется, наши официальные лица в Москве всего этого не замечали, возможно, в их глазах это было чем-то очень малым, но тем не менее это были важные изменения в советском обществе, принесенные политикой Горбачева. Если бы они это заметили, быть может, они проявили бы больше смелости и уверенности на заседаниях.

Что же касается той настойчивости, с которой Горбачев добивался важнейшего для него заявления, то задним числом видно, что ему дейст-

вительно надо было помочь, как верно чувствовал Мэтлок. Корчилов, которому позднее тайком удалось ознакомиться с предложениями Горбачева, подготовленными к съезду партии, обнаружил, что тот был нацелен на еще более радикальные перемены. «Под руководством А. Яковлева для обсуждения на важнейшем партийном съезде были подготовлены далеко идущие предложения, — отмечает Корчилов. — Когда я прочитал их, то не мог поверить собственным глазам. В их числе было предоставление свободы слова, прессы и собраний, свободное волеизъявление и тайное голосование, права граждан, разделение властей и независимость судебной ветви власти»¹⁹. Против этих предложений проголосовало Политбюро, за исключением Яковлева и Шеварднадзе. Да, Горбачев был «настоящим», как заметил Мэтлок, и смог бы использовать нашу помощь в этот критический момент.

Несмотря на то что пленарные встречи на переговорах оказались разочарованием и не завершились никаким соглашением, сам Рейган более чем компенсировал их безрезультатность. При каждой встрече с русскими людьми он всегда был очень дипломатичен, не допустил ни одного промаха, его шарм и личная привлекательность покорили русских, как он это уже сделал с американцами. Он пришел, увидел, победил — и так было везде, где бы он ни появлялся.

30 мая. Утром первого полного дня визита, невзирая на то что в Соединенных Штатах перед отъездом его критиковали за это намерение, видя в нем уступку Советам, Рейган поспешил нанести визит в Данилов монастырь, что я так убеждала его сделать. Он также попытался встретиться с патриархом Пименом, больным и слабым человеком, сломленным годами противостояния с советскими властями, но был разочарован условием патриарха не встречаться с независимо мыслящими священниками.

В этом только что отреставрированном Даниловом монастыре нашего президента и его супругу тепло приветствовали два митрополита и большая группа монахов и священников, проводивших их в монастырский комплекс. Президент произнес выразительную речь — почти религиозную проповедь, которая глубоко впечатлила всех присутствующих. Он начал свою речь так: «Для меня огромная радость посетить этот монастырь и встретиться с некоторыми людьми,

которые помогли сделать возвращение монастыря Русской православной церкви реальностью. Я обращаюсь также к душам тридцати пяти миллионов верующих, чьи личные усилия сделали возможной эту чудесную реставрацию».

Он говорил о могуществе икон: «Нельзя смотреть на чудесные иконы, созданные и воссозданные отцом Зиномом, без того, чтобы не ощутить глубокую веру, живущую в сердцах людей в этой стране. Так же как святые и мученики, изображенные на этих иконах, вера ваших людей была проверена и закалилась в суровых испытаниях. В этих страданиях она стала сильнее и сейчас готова принять новые надежды начала нового Тысячелетия». Он говорил не только о Русской православной церкви, но еще и выразил надежду, что «скоро все религиозные общины, которым пока не разрешают зарегистрироваться, и те, что вообще запрещены, включая Украинскую католическую и Украинскую православную церкви, смогут свободно отправлять религиозные обряды».

Он назвал реставрацию монастыря «первым шагом» и выразил надежду, что за ним последует «религиозная весна религиозной свободы». Он завершил свою речь длинной цитатой из Солженицына об умиротворяющем вкладе церкви в русскую сельскую жизнь: «В наших молитвах мы будем сохранять в себе этот образ, мысль о том, что колокола зазвучат снова, покрывая своим звоном всю Москву и всю округу, призывая к веселью в их новообретенной свободе»²⁰.

Это стало настоящей вехой. Ни один американский президент никогда не говорил с русскими таким образом, и все, кто присутствовал там, были глубоко тронуты, настолько, что, несмотря на то что официальная советская пресса строго критиковала, и неудивительно, его визит и суждения, они настолько памятливы в монастыре, что до сих пор фотография Рейгана с гордостью демонстрируется в административном здании.

Этим же днем, но позднее американский посол устроил прием в Спасо-хаусе для группы из девяносто восьми диссидентов. Среди гостей был и отец Глеб Якунин, один из смелых и откровенно высказывавших свое мнение православных священников, из-за которых патриарх воспротивился встрече с Рейганом. В своей речи Рейган пообещал им и свою, и Соединенных Штатов поддержку их озабочен-

ностей, более того, они были потрясены — хотя большая часть приглашенных были светскими людьми — тем, что он вновь обратился к теме религии. Советская пресса перешла с критического на саркастический тон в своих репортажах об этих встречах и речи президента, назвав их «антисоветскими», и тем не менее после встречи никаких угроз со стороны КГБ в адрес участников встречи не было — и это стало большим шагом вперед для советского общества.

А вечером того же дня Горбачевы давали ужин в Грановитой палате Кремля. Это старейшее гражданское здание Москвы было построено в XV веке, и оно имеет историческое значение, потому что именно здесь в следующем веке Иван Грозный, сидя на троне, окруженный боярами, принимал стойких тюдоровских моряков, первых англичан, явившихся в Москву, чтобы увидеть его*. Москва в то время была малоизвестна в Европе. В этом огромном зале, в «святая святых», под богато расписанным потолком, окруженный со всех сторон ликами святых, Рейган передал Горбачеву копию американского фильма «Дружеское увещевание» (англ. *Friendly Persuasion*) с Гэри Купером в главной роли. Это фильм о группе пацифистов-квакеров в годы Гражданской войны в Америке. В своем тосте президент назвал фильм американской классикой и утверждал, что он показывает «не просто трагедию Гражданской войны, но и проблему пацифизма, благородство патриотизма, так же как и любовь к миру», и поднял бокал за «искусство дружеского увещевания». Это был веселый ужин, сопровождавшийся множеством теплых тостов, смехом и разговорами, настолько дружескими, что Корчилов, переводивший на ужине, восхищался тем, как лед холодной войны таял у него прямо на глазах.

31 мая. Во время первой встречи один на один Рейган попросил Горбачева показать ему Красную площадь, хотя это не было предусмотрено официальным расписанием. Итак, 31 мая они вдвоем отправились на историческую двадцатиминутную прогулку, в результате

* В 1556 г. один из трех кораблей экспедиции, посланной английским королем Эдуардом VI, сумел добраться до устья Северной Двины. Его капитан Ричард Ченслер был принят в Москве. Это событие положило начало морской торговле Англии с Московским царством, основанию английской Московской компании и регулярным дипломатическим отношениям двух стран.

чего появилось то самое фото двух лидеров, оживленно беседующих друг с другом перед собором Василия Блаженного, которое приятно поразило весь мир. На глазах любопытствующей толпы Горбачев дал Рейгану небольшой урок русского языка, объяснив, что слово «красная» когда-то означало «красивая», и оно остается в корне русского слова «прекрасная». Он попытался подвести Рейгана к Мавзолею Ленина. Но Рейган тихо сказал ему: «Давайте не будем заходить так далеко» и, обхватив рукой Горбачева, мягко повернул его в другую сторону. (Позднее, когда Рейгана спросили, почему он не захотел смотреть на тело Ленина, он дипломатично ответил: «Мавзолей открыт лишь четыре дня в неделю, а очередь была слишком длинная, и мы не хотели нарушать ее».)

Самый драматичный момент наступил, когда репортер спросил Рейгана, считает ли он до сих пор СССР «империей зла». Рейган ответил: «Нет. Это было в другие времена, в иную эру»²¹, что порадовало Горбачева, который написал в своем дневнике, что рассматривает это высказывание как наиболее важный момент визита, признание завершения холодной войны. (Некоторую иронию всему этому придавал тот факт, что вне пределов видимости объективов знаменитых официальных фотографов, недалеко от них, находился капитан-лейтенант ВМФ США Вуди Ли с «ядерным чемоданчиком», в котором находились американские планы ядерной войны и коды запуска ядерных ракет, нацеленных на Москву и Красную площадь.)

За всем этим последовала еще одна встреча, не предусмотренная программой и вновь предложенная лично Рейганом. Он отправился в Центральный дом литераторов, чтобы встретиться с группой писателей, художников, кинематографистов, архитекторов и актеров. И там он тоже произнес проникновенную речь (написать ее, без сомнения, помогли никому не известные хорошо информированные спичрайтеры), произведя на собравшихся большое впечатление своими аллюзиями на тему русской литературы, включая цитаты из Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Николая Гумилева, и других — и, кроме всего прочего, из Александра Солженицына, которым, по его словам, он восхищен, и лично высказал надежду, что скоро Солженицын будет напечатан. Московская культурная элита, слушавшая Рейгана, тепло ему аплодировала, и после этого один из присутствовав-

ших попросил американского сотрудника передать президенту, что его надежда скоро осуществится.

Лишь памятной прогулке по Красной площади уступает успех выступления Рейгана в переполненном студентами зале Московского государственного университета. Рейган надеялся, что его речь будет транслироваться в прямом эфире или, во всяком случае, будет в полном виде доступна всему населению России, но к его вящему разочарованию и несмотря на всю гласность и предварительное согласие Горбачева, этого не произошло. В новостной программе «Время» показали только ее отрывки. Он произнес речь, стоя перед стеной, украшенной мозаикой с красными флагами и огромным мраморным бюстом Ленина, недовольно смотревшего на него сверху вниз. И хотя американская сторона изо всех сил пыталась добиться, чтобы статую убрали, Советы в этом отказали.

В конечном счете это не имело никакого значения. Уверенно державшийся Рейган начал свою речь спокойно, словно профессор, читавший студентам впечатляющую лекцию по основам американского гражданского права и по четырем свободам (мысли, слова, информации и коммуникации), которые составляют краеугольные камни фундамента нашей нации; говорил он также о достоинствах демократии. Он призвал к слому Берлинской стены — «этого печального свидетельства разделенного мира». Президент обращался к советским людям, выражая свою поддержку усилиям Горбачева по высвобождению сил, нацеленных на перемены и на новую политику, но постарался избежать прямой критики советской системы (хотя он и посетовал на бюрократию, названную им «проблемой всего мира»). Вместо этого, опираясь на примеры из американского опыта, он возложил свои надежды на новое поколение русских людей, призвав их принести новую свободу России. Корчилов объявил это «одним из самых ярких образцов ораторского искусства, который я когда-либо слышал». Когда Рейган закончил, ему долго и горячо аплодировали, и овации были такими теплыми и настолько наполненными энтузиазмом, что один из обозревателей заметил, что они были даже больше тех, которых Рейган удостоился при выдвижении в президенты.

Вечером в Спасо-хаусе состоялся официальный ужин, где играл звездный джаз Дэйва Брубека. На ужине присутствовали высшие

советские и американские должностные лица, а также сенаторы Боб Доул и Роберт Бёрд, дипломаты и военные, художники и спортсмены, и конечно, самое важное, там был Андрей Сахаров, недавно возвращенный Горбачевым из ссылки в Горьком, который пришел вместе со своей напористой женой Еленой Боннэр. В догорбачевские времена для членов Политбюро сидеть за одним столом с ними было бы немыслимо. Определенно времена менялись.

* * *

Что касается разговоров о роли советских женщин, то будучи талантливым политиком, президент Рейган обращался к этой теме не единожды, а трижды. В первый раз это было в интервью советскому телевидению, когда Рейган сказал, что хотел бы поговорить об огромном вкладе советских женщин. Его высказывания стали сюрпризом для советского интервьюера, который растерялся и еле выдавил из себя: «Мы тоже любим наших женщин». Суждения Рейгана произвели сенсацию среди дам в самых отдаленных уголках, таких, например, как уральский город Пермь на границе Европы и Азии. Моя близкая подруга, режиссер из Ленинграда, снимала в то время в Перми фильм и рассказывала мне, что когда в парихмахерском салоне ей делали прическу, она слушала радостную женскую болтовню: «А вы слышали, что Рейган сказал о советских женщинах?» От другого своего русского приятеля, присутствовавшего в Московском университете на выступлении Рейгана, я узнала, что после того как Рейган закончил речь и ушел со сцены, он вдруг вернулся, чтобы добавить: «Я забыл сказать...» и снова отдал должное советским женщинам. На последней пресс-конференции перед отлетом из Москвы его спросили, что он узнал о Советском Союзе, и он, к удивлению интервьюера, ответил: «Я дам вам только один ответ, потому что и сам собирался это сказать и говорю это при каждом удобном случае. Я думаю, что один из самых чудесных источников стабильности и добра, которые я видел везде, — это русские женщины» (и тем самым, как сказал Корчилов, он оставил свою аудиторию «в несколько озадаченном состоянии»).

За те три дня, что он пробыл в Москве, Рейган добился большего триумфа в Советском Союзе, чем любой другой президент. Джек Мэтлок писал, что «Рейган продемонстрировал замечательный уро-

вень культурного соперничества. Будучи сосредоточенным на важных темах американской повестки дня, он делал это с сочувствием к заботам простых советских граждан и отдавал должное культурным ценностям страны»²². Своей теплотой и умом он покорило воображение русского народа. Русские полюбили его. Лу Кэннон, присутствовавший там как журналист, писал о «восторженных толпах, о людях, выстроившихся вдоль улиц, по которым ехал его кортеж, улыбаясь и приветственно размахивая руками».

Впрочем, Рейган тоже был тронут всем, что он увидел, и теплым приемом со стороны русского народа, доказывавшего верность поговорки: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», которую упомянул Горбачев при первой встрече. И хотя официальная советская пресса оставалась враждебной и нападала на Рейгана за его необычные суждения и ссылки на религию, биограф Горбачева писал: «Речи, с которыми он выступил перед студентами... и перед советскими писателями, были, возможно, его наиболее зрелищными выступлениями и тронули самые глубокие струны русской души»²³.

Я не была никаким «официальным лицом» и лично не наблюдала за всем этим, но душой я находилась там. Журнал «Тайм» 6 июня сообщал: «Визит президента в страну, которую он когда-то назвал “империей зла”, означает конец интеллектуальной одиссеи... кульминацию того, что он стал следовать советам консультантов, настроенных намного более прагматично, чем те сторонники жесткой линии, которые были с ним во время первого срока. В числе новых советников есть и писатель Сюзанна Масси, которая познакомила Рейгана с русской культурой; среди всего прочего, она убеждала его в том, что Советский Союз находится на грани начала религиозного возрождения». И продолжал: «Она стала главным гидом Рейгана по человеческим аспектам в советских делах... Она даже научила его любимой поговорке “Доверяй, но проверяй”. Что касается меня, то я следила за успехами Рейгана в Москве, казавшимися счастливым итогом наших встреч в предыдущие четыре года: это немного напоминало наблюдение за тем, как одаренный и великолепный ученик блестяще сдает экзамен. Поскольку я изучила его график и читала его речи, я могла видеть, что, как и в предыдущих случаях, он воспринимал то, что было полезно именно ему, и в собственной неподражаемой манере мастерски это

использовал. Мэтлок, присутствовавший на двух из трех пленарных встречах во время переговоров в Вашингтоне, написал о визите в Москву, что «его [Рейгана] восхищение советскими женщинами, знающими, что такое работать полный рабочий день, а затем вести все домашнее хозяйство в условиях тотального дефицита, его любовь к русской литературе и музыке, сочувствие к ужасным человеческим потерям в годы Второй мировой войны и сталинского террора, его внимательное отношение к Горбачеву и его отказ признать за собой какую-либо роль в переменах в Советском Союзе»²⁴ могут передать содержание того, как проходили наши встречи.

Хотя Горбачев был разочарован тем, что он назвал «упущенными возможностями», и произнес несколько колкостей в адрес президента и президентских советников, но на финальной пресс-конференции по секрету признался, что встреча «стала вехой на пути к лучшим отношениям». Он был рад тому, что на пресс-конференции президента, когда того спросили: «Кто заслуживает благодарности за перемены в Советском Союзе, вы или Горбачев?» — Рейган грациозно ответил: «Господин Горбачев заслуживает благодарности и за перемены как лидер этой страны»²⁵.

Они с Горбачевым расстались как добрые друзья, и Мэтлок пишет, что «популярность Рейгана в Советском Союзе была, наверное, больше, чем в любой другой стране, включая и сами США, но исключая, впрочем, некоторые плененные народы Восточной Европы»²⁶. И это не маленькое достижение. В конце концов все согласилось с тем, что «человеческий фактор» — это самый важный результат визита, и именно он стал значимым шагом в продвижении вперед американо-советских отношений. Я была счастлива прочитать это и, признаюсь, немножко горда.

ГЛАВА 21

ПРАЗДНОВАНИЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ХРИСТИАНСТВА В РОССИИ 4 – 16 ИЮНЯ И ПОСЛЕДНИЙ ЛАНЧ С ПРЕЗИДЕНТОМ 1 АВГУСТА 1988 ГОДА

Всего через три дня после того как президент Рейган покинул Москву, в Советском Союзе праздновали Тысячелетие Русской православной церкви, ведя при этом отсчет от 988 года, когда князь Владимир, правивший Киевской Русью, в то время языческой страной, приказал, чтобы все люди были крещены по обрядам восточного византийского христианства. Князь приказал, чтобы народ крестили в Днепре, а все изваяния и изображения Перуна, славянского бога грома, были уничтожены. Поскольку медведь являлся тотемным животным этого древнего языческого бога, на протяжении многих столетий Русская православная церковь противилась тому, чтобы медведей водили по ярмаркам или где-либо еще, но, несмотря на неодобрение церкви, эта практика продолжалась. (Однажды я даже видела икону с изображением медвежонка, выглядывающего из-за куста, и до сих пор медведь остается символом России.)

В США медиа и эксперты по Советскому Союзу уделили совсем немного внимания празднованию Тысячелетия, рассматривая его как малозначительное событие и пренебрежительно характеризуя его в качестве «последнего рудимента устаревшей и дискредитировавшей себя религии». Я знала, что это совсем не так. Для миллионов верующих христиан в России празднование Тысячелетия русского православного христианства было событием величайшего национального и исторического значения, и для любого исследователя русской культуры посещение этого события становилось обязательным. Поскольку я определенно не имела шансов побывать на следующем таком праздновании, то имела твердые намерения найти способ получить приглашение и стать свидетелем события. У меня были

хорошие отношения с Церковью, и заранее, за много месяцев, и сразу нескольким отцам Церкви я поведала о своем горячем желании как историка побывать на этом событии. Один из важных иерархов митрополит Филарет из Москвы заверил, что меня обязательно пригласят. По мере того как дата приближалась, я каждый день проверяла свой почтовый ящик, но приглашение все не приходило. И мне становилась все очевиднее, что как женщина, как светский историк, не являвшийся каким-либо должностным лицом Церкви, я не представлялась высоким церковным властям достаточно важной, чтобы получить его. Я была удручена и уже думала, что придется расстаться со своей идеей.

Несколькими месяцами ранее в Москве я встретила со своим бывшим «сторожевым псом» Игорем Филиным, полковником КГБ, которому шесть лет назад поручили изучить меня. Теперь он был исполнительным секретарем Комитета защиты мира, могущественной организации, отвечавшей за всех официальных визитеров из-за границы, и я сказала ему о том, что я как историк надеюсь посетить празднование Тысячелетия. Тогда он мне ничего не ответил. И однажды, когда я уже оставила все свои надежды, вожделенное приглашение мне наконец пришло по почте. И только когда я попала в Москву, узнала, каким образом это произошло. Церковь обязали получать одобрение всем приглашениям со стороны Комитета защиты мира. Когда знаковая дата была уже совсем близко, митрополит Филарет обратился к Игорю с просьбой о двухстах дополнительных приглашениях для людей из международного религиозного мира. Игорь согласился, но при одном условии, что «первое приглашение в этом списке будет для Сюзанны Масси». Так что именно благодаря Игорю я смогла стать свидетелем всего, что тогда происходило, и оказаться единственным иностранным историком, который при сем присутствовал.

С самого начала Коммунистическая партия была совершенно против проведения празднования Тысячелетия в Москве, настаивая, чтобы оно прошло в каком-нибудь удаленном городе. Но, как мне сказал один высокий церковный чин, однажды на большом приеме в Кремле к патриарху Пимену подошел Горбачев и спросил: «Как идет подготовка к Тысячелетию?»

Немощный патриарх был слишком запуган, чтобы сказать о том, с каким сопротивлением приходится бороться Церкви, поэтому смиренно ответил, что «все идет хорошо».

Однако Горбачев твердо сказал ему: «Если у вас есть какие-то тревоги, приходите ко мне». И празднование состоялось в Москве.

Были приглашены клирики со всего света. Чтобы разместить свою небольшую армию гостей, Церковь почти полностью заняла тридцатизэтажную гостиницу «Украина» с ее тысячей номеров, которая была одной из семи сталинских небоскребов, напоминавших собой «свадебный торт» и доминировавших в городском пейзаже. Когда я приехала, просторные холлы отеля уже были переполнены движущимися калейдоскопическими толпами церковных иерархов всех христианских конфессий мира, и все они были одеты в разнообразные облачения: православные носили свободные рясы, фиолетовые и черные клобуки; лютеране из Дании — строгие черные костюмы и белые кружевные воротники; копты из Эфиопии надели свои черные шапки, а их лица почти полностью закрывали темные капюшоны; с одетыми в красное кардиналами Римско-католической церкви соседствовали их коллеги в черных сутанах с алыми поясами. Сразу после приезда каждый гость получал чемоданчик с поясняющей литературой, памятной медалью и приглашениями на важнейшие мероприятия на каждый из дней, причем приглашения различались по цвету в соответствии со значимостью мероприятия: зеленое, синее, желтое и белое, все с золотым тиснением.

Церковь брала на себя удовлетворение любых запросов и расходов гостей, в том числе парикмахерские услуги и прачечную. За пределами отеля ожидали 150 машин с водителями и целая флотилия автобусов, чтобы развозить гостей по мероприятиям. Два огромных обеденных зала отеля были поделены между теми, кто постился или нуждался в особой диете, и теми, у кого таких потребностей не было. Официанты, которых в Советском Союзе отличали в основном по неряшливой униформе, мрачному виду и летаргическому спокойствию, были по этому случаю одеты с иголочки, улыбки и быстро бегали, выполняя заказы и обслуживая гостей. Больше всего меня поразила специальная комната, где представители Церкви были уполномочены выдавать визы для гостей на посещение любого места

в Советском Союзе, которое они захотят посетить. Для страны, 75 процентов территории которой было закрыто для иностранцев, это выглядело удивительно.

Посещая различные мероприятия, мы передвигались по городу в автобусах или на машинах; при этом люди выстраивались вдоль улиц, чтобы посмотреть на нас, мужчины уважительно снимали свои головные уборы, а женщины надевали платки, все кланялись и крестились.

Первый из общих приемов состоялся в Кремле. Я живо помню ошеломляющее впечатление от того, как я шла за несколькими сотнями православных священников в черных рясах и черных клобуках с развевающимися за их головами наметками-вуалями, поднимаясь по покрытой красным ковром длинной лестнице Большого Кремлевского дворца. Именно по ней президент и госпожа Рейган шли за несколько дней до этого, чтобы встретить в конце пути невероятных размеров картину с Лениным. Пока наиболее важных церковных гостей официально приветствовал сам Андрей Громыко (этот человек не был замечен в каких-либо религиозных пристрастиях), я сидела в просторной приемной комнате (в Кремле все огромное) вместе с другими притихшими священниками в ожидании приглашения на прием.

Этот прием, достойный царей прошлого, проходил в великолепном золотом с белым Георгиевском зале, освещенном шестью огромными хрустальными люстрами, где президента Рейгана приветствовал Горбачев. Ряды длинных столов протянулись от одного конца шестидесятиметрового зала до другого. Все они были декорированы изысканными цветочными композициями и большими фигурами лебедей из теста, уставлены серебряными блюдами невероятных размеров с замысловато украшенными закусками, длинными лапами сибирских крабов, большими серебряными чашами с черной и красной икрой и сладкой выпечкой всех мыслимых видов, дополнявшиеся целым лесом бутылок шампанского и, конечно, водки. Когда, не веря своим глазам, я взирала на всю эту невероятную сцену и на толпу клириков, то случайно услышала за своей спиной разговор двух православных епископов, говоривших о Кремле. Один полушутя говорил другому: «Если мы удержим его этой ночью, он наш».

В последующие дни потрясающий сценарий продолжал раскрываться. Каждый день в Большом театре происходили многолюдные встречи, которые посещали клирики со всего мира и множество русских ученых. Я заметила, что Раиса Максимовна (хотя и без Горбачева) присутствовала на всех, тихо расположившись в кресле во втором ряду от оркестра. Когда я увидела ее после одной из таких сессий, она тепло поздоровалась со мной и с большим энтузиазмом рассказала мне о том, насколько успешным был визит Рейгана и какое замечательное впечатление он произвел на русских людей.

В древней Трапезной палате Троице-Сергиева монастыря сотни православных священников собрались на Поместный собор. В своих рясах и клобуках они выглядели точно так же, как и на гравюрах поместных соборов XVII века, которые я видела в музеях, словно ничего не случилось за это время. Я помню, как меня поразил контраст между одинокой и совершенно покинутой статуей Ленина на городской площади и сотнями горожан, периодически кланяющихся и крестящихся, стоявших на улицах в ожидании того, как проедут автобусы со священниками.

В Даниловом монастыре я стала свидетельницей другого исторического события: церемонии официального возвращения патриарха в Москву. При советском режиме патриарх и его официальная резиденция располагались изолированно в 75 километрах от Москвы, в Троице-Сергиевом монастыре, и вот патриарх вернулся в Москву во вновь построенное для него здание в Даниловом монастыре, весь внутренний двор которого был до отказа заполнен людьми. Для любого историка России это было важнейшее событие. Москва с 1325 года являлась местом, где располагался глава Русской православной церкви — митрополит, затем патриарх, но в советские годы патриарха убрали из столицы, отправили в ссылку и изолировали. Слышать громкие аплодисменты, видеть радость и восторг огромной толпы в день, когда патриарх возвратился, — все это было ясным свидетельством того, что коммунистический режим не смог разрушить Церковь, а склонился перед ней.

После завершения церемонии в Даниловом монастыре я отправилась в только что построенную монастырскую гостиницу, где на каждом этаже висел портрет патриарха и где в столовой подавали самую подлинную и вкусную русскую еду в городе.

Там в вестибюле я встретила Игоря. Он был задумчив и тих, что для него нехарактерно, и выглядел настолько меланхолично, что я почувствовала к нему жалость, улыбнулась и сказала:

— Игорь, я думаю, вы пытались сделать еще что-то очень хорошее.

— Да, — загадочно ответил он, — мы пытались, но у нас не получилось.

Что он имел в виду? Не знаю.

Но были и более светлые моменты. Я встретила своего друга архимандрита Климента из Калуги (сейчас он митрополит) и молодого и динамичного архиепископа Смоленского Кирилла, ставшего в 2009 году патриархом Кириллом I. В ресторане отеля, где мы могли свободно рассаживаться как нам заблагорассудится, я встречала клириков из разных стран. Однажды утром я села на единственное оставшееся свободным место возле популярного и деятельного кардинала Нью-Йорка О'Коннора, который завершал завтрак вместе с несколькими своими коллегами. Меня несколько озадачила такая компания, и я не была уверена в том, что знаю, как себя вести с ними, но он оказался весьма дружелюбным и простым человеком и сердечно поздоровался со мной. Мы поговорили накоротке, и когда он стал вставать, сбрасывая хлебные крошки со своего алого кардинальского облачения, то с улыбкой сказал: «Ну, теперь я снова в своем парадном платье».

Я еще раз увидела его на другом важном мероприятии — освящении закладного камня первой со времен Революции новой церкви, которую предстояло построить в Москве. За нами возвышались недавно построенные советские жилые дома, стоявшие по сторонам большого, ничем не застроенного поля. Машины милиции скопились у входа на площадку. Когда патриарх Пимен прибыл в своем черном зилловском лимузине, его провели по траве на красный ковер, растеленный для него по пути к месту, где находился большой камень с высеченной на нем надписью, это и был закладной камень будущей церкви. И снова собралась большая толпа. Я стояла возле кардинала О'Коннора, одетого в официальную красную сутану и белый стихарь, и южноафриканского епископа Дезмонда Туту в сутане цвета фуксии, их одеяния развевались на ветру. Молитвы были произнесены, и председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР

зачитал специальное обращение самого Горбачева, в котором он провозглашал, что новая церковь станет «символом перестройки» для всех, «верующих и неверующих — мы одна страна, один народ, у нас одна история».

Наиболее захватывающим вечерним мероприятием стал праздничный концерт в Большом театре, начавшийся в 10 часов вечера 10 июня. Я доселе не видела такого элегантно организованного вечера в этом нарядном, золотом с красным театре. Все места были заняты, рядом с клириками в лучших одеждах присутствовали высшие партийные чины — все в темных костюмах. Патриарх Пимен сидел в ложе для почетных гостей. Удивительно, но на заднике сцены был установлен огромный медальон с изображением Святого Владимира, держащего в руках крест. Прежде во всех государственных театрах запрещалось исполнение литургической музыки, но в этот вечер в концерте принимали участие лучшие московские религиозные и монастырские хоры, исполнявшие чудесную русскую религиозную музыку. Поразительно, что после того как очередной хор заканчивал исполнение своей замечательной программы, хористы поворачивались и глубоко кланялись, но не Раисе Горбачевой в первом ряду, а патриарху Пимену, сидевшему в ложе прямо напротив сцены. В антракте я смешалась с толпой, где заметила министра иностранных дел Шеварднадзе, главу Совета по делам религии Константина Харчева и других высших руководителей, а также художника Илью Глазунова, балерину Майю Плисецкую и других ведущих артистов и московских знаменитостей.

На 12 июня я располагала тисненым золотом приглашением патриарха Пимена на заключительный прием. Для приема Церковь заняла все четыре этажа самого элитного в то время ресторана Москвы «Прага» на Арбате. Везде была в изобилии прекрасно сервированная еда и изысканные напитки, на всех этажах играла музыка, и снова здесь присутствовали все узнаваемые лица из руководства страной и московские знаменитости.

На эти двенадцать дней Церковь фактически захватила город. Это было время, когда Православная церковь, так долго унижаемая и преследуемая при советском режиме, вышла на передний план и продемонстрировала свою огромную — и до тех пор в основном скрытую

силу. Все, что происходило в те дни, навсегда останется среди самых исключительных воспоминаний в моей жизни, и было предельно ясно, что я стала свидетельницей конца коммунистического правления и что скоро оно закончится, как и случилось через три года. После всего увиденного мне не составляло труда понять, что государство пыталось подорвать несокрушимую скалу нации — православие — и то, что было раньше, больше уже не повторится никогда.

* * *

Вместо того чтобы присутствовать на всех длинных церковных мероприятиях и встречах, которые продолжались на протяжении двух последних дней, я решила, что будет лучше воспользоваться возможностью и посетить те места в России, которые ранее были недоступны для иностранцев. Я отправилась туда вместе с моим другом, ныне покойным Дмитрием (Димой) Покровским, великим музыкантом, российским Аланом Ломаксом. При коммунистическом режиме Дмитрий с огромным трудом сумел объехать деревни в самых дальних уголках России в целях собирания, копирования, сохранения традиционной народной музыки, которой грозило исчезновение. Он создал вокальную группу, исполняющую народную музыку. Исполнители были одеты в традиционные русские костюмы. Их концертов ожидали с нетерпением, и хотя группу не рекламировали, публика собиралась мгновенно, где бы они ни появлялись.

На удивление легко мы купили билеты на самолет. Никаких следящих за тобой, никто не задает никаких вопросов, не надо предъявлять никаких разрешений. Мы долетели до Ростова-на-Дону, оттуда сели на старенький пароход и поплыли по реке Дон. Три незабываемых дня мы провели в бывшей островной крепости донских казаков, остановившись в скромном доме трех реставраторов церковных зданий — друзей Димы. Мы ужинали соленой рыбой, клубникой с их огорода и пили самогон.

Однажды утром я пошла прогуляться и улеглась на песке на берегу Дона, мирно нежась на солнце, наблюдая за полетом воронов и наслаждаясь тем, что я здесь. Вдруг из леса вышла пожилая женщина и принялась грозно бранить меня за то, что я позволяю себе вот так валяться на песке! И я убежала. Нас следующий день к нам пришли казацкие

семьи из колхоза с противоположного берега Дона с песнями и танцами. Обеспечив меня парой мягких сапог (потом их мне подарили), они пригласили меня танцевать вместе с ними, и я приняла это предложение, всем сердцем сожалея, что моя семья не видит меня в этот момент!

Перед тем как уехать в Ростов, я попала на конеферму, где увидела самых прекрасных лошадей из когда-либо виденных мной. Там мне повезло, и немолодой кучер прокатил меня на тройке по дорожке ипподрома. Он пустил тройку в галоп с такой головокружительной скоростью, что у меня захватывало дух, а когда я выразила восхищение его мастерством, кучер ответил, что никто из молодежи не хочет учиться его ремеслу. Они не представляют себе, что теряют!

Благодаря церкви, Игорю, Диме я благословляю эти три незабываемых дня, показавших мне, что русское прошлое, несмотря ни на что, на самом деле никуда не исчезло.

ПОСТСКРИПТУМ

Хотя кое-кто в окружении Рейгана ерничал у него за спиной по поводу «зацикленности» президента на религии, а Колин Пауэлл как-то саркастически сказал, что ему не стоит продолжать в том же духе и «думать, что Горбачев собирается пасть перед ним на колени»¹, Рейган упрямо придерживался свойственных ему основополагающих принципов, оставался верен своим инстинктам и глубокой убежденности в значении и влиянии религиозного возрождения в России, о котором я ему рассказывала. После моего возвращения из Советского Союза в начале 1986 года Шульц, быть может, не так жестко, как Пауэлл, но тоже с большим сомнением относился к тому, что он называл моим «жизнерадостным энтузиазмом», который позволял мне видеть «возрождение русской духовности». Он писал: «Я не был захвачен ее риторикой... Сюзанна Масси создавала иной взгляд на другую советскую реальность, чем та, о которой я читал в моих секретных обзорных докладах... Я чувствовал, что, быть может, там и происходила масштабная историческая трансформация, но эти измерения выходили далеко за пределы религии и касались мира экономики,

политики, и эти изменения касались в том числе и информационной революции»².

Конечно, он не ошибался. Существовало множество разных течений, и экономике предстояло сыграть важную роль в крушении эпохи коммунизма, но в Советском Союзе 1986 года, когда Шульц писал это, влияние информационной революции еще совсем не было одним из таких течений. Это на Западе она уже состоялась, а здесь она отставала на годы и не была существенным элементом перемен. В то время ксероксы еще держали под замком, а компьютеры были дорогой редкостью, о которой простые русские граждане не могли и мечтать, не говоря уже о том, чтобы ими пользоваться. Я продолжала верить, как и президент, что религиозный подъем в России имел критически важное значение, как это уже произошло в Польше. Моя убежденность лишь возросла после того, что я увидела во время празднования тысячелетия.

ПОСЛЕДНИЙ ЛАНЧ С ПРЕЗИДЕНТОМ

После своего возвращения в Соединенные Штаты я была приглашена на ланч в Белом доме с президентом и госпожой Рейган в рабочем кабинете президента, где я раньше не бывала. На ланче присутствовали советник по национальной безопасности Колин Пауэлл и глава аппарата Кен Дуберштейн.

Я всегда старалась сообщать президенту что-то хорошее о нем, что я слышала в Советском Союзе, поэтому рассказала в этой связи о встрече с Раисой Горбачевой в Большом театре, где она со значением и энтузиазмом отмечала, насколько успешен был недавний визит президента и госпожи Рейган и как рады были русские люди их приветствовать. И мне показалось, что, несмотря на ее не слишком церемонное поведение, Раиса чувствовала себя как-то тревожно и стеснительно. Тут с негодованием вмешалась госпожа Рейган: «Стеснительно — это не то слово, которое я бы использовала для характеристики этой женщины».

Я не стала возражать ей, не возразил и Рейган, но он очень тихо сказал мне: «Думаю, что, может быть, вы и правы». Он с удовольствием говорил о том, как он впечатлен своим визитом в Москву, какой неожи-

данной для него и сердечной была реакция толпы русских и как много для него это значило.

Этот ланч очень отличался от прежних. Мы не обсуждали советско-американские отношения, как это обычно делали раньше, в основном речь шла о Тысячелетии крещения, об энтузиазме людских масс и о всеобщем приятии Церкви всеми зарубежными клириками. Еще я рассказала о своей неожиданной поездке в Ростов-на-Дону и о казацком острове. Таков был мой рассказ о событии, которое я считала знамением перемен в советском обществе. Колин Пауэлл и Кен сидели тихо и не задавали никаких вопросов.

Вечером в своем дневнике Рейган, кажется, несколько разочарованно написал: «Возвращаюсь к ланчу с Сюзанной Масси (только что приехавшей из России). Нэнси, Колин и Кен Д. были рядом. Все было странно. Мы ожидали от нее обычную инсайдерскую информацию, но вместо этого было что-то вроде травелога. Она сказала, что русские испытывают дружеские чувства по отношению к Нэнси и ко мне».

* * *

Похоже, он был прав. Моя поездка в Россию на Тысячелетие крещения оказалась очень личной. Я увидела много поразительного, но у меня не состоялось никаких необычных разговоров с людьми из правительства, о которых стоило сообщать, и я не привезла никакой «инсайдерской» информации. Хотя на самом деле это и была настоящая «информация изнутри», поскольку я была единственным светским историком, получившим приглашение, и стала свидетелем события, которое убедило меня в том, что произошедшее было кардинальным поворотным моментом для России. Мне кажется, я не смогла это внятно представить, как следовало бы.

При расставании президент меня обнял, и госпожа Рейган, поблагодарив меня, тепло сказала: «Приезжайте к нам в Калифорнию». После истекших четырех лет и всего, что произошло в эти годы, тот день определенно должен было стать последним, когда я встречалась с ними, и поэтому я была переполнена тоскливыми и грустными ощущениями. Впоследствии я обменивалась с ними несколькими открытками и записками, а когда я бывала в Вашингтоне, Майкл Дивер сообщал мне новости.

* * *

Но это не стало последней встречей. И хотя я так и не побывала у них в Калифорнии, я снова увидела их обоих спустя два года, 16 сентября 1990 года, когда они по пути в Москву, чтобы попрощаться с Горбачевым, не пожалели времени и сделали необязательную остановку в Ленинграде, где приехали в Павловский дворец, главный предмет моей книги, которую Рейган таки прочитал. Этот дворец, произведение архитектурного искусства, созданное одними из величайших русских архитекторов и художников конца XVIII — начала XIX века, был сожжен и почти полностью разрушен отступающей нацистской армией во время Второй мировой войны. С 1944 года он волшебным образом восстал из руин. Павловск стал первым восстановленным дворцом и был особенно дорог ленинградцам. Благодаря самозабвенному труду русских художников и мастеров дворец и парк были бережно восстановлены, и эта работа еще продолжается. Таким образом, этот неожиданный визит бывшего президента Соединенных Штатов стал фантастическим событием: и он, и его жена были встречены улыбками удивленных и восхищенных русских, которые оказались в этом дворце в тот день. В то время Ленинградская студия документальных фильмов снимала обо мне фильм, но именно в тот день на месте оказалось несколько фотографов, и они засняли радостный приезд бывшего президента и его жены и их проход через толпу людей к тому месту, где я ждала их на ступеньках дворца и где они оба поздоровались со мной и поцеловались. Затем вместе с задыхавшимися от радости хранителями дворца я провела их по дворцу. Я заметила, как Нэнси во время всей нашей экскурсии чрезвычайно заботливо держала мужа за руку, и он показался мне несколько более рассеянным, чем обычно. Когда посещение дворца подходило к концу, благодарные хозяева дворца передали мне ручку, которой Рейган расписался в Книге почетных гостей.

* * *

Этот визит имел комическое завершение. Когда Рейганы уехали, меня втянули в машину вместе с нашим генеральным консулом и его женой, чтобы мы смогли войти в состав кортежа, который на большой скорости отвез нас в Ленинград — лишь для того, чтобы вся

кавалькада машин была остановлена на ближайшем железнодорожном переезде одним движением руки ответственной за шлагбаум старенькой бабушки, подымавшей и опускавшей его перед тем как пройдет поезд. Нервно хватаясь за свои пистолеты, агенты КГБ и американские секьюрити выскочили из своих машин. Тщетно они пытались убедить бабулю в том, что это очень важный кортеж и что она ДОЛЖНА дать сигнал поезду остановиться и поднять шлагбаум. Они размахивали перед ней оружием, но она отказалась. Ее не трогали никакие аргументы и угрозы. Ей было не важно, что бывший президент США, американский генеральный консул, советские и американские сотрудники служб безопасности вынуждены будут ждать. Для нее, одной из неукротимых и бесстрашных бабушек, управлять шлагбаумом было священным долгом. Ее невозможно было сдвинуть с места. Нам пришлось ждать, казалось, нестерпимо долго, пока длинный товарный состав со всеми его вагонами не пройдет мимо. И только после этого, в то время, какое она посчитала нужным, без всяких извинений, она со скоростью улитки прошествовала к шлагбауму и спокойно подняла его. Мне не довелось спросить у президента, о чем он думал во время этого представления у шлагбаума, и я так и не поблагодарила его и не попрощалась с ним, поскольку из-за этой задержки его и госпожу Рейган отвезли прямиком к их самолету в Москву.

* * *

Тогда в последний раз я видела их вместе. Это был памятный счастливый день. Но когда в 1994 году мы узнали из замечательного и смелого письма президента, что его поразила болезнь Альцгеймера, мне вспомнилось, как необычно крепко и бережно Нэнси держала его за руку, когда они в тот день ходили по дворцу³.

ГЛАВА 22

НЕСКОЛЬКО ПОСЛЕДНИХ СЛОВ

Я никогда не думала, что мне доведется видеться с президентом на какой-то регулярной основе; он так построил наши отношения, что каждый раз, когда мы встречались, я думала, что эта встреча может стать последней, и поначалу я отнюдь не была уверена в том, что у меня есть какое-то влияние на него. На самом деле я знала о Рональде Рейгане и о том, что происходило в Белом доме, обо всем том, что стояло за событиями, которые с ним происходили на протяжении всех этих четырех лет, намного меньше, чем знаю теперь. Я полагаю, что более или менее полное понимание того, насколько необычайными были все эти встречи, по-настоящему пришло ко мне тогда, когда старший архивист Библиотеки Рейгана уже после смерти президента сказал мне, что у меня было больше времени на встречи лицом к лицу с президентом Рейганом по вопросу Советского Союза/России, чем имел еще кто-нибудь, за исключением его ближайших советников.

Прежде чем взяться за эту книгу, я четыре года изучала мои собственные записи и пленки, вела исследования, и эта подготовка существенно углубила мое понимание событий тех дней. Есть еще одно, что до сих пор повергает меня в изумление, — это то, насколько мой опыт общения с сороковым президентом Соединенных Штатов продолжает вызывать столько любопытства и вопросов людей по всему миру, хотя с тех пор прошло уже немало времени. Постоянно меня спрашивают: «Каким на самом деле был Рейган? О чем вы говорили во время встреч с ним? Почему вы так хорошо ладили друг с другом? Чему вы оба научились во взаимном общении?»

Прекрасно понимая, что есть множество людей, которые знали его лучше, чем я, и что у них есть свои собственные впечатления на этот счет, я все-таки поделюсь моими.

С самого первого мгновения, как я его увидела, я была поражена тем, насколько президент производил впечатление физически большого человека. Он был ростом 185 сантиметров, широкоплечий, но,

вероятно, из-за того, что он всегда держался прямо, он произвел впечатление человека более высокого, чем он был на самом деле. Майкл Дивер наблюдательно отметил, что «он имел такой вид, что, казалось, всегда доминирует в помещении», где находится. Люди шептались, что он красил волосы, но президент всегда клялся, что этого не делает. В письме своему другу певцу Руди Валле, он писал: «Нет, правда — это мой собственный цвет — никакой краски. Волосы моего старшего брата были такого же цвета, как и у меня. Это, должно быть, гены, или нам просто повезло»¹. Он говорил, что никогда не использовал макияжа, даже когда снимался в фильмах в Голливуде. Лицом он выглядел вполне на свои годы, и на нем были лишь несколько милых морщин, обязанных его улыбчивости, но я, знакомая со многими танцовщиками, была впечатлена тем, как грациозно он двигался, как без всяких видимых усилий вставал с кресла, словно он был человеком на десятки лет моложе.

Я удивлялась тому, как ему удавалось оставаться в такой прекрасной форме. Мы никогда не видели, чтобы он пыхтел, как Клинтон, во время утренних пробежек или катался на велосипеде, напялив на голову шлем, как делал это Буш-младший. И это не случайно. На самом деле он ежедневно прилежно занимался в спортзале Белого дома, работал с отягощениями и нарастил впечатляющие бицепсы. Он проделывал это и в поездках, но никто этого никогда не видел². Есть снимки того, как он ездит верхом, и он любил этим заниматься, и как он стрижет траву в своем скромном, но обожаемом ранчо. При этом его никогда не фотографировали вспотевшим. Рейган всегда понимал, что у людей есть представление о том, как президент должен себя вести и как выглядеть, поэтому и то и другое он делал элегантно, с достоинством и уважением к своему посту, чему, конечно, помогала его уверенность как актера в том, что значит поступать и выглядеть правильно, и он всегда был исключительно внимателен к самым малым деталям своего появления перед людьми³.

Рейган всегда гордился своей профессией, и его ранило, когда его называли «никудышным актером». Чтобы убедиться в том, насколько хорошим актером он был, достаточно посмотреть фильм «Кингс Роу» (*Kings Row*, 1942). Те же, кто с насмешкой принижает его, называя «актеришкой», забывают, как много надо знать актеру и насколько

важна такая подготовка для того, чтобы стать политиком. Актеры — это прежде и больше всего знатоки человеческого поведения и эмоций. Чтобы достичь успеха в своей профессии, им нужно развить в себе интуицию, чтобы понимать и изображать своих героев, чувственность, чтобы влезть в шкуру другого человека, уметь распознать, как и почему человек, совершенно отличный от него самого, думает и поступает. Они не стремятся к зеркальному отображению. Я знаю нескольких актеров и пришла к выводу, что они очень часто стеснительные, замкнутые люди и живут лишь на сцене. Лучше всего они учатся не по подсказкам и черпают знания не из установочных докладов о геополитике, но наблюдая и слушая. Хорошие актеры чувствительны, наблюдательны и эмоциональны. Рейган обладал всеми этими качествами. Горбачев сам говорил мне, насколько он был поражен рейгановской «чувствительностью к людям», и предположил, что это у него от «таланта актера»⁴.

Актеры должны быть способны хорошо и убедительно говорить, и президент Рейган был уверен в своей способности убеждать людей. Ему не нужны были никакие имиджмейкеры. Что вы видите, то и получаете, и это качество почти увяло сегодня из-за всех этих экспертов-консультантов и готовых все подретушировать фотографов.

Его обвиняли в том, что иногда он смотрит на какие-то вещи под романтическим голливудским углом зрения. Для меня антитезой «романтичности» служит «прозаичность», и он определенно не был таким. Рейган был художником, а не чиновником, он был идеалистом, и да, он был мечтателем, верившим в хэппи-энд и в американскую мечту, такую, как показывают в кино. Я могу это понять. Я люблю кино и старый Голливуд. Когда я была подростком, собирала журналы о кино и вырезала из них фотографии звезд. Если бы моя мать не выбросила все мои журналы, после того как я поступила в колледж, я сегодня могла бы разбогатеть. Если бы у меня была малейшая возможность самой попасть в фильм, я стала бы счастливой, и я не уверена, что смогла бы выжить в самые трудные моменты моей жизни без кино, которое уносило меня прочь от тревог и отчаяния. Поэтому я сочувствую Рейгану и понимаю, почему он предпочитал смотреть в основном старые фильмы, когда был в Белом доме. Я смотрю их все

время. В лучших из них женщины никогда не бывают жертвой, они сильны, элегантны, сообразительны, стойки, независимы и интеллигентны — Бетт Дэвис, Розалинда Рассел, Кэтрин Хёпберн, Джин Артур, Барбара Стэнвик. Мужчины уважают их и рады им. Мне жаль сегодняшних молодых женщин, которых, как кажется, обязательно заставляют появляться в бесконечно повторяющихся сценах обнаженными, тяжело дышащими и вертящимися в постели и, ко всему прочему, участвующими в сценах кровавого насилия и вспышках ярости. Президент любил рассказывать истории о кино его дней. Голливуд, который он знал и любил, продолжает вдохновлять миллионы людей по всему миру и осуществлять их мечты.

Да, он был вежливым и галантным, немного «старомодным» парнем в стиле лидеров Голливуда и его друзей Джимми Стюарта и Спенсера Трейси, этих джентльменов из более вежливой эпохи. Услужливый и галантный, он любил и уважал женщин и, по его словам, он гордился тем, что стал первым президентом, назначившим женщину членом Верховного суда (Сандра Дей О'Коннор, назначена в 1981 году). Он обожал жену и относился к ней как к принцессе. Его мать Нелли, которую он очень любил, была выдающейся женщиной, чрезвычайно воспитанной, наделенной чувством сострадания и принципами, и ее пример и жизнь по заветам христианства вдохновляли его и оставались для него прекрасным образцом на протяжении всей его жизни. Майкл Бешлосс, президентский историк, сказал мне, что в процессе подготовки книги «Президентские решения» ему довелось как-то заглянуть в личные записки президента, где Рейган писал, что «я напоминала ему мать». Если это правда, то это самый большой комплимент, который он мне когда-либо делал.

Он был непоколебим в своей вере, что Америка — светоч для всего остального мира, и не потому, что она богата и сильна как военная держава, но из-за идеалов, которых придерживается. Люди чувствовали его искренность и уважали Рейгана, даже когда не соглашались с ним по каким-то вопросам. Сегодня в наш век беспринципной саркастичности и инсинуаций это выглядит по-детски наивно, словно он вел себя как отличник-скаут, и я верю, что историки еще будут оценивать рейгановские годы как завершение эры Америки — лучшей, не такой циничной эры.

Если в тех горах книг, что написаны о президенте Рейгане, есть что-то общее, то это признание, что кроме его знаменитой приветливости люди часто видели в нем нечто загадочное, ускользающее, малоразличимое. Многих нервировало, что он мало говорил на встречах и в основном молчал. Они считали это досадным. Некоторые принимали такое поведение на собственный счет. Эдмунд Мори, его официальный биограф, был, очевидно, расстроен, когда столкнулся с его молчаливостью, и, в конце концов, решил пофантазировать на эту тему. Другие, даже его ближайшие и самые дорогие ему люди, любимая жена и сын Рон-младший, говорили о некоей «вуали» между ним и другими. (Майкл Дивер поделился со мной, что даже Нэнси не знала, как он принимал свои решения.)

Его четвертый по счету советник по национальной безопасности, адмирал Джон Пойндекстер, однажды сказал мне, как он был удивлен, когда после того как он закончил свой ежедневный доклад президенту, тот очень быстро встал и вышел через дверь Овального кабинета, мгновенно сменив свою внимательную серьезность на доброжелательную приветливость «Великого коммуникатора». И я тоже была удивлена, обнаружив, что он относится к числу самых закрытых и внутренне сосредоточенных людей, каких я когда-либо встречала. Когда во время наших первых встреч я наталкивалась на его молчание, то считала, что это моя неудача. Я знаю, что говорлива, и хотя внутренне ругаю себя за это, ничего не могу с собой поделать⁵. Стыдясь того, что проговорила все время сама, как это было во время пятой встречи в Овальном кабинете, я выпалила: «Господин президент, это не нормальный разговор! Я хочу знать, что вы об этом думаете!» Он засмеялся, и оказалось, что когда мы позднее обедали вместе с госпожой Рейган, он держался и говорил совершенно свободно.

Как писательница, я пришла к выводу, что несоответствие между так называемым «Великим коммуникатором» и чрезвычайно сдержанным и закомплексованным человеком, таящим внутри собственные мысли и всегда прячущим свои карты у себя на груди, является удивительным и драматически контрастирует с тем, как он выглядит на публике. Во время наших встреч в Овальном кабинете в присутствии его советников, за исключением нескольких памятных случаев, я на самом деле мало когда понимала, о чем он думает. Он в основном

слушал, и иногда я не могла понять, какова его реакция на мои слова. Поначалу это и меня нервировало, я всегда чувствовала себя находящейся на его службе и готовой рассказать обо всем, что он захочет услышать. Но мне не хватало какого-то стержня. Мне хотелось, чтобы положение выровнялось, а для этого необходима ситуация взаимного выигрыша — люди не могут терять лица. И только по прошествии времени, когда я увидела, как он использует информацию, предоставляемую мной, я поняла, насколько внимательно он слушал и как перерабатывал информацию, которая была ему в максимальной степени полезна.

Иногда мне казалось, а не является ли его молчание способом, дающим ему возможность поближе рассмотреть говорящего с ним человека и выиграть время, чтобы вынести свое о нем суждение и решить, стоит ли доверять ему свои мысли. Он с осторожностью относился к «интеллектуалам» и «экспертам» и не доверял чиновникам. Его мысли часто совершенно отличались от того, что было обычным пониманием вашингтонского истеблишмента, и он чувствовал, что некоторые из его идей, возможно, нельзя осуществить, но он часто убеждался в том, что обычное понимание ошибочно. Поскольку многие из его советников противостояли некоторым его самым затаенным идеям, вероятно, его знаменитые «непроницаемость» и «скрытность» были порождены тем, что он уже выучил: нельзя открываться и выражать свои самые глубокие мысли и устремления. Рейган проныцательно догадался, что его скрытность дает ему шанс вынести собственные суждения и говорить только то, что в конечном счете служит его целям, но при этом не ограничивает его, пока он не будет готов действовать. Я тоже задавалась вопросом: а не играет ли роль в его знаменитом молчании то, что он сын алкоголика? Доктора говорят, что дети алкоголиков часто скрытны и стараются с осторожностью избегать каких-либо конфронтаций.

Одно его качество производило на меня наибольшее впечатление — его умеренность, а умеренность — это начало мудрости. Как репортер и писательница, я встречала много могущественных людей из разных стран. Рейган отличался от всех. Ему было комфортно наедине с самим собой. Он твердо держал свое эго под контролем, что редко встретишь в мужчине и особенно у того, кто обладает такой

властью. Меня часто поражало, когда я входила в помещение, что мужчины, окружавшие его, были напряжены и буквально излучали амбиции. Но не он. Он был спокоен, и первый его посыл был: «Расслабьтесь». Мне казалось, он спокойно воспринимал тот факт, что он был «великолепным» и не был «интеллектуалом» (что бы это ни означало). Он никогда не пытался быть кем-то иным, кроме как самим собой, и был твердо сосредоточен на тех ценностях, от которых не мог отступить. Он часто поправлял тех, кто называл его «Великий коммуникатор», говоря, что это не о нем, но что есть «великие идеи, по поводу которых стоит общаться». Джордж Шульц писал: «Он был очень уверен в себе. И в этом была одна из его сильных сторон. У него было некое внутреннее пространство — что отличало его от других президентов, у которых внутри был конфликт, и мы наблюдали это до него и после. У него была прочная и непоколебимая система ценностей»⁶.

Возможно, это была умеренность, лежавшая в основе его знаменитого чувства юмора. Я заметила, как хорошо и с пользой он использовал шутки, прекрасно понимая то, что я сама узнала, занимаясь чтением лекций: люди очень часто лучше запоминают то, по поводу чего смеются, чем то, что они услышат в ходе длинных и сухих аналитических рассуждений. Шутки Рейгана, произнесенные во всеулышание, никогда не были ни злыми, ни циничными, и очень часто он шутил над самим собой. Шутки и юмор могут служить защитой, способом сокрытия чего-либо, они могут скрыть собственное беспокойство и тревогу, могут разрядить напряженную ситуацию и помочь людям воспринимать все проще, и я это знаю по собственному опыту. Лучшим примером тому служит случай, произошедший с самим Рейганом, когда после чуть не ставшего для него фатальным покушения он сумел пошутить, чтобы успокоить перепуганную Нэнси, сказав: «Милая, я забыл увернуться!» Когда его везли в операционную, полную озабоченных врачей, он произнес свою знаменитую фразу: «Надеюсь, ребята, что все вы республиканцы!» А после операции, когда дыхательная трубка была в его глотке и он не мог говорить, он сумел нацарапать карандашом шутливое послание: «Если бы в Голливуде мне уделяли столько же внимания, мне бы стоило там остаться». И только после этого он задал тревожившие его личные вопросы: «Смогу ли я колоть дрова? А смогу я ездить верхом?»⁷

О том, насколько было важным для него шутить, нам недавно опять напомнили, когда обнаружили коробку с тысячами шуток, записанных от руки на каталожных карточках. Он любил и собирал анекдоты русских о самих себе, и всегда стремился узнать самые свежие из тех, что я слышала в Советском Союзе. Я читала о том, что его снабжали и непристойными анекдотами, но никогда не слышала от него ни одного — при мне, во всяком случае.

Как я уже отмечала, его часто принижали. И самые распространенные рассказы о нем — что он мало работал. Неправда. Все, кого я знаю, говорили, что он все время работал, часто допоздна. Еще говорят, что он мало читал. И снова вранье. С самого раннего детства он читал, но все подряд и был весьма эклектичен в выборе, сохранив такой подход и когда стал президентом. (Что касается моих книг, то их он читал.) Нэнси говорила, что он читал каждый вечер перед сном.

Он превосходно писал и делал это легко и замечательно. Но ничто в моих глазах не проявляло лучше его таланты, чем великолепная способность к общению. Когда он был губернатором Калифорнии и во время своей первой президентской кампании он сам писал свои речи. Став президентом, он переписывал большие куски речей и тех предложений, которые для него готовили. Он записывал свои наблюдения практически обо всем, что с ним случалось, начиная с восхищения звездной ночью и кончая набросками того, как надо обустроить противоракетную оборону. Он надиктовал 265 писем за время своего президентства, но прекратил диктовку, предпочитая писать от руки. С тех пор и до конца своей жизни он написал еще 10 тысяч писем, используя черные чернила и желтую бумагу из блокнота; рукописные письма ему нравились больше, чем когда их печатали⁸. Добросовестно вел дневник. Многое из него сейчас можно прочесть и увидеть в Библиотеке Рейгана или ознакомиться с ним, листая толстенные опубликованные тома его переписки и дневников. Я берегу те десять писем, что он написал мне сам, и те дневниковые записи, в которых он комментировал или просто упоминал о наших встречах.

Он был хорошим слушателем, задавал говорящему краткие и часто неожиданные вопросы, и это не были вопросы, порожденные многолетними книжными штудиями, они вытекали из его понимания человеческой природы. Его интересовали мотивы людей и их отношение

к тому или иному предмету обсуждения, и всегда казалось, что он точно знает, что ему нужно услышать и впитать в себя самое существенное, самые мелкие детали и при этом сделать это очень быстро, но не теряя видения общей картины. Я никогда не могла предугадать, что для него окажется полезным, и лишь позже, став свидетелем того, как он действовал в конкретной ситуации, я смогла увидеть, что же он на самом деле воспринял. Люди говорили, что он все время дремал, но один наблюдатель заметил: «Он начинал дремать, после того как выслушает все, что вы должны сказать, когда он уверен, что вам уже больше нечего ему сказать»⁹. Я горжусь тем, что он никогда не дремал во время наших встреч, ни единого раза.

По мере того как я все лучше узнавала его, росло мое уважение к нему не только как к президенту, но и просто к человеку. Я поняла, что он больше руководствуется порывами сердца, а не логикой, как говорят французы: «У сердца есть резоны, которые резонам неизвестны». Я не знаю, почему мы так хорошо ладили друг с другом. Просто это было. И было каким-то чудом. Никто лучше, чем Бад Макфарлейн, не описал наши отношения в интервью которое он дал 8 января 1992 года Крису Лидону, написавшему обо мне статью в «Атлантик мансли»:

«Я представил ее Рейгану по двум причинам: во-первых, она обладала глубоким знанием русской истории и культуры, и я полагал, что для Рейгана это будет поучительно, поскольку его знания о других странах и культурах были поверхностными. Во-вторых, потому что знал, что Рейган думает о себе больше как об исторической личности, наделенной убедительной способностью влиять на мышление своего иностранного партнера, и это было совсем иное, чем аналитический геополитический подход; он мыслил в категориях межличностных отношений, и я полагал, что подход Сюзанны поможет ему понять Горбачева как человека. И наконец, она была реалисткой, а не романтиком. Она горячо любила русский народ, но у нее не было никаких иллюзий ни об уроне, который ему нанесла авторитарная марксистско-ленинская политическая система, ни о той демонической истории, которую русские пережили на протяжении XX века.

Итак, у нее были глубокие знания, реализм и способность соотносить все это с более гуманистически окрашенной политикой. Думаю, что это сработало. Во время своих встреч она объясняла Рейгану, в чем состоит

различие между русским народом и советским правительством, — доказывала, что люди не несут ответственности за действия и цели этого правительства.

До того как она появилась, он с пренебрежением относился ко всей этой проблеме — а почему, собственно, нужно беспокоиться обо всех этих комми? Чтобы втянуть его в размышления, нужно было заинтересовать его чисто человеческими сторонами русских. Ведь те, с кем он имеет дело, — человеческие существа. Один из способов мотивировать его состоял в том, чтобы нарисовать перед ним многоцветную людскую картину и убедить его в том, что он кое-что может сделать для людей. Учитывая, какова была его внутренняя химия, это сработало. Ее речь была пикантной, и она могла быть жестокой в своей критике. Рейган начал подвигаться... Она была немного актрисой, и они стали общаться именно таким образом. Их характеры были схожими... Она говорила с ним о людях на одной волне... Должен сказать, что вводить кого-либо в такой гуманистический настрой — дело очень опасное, если человек несет с собой заряд иллюзий. Вы не станете приводить в Овальный кабинет какого-нибудь искусствоведа из-за того, что он романтически настроен. Сюзанна реалистка во всем, что касается коммунизма. И ее рекомендовали Скуп Джексон и Билл Коэн, которых я очень уважаю».

Я думаю, что просто оказалась в нужное время в нужном месте, чтобы передать в его распоряжение все то, что знала и чему научилась, и я оказалась способна передать ему кое-что из способов общения с русскими, что укрепило собственные инстинкты президента и, быть может, в какой-то незначительной степени повысило его готовность использовать эти инстинкты и человеческий подход так, как умел делать только он. Я на самом деле не знаю, каким образом моя информация и мои рассказы сыграли роль в изменении его мышления, но я благодарна за то, что смогла лично передать ему свой душевный настрой и опыт. Эта возможность была огромным даром для меня, и я лишь могу благодарить Бога, поскольку это, как мне сейчас представляется, оказалось полезным не только для президента, но в конечном счете и для народов Соединенных Штатов и Советского Союза.

ГЛАВА 23

ПРЕЗИДЕНТ УХОДИТ

В тот день 5 июня 2004 года я была у себя дома в Мэне. То была длинная неделя. Я болела, с трудом пыталась обработать грудку скучной корреспонденции и запросов, которая наконец-таки иссякла. Тщательно еще раз проверила все мыслимые детали предстоящей дальней поездки в Санкт-Петербург, Лондон, Стамбул и снова в Россию — на Черное море. Мой муж Сеймур Пейперт уже был в самолете на пути из Австралии в лондонский аэропорт Хитроу, где мы с ним как-то должны были встретиться. Я собрала вещи и наконец могла спокойно посидеть и перевести дыхание перед тем, как рано утром тронуться в путь.

Включила телевизор и увидела трансляцию со скачек в Белмонте, где восхитительный жеребец, завоевавший сердца всех поклонников, Смартти Джонс, пытался завоевать Тройную корону*. Огромная толпа была охвачена радостью и восторгом. На него сделали больше маленьких ставок, чем на какую-нибудь другую лошадь в истории. Это был конь, появившийся ниоткуда, и, кажется, он происходил не из модной конюшни мультимиллионера, а принадлежал какому-то скромному простому фермеру в инвалидной коляске. И тренер, и жокей были родом из Филадельфии, где даже монашки молились за Смартти Джонса. Надежды и сердца тысяч простых людей по всей Америке были со Смартти Джонсом, и когда чудо-конь под седлом жокея медленно проходил сквозь толпу, люди пытались дотронуться до него и всячески выражали свою поддержку. Такой энтузиазм захватывал, и как только великолепная лошадь начала свой бег, я вдруг осознала, что, находясь одна в комнате, радуюсь вместе с ними, улыбаюсь, испытываю счастье, надеюсь. К великому разочарованию, он

* Тройная корона скачек на чистокровных верховых (англ. *Triple Crown of Thoroughbred Racing*) — выигрыш трех самых престижных скачек. В США это Кентуккское дерби, скачки Прикнесс (Балтимор, Мэриленд) и Белмонт (Элмонт, Нью-Йорк).

проиграл, хотя и совсем немного, и даже выигравший жокей огорчился из-за него.

Я стала переключать каналы и узнала новости. В 19:30, после десяти лет борьбы с заболеванием, погрузившим его во мрак, умер президент Рейган. Удивительно, как два образа соединились для меня — великолепная лошадь, завоевавшая сердца простого народа, и президент, давший американцам радость, гордость за страну и оптимизм, которого их лишили. Бесконечная череда фото, комментарии. Я слушала и смотрела, погружаясь в туман воспоминаний и испытывая огромное чувство потери и сильное ощущение того, что с его смертью наступает конец эпохи Америки, которую он любил называть «сияющим градом на холме». Я была измучена переживаниями, и вместо того чтобы лечь в постель, сидела и пыталась писать письмо с соболезнованиями Нэнси Рейган, но переполненная эмоциями, не могла найти нужных слов. Я написала письмо, совсем не ожидая быть на похоронах.

В печали я все-таки направилась в Россию и уже три дня как была в Санкт-Петербурге, когда, к моему удивлению, мне позвонили из Госдепартамента. Совет по национальной безопасности связался с ними от имени госпожи Рейган, которая хотела бы видеть меня на церемонии государственных похорон президента. Я была глубоко тронута тем, что она, под бременем горя, вспомнила обо мне.

Но как это сделать? Когда из Вашингтона дозвонились до меня, в России было 4 часа пополудни (и 8 утра по времени США). Похороны состоятся утром я пятницу, меньше чем через два дня. Что делать? Чтобы попасть туда вовремя, мне надо было улететь следующим утром. Муж убеждал меня попытаться, говоря, что если я этого не сделаю, то буду сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. В те дни в России рабочее время заканчивалось в пять часов. Никакой возможности позвонить в авиакомпанию или забронировать билет позднее не было, нельзя было этого сделать и в аэропорту, потому что представители авиакомпаний находились в зоне отлета, и чтобы попасть туда, следовало показать авиабилет.

Но могу сказать, что я благословлена неисчислимым количеством друзей в Санкт-Петербурге. Я позвонила одному из них — частному турагенту, и он каким-то образом сумел уже после окончания

рабочего дня не только забронировать для меня билет, но и доставить его мне в течение часа. После спешного звонка в Соединенные Штаты моя помощница в Мэне смогла связаться с моей старинной подругой Мэрилин в Вашингтоне, пообещавшей забрать меня из аэропорта, и, кроме того, помощница сумела отправить ей курьерской доставкой соответствующую случаю одежду.

В той суетливой обстановке удалось выполнить все необходимые формальности, чтобы получить официальное приглашение на церемонию для меня, а это было непросто, потому что получать его полагалось только лично.

Я покинула Санкт-Петербург ранним утром в четверг, чтобы пересесть на свой самолет в Хельсинки, и тут оказалось, что я лечу одним рейсом с бывшим президентом Финляндии. И в Финляндии, и в Нью-Йорке были задержки с отправлением, но я все-таки попала в Вашингтон в 21:30 в четверг.

В Калифорнии больше ста тысяч человек бесконечной чередой двигались по перекрытым для движения транспорта дорогам, ведущим к Библиотеке Рейгана, где был установлен гроб президента, прежде чем отправить его в Вашингтон, и где они отдали дань уважения ему. В Вашингтоне трехчасовую очередь на жарком летнем солнце выстояли 104 184 человека, прежде чем подойти к гробу, установленному в Ротонде Капитолия. Когда я приехала, то увидела, что, несмотря на поздний час, очередь все еще нескончаема и множество людей спокойно ожидают момента, когда они могут выразить свое уважение — люди всех возрастов, некоторые с раскладными стульями, другие с детскими колясками. Все выглядело так, словно люди потеряли члена собственной семьи; и на самом деле он в каком-то смысле был им, потому что Рональд Рейган любил людей, общался с ними и всегда знал, как сделать, чтобы они чувствовали, словно он обращается к каждому человеку напрямую. Именно так было и со мной.

В день церемонии государственных похорон, 11 июня, огромный Кафедральный собор Вашингтона с его высокими каменными башнями, парящими готическими арками и витражными окнами был заполнен более чем четырьмя тысячами человек. Члены Конгресса, Сената, Верховного суда, политики и мировые лидеры... Маргарет Тэтчер, бывший премьер-министр Великобритании, близкий друг и

союзник Рейгана, сидела рядом с Михаилом Горбачевым, который, отдавая должное своему бывшему врагу, ставшему другом, приехал еще раньше, чтобы лично почтить задрапированный государственным флагом гроб президента в Ротонде Капитолия, и после того направился в Блэр-хаус, чтобы обнять госпожу Рейган.

Повсюду в соборе можно было видеть лидеров со всего мира: принцы, короли, послы (среди них принц Чарльз Английский, король Абдулла из Иордании, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и Лех Валенса, бывший президент Польши). Те недолгие моменты перед началом похорон они использовали, чтобы приветствовать друг друга и пообщаться. Ал Гор, которого я знала многие годы, подошел, чтобы обнять меня и спросить о моем сыне, ожидавшем пересадки печени. Дождаясь начала церемонии, я увидела много знакомых лиц, всех членов звездной рейгановской администрации, в том числе и своих старых друзей, которых не видела с тех пор, как общалась с Рейганом в Вашингтоне. Я думала обо всех тех встречах, которые у меня были с президентом, о том, насколько молодым и энергичным он был тогда, полным жизни, и, да, конечно, о том, насколько мне его не хватало. Я глубоко сожалела, что приехала слишком поздно, чтобы позвонить госпоже Рейган и самой выразить свое соболезнование и передать слова почтения, поблагодарить ее за то, что она была так добра и пригласила меня на это историческое событие.

Я сидела в левой апсиде, в нескольких рядах от почетных гостей, прямо напротив экс-президента Финляндии, с которым вместе летела через Атлантику, и наискосок, в несколько рядов сзади, от премьер-министра Великобритании Тони Блэра и его жены Чери. Когда вошли бывшие американские президенты, то они прошли не через средний неф, но по проходу левого нефа, и мне повезло, что я оказалась на крайнем стуле перед проходом. Поэтому все президенты прошли мимо меня. Они были так близко, что я могла до них дотронуться и внимательно рассмотреть: шедшего твердой поступью Джеральда Форда; постаревшего и неважно выглядевшего Джимми Картера; за ними следовал Билл Клинтон, высокий, массивный, с копной седых волос. Наконец прошел Джордж Буш-старший и следом, чуть прыгающей походкой, — Джордж У. Буш, действующий президент. Когда он проходил мимо Тони Блэра, то фамиллярно похлопал

его по ягодице в эдаком футбольном стиле, и этот жест заставил меня содрогнуться.

Мне хорошо было видно, как задрапированный во флаг гроб внесли вышколенные военные — по одному от каждого рода войск, и по диагонали видно госпожу Рейган, очень худенькую, бледную, фарфорово-хрупкую; ее твердо в своих белых перчатках держал под руку высокий, величавый армейский генерал-майор П. Джекман.

* * *

Несмотря на все свое горе, Нэнси сама распоряжалась церемонией прощания, уделяя пристальное внимание всем деталям. Именно она лично попросила выступить Маргарет Тэтчер, бывшего премьер-министра Великобритании; Брайана Малруни, бывшего премьер-министра Канады, и бывшего президента Джорджа Г.У. Буша. В нескольких рядах за ней сидела госпожа Тэтчер, в большой черной шляпе, почти полностью закрывавшей лицо, и рядом с ней Михаил Горбачев. После недавно перенесенной болезни госпожа Тэтчер чувствовала себя слишком слабой, чтобы говорить самой, она за несколько месяцев до этого записала свою речь на видео, которую спроецировали на большой экран. Учитывая то, с кем рядом она сидела, я была буквально шокирована, когда услышала от нее слова «империя зла», которые употребили и другие выступавшие. Я думаю, Рейган не был бы этим доволен. (Мне было важно узнать от своей подруги Терезы Хейнц, что Буш-старший извинился перед Горбачевым.) Если не считать этой фальшивой ноты, церемония была пышной, незабываемой, достойной и лично для меня очень трогательной.

После церемонии госпожу Рейган, членов семьи и близких друзей отвезли на борту президентского самолета обратно в Калифорнию, где, собственно, и состоялись сами похороны на территории, прилегающей к Мемориальной президентской библиотеке Рейгана в Сими-Вэлли возле Лос-Анджелеса. На похороны пришли многие близкие друзья и знаменитости Голливуда. Все трое его детей проникновенно выступили. Затем преданная Нэнси, которая продолжала держаться прямо и храбро на протяжении всей длинной прощальной церемонии, наконец поддалась своему горю. Положив голову

на гроб, она расплакалась... и затем гроб медленно опустили в землю, когда последние лучи великолепного заката осветили западное небо и сверкающие вдали воды Тихого океана.

* * *

Мне довелось потом снова встретиться с Нэнси Рейган в Калифорнии в Библиотеке Рейгана. Она расположена в самом конце ведущей вверх извилистой дороги, и это замечательное место венчает гору над Сими-Вэлли, с него открывается прекрасный вид на сельскую Калифорнию. Библиотека, построенная в стиле испанской асиенды с темно-красной черепичной крышей, окружена апельсиновыми деревьями и цветущим кустарником. У нее есть просторный внутренний двор с удобными скамьями, а в центре многоструйный фонтан. Все выглядит элегантно и приветливо. Я там была несколько раз, и мне всегда нравилось работать в тихом помещении исследовательского отдела, потом делать перерыв на ланч в солнечном патио, откуда открывался величественный вид на далекий Тихий океан.

Впервые я приехала туда, когда госпожа Рейган пригласила меня прочитать лекцию в аудитории Библиотеки. В последний раз перед тем я видела ее в октябре 2005 года, когда она включила меня в состав участников того, что она назвала «семейным празднованием» (выбирая участников из многих сотен) по случаю новой выставки в огромном дополнительном крыле, пристроенном к зданию Библиотеки. Я тогда подумала, что, быть может, это будет последний раз, когда она покажется на публике, и поэтому я прилетела в Калифорнию из Мэна.

Впечатляющее новое здание было выстроено на самой вершине горы, а вход в него располагался на уровне третьего этажа. Я посмотрела вверх и увидела нечто необычное. Прямо у меня над головой находился сверкающий «Боинг-707» с президентским номером (*Air Force One*), и все выглядело так, словно нам предстояло совершить полет. Рейган был последним президентом, путешествовавшим по всему миру на этом самолете. Его собирались разобрать, но решили выполнить желание президента, чтобы самолет стал частью экспозиции и чтобы показать детям, что значит быть президентом, а также благодаря одному состоятельному техасцу Буну Пикенсу, который

профинансировал этот проект. Самолет разрезали на части, по частям подняли на гору и вновь собрали в новом здании размером с ангар, где и подвесили. Президент Рейган, не любивший полеты, тем не менее налетал на нем 630 тысяч миль.

Сверкающий самолет стал звездой экспозиции, но в нижнем этаже были выставлены и президентский вертолет (*marine One*), и президентский лимузин. Экспозиция на верхнем этаже была посвящена тому, сколько стран посетил Рейган. Стены зала украшали флаги США и СССР, и посетители обязательно проходили через «Чекпойнт Чарли» — пропускной пункт в Берлинской стене на границе американской и советской зон оккупации, чтобы попасть в комнату, где показывали фильмы о встречах двух лидеров. Оттуда по винтовой металлической лестнице, ведущей к потолку, посетители проходили в самолет. Фотограф всегда готов запечатлеть посетителей у двери самолета с приветственно поднятой рукой, как это делал президент. Оказавшись в кабине летчика, я поняла, насколько высок самолет, при этом он был так искусно подвешен, что землю внизу было не разглядеть, вверху виднелись облака, так что создавалось ощущение, будто самолет летит.

Сейчас на смену этому президентскому самолету пришел чудовищных размеров «Боинг-747», а этот 707-й кажется скромным, маленьким и тесным. Узел связи со всем миром размещался в кабине размером с туалет. Все отсеки были узкими. В одном из них на спинку кресла был наброшен полетный пиджак Рейгана. На столе, за которым он работал, лежали его любимые блокноты с желтой бумагой. К моему удивлению, в хвосте самолета было выделено лишь несколько кресел для прессы. (Сегодня для огромного сопровождающего президента пула журналистов снаряжают специальный самолет.) Вся экспозиция великолепна и достойна того, чтобы ради этого посетить Библиотеку Рейгана. Она всем нравится, и больше всего, как и надеялся Рейган, ей рады дети.

Это было замечательное ностальгическое празднование в чисто рейгановском стиле. Подавали его любимые блюда (макароны с сыром, жареное на огне мясо). Была воссоздана обстановка ирландского паба из Типшерери, названного в его честь, и разливное пиво «Гиннес» наливали на каждом углу. Ирландские владельцы бара,

к которым относились как к почетным гостям, заняли стол в центре зала, веселясь и чокаясь. Калифорнийские дети из школьной самостоятельности танцевали ирландскую джигу. Хью Сиди, журналист-ветеран, на протяжении более чем сорока десятилетий освещавший для журнала «Тайм» все, что происходило в Белом доме с американскими президентами, и путешествовавший с ними по всему миру, выступил с речью, высказав мнение, что если бы Рейган сейчас был здесь, то он обязательно рассказал бы анекдот. Он продолжил, процитировав Рейгана, который однажды сказал ему: «Хью, а знаешь ли ты, что ирландцы построили большинство наших тюрем?» — «Нет», — ответил Сиди. Президент весело продолжил: «А затем они сами их и заняли!»

Для Калифорнии это был непривычно прохладный день, и Нэнси для тепла была одета в твидовый костюм. В тот день она совсем не напоминала ту лучезарную принцессу времен президентства, сверкавшую возле своего прекрасного принца. Она только что перенесла болезнь и выглядела очень хрупкой. Нэнси произнесла короткую речь, выразив слова своей благодарности, и в конце трогательно прочитала любимую ирландскую молитву мужа:

*Пусть всегда у вас будут стены, защищающие от ветра,
И крыша, предохраняющая от дождя, и чайник на огне,
Готовый согреть вас и тех, кто любит быть рядом с вами,
И все, чего желает ваше сердце.*

И затем, переполненная чувствами, она разрыдалась. Ее окружила толпа собравшихся, и ее увели прочь, прежде чем я смогла добраться до нее и попрощаться.

В прошедшие с тех пор годы я часто думала о ней, и всегда с надеждой, что ее дети и близкие друзья создадут для нее возможно более комфортную атмосферу, чтобы она могла пережить такие болезненные для нее годы, наступившие после безмятежных лет в Белом доме. И я хочу закончить словами, которые часто использовал сам Рональд Рейган: сердечное спасибо тебе, Нэнси, за все, что ты сделала для него, для нашей страны — и, что было так любезно, для меня тоже.

ЭПИЛОГ

Возможно, мы все свидетели на великом процессе, чей результат неизвестен, но чьи черты мы можем наблюдать, так же как сквозь облака мы иногда видим силуэты ангелов.

Олег Охапкин, русский поэт

В отношении действий президента Рейгана и аспектов его внутренней политики могут существовать и существуют противоречивые мнения. Ирония заключается в том, что члены обеих политических партий стараются ухватиться за фалды его скюртука. Возможно, потому, что политика для него была, кроме всего прочего, еще и вопросом морали, а не только реализацией стремления к власти и его вера коренилась в глубоких идеалистических представлениях о роли Америки, — и печально, что это куда-то ушло из жизни нашей страны, все более управляемой чьими-то узкими интересами и деньгами.

В своей внешней политике он был революционером и часто вопреки своим советникам шел своим собственным путем, двигаясь в направлении глубоко затаенной мечты об уничтожении всего атомного оружия.

Его великим достижением стало то, что он, нередко преодолевая свирепое сопротивление со стороны собственных советников, смог впервые, с тех пор как коммунисты взяли верх в России, установить отношения — нет, не согласия, но доверия — с советским лидером. Он добился этого тогда, когда другие хотели лишь сохранять более «реалистичное» статус-кво, и открыто выступил против позиции истеблишмента, состоявшей в том, что наилучшее, что мы можем делать, так это сдерживать Советский Союз и привыкать к нему, потому что он никогда не изменится. А он верил, что изменится, и я верила тоже. По его часам опасные годы холодной войны закончились без единого выстрела. Конечно, он не один сделал это; Горбачев и русские тоже заслуживают большой благодарности, но я и сегодня уверена в том, что этого не произошло бы, не будь Рональда Рейгана. Он управлял этим трудным переходом, приведшим к новым и менее демонизированным отношениям между нашими двумя странами. Еще долго, после того как все забудут о рейганомике

и скандале «Ирангейт», именно это останется наиболее важным и сохраняющим актуальность наследием, которое переживет все остальное.

На его похоронах многие из его друзей произнесли волнующие слова. Бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер сказала о нем: «Ничто не было более свойственно Рональду Рейгану, чем его щедрое великодушие, и ничто другое в нем не могло быть более американским. Уверенный в своем предназначении и направляемый всегда верно указывающим ему путь моральным компасом, он видел множество сторон истины». Бывший премьер-министр Канады Брайан Малруни заключил, что «Рональд Рейган не пришел в историю временно», и добавил, что было чисто по-рейгановски презирать использование «моральной равнозначимости лишь по случаю и отдавая дань моде, когда речь заходила о Западе и Востоке, и рисовать свое видение будущего лишь в новых ярких красках». Проникновенную проповедь произнес бывший сенатор от Миссури преподобный Джон Дэнфорт. Но одна фраза закрепилась в моей памяти, больше, чем другие — это были слова тогдашнего вице-президента Джорджа Буша, который сказал о нем так: «Он никогда не превращал противника во врага».

Достойным подтверждением этого факта стало событие, произошедшее много лет спустя после его смерти на конференции в Англии в 2011 году, где один британский участник заявил, что всегда считал Рейгана «не более чем интеллектуальным легковесом». Горбачев, присутствовавший на конференции, возразил: «Вы не правы. Президент Рейган был человеком, которому свойственно подлинное понимание, ясные политические суждения и смелость»¹.

В библиотеке Рейгана воссоздан Овальный кабинет, где воспроизводится его знакомый голос, что дает волнующее ощущение того, каким был его последний день в этом кабинете, его последнее послание, которое он написал, перед тем как погрузиться в темноту жестокой болезни Альцгеймера, укравшей его память. Он говорит о своих чувствах к Овальному кабинету, о том, что он ощущает здесь присутствие прежних президентов, — и заканчивает описанием последней беседы со своим советником по национальной безопасности Колином Пауэллом, который так закончил доклад: «Господин президент, в мире сегодня спокойно». Какой еще президент слышал такие слова с тех пор, как нас покинул президент Рейган?

Да, он всегда был оптимистом. Временами какие-то мелкие люди могли дразнить его и называть «нереалистичным», но я говорю им: «Аминь». Сегодня в нашей политической жизни слишком мало таких людей, в этот наш кибернетический век машин, цинизма, алчности и вульгарности. Рейган был человеком, способным играть многие роли, но он был человеком, который в глубине своего сердца оставался верен своим самым дорогим мечтам и убеждениям, даже тогда, когда все остальные им изменяли, и человеком, который многие из них воплотил в жизнь. Мы можем обнаружить кое-какие ключи к разгадке его сложной и временами загадочной личности, но он все равно оставлял многие секреты неозвученными, что было свойственно всем великим мечтателям.

В глубине своего сердца я знаю, что человек добр, что воля к добру в конечном счете обязательно победит и [что] для каждого человека и каждой жизни есть свое предназначение².

Так заканчивается история удивительных четырех лет в моей жизни. В те дни я жила и работала в Мэне, на берегу вечно меняющегося Атлантического океана, в своем бревенчатом доме в лесу. Я продолжала писать о России и ездить туда, когда удавалось. Официальный Вашингтон теперь от меня находится за тридевять земель и недоступен. Когда я размышляю о тех незабываемых четырех годах, они для меня остаются доказательством, что даже совершенно невозможные вещи становятся возможными и что жизнь преподносит всем нам удивительные сюрпризы. И мы все этому свидетели. Как когда-то сказал мне отец, каждый из нас может что-то изменить в мире. Верьте в свои убеждения и в свои мечты. И если вы сильно стремитесь к ним, будьте упрямы. Если речь идет о человеческих отношениях, то нет ничего невозможного.

И всегда помните, что любой человек в мире находится лишь в двух знакомствах от вас.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Некоторые книги и статьи Рональда Рейгана

Reagan, Ronald. An American Life. Ed. by Kiron Skinner, Annelise Anderson & Martin Anderson. New York: Simon & Schuster, 1990.

Reagan: In His Own Hand. Ed. by Douglas Brinkley. New York: The Free Press, 2001.

The Reagan Diaries. New York: Harper Collins, 2007.

Reagan: A Life in Letters. Ed. by Kiron Skinner, Annelise Anderson and Martin

Anderson. New York: The Free Press, 2003.

Использованные источники

Anderson, Martin. *Revolution: The Reagan Legacy.* Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1990.

Beschloss, Michael. *Presidential Courage: Brave Leaders & How They Changed America, 1789 – 1989.* New York: Simon & Schuster, 2007.

Bourdeaux, Michael. *Faith on Trial in Russia.* London: Hodder & Stoughton, 1971.

Risen Indeed: Lessons in Faith from the USSR. Crestwood, New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1983.

Cannon, Lou. *President Reagan: The Role of a Lifetime.* New York: Touchstone, 1991.

Chernyaev, Anatoly. *My Six Years with Gorbachev.* Translated by Robert English & Elizabeth Tucker. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2000. [Черняев А.С. *Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям.* М.: Прогресс-Культура, 1993].

Deaver, Michael K. *A Different Drummer: My Thirty Years with Ronald Reagan.* New York: Harper Collins, 2001.

Behind the Scenes. New York: William Morrow & Co., 1987.

Dobrynin, Anatoly. *In Confidence: Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents (1962 – 1986).* New York: Times Books, 1995. [Добрынин А.Ф. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986 гг.).* М.: Издательство «Автор», 1996].

- Gorbachev, Mikhail S., Connor Jim. *Gorbachev: Mandate for Peace*. Toronto: Paper Jacks Ltd., 1987.
- — — *Memoirs*. New York: Doubleday, 1996. [Горбачев М.С. *Жизнь и реформы*. В 2-х кн. М.: Новости, 1995].
- Hersh, Seymour M. *The Target is Destroyed*. New York: Vintage Books, 1987.
- Hoffman, David E. *The Dead Hand*. New York: Doubleday, 2009.
- Kengor, Paul. *God and Ronald Reagan: A Spiritual Life*. New York: Regan Books, 2004.
- Korchilov, Igor. *Translating History*. New York: A Lisa Drew Book/Scribners, 1997.
- Mann, James. *The Rebellion of Ronald Reagan: A History of the End of the Cold War*. New York: Viking, 2009.
- Matlock, Jack F., Jr. *Reagan & Gorbachev: How the Cold War Ended*. New York: Random House, 2004. [Мэтлок. Дж. Рейган и Горбачев. Как окончилась «холодная война»... и все выиграли. М.: Р. Валент, 2005]
- Rogers, Will. *There's Not a Bathing Suit in Russia and Other Bare Facts*. New York: Albert & Charles Boni, 1927.
- Shultz, George. *Turmoil & Triumph: My Years as Secretary of State*. New York: Scribners, 1993.
- Solzhenitsyn, Aleksandr. *Rebuilding Russia: Reflections and Tentative Proposals*. Translated by Alexis Klimoff. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1991. [Солженицын А.И. *Как нам обустроить Россию*. В кн.: Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль: Верхняя Волга, 1995. С. 538—598].
- — — *The Moral Danger: How Misconceptions About Russia Imperils America*. Translated by Michael Nicholson & Alexis Klimoff. New York: Harpers, 1980. Солженицын А.И. *Чем грозит Америке плохое понимание России*. В кн.: Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Т.1. Ярославль: Верхняя Волга, 1995. С. 336—381].
- Strober, Deborah Hart and Gerald S. Strober. *Reagan: The Man & His Presidency: The Oral History of an Era*. New York: Houghton Mifflin Co., 1998.

Статьи

- “Arthur Hartman Planning to Quit as Envoy to Moscow in Early '87.” *The New York Times* (December 19, 1986).
- “A Russian Expert Who Has the President's Ear”. *The New York Times* (September 26, 1985).

- Bailey, Norman A. "The Strategic Plan that Won the Cold War". National Security Decision Directive No. 75. McLean, VA: Potomac Foundation, 1999.
- Barnes, Fred. "Chums." *The New Republic* (July 14, 1988): 10–12.
- Belyakov, Vladimir V., ed. "Summit Washington D.C." *Soviet Life: Special Supplement for Subscribers* (December 7–10, 1987).
- Editorial. "Our 'Man' in Moscow Should be Mrs. Massie." *New York City Tribune* (December 30, 1986).
- Friedman, Saul. "Leaders Come Out on Top." *Newsday* (December 13, 1987).
- Gailey, Phil. "President's 'Tutor' on U.S.S.R. Chats about Ordinary Russians." *St. Petersburg Times* (December 18, 1987).
- Kandel, Bethany. "Ron's Secret Advisor." *New York Daily News* (October 8, 1984).
- Kaplan, Fred & Alex Beam. "Reagan Prods USSR on Rights." *The Boston Globe* (May 28, 1988).
- Lydon, Christopher. "Agent of Influence." *The Atlantic* 271:2 (February 1993): 28–30, 39-40.
- Santini, Maureen. "Nancy, Raisa — They'll Mien [sic] Well." *New York Daily News* (May 29, 1988).
- Seaman, Barrett. "Has Reagan Gone Soft?" *TIME* (October 13, 1986): 38.
- Watson, Russell, Robert B. Cullen and Thomas M. DeFrank. "Reagan in Moscow." *Newsweek* (June 6, 1988):16–19.
- Whittemore, Thomas. "Rebirth of Religion in Russia." *National Geographic Magazine* (November, 1928).
- Wilson, Page Huidekoper. "The Summit's Godmother." *The Washington Post* (May 22, 1988).

Электронные ресурсы:

- "Alexander Yakovlev and the Roots of the Soviet Reforms." National Security Archive Electronic Briefing Book No. 168. <http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB168/index.htm>
- Blanton, Thomas and Svetlana Savranskaya, eds. "The Moscow Summit 20 Years Later." National Security Archive Electronic Briefing Book No. 251. <http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB251/index.htm>

Beckhusen, Robert. "New Documents Reveal How a 1980 Nuclear War Scare Became a Full-blown Crisis." *Wired.com*. May 16, 2013, <http://www.wired.com/danger-room/2013/05/able-archer-scare/>.

Birch, Douglas. "The USSR and US Came Closer to Nuclear War Than We Thought." *The Atlantic*. May 2013, <http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/05/the-ussr-and-us-came-closer-to-nuclear-war-than-we-thought/276290/>.

Cobb, Tyrus W. "Reagan & the Strategic Defense Initiative: Key to the End of the Cold War?" *National Security Forum*. March 21, 2013, <http://nationalsecurityforum.org/wpcontent/uploads/2013/03/Reagan-and-SDI-Final-version.pdf>

"To the Geneva Summit: Perestroika and the Transformation of U.S.-Soviet Relations." *National Security Archive Electronic Briefing Book No. 172*. <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB172/index.htm>

Дополнительное чтение

Aldous, Richard. *Reagan and Thatcher: The Difficult Relationship*. New York: W.W. Norton, 2012.

Andrew, Christopher & Oleg Gordievsky. *KGB: The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev*. London: Hodder & Stoughton, 1990. [Гордиевский О. Эндрю К. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: Nota Bene, 1992.

Arbatov, Georgi. *The System: An Insider's Life in Soviet Politics*. New York: Random House, 1992. [Арбатов Г.А. Свидетельство современника. М., 1991].

Berezhkov, Valentin. *History in the Making: Memoirs of World War II Diplomacy*. Moscow: Progress Publishers, 1982. [Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1982].

Cohen, Stephen F. *Failed Crusade: America & the Tragedy of Post-Communist Russia*. New York: Norton, 2000. [Коэн С. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001].

Deaver, Michael K. *Nancy: A Portrait of My Years with Nancy Reagan*. New York: Harper Collins, 2004.

Fitzgerald, Frances. *Way Out There in the Blue: Reagan, Star Wars and the End of the Cold War*. Simon & Schuster, 2000.

Hayward, Steven F. *The Age of Reagan: The Conservative Counterrevolution 1980 – 1989*. New York: Crown Forum, 2009.

- Kalugin, Oleg with Fen Montaigne. *The First Directorate*. New York: St. Martin's Press, 1994.
- Matlock, Jack F. Jr. *Autopsy of an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union*. New York: Random House, 1995. [Мэтлок Дж. *Смерть Империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза*. М.: ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2003].
- Medvedev, Zhores A. *Andropov*. New York: W.W. Norton, 1983.
- Oberdorfer, Don. *The Turn: From the Cold War to a New Era: The United States and the Soviet Union 1983 – 1990*. New York: Poseidon Press, 1991.
- Roosevelt, Selwa. *Keeper of the Gate*. New York: Simon & Schuster, 1990.
- Swan, Jack. *A Biography of Patriarch Tikhon*. Jordanville, New York: Holy Trinity Russian Orthodox Monastery, 1964.
- Ulam, Adam B. *The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia*. New York: Collier, 1968 [Улам А. *Большевики. Причины и последствия переворота 1917 года*. М.: Центрополиграф, 2004].

ПРИМЕЧАНИЯ

Описание моих встреч и бесед с президентом и госпожой Рейган основаны на письменных записях в моих блокнотах и надиктованных магнитофонных записях, сделанных непосредственно после встреч.

Пролог

1. *Гемофилия* — заболевание, являющееся результатом потенциально фатального дефекта процесса свертываемости крови, вызывающее длительные и болезненные кровотечения и разрушение суставов, а также кровотечение во внутренних органах, почках, печени и головном мозге. Является следствием дефекта X-хромосомы, определяющей половую принадлежность. Заболевание ошибочно называют «болезнью королей», потому что таким заболеванием с рождения страдал третий сын английской королевы Виктории принц Леопольд. Ее дочери передали это заболевание многим королевским семьям в Европе, наибольшую известность получили заболевания в императорской семье в России. Заболевание встречается во всем мире и у представителей всех рас. В 30—40 процентах случаев оно вызвано мутацией, причина которой до сих пор не выяснена. Поскольку у меня был 21 двоюродный брат и все мои сестры родили здоровых детей, было решено, что носителем мутации являюсь я. Как только гемофилия возникает, она передается матерью и лишь, за редчайшим исключением, через детей мужского пола. Случаи заболевания девочек неизвестны, но они являются носителями. В семьях, где рождаются преимущественно девочки, болезнь может сохраняться на многие поколения.

Глава 1

1. Константин произносил старое название Ленинграда так, как его писали и произносили во времена Петра Великого: «Санкт-Питербурх». Когда я сказала своей давней, ныне покойной подруге Евгении Лехович (урожденной княжне Урусовой), возглавлявшей административную часть балетной школы Джорджа Баланчина в Нью-Йорке, что еду в Ленинград, она сразу ответила: «Я знаю, там есть поэты. Но не знаю, кто они». Ее вопрос так и звучал в моей голове, когда я приехала в Ленинград.

Глава 2

1. Когда наш издатель решил, что книгу «Николай и Александра» должен прочитать какой-нибудь профессор-специалист на предмет точности изложения, то в Соединенных Штатах не нашлось ни одного такого специалиста. Единственный сведущий человек, которого они сумели найти, в то время работал на железной дороге.
2. Бывший советский диссидент Натан Щаранский в 2004 году в своей книге «Защита демократии» (*The Case for Democracy*, p. 3) писал: «Киссинджер видел в поправке Джексона попытку подрывать планы тихого дележа геополитического пирога между сверхдержавами». Джексон полагал, что Советам надо противостоять, а не умиротворять их. Другим громогласным противником разрядки стал Андрей Сахаров. С его точки зрения, это было вопросом международной безопасности. Он это сформулировал емко: «Страна, не уважающая права собственных граждан, не будет уважать права своих соседей». Солженицын назвал это «шарадой».
3. Старший сотрудник Совета по национальной безопасности в 1969—1974 годах, затем советник Госдепартамента, известный своей философской приверженностью Генри Киссинджеру и имевший на того влияние, архитектор внешней политики в администрациях Никсона и Форда.
4. Бывший особняк Джорджа Пульмана по адресу 1125, 16-я улица в Вашингтоне. Построенный в 1910 году, в 1913-м он был передан посольству России, затем Советского Союза, где оно и находилось до 1994 года, когда Советы построили большое современное здание своей миссии на Висконсин-авеню. Особняк Пульмана остается резиденцией посла России.
5. Цитата, приводимая историком Дугласом Бринкли (Douglas Brinkley) в журнале *American Spectator*, August, 2010.
6. Мне предстояло встретиться с ней в Москве в 1986 году.
7. Это было поспешное суждение. С 1975 года в США поселилось более 500 тысяч человек, многие из которых были евреями, баптистами и католиками из бывшего Советского Союза. Около миллиона человек переселилось в то время в Израиль. Поправка Джексона—Вэника привела к огромным переменам в Советском Союзе. Вслед за евреями права на эмиграцию стали добиваться и другие этнические группы, и Советам пришлось лицом к лицу встретиться с фактом широко растущего разочарования их правлением.
8. После того как мой бывший муж Роберт Масси почти одновременно со мной опубликовал книгу «Петр Великий» (Robert Massie 'Peter the Great'. Русское издание: Масси, Роберт К. *Петр Великий: Личность и эпоха*: [В 2 т.] / Пер. с англ. СПб.: Вита Нова, 2003. — Примеч. ред.), на него обрушился с нападками тот же рецензент в «Таймс», причем его рецензия вышла

в свет на следующий день после рецензии на мою книгу. Рецензент назвал книгу Боба «скучной». В 1981 году Боб получил за нее Пулитцеровскую премию.

9. Солженицын выразил мне свою благодарность за книгу, написав, как он предполагал, «что я встречу с сопротивлением в своей работе и само прохождение работы не будет легким делом», но что он надеется, что все это не поколеблет моего «благородного стремления к просвещению моих соотечественников и ознакомлению их с правдой о древней России». Когда «Земля Жар-птицы» вышла в свет, он прислал мне телеграмму прямо на устроенный издателем прием — и это было для него первым случаем, когда он написал отзыв на какую-либо книгу в США. Но этот отзыв не заслужил упоминания в американской прессе, и когда через год было предпринято издание книги в мягкой обложке, цитату из отзыва вынесли на заднюю сторонку переплета, при этом редакторы из издательства Simon & Shuster разместили отзыв нобелевского лауреата ниже, чем отзыв журналиста Хедрика Смита.
10. «Земля Жар-птицы» была опубликована в России только в 2000 году.
11. Когда Уильям Одом стал советником президента Картера по военным вопросам, он вместе с женой перебрался в Вашингтон. Я рекомендовала Энн Одом Хиллвудскому музею, где она потом стала доцентом, а позднее и главным хранителем самого музея.
12. Павел Литвинов (р. 1940) — врач, писатель, правозащитник и диссидент советской эпохи. Внук Максима Литвинова, министра иностранных дел при Сталине. По рождению принадлежавший к советской элите, он стал критиком системы и в 1968 году принял участие в демонстрации на Красной площади против вторжения советских войск в Чехословакию, за что и был сослан в Сибирь на пять лет. После ссылки смог эмигрировать из СССР и сейчас живет в США. Генерал-майор Петр Григоренко (1907—1987) был одним из самых громких голосов и героев диссидентского движения в СССР, другом и защитником крымских татар, одним из основателей Хельсинкской группы в Москве. В 1962—1974 годах был принудительно помещен в психиатрическую клинику, но в конце концов под международным давлением освобожден и вернулся к правозащитной работе. Умер в эмиграции в США, после того как был выслан из СССР, где его лишили всех военных наград.
13. Подполковник Тайрус Кобб (Tyurus Cobb) служил в Европейском и советском директорате СНБ в 1983—1988 годах.
14. SCUSA — Student Conference on Military Affairs. Это самая большая студенческая конференция такого рода в мире, ежегодно проходящая в Военной академии США. Делегаты из колледжей со всех штатов проводят четыре дня в обсуждении с офицерами, профессорами и специалистами

из Госдепартамента актуальных тем, имеющих отношение к внешней политике.

15. *Эдвин Миз* (Edwin Meese), генеральный прокурор в составе администрации Рейгана (1985 – 1988).
16. Военные колледжи (War Colleges) предназначены для подготовки и повышения квалификации высшего офицерского состава США. Всего существует пять таких колледжей: Армейский военный колледж (Army War College), в Карлайле, Пенсильвания; Военно-морской колледж (Naval War College) в Ньюпорте, Род-Айленд; Военно-воздушный колледж (Air Force War College) в Монтгомери, Алабама, и два Национальных военных колледжа (National War Colleges) в Вашингтоне, округ Колумбия. Я выступала в Армейском, Военно-морском и Военно-воздушном колледжах.
17. *Генерал Эндрю Джексон Гудпастер* (Andrew Jackson Goodpaster, 1915 – 2005). Знаменитый герой Америки, квинтэссенция солдата-ученого. Награжден тринадцатью медалями за доблесть и службу, включая Президентскую медаль Свободы. Уйдя в отставку в 1974 году, вернулся на службу в 1977-м. При этом ему временно сняли одну звезду на генеральских погонах, чтобы назначить его суперинтендантом (начальником) Военной академии США, поставив задачу ликвидировать последствия известного скандала с мошенничеством в академии, случившегося перед этим. Четвертую звезду вернули ему после окончательной отставки.
18. Великий математик и ученый-компьютерщик Сеймур Пейперт (Seymour Papert) из МИТ говорил мне, что военные принимали участие в становлении компьютерной эпохи на самых ранних ее стадиях.
19. АЙРЕКС, Американский совет по международным исследованиям и обмену (IREX: International Research and Exchanges), является ведущей некоммерческой организацией в Соединенных Штатах Америки.
20. ИМЭМО (Институт международной экономики и международных отношений РАН), один из ведущих мировых исследовательских институтов. Центр фундаментальных и прикладных социально-экономических, политических и стратегических исследований, имеющий высокую научную репутацию. (В настоящее время: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», ИМЭМО РАН. – *Примеч. ред.*)
21. ИСКРАН (Институт США и Канады РАН). Российский мозговой центр, специализирующийся на всеобщих исследованиях Соединенных Штатов и Канады. Основной советский и позднее российский центр исследования внешней и внутренней политики США и Канады. Основан Георгием Арбатовым в 1967 году, возглавлявшим его до 1995 года.

Глава 3

1. George Shultz. *Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State*. New York: Scribners, 1993, p. 5.
2. Г. Арбатов, А. Яковлев, Е. Примаков.

Глава 4

1. США в настоящее время обладают подводными лодками, несущими баллистические ракеты «Трайдент». Каждая субмарина несет на себе ядерные заряды, в тысячу раз превышающие разрушительную мощность бомбы, которая разрушила Хиросиму; 18 субмарин несут на себе 50 процентов всех стратегических боеголовок США. По меньшей мере пять из них, с сотнями боеголовок на борту, находятся на постоянном дежурстве в Мировом океане.
2. Тимоти Уирт (Timothy Wirth), конгрессмен от штата Колорадо (1975–1987), сенатор от Колорадо (1987–1993), президент Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) (1998–2013).
3. Сенатор Джон Хейнц погиб в авиакатастрофе в 1991 году. Его вдова Тереза Хейнц позднее вышла замуж за Джона Керри (John Kerry), бывшего сенатора от штата Массачусетс, госсекретаря при президенте Обаме.
4. В старину испанских принцесс часто сопровождали карлики, что должно было подчеркивать красоту девушек.
5. Рик думал об отце Бада, Уильяме, конгрессмене от штата Техас (1933–1939).

Глава 5

1. Совет по национальной безопасности, старший директор по советским и европейским делам (1983–1987).
2. Бэк-чэннел (Back channel): неофициальный и частный канал связи между политическими субъектами.
3. Так называемые «Часы Судного дня» (“Doomsday Clock”) являются изобретением редакторов «Бюллетеня ученых-атомщиков» (The Bulletin of the Atomic Scientists), которые таким образом после окончания Второй мировой войны стали драматизировать свою оценку глобальной ядерной угрозы. С 1947 года «Бюллетень» периодически передвигает стрелку часов ближе или дальше от полуночи, в зависимости от того, насколько близко цивилизация находится к ядерному Судному дню.
4. Женщины не участвовали напрямую в формировании политики в отношении Советского Союза до 1985 года, когда Розанна Риджуэй, прослужившая в Госдепартаменте 29 лет, была назначена помощником госсекретаря по европейским и канадским делам и, таким образом, стала самой высокопоставленной сотрудницей Госдепартамента. Будучи специали-

стом по советской политике в области контроля над вооружениями, она являлась главным переговорщиком на всех саммитах Рейгана и Горбачева.

5. Майкл Дивер так описал эту первую встречу с Рейганом: «Я никогда не забуду, как ЦРУ, Госдепартамент, администрация Совета по национальной безопасности готовили для него эти встречи. После первых пятнадцати минут его глаза начинали стекленеть, и временами он начинал дремать. И вот Бад Макфарлейн привел познакомиться с ним Сюзанну Масси... На первой встрече с Сюзанной Масси я присутствовал. Она ничего не говорила о боеголовках и военной мощи Советского Союза. Она говорила о людях и о духовности, и вот в нем на нее словно радар настроился — и у него было много встреч с ней. Она была одной из тех, кто действительно подготовил Рейгана к этим саммитам, а не эксперты из Госдепартамента и ЦРУ. Это было именно то, чего он хотел. Он хотел узнать, из чего все эти люди были сделаны» (Miller Center Oral History Interview, March 21, 2013).

Глава 6

1. *Артур Хартман* (Arthur Hartman) — посол США в 1982—1987 годах.
2. Наше посольство в Москве в настоящее время насчитывает около 1200 человек, и многие из них живут в закрытом квартале в центре, где есть американские супермаркеты и магазины, спортивные сооружения и даже кинотеатр. Персонал посольства однажды устроил шуточный конкурс по определению того, кто реже всех покидал территорию миссии (Автор приводит сведения по состоянию на 2014 год. — *Примеч. ред.*).
3. Степень популярности Глазунова стала ясна в 1985 году во время большой выставки в Московском манеже, в имперские времена служившем залом для выезда конной гвардии. Это огромное здание рядом с Кремлем в центре Москвы посетили три миллиона человек, и многим пришлось часами стоять в очереди, чтобы войти. Американское посольство на эту выставку никак не отреагировало, посчитав событие «малозначимым».
4. Она трагически покончила с собой годом позже. (Жена Ильи Глазунова Нина Александровна Виноградова-Бенуа ушла из жизни 24 мая 1986 г. — *Примеч. ред.*).
5. Позднее я встречалась с Бессмертных в Вашингтоне, куда он приезжал вместе с генералом Червовым в составе советской делегации для встреч в Конгрессе в 1984 году. Потом мы подружились.
6. Что и подтвердилось после крушения Советского Союза.
7. *Ричард Барт* (Richard Burt). Работал в Госдепартаменте в 1983 году. Помощник госсекретаря по европейским и канадским делам и с 1985 года — посол

- в Германии. *Ричард Перл* (Richard Perle) — помощник госсекретаря при Рейгане, в Вашингтоне его называли «черным принцем». Оба «ястребы».
8. Ярким примером был такой случай. В ООН в шестидесятые годы один высокопоставленный советский дипломат, которого я там встретила, яростно доказывал, что президента Кеннеди контролирует Рокфеллер и что это всем известно, и ничто не могло его разуверить.
 9. Одним из них стал показ фильма «Ниночка» с Гретой Гарбо в главной роли, в котором высмеивалась советская система, что было воспринято как намеренное оскорбление.
 10. В это время (1982 — 1984) *Лоренс Иглбергер* (Lawrence Eagleburger) был заместителем госсекретаря.

Глава 7

1. Идея с rodeo была с огромным энтузиазмом воспринята несколькими сенаторами с Запада. Когда я рассказала о ней в Советском Союзе, то и там была такая же реакция. По всей стране существовали конные клубы, с которыми быстро связались, как и с советской олимпийской чемпионкой (Елена Петушкова, олимпийская чемпионка Мюнхенской олимпиады по командной выездке, 1972. — *Примеч. ред.*), мгновенно обещавшей свою поддержку. Идея потихоньку завоевывала сторонников и, казалось, может осуществиться, пока я не поговорила об этом с Джеком Мэтлоком, ставшим нашим послом в 1987 году. Он прохладно отнесся к затее: «Кто-нибудь может упасть с лошади». Несмотря на то что неизбежный риск действительно существовал, я до сих пор считаю, что это была хорошая идея.

Глава 8

1. Will Rogers. *There's Not a Bathing Suit in in Russia and Other Bare Facts*. New York: Albert & Charles Boni, 1927, p. 155.
2. В Центре русских исследований в Гарварде, где я 12 лет работала научным сотрудником, дискуссии по вопросам религии обескураживали. Адмирал Инман подтвердил, что я была первым и на самом деле единственным аналитиком или экспертом по России, который поднял эту тему в бытность его заместителем директора ЦРУ.
3. Из письма Рональда Рейгана Джону О. Кёлеру от 9 сентября 1981 года: «У меня такое чувство, особенно в свете визита папы в Польшу, что религия вполне может оказаться ахиллесовой пятой Советов».
4. Весьма почитаемый, смелый и не боявшийся высказывать свое мнение человек, Тихон в течение девяти лет служил епископом Северо-Американского диоцеза и Аляски и оставил добрые воспоминания в нашей стране, которая произвела на него сильное впечатление. Он решительно

выступал против большевиков и открыто осуждал убийство царской семьи. В 1923 году он был обвинен в контрреволюционной деятельности и заключен в Донском монастыре. В 1924-м он заболел (молва обвиняла большевиков в том, что его отравили) и был госпитализирован, а затем умер в следующем, 1925 году. С момента смерти его считали мучеником, и в 1981 году он был канонизирован Синодом епископов Русской зарубежной церкви, а в период гласности, в 1989 году, и Московским Патриархатом.

5. Колокольный звон в церквях был запрещен, и помню изумление, испытанное мной, когда в начале восьмидесятых годов я впервые услышала в Москве, как звонят колокола.
6. Существует горький фильм о его разрушении. Собор должен был заменить самый высокий небоскреб в мире, увенчанный гигантской статуей Ленина. Это здание так и не было построено, и собор в конечном итоге заменил плавательный бассейн.
7. См.: National Geographic Magazine, November, 1918.
8. Один русский как-то сказал мне: «Ни один солдат на поле боя не станет умирать с криком “За атеизм!”»
9. Евгению Гинзбург, мать Аксенова, арестовали в 1937 году и осудили на десять лет лагерей и пять лет ссылки. Она завершила свою пронзительную книгу «Крутой маршрут» о годах, проведенных в лагере, в 1967 году. В Советском Союзе опубликовать ее было невозможно, поэтому рукопись тайно вывезли из страны и издали на Западе.
10. Возможно, это была просто лазейка. Православный епископ Антиохии получил в свое распоряжение церковь в Москве по специальному соглашению, потому что православная церковь в Антиохии была разрушена землетрясением в X веке, а епископская кафедра перенесена в Дамаск. Эта церковь в Москве не имела всех тех ограничений, которые налагались на русские церкви, поэтому в ней процветал бизнес по проведению крещений и венчаний.
11. Это замечание, кажется, особенно тронуло президента Рейгана, вероятно, подумавшего о своей матери, женщине глубоко религиозной.
12. Русское определение искусства: «Искусство предназначено для того, чтобы возвышать человечество и служить Богу». Советская власть заменила в этом определении только одно ключевое слово «Бог» на «государство».
13. Рейган ни разу публично не разъяснил, что он понимает под словом «миссия».
14. См.: *Reagan: The Man & His Presidency: The Oral History of an Era*, by Deborah Hart Strober and Gerald S. Strober (New York: Houghton Mifflin, 1998, p. 55).
15. Интервью взято автором у Роберта Макфарлейна в 1998 году.

16. Нэнси Рейган дважды встречалась с папой Иоанном Павлом II.
17. Горбачев М.С. *Жизнь и реформы*: В 2 кн. Кн. 1. М.: Издательство «Новости», 1995. С. 494.
18. Mikhail Gorbachev. *On My Country and the World*. New York: Columbia University Press, 2000. Pp. 20–21.

Глава 9

1. Arkady Shevchenko. *Breaking With Moscow*. New York: Alfred A. Knopf, 1985. Воспоминания советского дипломата и высокопоставленного советского госслужащего, сбежавшего на Запад в 1978 году.
2. В продолжение нашей встречи я написала длинную записку президенту о том, что я думаю по поводу отношения русских людей и реальностей жизни в Советском Союзе, а также о моем собственном понимании Горбачева. И хотя меня строго предупреждали, что любые записки для президента не должны превышать полутора страниц, я исписала одиннадцать. Я сомневалась на этот счет и попросила совета у своего священника Епископальной церкви, стоит ли мне посылать ее. Он весело посоветовал: «Действуй. Он всегда сможет прочитать ее там, куда даже короли ходят пешком».

Глава 10

1. Shultz, p. 586.
2. Matlock, Jack F. Jr., *Reagan & Gorbachev: How the Cold War Ended*. New York: Random House, 2004, p. 143.
3. Matlock, p. 144.
4. Shultz, p. 586.
5. Matlock, p. 152.
6. Я возразила: «Говорите о двух годах!» Едва ли они это сделали...
7. Интервью по телефону автора с Макфарлейном (2010).
8. Matlock, p. 134.
9. Mann, James, *The Rebellion of Ronald Reagan*, New York: Viking, 2009, p. 66.
10. Ronald Reagan, *An American Life*, New York: Simon and Schuster, 1990, p. 640.
11. Интервью автора с Макфарлейном (1999).
12. Matlock, pp. 152–153.
13. Matlock, p. 164.
14. Anderson, Martin, *Revolution: The Reagan Legacy*. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1988, p. 83.
15. Shultz, p. 376.
16. Ibid.
17. Shultz, p. 466.

18. Интервью автора с Макфарлейном (1998).
19. Matlock, p. 166.
20. Ronald Reagan, *An American Life*, p. 567.

Глава 11

1. На рабочем столе президента Рейгана в Овальном кабинете стояла табличка: «Нет предела возможного для того, кто готов делиться славой» (англ. — «There is no end to the power you can have if you don't care who gets the credit»).
2. Пятидесятники были освобождены 12 апреля 1983 года.

Глава 13

Данный обзор является результатом личных наблюдений автора, основанных на изучении этой почти безрезультатной встречи, и не является детальным описанием сложных переговоров. Для тех из моих читателей, кто соберется обратиться к объемным официальным отчетам и дословным записям разговоров между Рейганом и Горбачевым, я привожу основные источники, к которым обращалась я сама в дополнение к газетным публикациям и сообщениям корреспондентов.

1. Shultz, p. 750.
2. Shultz, p. 758.
3. Шульц шутливо перевел для прессы эту русскую поговорку американским выражением «Богу мы доверяем, все остальные платят наличными» (англ. — «In God we trust, but all others pay cash»).
4. Горбачев М.С. *Жизнь и реформы*. Кн. 2. С. 27.
5. Shultz, p. 755.
6. Shultz, p. 757.
7. Shultz, p. 763.
8. *Пол Нитце* (Paul Nitze, 1907–2004) — известный и нередко противоречивый правительственный чиновник, служивший на высоких постах в нескольких администрациях. Всегда верил в военную и ядерную угрозу со стороны Советского Союза. Во время встречи в Рейкьявике был специальным советником по контролю за вооружениями президента Рейгана и госсекретаря Шульца.
9. Цит. по: Shultz, p. 763.
10. Matlock, p. 214.
11. Горбачев М.С. *Жизнь и реформы*. В 2-х кн. Кн. 2. С. 28.
12. Matlock, p. 222.
13. Shultz, p. 774.
14. Горбачев М.С. *Жизнь и реформы*. В 2-х кн. Кн. 2. С. 27.
15. Matlock, p. 232.

16. Shultz, p. 780.

17. Ibid.

18. Впрочем, его идея не умерла. В 1996 году генерал Гудпастер вместе с генералом Ли Батлером и адмиралом Юджином Кэрролом опубликовали заявление для Института глобальной безопасности, в котором выступали за полное уничтожение ядерного оружия, потому что оно «порождает неприятности и опасности» и не имеет «военного применения».

19. Shultz, p. 778.

20. Shultz, p. 777.

21. *Ronald Reagan an American Life*, New York: Simon and Schuster, 1990, p. 674.

22. Shultz, pp. 776, 780.

23. Горбачев М.С. *Жизнь и реформы*. В 2-х кн. Кн. 2. С. 31.

24. Там же. С. 31—32.

25. Там же. С. 32.

Глава 14

1. Публика была намного менее критична. Согласно ежегодному опросу Гэллапа в 1981 году, американцы назвали ее одной из десяти самых обожаемых женщин мира. В 1985 и 1987 годах она возглавляла список.
2. Ее фирменным стилем в одежде был «Nancy red», потому что красный (англ. *red*) был любимым цветом президента.
3. Она признавалась Мерву Гриффину: «Я пугаюсь каждый раз, когда он выходит из дома, и думаю, что едва дышу, пока он не вернется. Я страшусь момента, когда нужно выходить из машины или покидать здание». Цит. по: Patti Davis, *Angels Don't Die*. New York: Harper Collins, 1995, pp. 26—27.
4. Среди основных возражающих были: Кларк, Кейси, Уайнбергер, Бжезинский и Киссинджер.
5. Посчитав, что фильм «Америка» вызовет негодование зрителей и возбудит антиамериканские чувства, власти специально показали его по советскому телевидению.
6. Их гороскопы, быть может, содержали предупреждение: Нэнси была Рак (6 июля), «обидчивая, не прощающая», Раиса — Козерог (5 января), «сверхтребовательная, строгая».
7. Показательно, что этот вопрос и ответ Горбачева были удалены из телевизионной версии на советском телевидении.

Глава 15

1. Анатолий Добрынин служил советским послом в США в 1962—1986 годах при шести президентах США.

2. Korchilov, Igor. *Translating History*. New York: A Lisa Drew Book/Scribners, 1997, p. 12.
3. Среди обязательных приглашенных были: вице-президент Джордж Буш, министр обороны Фрэнк Карлуччи, госсекретарь Джордж Шульц, шеф протокола Селва Рузвельт, глава аппарата Белого дома Говард Бейкер, помощник госсекретаря по европейским и канадским делам Розанна Риджуэй, советник по вопросам национальной безопасности Колин Пауэлл и заместитель руководителя аппарата Кеннет Дуберштейн.
4. Барон де Бодиско прибыл из России в 1838 году в качестве чрезвычайного и полномочного посла и арендовал дом по адресу 3322, О-стрит. В том году он давал рождественский бал для двух своих племянников, студентов Джорджтаунского колледжа, на котором встретил шестнадцатилетнюю девушку Харриет Биолл Уильямс, с которой у 54-летнего дипломата начался сумасшедший роман. Они поженились в 1849 году, и в качестве свадебного подарка он приобрел для нее дом на О-стрит, где они счастливо прожили до его смерти в 1854 году. Он призывал свою жену выйти замуж после его смерти, чтобы кто-то еще «стал таким же счастливым, каким она сделала меня». И она выполнила это пожелание, выйдя замуж за британского дипломата в 1860-м.
5. Посол Байерли сказал мне, что Горбачев иногда произносил эту поговорку с американским акцентом, имитируя произношение Рейгана.
6. Госпожа Рейган выказала аналогичным образом свое расположение и другим дамам, пришедшим без спутников: Клодетт Кольбер, госпоже Ральф Банч, Крис Эверт и Мэри Лу Реттон.
7. Александр Яковлев: как же ошибочны были первоначальные оценки Яковлева в Америке. Сейчас мы знаем его как «отца гласности» и видим в нем интеллектуальную силу, стоявшую за программой гласности и перестройки Горбачева, называем его маяком демократического политического процесса в России.
8. За президентским столом сидели: президент Рейган, госпожа Горбачева, посол Вернон Уолтерс, госпожа Уильям Кроу-мл., господин Дональд Петерсон (глава «Форд Мотор корп.»), госпожа Ральф Банч, доктор Эдмунд Эдвард Теллер, госпожа Джин Киркпатрик. За столом госпожи Рейган: госпожа Рейган, господин Горбачев, Дик Чейни, госпожа Зубин Мета, доктор Джеймс Биллингтон, господин Роберт Страус, госпожа Ричард Хелмс, господин Ричард Перл.
9. В отличие от французов, обменивающихся двумя поцелуями, по одному в каждую щеку, русские целуются трижды, потому что говорят: «Бог любит троицу».

Глава 16

1. TIME, February 14, 1983.
2. «Офицером КГБ можно стать только после очень тщательного отбора. Вы не сделаете карьеры, если не проявите свой ум и профессионализм, не будете дисциплинированы и организованны. Это была единственная имеющая значение часть общества, не затронутая коррупцией». Бывший офицер КГБ, сейчас бизнесмен в Москве.
3. Через шесть недель после того, как он стал генеральным секретарем, Горбачев получил рабочее большинство в Политбюро, в которое вошли глава КГБ Виктор Чебриков, ставший из кандидатов полноценным членом этого органа, а также его ближайшие советники Егор Лигачев, Николай Рыжков. 26 февраля 1986 года, спустя несколько месяцев после прихода Горбачева к власти, съезд партии осуществил ряд важнейших изменений в составе Центрального Комитета, и 40 процентов членов ЦК вышли из него. В своей пространной книге Джек Мэтлок пишет: «Консолидация власти, осуществленная Горбачевым в первый же год, была великолепным политическим маневром» (Jack Matlock. Autopsy of an Empire, p. 54).
4. Когда в 1984 году мой друг художник Дмитрий Шагин получил приглашение на прием в консульстве США 4 июля, его вызвали в КГБ и предостерегли от посещения, по причине того, что «все американцы — шпионы». Шагин ответил шутливо: «Если они все шпионы, то почему вы их не арестуете?» — и отправился на прием.
5. *Резидент* — лицо, руководившее разведкой и шпионажем.
6. Бывают случаи, когда иконы «плачут» из-за влаги и пахнут ладаном. Такие капли считаются чудотворными.
7. *Nicholas and Alexandra, Land of the Firebird, The Living Mirror.*
8. The New York Times, August 21, 1987.
9. Лука, 10:25.
10. Сегодня их называют авангардом новой России.

Глава 17

1. Сейчас он называется Центр Дэвиса по российским и евразийским исследованиям (The Davis Center for Russian and Eurasian Studies).
2. Letter from Senators William Cohen and John Heinz to the Honorable Ronald W. Reagan, June 3, 1986, Presidential library WORM files PEOO2 case file.
3. *Александра Коллонтай*, первая женщина-посол современности, назначена послом в Норвегию в 1923 году. Позднее была послом в Мексике (1926—1927) и Швеции (1930—1945).
4. *Пол Хлебников*, отважный русско-американский журналист-расследователь, работавший для журнала «Форбс», был убит возле своего офиса в Москве в 2004 году. Преступление не раскрыто до сих пор.

Глава 18

1. Была одна неделя, когда мне позвонили 150 журналистов.
2. Я сделала только одно исключение из своих правил общения с журналистами. Когда в 1987 году в Вашингтон приехал Горбачев, один особо настойчивый репортер из «Ньюсдей» докучал мне, постоянно задавая один и тот же вопрос: «Как вы встретились с президентом?» Тогда я позвонила Макфарлейну и спросила: «Могу я сказать, что это вы послали меня?» — «Пора», — ответил тот. И все равно я сказала репортеру только то, что меня послали в качестве неофициального канала связи и что в результате «обе стороны вновь взялись за телефонные трубки».
3. Численный состав и бюджет аппарата президента окутан некоторой тайной, потому что многие сотрудники числятся по другим ведомствам. По оценкам, в аппарате работают от двух до шести тысяч человек, а годовой бюджет составляет от 300 до 750 миллионов долларов.
4. Во время поездок президента Джорджа У. Буша сопровождали 250 агентов секретной службы, 150 советников по вопросам национальной безопасности, 50 политических секретарей из Белого дома, 200 представителей других департаментов США, личный шеф-повар с командой из четырех поваров и 15 собак-нюхачей. Президент пользуется двумя идентичными самолетами «Боинг 747-200», и есть еще третий специальный самолет «Джамбо», а также вертолет Сикорского «Си Кинг», вертолет «Блэк Хоук», две идентичные кавалькады из 20 бронированных автомобилей, включая лимузины.
5. Фрэнк Карлуччи (Frank Carlucci) служил в должности советника СБ лишь один год, с 1986 по 1987-й, и затем был министром обороны в 1987—1989 годах.
6. James Mann, *The Rebellion of Ronald Reagan: A History of the End of the Cold War*. New York: Viking, 2009, p. 105.
7. Mann, p. 107.
8. *Reagan, Ronald, An American Life*. Edited by Kiron Skinner, Annelise Anderson & Martin Anderson. New York: Simon & Schuster, 1990.
9. Mann, p. 108.
10. Interview with Frank Carlucci, Miller Center, University of Virginia, August 28, 2001.

Глава 19

1. В 1974 году Шульц ушел с поста министра финансов, перейдя на работу в корпорацию «Бектел», одну из крупнейших строительных и инженерных компаний мира. На следующий год он стал президентом корпорации и оставался на этом посту до 1982 года, когда был назначен государственным секретарем.

2. George Shultz, p. 720.
3. Очевидно, Шульц узнал, что мощность высвобожденной энергии при аварии в Чернобыле была равна мощности всего одной боеголовки (Shultz, p. 724).
4. Шеварднадзе и Шульц трижды встречались в Вашингтоне и четырежды в Нью-Йорке, и это были напряженные личные встречи, на которых кроме них присутствовало по одному человеку с каждой стороны. Окончательное решение вопроса, ставшее результатом героических усилий Шульца по поиску взаимоприемлемого решения, предусматривало освобождение Данилоффа и еще одного лидера диссидентского движения (Натана Щаранского. — *Примеч. ред.*), а также его жены и двух «отказников»-евреев, прибывших в США в начале октября. Захаров был осужден, приговорен к пяти годам заключения, выпущен на поруки, и ему разрешили вернуться в СССР.
5. Wikipedia, William J. Casey, https://en.wikipedia.org/wiki/William_J._Casey.
6. Shultz, p. 570.
7. Reagan diary (February 25, 1987).
8. В семидесятые—восьмидесятые годы, последовавшие за хрущевской «оттепелью», получила известность группа писателей-«деревенщиков», чьи произведения представляли собой грустные и ностальгические рассказы о жизни и упадке деревни в Советском Союзе. В их числе была и трогательная повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой» (вышла в свет в 1976 году. — *Примеч. ред.*), на основе которой был создан фильм («Прощание», 1981 год. — *Примеч. ред.*), собравший обширную аудиторию. В то же самое время был создан и советский фильм о деревне, которую терроризировали амнистированные уголовники («Холодное лето пятьдесят третьего», 1987 год. — *Примеч. ред.*).
9. Фильм «Покаяние» получил Гран-при на фестивале в Каннах в 1987 году и другие награды на международных кинофестивалях, и, что поразительно, вся трилогия («Мольба» (1968), «Древо желания» (1976), «Покаяние» (1984). — *Примеч. ред.*) была удостоена Ленинской премии в 1988 году.
10. Shultz, p. 879.
11. Хелена Мари О'Брайен (Helena Marie O'Brien), которую всю жизнь звали просто Оби (O'bie), служила лейтенантом в Армейском санитарном корпусе во время Второй мировой войны и в этом качестве принимала участие в захвате Филиппин в 1944 году. Она вышла замуж за Шульца в 1946-м и активно поддерживала мужа на протяжении всей его карьеры.
12. Оби умерла в возрасте 80 лет в 1995 году. В 1997-м Шульц женился на высокопоставленной служащей электростанции в Сан-Франциско Шарлотте Мейльярд Свиг.

Глава 20

1. В 1990 году, после смерти Пимена, первым патриархом в советской истории свободно и без давления властей был избран Алексей II. Кандидаты выдвигались снизу, а голосование было тайным.
2. Колокола оставались в Гарварде на протяжении семидесяти семи лет, пока в 2007 году богатый промышленник Виктор Вексельберг не приобрел их и не оплатил транспортировку обратно в Россию. Он также возместил стоимость изготовления колоколов, заменивших возвращенные.
3. Игорь Корчилов, на протяжении 29 лет работавший переводчиком высших советских руководителей, чья книга «Переводя историю» (*Translating History*) повествует о его длительной карьере в этом качестве, посвящает яркую главу московскому саммиту, показывая его таким, каким он представлялся в глазах русских людей. Корчилов был переводчиком Горбачева во время визита в Вашингтон в 1987 году, и Рейган произвел на него сильное впечатление. См.: Korchilov, p. 151.
4. Korchilov, p. 154.
5. Korchilov, p. 155.
6. Это было предположение Джорджа Шульца, названное им «моим личным триумфом». См.: Shultz, p. 1104.
7. На протяжении многих лет я не раз бывала гостей в Спасо-хаусе. Однажды посол Хартман даже разместил меня в главных (президентских. — *Примеч. ред.*) апартаментах.
8. Reagan diary, Sunday, May 29, 1988.
9. Членами американской делегации были: Джордж Шульц, Фрэнк Карлуччи, Говард Бейкер, Колин Пауэлл, Пол Нитце, Эдвард Роуни, Розанна Риджуэй, Джек Мэтлок.
10. National Security Directive, #305.
11. Вот пример упрямого американского неверия в Горбачева: в феврале 1988 года, во время разговора с Джорджем Шульцем, Горбачев заявил, что советские войска начнут уходить из Афганистана начиная с мая и полностью вывод войск будет завершен весной 1989 года. Узнав об этом, шеф ЦРУ Роберт Гейтс и советник СНБ по советским делам поспорили на 25 и 50 долларов соответственно, что этого никогда не будет (а уход состоялся).
12. Memorandum of conversation, Second Plenary Meeting, June 1, 1988, Reagan Library.
13. Korchilov, p. 179.
14. Matlock, p. 299.
15. Я не вдаюсь в детали этих упорных и упертых переговоров о вооружениях. Если кто-то из читателей моей книги желает ознакомиться с этими документами более внимательно, то следует обращаться к электронным вер-

сиям в Национальные архивы по безопасности (National Security Archives) (книги 251 и 305), а также к подробным книгам Шульца и Мэтлока.

16. National Security Archives, #305.

17. Korchilov, p. 141.

18. Korchilov, p. 142.

19. Korchilov, p. 165.

20. Все цитаты взяты из полного текста речи Рейгана в Даниловом монастыре, хранящегося в Библиотеке Рейгана.

21. Matlock, p. 302.

22. Matlock, p. 300.

23. Doder and Branson, Gorbachev, p. 320.

24. Matlock, p. 302.

25. Ibid.

26. Gorbachev, Memoirs, p. 457.

Глава 21

1. Mann, p. 93.

2. Shultz, p. 720.

3. Через шесть месяцев после того, как Рейган покинул пост президента, 4 июля 1989 года его сбросила необъезженная лошадь, когда он гостил на частном ранчо своего давнего друга в Мексике. Он ударился головой о камень и получил очень сильный ушиб головного мозга. Через два месяца Рейгана прооперировали в клинике Майо и удалили жидкость из мозга. Считается, что этот несчастный случай ускорил развитие болезни Альцгеймера. См.: *Ronald Reagan, Reagan: A Life in Letters*. New York: The Free Press, 2003, p. 79.

Глава 22

1. Рейган диктовал свое письмо, и когда лента магнитофона закончилась, он добавил к нему письменное окончание (ок. 1980 г.). См.: *Ronald Reagan, Reagan: A Life in Letters*. New York: The Free Press, 2003, p. 79.

2. Рейган упражнялся ежедневно, даже когда был в поездке. Для того чтобы он мог восстановиться после покушения, ему устроили специальную комнату возле спальни.

3. Из уважения к своей должности Рейган всегда носил пиджак, когда находился в Овальном кабинете.

4. Интервью автора с Горбачевым в Москве (1999).

5. Как говорит моя любимая парикмахерша в Ленинграде Зинаида: «Господь дал мне язык и возможность им пользоваться!»

6. George Shultz, Strober, p. 119.

7. Заметки Рейгана экспонируются в Музее Библиотеки Рейгана: Reagan Presidential Foundation.
8. См. Введение к книге: Reagan: A Life in Letters, p. xiii.
9. Judge Abraham Sofaer: Legal Advisor to State Department until 1990, Senior Fellow at The Hoover Institution, Strober, p. 99.

Эпилог

1. Matlock, p. 326.
2. Текст в скобках также высечен на надгробии.

Масси, Сюзанна

М32 «Доверяй, но проверяй!» Уроки русского для Рейгана: Мои воспоминания / Пер. с англ. О.А.Зимарин, М.Ю. Булыгина М.: Издательство «Весь Мир», 2018, 416 с., ил.

ISBN 978-5-7777-0694-2

Воспоминания американской писательницы и историка содержат подробный рассказ о вкладе автора в улучшение отношений между СССР и США в середине 80-х годов XX века и в прекращение холодной войны. Будучи признанным знатоком русской культуры, автором нескольких книг, посвященных России, в том числе «Земля Жар-птицы. Краса былой России», «Павловск: жизнь русского дворца», С. Масси приложила неоценимые усилия для налаживания взаимопонимания между Белым домом и Кремлем, между президентом США Р. Рейганом, доверенным советником которого она стала, и Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. Книга содержит множество неизвестных подробностей дипломатических и межгосударственных отношений двух стран, а также великолепно показывает, как можно и необходимо преодолевать взаимное недоверие и враждебность, косность бюрократического аппарата, когда у лидеров стран есть стремление к миру и сотрудничеству.

УДК 82-94 + 327
ББК 66.3(7Coe)6

Сюзанна Масси

**«Доверяй, но проверяй!»
Уроки русского языка для Рейгана:
Мои воспоминания**

Редактор: *В.А. Демьянович*

Корректор: *Н.П. Морозова*

Художник: *Е.А. Ильин*

Верстка: *С.А. Голодко, Н.А. Кузнецова*

Подписано к печати ~~20.11.2017~~ 20.11.2017 г.

Формат 70х100 ¹/16. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 26,0

Тираж ~~1500~~ экз. Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»

Адрес: 127214, Москва,

Ул. Софьи Ковалевской, д. 1, стр. 52

Тел./факс.: (495) 632-47-04

Email: info@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1.

Веб-сайт: www.chpd.ru,

e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-7777-0694-2

9 785777 706942

С художником Дмитрием Шагиным и фотографом
Борисом Смеловым. Ленинград, 1983 год

Дома у художника Юрия Петроченкова и его жены Нелли, в окружении их коллекции
икон и работ непризнанных художников. Ленинград, 1984 год

Молодые поэты на поэтических чтениях в коммунальной квартире.
Ленинград, 1972 год

Константин Кузьминский

Три ленинградских поэта

Олег Ошапкин

Виктор Соснора

RON HALL, AIR FORCE PHOTOGRAPHER

Толпа верующих на литургии в Троице-Сергиевой Лавре. Пасхальная ночь, 1988 год

С епископом Василием Родзянко и прихожанами у отреставрированной часовни в Царском Селе, где молились Николай II и императрица Александра

COURTESY OF THE REAGAN LIBRARY

Встреча президента Рейгана и папы Иоанна-Павла II в музее виллы Визкайя, Майами, Флорида. 10 сентября 1987 года

В своем провидческом письме в 1981 году Рейган писал:
«Я чувствую... что в Советском Союзе религия вполне может оказаться
их ахиллесовой пятой». Он был прав

COURTESY OF THE REAGAN LIBRARY

Первая встреча с президентом Рейганом, Овальный кабинет, Белый дом.
17 января 1984 года

COURTESY OF THE REAGAN LIBRARY

Встреча за ланчем с президентом Рейганом и Робертом Макфарлейном,
Овальный кабинет. 1 марта 1984 года

COURTESY OF THE REAGAN LIBRARY

Встреча за ланчем с президентом и госпожой Рейган в дворике-патио Белого дома, созданном по замыслу госпожи Рейган возле Овального кабинета. 2 июня 1986 года

COURTESY OF THE REAGAN LIBRARY

На консультативной встрече президента с учеными, занимающимися изучением Советского Союза, перед его поездкой в Москву, кабинет Рузвельта, Белый дом. Март 1988 года

COURTESY OF THE REAGAN LIBRARY

Встреча с президентом Рейганом, Овальный кабинет. 11 марта 1988 года

COURTESY OF THE REAGAN LIBRARY

Я приветствую Михаила Горбачева на Государственном ужине, Белый дом.
8 декабря 1987 года

Игорь Филин, полковник КГБ и секретарь Советского комитета защиты мира встречает мать Терезу в Москве. Август 1986 года

Вместе с моим внуком Сэмом, Игорем и его внучкой Машей на презентации моей книги «Земля Жар-птицы» в Москве. 2000 год

А.А. Бессмертных и Рональд Рейган

Анатолий Собчак, первый демократически избранный мэр Санкт-Петербурга, на моем дне рождения, который я отмечала в резиденции Генерального консула США в Санкт-Петербурге Джона Эванса *(на заднем плане)*

С моим большим другом Анатолием Михайловичем Кучумовым,
главным хранителем Павловского дворца-музея. 1983 год

Художница-реставратор из Эрмитажа знакомит меня со своим внуком,
дворец в Павловске. 1986 год

В окружении четырех участников казацкого хора на ежегодном празднике открытия фонтанов Петергофа. 26 мая 1988 года

В день сенсационного открытия первого ресторана «Макдоналдс» в Москве, когда его заполнили тысячи радостных москвичей. 1990 год

RON HALL, AIR FORCE PHOTOGRAPHER, 1988

Я беседую с сенаторами Симпсоном и Джонстоном. 1988 год

RON HALL, AIR FORCE PHOTOGRAPHER, 1988

Беседа с сенатором Тимоти Уиртом на борту специального самолета Air Force Two. 1988 год

RON HALL, AIR FORCE PHOTOGRAPHER, 1988

На встрече в конференц-зале Кремля. 1988 год

RON HALL, AIR FORCE PHOTOGRAPHER, 1988

В Кремле с сенатором Уиртом и генералом Николаем Червовым, главным советником Горбачева по СОИ. 1988 год

COURTESY OF THE REAGAN LIBRARY

Последний ланч с президентом и госпожой Рейган в рабочей части Овального кабинета, Белый дом, 1 августа 1988 года. Присутствуют также: советник по вопросам национальной безопасности Колин Пауэлл и глава аппарата Белого дома Кеннет Дуберштейн

SINGLE FRAME, LENINGRAD DOCUMENTARY FILM

Я встречаю бывшего президента и госпожу Рейган на ступеньках Павловского дворца, 10 сентября 1990 года. Мы окружены целой толпой обрадованных этим неожиданным событием людей. В тот день я видела президента последний раз

Она самый большой знаток русского народа, которого я знаю.

Рональд Рейган, запись о Сюзанне Масси в дневнике, 20 мая 1986 г.

Сюзанна Масси (Suzanne Massie) родилась в США в семье швейцарского дипломата. Получив блестящее образование в Америке, стажировалась в Парижском университете, где познакомилась с литератором Робертом Масси, за которого вышла замуж. У их сына Роберта оказалась врожденная болезнь – гемофилия, «болезнь королей». Сражаясь с заболеванием (история этой борьбы, закончившаяся позже чудесной победой, описана в их книге «Путешествие», 1975) и знакомясь с литературой, которая могла им помочь, родители узнали, что гемофилией страдал сын императора Николая II – Алексей. Так у двух литераторов возник интерес к трагической истории семьи Романовых.

В результате появилась книга «Николай и Александра» (1967), ставшая основой для одноименного фильма (1971). Весной 1967 года С. Масси побывала в СССР. С тех пор она много раз посещала нашу страну. Она выучила русский, увлеклась культурой России, сумела издать в Англии поэтический сборник «Живое зеркало: пять молодых поэтов Ленинграда» (1972), сама написала еще две книги: «Земля Жар-птицы. Краса бывлой России» (1980) и «Павловск: Жизнь русского дворца» (1990), переведенные на русский язык.

*Встреча двух авторов.
С Михаилом Горбачевым, Москва, февраль 2017 г.*

Книги, публичные лекции не только сделали ее известной, но и породили в Масси желание содействовать выводу из кризиса отношений России и Америки. Она считала, что проблема заключалась в отсутствии взаимопонимания между лидерами. Ей удалось пробиться в Белый дом. Президент США Рональд Рейган (1981–1989) доверял ей, и она при-

няла участие в наведении мостов в отношениях с СССР в середине 80-х годов. Воспоминания о встречах с Рейганом и о своей роли неофициального посланника в Москву С. Масси решила описать в новой книге. Работа над ней заняла несколько трудных лет, когда автору пришлось ухаживать за вторым мужем – выдающимся математиком, программистом и психологом Сеймуром Пейпертом (1928–2016), тяжело пострадавшим в аварии.

На английском языке книга под названием "Trust but Verify. Reagan, Russia and me" вышла в свет в 2014 году. На русском языке публикуется впервые.